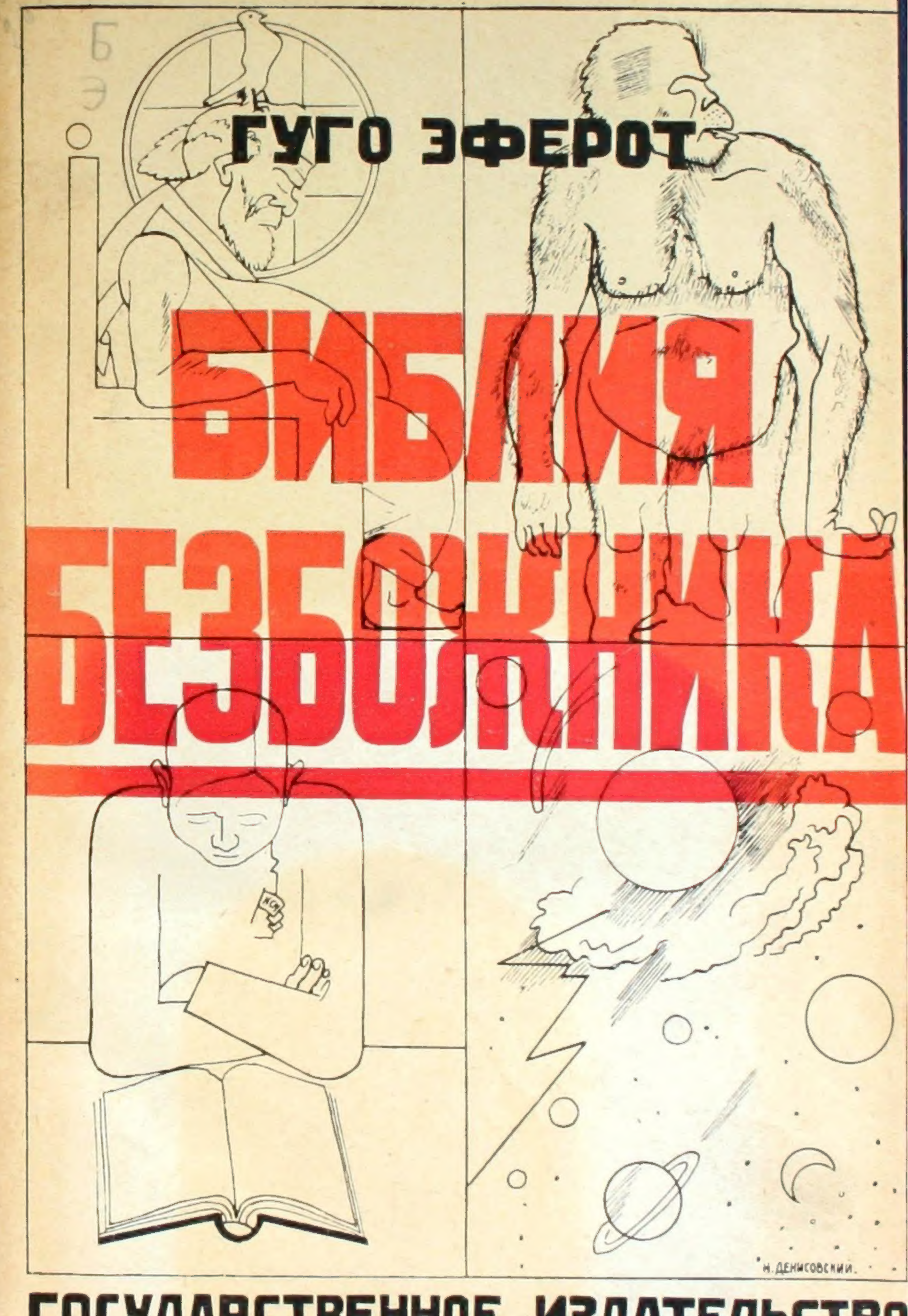

ГУГО ЭФЕРОТ
БИБЛИЯ БЕЗБОЖНИКА
Н. ДЕНИСОВСКИЙ
ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО

Гуго Эферот

БИБЛИЯ БЕЗБОЖНИКА

ПЕРЕВОД С НЕМЕЦКОГО

ВТОРОЕ ДОПОЛНЕННОЕ ИЗДАНИЕ

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА — 1925

Главлит № 28.161. Тераж 10.000 экз.

Типография „Красный Пролетарий“, Пименовская 1/16.

ОТ ИЗДАТЕЛЬСТВА.

«Библия безбожника», предлагаемая в переводе русскому пролетарию, как новое оружие в арсенале его антирелигиозной борьбы, написана т. Гуго Эферотом для немецкого революционного рабочего. Эта новая «Библия», которая должна послужить противовесом поповской библии, с целью разоблачения поповских сказок, рождена великой мировой революцией против основ капиталистического мира, против его экономических фундаментов и против идеологических надстроек, где, по темным углам буржуазных чердаков, ютятся ночные дряхлые, полуслепые, но все еще кровожадные и сильные упыри христианства.

Когда рушится фундамент, не может не завалиться чердак. Когда удары революции поражают капиталистов, не может не кричать от боли поп. Когда торжествует коммунизм, погибает религия. И это — всемирное явление. Совершенно лишено основания утверждение, будто большевики в России отличаются исключительной и своеобразной враждой к религии. Крушение религии—это естественное и необходимое следствие революционной борьбы. Книга т. Эферота является прекрасным подтверждением того факта, что антирелигиозная борьба во всем мире составляет необходимую часть общего пролетарского фронта против капитализма.

Христианство сознательно и обдуманно связало свою судьбу с судьбой господствующих классов. Оно сознательно и обдуманно связало себя с религией вообще. Вместе с капитализмом падает христианство. Вместе с христианством падает религия. Мы являемся счастливыми свидетелями той эпохи культурной истории человечества, когда погибают последние, хотя еще чрезвычайно крепкие и закоренелые,

как застарелая дурная болезнь, пережитки религии. Еще большее счастье, что мы—участники этой борьбы, ведущейся в Союзе Советских Республик, как по всей Европе так и в двух Америках.

Разумеется, борьба против общего врага не может вестись повсюду одним и тем же оружием. Этот враг многолик и изменчив. Религия христианства едина только в церковных догматах. На практике она так же многообразна, как различны классовые условия, породившие и поддерживающие ее. Современные американские религии христианства чрезвычайно разнятся от восточного православия, бесславно доживающего свои последние дни в темных углах народного невежества. Разница между ними такая же, как между темным крестьянином, задавленным духовно тяжким наследием многовекового крепостничества, и американским миллиардером, живущим на Пятом авеню и не знающим границ ни своему богатству, ни власти над рабочим населением своих предприятий.

Католичество капиталистической Франции, лютеранство юнкерско-буржуазной Германии, в свою очередь, разнятся между собой и совершенно непохожи на веру русских крестьян или американских буржуа. «Библия безбожника» направляет свои удары против двух церковных врагов, с которыми в первую очередь должны бороться немецкие коммунисты: против католичества и лютеранства. Это не значит, разумеется, что т. Эферот ничего не говорит о христианстве вообще или о религии, как таковой. На отдельных ярких примерах легко обнаружить руководящие законы, определяющие происхождение и развитие общественного явления в его полноте и целостности. Так, наблюдая печальную историю и жалкий исторический конец католичества и лютеранства, мы выясняем, вместе с тем, судьбы религии вообще. Все, что сказано в «Библии безбожника» о жизне-радостных и жирных католических патерах, о мрачных и самодовольных лютеранских проповедниках, с таким же основанием относится к бритым джентльменам, стоящим во главе американских сект, и к русским длинногривым чернорясым попам.

Религиозные диспуты в России ведутся вокруг тех же самых острых вопросов, на почве которых дает бой попам т. Эферот. Мировой капитализм производит религиозность штампованного буржуазного образца, как на своих фабриках вырабатывает типические изделия промышленности. Да и сама церковь слишком остро чувствует непреодолимую силу своего пролетарского врага, чтобы позволять себе роскошь раздоров и расколов тех времен, когда вопрос не ставился: «веришь или не веришь?», а «как веришь?», когда сомневались не в существовании бога, а в способах поклонения этому небесному призраку.

Если бы сейчас попы хоть на момент вспомнили свои старые символы веры и старые разногласия из-за их толкования, они должны были бы, как встарь, перегрызть друг-другу горло, борясь за правильный смысл веры. Но теперь не до распрей. Русский священник с величайшей готовностью пускает в ход католические умственные ухищрения, когда-то осуждавшиеся им, как ересь. Лютеранский проповедник забыл свою вражду к папскому Риму, потому что стоит на общей с ним социальной платформе идеологической защиты господства крупной буржуазии. Все попы в мире, несмотря на разницу своих черных лакейских ливрей, носят в груди одно сердце, бьющееся горячей любовью к капиталу. Будущая гибель и современное состояние церквей одинаковы для всех вероисповеданий, но прошлое у них различно. Так как т. Эферот рассказывает в своей книге о судьбах религий со времени их возникновения вплоть до современности и, главным образом, останавливается на католичестве и лютеранстве, то понимание его книги, как ни популярно и легко она написана, представляет некоторые трудности для русского читателя. Здесь постоянно упоминаются факты европейской истории, употребляются понятия, характерные для западных церквей и сравнительно чуждые церкви восточной.

Поэтому необходимо предупредить о глубоких различиях трех основных христианских церквей, сильно сглаженных уравнивающей силой капиталистической культуры, но чрезвычайно значительных в прошлом, когда три религии бо-

ролись за мировое господство друг против друга и против других, главным образом, восточных, религий. Т. Эфероет изучает католичество и лютеранство в их самых типичных проявлениях. Для изучения и опровержения он берет заостреннейшую и отвратительнейшую форму католицизма,—ученый иезуитизм, пропаганду монахов ордена Иисуса, тех иезуитов, которые в течение всего нового времени стояли на передовом посту католической церкви и защищали ее и ее господство всеми средствами, начиная грубым насилием и кончая утонченнейшей международной дипломатией, начиная откровенным и грубым обманом «во славу божию», кончая изысканнейшей фальсификацией науки, искалеченной и изнасилованной тоже «во славу божию». Иезуитизм—одновременно и самая отсталая, и самая современная форма религиозного насилия над умами народных масс. Иезуиты в неприкосновенности сохранили дух средневековья, его презрение к природе и безграничное уважение к слову, к словесности, к нелепым и бесконечным спорам о смысле слов и понятий, к особого рода логике, позволяющей выворачивать наизнанку смысл слов так, чтобы путем неимоверных натяжек и фокусов добиться желательного смысла, полезного для религии. Иезуиты очень современны потому, что они для своих целей пытались воспользоваться всей современной наукой. Сотни иезуитов, в порядке орденской дисциплины, занимаются изучением всех наук, истории, естествознания, даже математики, чтобы посредством их фальсификации укрепить шатающуюся, как больной зуб во рту человечества, религиозность.

Нравственные основы учения иезуитов представляют собой чрезвычайно хитроумную систему использования дурных сторон человеческой природы. Изучая человеческие страсти, иезуиты овладевают ими, не брезгуя даже половыми уродливостями или извращениями своих верноподданных верующих. Иезуиты не смущались никакой нравственной грязью, проникая в самые темные тайники половых извращений, овладевая ими при помощи исповеди, используя их и злоупотребляя ими. Сами иезуиты не стояли выше обычных и грубых страстей пасомого ими человече-

ского стада. Поэтому собственная история иезуитизма представляет странное смешение крайностей уродливого подавления нормальных влечений и такой же уродливой разнузданности, разрешающей самые отвратительные плотские наслаждения или скрывающей их под священнической одеждой.

Не надо быть марксистом, не надо быть коммунистом, чтобы уметь понять и обличить темные стороны иезуитизма (а светлых сторон эта гвардия католицизма вообще не имеет), ибо уже давно сторонники учения буржуазного реформатора церкви Лютера штурмовали твердыни римского престола святейшего папы. Одновременно с иезуитами оценивая по достоинству их лютеранских противников, т. Эферот блестяще доказывает, что лютеране, гордящиеся своим превосходством перед католиками, нисколько не лучше их.

Тов. Эферот берет лютеранство, опять-таки, в его типичнейших современных проявлениях, в лице либеральной школы ученых богословов, изучающих историю религии и ее духовные ценности с точки зрения разума и справедливости. Резче всего он нападает на крупнейшего представителя этой либеральной школы, на Рудольфа Эйкена, которому принадлежит большая работа о средневековом миросозерцании, написанная для оправдания и прославления лютеранства.

Своими половинчатыми уступками науке и здравому смыслу, своим стремлением очеловечить религию и «обуржуазить» Христа, либеральные протестантские богословы умели соблазнять доверчивое мещанство, вместе с ними возмущавшееся католиками-иезуитами и презиравшее невежественных русских попов, не доросших до лицемерной и двусмысленной учености господ профессоров Гарнака, Пфлейдерера или Эйкена. «Библия безбожника» кладет конец иллюзиям возможности чистой, подлинно нравственной религии подлинного Христа, будто бы явившегося на землю лишь для того, чтобы исповедывать жалкие пошлости современного немецкого мещанина. Лютеранские свободомыслящие полупопы-полупрофессора правильно разоблачают

католиков,—говорит т. Эферот,—но сами они нисколько не лучше своих противников и в практике своей церковной работы, и в умении туманить мозги.

Русские попы, два века назад пережившие полосу увлечения католицизмом или лютеранством, смотря по социальным склонностям своей правящей иерархии, остановившиеся тогда на полпути между византийско-самодержавной церковью и новыми религиозными движениями на Западе, теперь чрезвычайно охотно возвращаются к былым увлечениям своих предков, потому что византийская церковь вообще не была склонна мыслить, а борьба за существование теперь рождает чудо: мыслящего попа...

Современный священник, живущий в вечном страхе уменьшения доходов вследствие своей неспособности удовлетворить любознательность прихожан, которые засыпают его множеством вопросов,—наивных и лукавых,—почерпнутых из антирелигиозной коммунистической литературы, не в состоянии ничего найти в скудном запасе церковных истин, заученых им из византийского богословия. Поэтому он вынужден обращаться за помощью к иезуитским патерам и лютеранским пасторам, пользуется их богословием и, как умеет, как может, сопротивляется антирелигиозной волне. Конечно, православие терпит при этом чувствительный ущерб. Сто лет назад попа расстригли бы, а двести лет назад и сожгли бы, если бы он вздумал рассказывать, что таинство святого причащения творится в воспоминание тайной вечери Христа, и что хлеб и вино претворяются в тело и кровь символически, а не реально. На самом деле,—по учению православия,—вино действительно становится кровью, и хлеб есть человечье мясо самым достоверным и подлинным образом. Но так как никто сейчас, даже из верующих, не решится, пользуясь грубым и сильным выражением Льва Толстого, «жрать мясо собственного бога», то попам пришлось итти на ересь, лишь бы спасти свою церковную предпринимательскую прибыль, в виде доброхотных даяний паствы.

Таким образом, «Библия безбожника», нанося удары католикам и лютеранам, коевенно, но очень больно, бьет

русских священников, примазавшихся к европейской церковной мудрости. В особенности это относится к тем главам «Библии безбожника», где она, следуя порядку библии верующих, разоблачает церковную ложь сотворения мира и заменяет ее современной научной картиной происхождения и строения мироздания. Еще не так давно святейший синод сослал бы в монастырь священника, который бы вздумал согласовывать библию с наукой и разъяснял бы, что бог не вмешивается в дела мира, а является только первоначальным толчком, той силой, которая пустила в ход механизм вселенной, отказавшись от нарушения установленных божественной силой незыблемых законов природы. Но теперь рассказывать по старинке, что бог в 144 рабочих часа состряпал мир из ничего, может-быть, и соответствует правильному толкованию священного писания, но неизбежно навлечет на попа слишком злые насмешки. Поэтому русский священник не стесняется пустить в оборот доводы Вольтера, Канта и современных иезуитов, часто даже не зная источника своей мудрости и, во всяком случае, даже не понимая глубины греха ереси, совершаемого им в процессе его словоблудия.

Таким образом, книга т. Эферота не только не уменьшается в ценности от того, что она трактует о чуждых нам церковных и религиозных явлениях Запада, но удваивается в своей ценности, потому что одновременно обнаруживает источники религиозного усердия русских попов и разоблачает их.

В немецком подлиннике книга т. Эферота имеет боевой подзаголовок: «Арсенал воинствующих свободных мыслителей в борьбе против суеверия и одурачивания народа». Этот своеобразный подзаголовок правильно выражает сущность книги. Это действительно арсенал, это действительно склад оружия, выкованного свободной мыслью в течение последних двух веков в борьбе с религией и церковью. Это итог всего, что было сделано и продумано воинствующими атеистами, друзьями науки, врагами религии. Следуя шаг за шагом за всеми догматами религиозных учений, критикуя библию, разбирая евангелие, прослеживая исто-

рию церкви от «времен первоапостольских» до современности, т. Эферот действительно строит «Библию безбожника» или научную библию, параллельную и враждебную библии, будто бы, боговдохновенной. В этом смысле его работу можно смело назвать самой полной из всех антирелигиозных книг, вышедших за последние годы в России и на Западе.

Разумеется, недостаточно быть безбожником, чтобы во всем и вполне согласиться со всем тем, что говорит другой безбожник. Неверующие в этом не уподобляются попам, готовым брать уроки богословия хоть у самого дьявола и плести,—выражаясь мягко,—чорт знает какую ересь, лишь бы поддержать свой падающий авторитет. В книге т. Эферота есть места и мысли, с которыми согласится не каждый марксист. Его попытка изложить подлинные события из жизни Христа, если только Христос когда-нибудь существовал, скорей похожа на небольшой фантастический роман, чем на биографию предполагаемого мыслителя и деятеля. Философские главы «Библии безбожника», обнаруживающие в ее авторе верного и последовательного ученика Дицгена, не будут приняты от слова до слова учениками Плеханова. Но попы хорошо знают цену таким разногласиям и редко находят в себе смелость радоваться им. И на это есть уважительные причины. Если три человека увидели в отдалении грозный шум и два белых глаза, и один из них сказал, что это мчится дьявол, а двое других сказали, что это автомобиль, при чем поспорили между собой по вопросу, грузовик это или легковая машина, то их разногласие вовсе не служит доказательством того, что они неправы, и что третий правильно сказал, будто явился дьявол. Верно отмечено основное явление, а его подробности—дело углубленного выяснения и могут служить предметом спора, нисколько не колебля основы.

Если три человека изучают библию, и один из них сказал, что бог воплощался в человека, а двое других возразили, что история делается людьми, а не божеством, и что евангелие отражает в себе идеологию социальных движений в эпоху цезарей, то совершенно неважно для сущности дела, если один говорит, что в образе Христа отражается в иска-

женном виде история какого-то человека, а другой возражает, что даже человека этого не было, потому что о нем нет никаких достоверных сведений. От спора их между собой верующий в бога-Христа, вочеловечившегося и воплотившегося, не выиграет, а проиграет.

Необходимо твердо и ясно понимать, что разногласия между атеистами по отдельным вопросам критики религии—совершенно не то же самое, что разногласия между верующими и неверующими. Картина мироздания, нарисованная т. Эфертом, в противоположность библейской картине мира, на основании современных научных данных, верна сейчас, при современном состоянии научного знания. Через пятьдесят лет это изображение устареет, а через сто лет станет и совсем неверным. Но сотворение мира богом по библии было неверно две тысячи лет назад и останется столь же неверным через тысячу лет. Церковное учение о сотворении мира не изменяется, а толкование этого учения меняется постольку, поскольку попы пытаются угнаться за наукой и приспособляются к ней, искажая и ее, и библию, чтобы спасти видимость библейской истины. Церковь воображает, будто она владеет полной и абсолютной истиной; поэтому она всегда и безусловно ошибается. Безбожники стоят на почве современного им научного знания; поэтому они обладают относительной истиной, непрерывно развивающейся вместе с успехами науки.

Независимо от частных и мелких вопросов, мнение по которым может возбудить разногласия, «Библия безбожника», вполне стоит на уровне современной материалистической науки и является прямым продолжением могучей революционно-литературной работы материалистов XVIII века, направленной против церкви. Разница лишь в том, что во времена Гольбаха и Гельвеция церковь еще имела свое будущее,—эпоху дружественного союза с буржуазией. Враг, стоящий перед «Библией безбожника», может быть оценен, самое большее, презрительным лозунгом: «Добей его!».

Внутреннее крушение церкви, ее духовное банкротство, потеря древнего великого царства верующих народов, настолько очевидны, что на долю победоносной революции

остается только,—и в России, и в Германии,—истребить последние остатки суеверия. Из арсенала «Библии безбожника», каждый боец может выбрать любое оружие, чтобы взрывать, разбивать, подкапывать, рушить гнилые стены капиталистического чердака, где ютятся упыри церкви. Победившая революция придет в мир, уже освобожденный от религии. Место церкви—в историческом музее, где хранятся орудия пыток инквизиции и документы суеверия.

I

КНИГА О МИРЕ

СОДЕРЖАНИЕ:

Миропонимание наших предков.—Вечное рождение миров.—Наша песчинка во вселенной.—Конец мира.—Единство или двойственность мира.

Миропонимание наших предков.

Безбожное и свободное дитя природы—человек.—Библейские легенды и сказания о потопе.—Мнимоученые врачи.—„Земля была безлюдна и пустынна“.—Жрецы—первые в истории гонители свободной мысли.—Культ солнца и учение о вечности.—Логический фокус—создание мира из ничего.—Первые правильные астрономические сведения у халдеев и египтян.—Птоломеева система и ее господство.—Святой язычник Аристотель.—Гонения на еретиков в древности.—Мировая система Коперника.—Догмат церкви о неподвижности земли. Галилей и Джиордано Бруно перед судом инквизиции.

Религия возникает из естественного стремления человека более или менее разумно понять мировые явления, и когда все книги религиозного содержания, библии и сказки о богах начинают объяснять происхождение и начало мира, то уже эти первые религиозные попытки объяснения природы указывают на известный уровень мыслительной способности человека. Прежде, чем создать понятие о творце и правителе мира, народы должны были иметь историческое прошлое, и притом достигшее определенного уровня развития. Поэтому всегда существовали народы или культурные эпохи, совершенно нерелигиозные, по-настоящему—«безбожные».

У народов, стоящих на самой низкой ступени развития, все помыслы и деятельность всецело поглощены потребностями борьбы за свое повседневное существование, и у них не остается времени для религиозных размышлений. Мы знаем, что ни эскимосы на северо-американском полярном берегу, которых изучил доктор Брайтон, ни бушмены горной Африки, не ломают себе головы над вопросом о происхождении вселенной. Копенгагенский профессор Леман, который никоим образом не считает себя противником хри-

стианства и врагом церкви, в своих исследованиях духовной культуры, в своем сочинении о «Суеверии и колдовстве», определенно говорит: «Среди всех этих народов—ботокудов в Бразилии, пешерсев на Огненной Земле и бушменов в Южной Африке—до сих пор напрасно искали следов какого-нибудь религиозного культа, и можно с полным правом заключить, что у них нет никакой религии». Но эти выводы науки разрушают ненаучные и самоуверенные утверждения приверженцев церкви, будто религия и вера в бога с самого начала существования человека необходимо связаны с ним, составляют свойство его души, и что только безнравственность современных богохульников в состоянии это отрицать или отвергать. Только там, где борьба за существование не так жестока, мы встречаем людей, стремящихся понять сущность мира, и тут же мы встречаем первые следы религии. Но можно смело утверждать, что попы не появляются на сцену до тех пор, пока человечество не имеет возможности их прокормить. Явления природы, как, например, восход и заход солнца, мерцание звезд, лето и зима, объяснялись самым наглядным и удобным для первобытных людей образом, а именно, люди переносили собственную деятельность и ее побудительные причины на небо. Если народы в обыденной жизни чувствовали зависимость от воли и действий своих собственных соплеменников, главным образом, своих начальников и царей, то вполне естественно, что они и на небе замечали нечто подобное, предполагая там существование небесных владык, и приходили к заключению, что мир создан какой-то личной человеческой силой (антропоморфическое, очеловеченное представление о боге, как о родоначальнике мира). Почти у всех народов эти представления потом претворились в сказки и легенды, которые самым точным образом, объясняли сотворение мира, у одних народов в очень наивной, первобытной и грубой форме, у других—в поэтической, глубокомысленной; в большинстве случаев, эти легенды сплетались с неясными воспоминаниями о пережитых человечеством в далеком прошлом событиях в жизни земли, а именно о потопе. Исследователи собрали

не менее 68 таких сказаний о потопе, среди разных народов, в одной Америке (Северной и Южной)—37. Все эти представления о сотворении мира исходят из одной основной мысли, очень свойственной человеку первобытной культуры, дикарю, не имеющему никаких научных сведений: все, что движется, что проявляет себя в деятельности, кажется следствием усилий одаренного волей разумного существа. Эти представления называются анимизмом (animus—дух, разум, душа). Дикарь знает, что если другой дикарь, прежде всего вождь, намеревается причинить ему добро или зло, то он может на него повлиять просьбой, подарками или угрозой, или каким-нибудь другим воздействием: точно так же и теми же средствами он действует на воображаемого небесного вождя. Он приносит ему жертвы, молится или угрожает своему боженьке. Кто лучше всего умеет это делать или в состоянии заставить своих соплеменников уверовать, что обладает особым уменьем влиять на божество, тем самым возвышается над своими соплеменниками. Таким образом появилась каста священных врачей и *жрецов*, обладавших недоступным прочим смертным умением влиять на творца небес и на младших богов, дававшим им основание требовать для себя особых привилегий. Конечно, даже для первобытных дикарей одного утверждения этих привилегированных людей, будто они обладают таким уменьем, было недостаточно, чтобы внушить им доверие. Чересчур явная ложь всегда имеет мало шансов на успех, но ложь хотя бы с одним процентом правды часто может оказаться бессмертной. Каста жрецов уже потому должна была уверовать в свое особое превосходство, что она присоединила к распространяемым ею учениям первые зачатки *науки*. Жречество всех первобытных народов всегда было связано с обладанием научными познаниями, хотя весьма недостаточными, главным образом, в области толкования звездного неба и искусства лечения болезней. Все более вступала в свои права устная передача, сохранившая для нас рассказы жрецов, начиная от варварских времен и до более культурных. По выражению известного шведского астронома Сванте Аррени-

уса, сохранению такого рода преданий способствовало, главным образом, естественное благоговение потомков перед миросозерцанием, унаследованным от предков,—благоговение, препятствовавшее людям более высокого образования отнестись критически к этим жреческим преданиям.

Все рассказы о сотворении мира,—будь то у халдеев из Передней Азии или у евреев, которые переняли их у халдеев или в классических греческих или римских «библиях»,—сходятся в одном, а именно, что в начале мира было не безусловное ничто, а хаос (бесформенная сплошная масса, от греческого слова chein—лить). «Земля была бесплодна и пустынна, и мрак царил над ней». Из этих слов библии ясно видно, что даже евреи, а с ними и христиане, вовсе не признавали, будто началом всему было ничто, но верили в существование первоначального хаоса, служившего господу-богу лишь материалом для дальнейшего творчества. Просвещенный фараон Аменготеп IV, в некотором роде египетский король Эдуард, еще в 1400 году до Р. X. сделал первую историческую попытку приноровить все эти ребяческие понятия о сотворении мира к требованиям науки того времени. И этот смелый человек приступил к делу весьма радикально. Он признавал только *одного* бога, а именно солнце. Старые идолы были им разрушены, и он перенес свою резиденцию из древней столицы Фив в другое место, потому что там торчало слишком много идольских рож. Из того, что Аменготеп признавал солнце, как нечто высшее, можно заключить, что он тогда уже, в сущности, предугадывал в основном наши современные воззрения на мир. (Ведь, мы в настоящее время признаем, что солнце—источник жизни и причина всякого движения на земле, за исключением морских приливов). Если принять это во внимание, мы, несомненно, не откажем в уважении этому древнему фараону-идолоборцу. Но добрый фараон не принял в расчет как жрецов, так и возбужденной им слепой массы. Они оказали ему энергичное сопротивление. После его смерти было уничтожено все, что было им создано. Его преемник и зять Аи говорил с горечью про себя самого: «Я должен преклонять колени перед идолами, ко-

торых я презираю». Двумя столетиями позже, в 1300 году до Р. Х., появилось в Персии мировоззрение Заратустры, не менее возвышенное, чем воззрение упомянутого фараона; и для Заратустры солнце (Ормузд) являлось источником жизни, движения и всего мирового строя. С тех пор многие народы постепенно инстинктивно переходили от старого грубого многобожия к поклонению солнцу, как высшей религиозной форме. Раньше всех перешли японцы, что отчасти понятно, принимая во внимание их способность вообще быстро приспособляться к современной цивилизации. Учение о вечности, также весьма близкое к современным воззрениям, в особенности к понятию о постоянстве силы и материи, было создано древними индусами. Они видели в мире вечную и периодически, время-от-времени «повторяющуюся смену явлений природы». Именно в этом правильно конструированном понятии о вечности заключается особенное величие этой древне-индусской религиозной и естественнонаучной философии; отсюда много раз воспетая поэтами «мудрость браминов». Подобные же чудесные сказания о мире находим мы у северо-германских народов, живущих в теперешних Дании, Швеции и Норвегии. «Эдда»,—так называется собрание их саг,—производит мир из двух источников: холодного вечного льда (Нифлгейм) и теплого солнца (Урсбрун). Новейшая наука изменяет только названия: вместо Нифлгейм — туманные пятна, вместо Урсбрун—солнце. Эдда учит, что от смеси Нифлгейма с Урсбрун происходят основные элементы. Во всяком случае, установлено, что народы Севера большую часть своих саг о мире переняли от других культурных народов.

Отличительные свойства сказаний о происхождении мира в их дальнейшем развитии—и сущность уже нездоровой теологии—состоят в вере, что бог создал мир не из хаоса, который он приводил в порядок, придавая ему форму и являясь как бы ваятелем, а из *ничего*. Так гласят теперешние религиозные учения. Подобные взгляды на происхождение мира мы находим раньше других у индусов, от них эти взгляды, естественно, вошли в богословию современных культурных народов до настоящего времени включи-

тельно. Философ Спиноза, но еще резче английский мыслитель Герберт Спенсер доказали, как нелепа мысль о происхождении мира из ничего; они основывались не только на естественнонаучных положениях, что материя не пропадает и не возникает вновь, но исходили из чисто-философских обоснований. Вот что Спенсер говорит в своем сочинении «Основы биологии»: «Многие верят, может-быть, что новый организм может возникнуть из ничего. Если бы это было так, то надо допустить происхождение его из вещества, которое не существует, а это совершенно бессмысленно. Это допущение предполагает наличность известного соотношения между двумя частями, из которых одна не существует. Такое соотношение совершенно бессмысленно». Действительно, если предположить, что бог создал мир из ничего, то надо допустить, что он более или менее усердно занимался чем-то, чего, к несчастью, еще не было. Это все равно, как если бы ему поручили съездить в несуществующий город или заниматься гимнастикой на несуществующей трапеции.

Первые чисто-научные понятия о вселенной, независимо от религиозных и жреческих представлений, должны были развиться вместе с успехами земледелия. Необходимость обрабатывать поля к известному времени года должна была усилить потребность в изучении связи между солнцем и землей; в этом взаимодействии люди видели причину перемены времен года. Чем больше человек отдавался земледелию, чем больше оно развивалось, тем более росла эта потребность. И уже халдеи в Азии за 4—5 тысяч лет до Р. Х. имели правильное летоисчисление и могли предсказывать движения небесных тел с совершенной точностью. По тени, бросаемой землей при затмениях луны (сущность этого явления была им, значит, известна), они заключали, что земля должна быть шарообразна, так как она всегда бросала кругообразные тени, что, как мы знаем, может дать в любом положении только шар. Понятия и знания халдеев о взаимоотношениях небесных тел были значительно правильнее тех представлений, которые много времени спустя, в эпоху классической греческой или римской культуры,

были достоянием только образованных людей. О произвольных понятиях «слепой черни» и говорить не стоит. И, по правде сказать, даже и теперь ни один сельский поп из Тюрингии, хотя и считается в своем приходе великим ученым, не вполне уверен в шарообразности земли, так как об этом не говорится в библии. От греческих писателей мы знаем, что, по расчету халдеев, надо употребить целый год, чтобы, выйдя из одной точки земного шара и идя по прямому направлению вперед со скоростью 30 стадий (греческая мера, равняется 5 километрам), притти к тому же месту с противоположной стороны. Окружность земли, на основании этих исчислений, равняется 34.380 километрам, что отклоняется от действительной цифры на 6.000 километров. Еще более точно, пожалуй, даже точнее, чем у нас, исчисление времени у египтян. Они делили год на 12 месяцев, считая по 30 дней в каждом месяце; к концу прибавлялось еще 5 дней, чтобы год равнялся 365 дням. У нас происходит путаница от коротких и длинных месяцев, при чем нужно заметить, что вначале, в нашем августовско-юлианском календаре, февраль имел 30 дней, впоследствии, в честь Юлия Цезаря, из придворной лести, пристегнули к «царскому месяцу» июлю еще один день, отняв его от февраля, и точно таким же образом сделано было позже в честь царя Августа и его месяца августа. Обширность астрономических познаний египтян станет нам понятна, если вспомним, что этот народ впервые вступает в историю, как народ моряков. Существование моряка теснейшим образом связано с астрономическими познаниями. Очень много научных и практических знаний египтяне проявили при постройке пирамиды Хеопса. Еще до знакомства с компасом они воздвигали стены пирамиды с севера на юг и с востока на запад с точностью до 1/750. Коридор, ведущий к северу, составляет с горизонтом угол в 30° и идет почти параллельно земной оси. Астрономические познания у египтян были еще более, чем у халдеев, привилегией жреческой касты, которая из эгоистических целей всеми средствами препятствовала просвещению народа. Наибольшей высоты достигла эта наука, вероятно, тогда, когда

греческая культура постепенно смешивалась с египетской, и молодые греки считали для себя честью удовлетворить свою жажду знания в этой стране, так-сказать, у самого источника. Это тесное взаимодействие египетского разума и греческой фантазии в особенности имело место при династии Птоломеев в главном городе Александрии. Научные понятия о вселенной воплотились у александрийских ученых в представление о том, что вокруг земного шара, состоящего из земли и воды, имеется оболочка воздуха, затем огня, а дальше, на определенном расстоянии, планеты Луна, Меркурий, Венера, Солнце, Марс, Юпитер и Сатурн движутся вокруг земли, каждая по своим орбитам. *Эта Птоломеева система вселенной* (названа так по имени ученого Птоломея в 130 г. до Р. Х.) стала впоследствии общепризнанной, она господствовала до наших дней; христианская наука, считающая себя «служанкой теологии», охотно признала Птоломееву систему, поскольку ею пользовался греческий философ Аристотель, которого в средние века церковь причислила к лику святых. Горе тому, кто осмелился бы сомневаться в этой системе, считающей землю центром всего бытия.

Гонения на инакомыслящих наступили раньше, чем Птоломеева система действительно стала господствующим догматом позднейшей христианской эры. Еще во времена Птоломея греческий философ и естествоиспытатель Аристарх, несомненно, человек великого ума, доказывал, что звезды и солнце неподвижны, и что земля движется вокруг солнца. Прямой предтеча Коперника! Сочинения Аристарха были забыты, но уже современник Аристарха Плутарх открыто предъявлял ему обвинения в богохульстве. Во времена христианства действительно преследовали и сжигали всякого, кто осмеливался сомневаться в Птоломеевой системе; и знаменательно, что не только римляне-язычники, но и следующие за ними римляне-христиане, не обладавшие большими познаниями, и, может-быть, именно поэтому, считали последнего великого классического философа *Аристотеля* универсальным святым средних веков (о чем было уже упомянуто); сомневаться в нем было таким же смертным

грехом, как сомневаться в священном писании. А, между тем, учение Аристотеля есть ни что иное, как повторение мировоззрения Птоломея. Несмотря на то, что этот мыслитель проявил в области мышления и формальной логики в высшей степени тонкий ум и сделал много остроумных наблюдений над явлениями природы, он в области астрономии высказывал, например, такую мысль: «Планеты уже потому не могут двигаться, что у них нет органов движения». Но что же из этого? Аристотеля долго спустя после его смерти тревожили в его гробу, что ему, вероятно не нравилось, и сделали его попом над попами, за что горько платились последующие самостоятельные мыслители.

Нельзя сказать, чтобы бешеные преследования догматиков начались с возникновением папства. Масса, руководимая попами во все времена, и даже в классическую греческую эпоху, когда сияло солнце Гомера, всегда следовала той глупости, которая была наиболее вопиющей. Даровитые афиняне считали звезды божественными существами, как учили жрецы, а поэтому Анаксагор, утверждавший, что звезды состоят из четырех основных элементов, был заключен в темницу, и только благодаря тому, что либеральный народный вождь Перикл, его ученик, был его родственником, этот мудрец мог провести конец своей жизни в добровольном изгнании. Сократ должен был выпить в темнице чашу цикуты, потому что он презирал богов, которым поклонялась толпа, и учил «познавать самого себя» вместо того, чтобы погружаться в жреческие хитроумные софизмы о существовании богов. Великий Платон, идеалист и спиритуалист, после смерти Сократа должен был 12 лет находиться в добровольной ссылке, чтобы не разделить участи Сократа; сам Аристотель, ученик Платона, был, несомненно, в сильной степени проникнут спиритуалистическим духом и мог бы без опасности для христианских душ сделаться руководителем и хранителем догматов католичества даже при господстве средневековой церкви, но и он, по доносу какого-то жреца, был приговорен в Афинах большим советом к смерти и спасся только бегством на один из греческих островов. Диагор, отрицавший существование бо-

гов, покончил жизнь на костре. Сочинения философа Пифагора были публично сожжены, и сам он изгнан из города. Наконец, был осужден Продик, утверждавший, что боги суть не что иное, как очеловеченные силы природы. Таким образом, гонения на еретиков и сожжение ведьм производила не только христианская церковь, хотя, несомненно, первенство в этом отношении принадлежит ей. Поповская система во все времена одинакова.

Птоломеева система, т.-е. представление о неподвижности земли, вокруг которой двигаются все остальные небесные тела (геоцентризм—утверждение, что земля есть центральный пункт всего бытия), стала, благодаря Аристотелю, до известной степени краеугольным камнем веры позднейшей христианской церкви, в роде догмата пресвятой троицы; понятно поэтому, что мыслители, начинавшие сомневаться, благодаря прогрессу природоведения, в истинности этой системы, были жестоко преследуемы наместниками бога. Когда появилось книгопечатание, когда Колумб открыл Америку, растущее стремление человеческого ума познать небо не могло остановиться. Несмотря на это, церковь не раз делала попытки задушить его. Немецкий ученый Коперник (ум. в 1453 г.) восстановил старую аристарховскую идею, что солнце является центром, вокруг которого вращаются другие планеты, в том числе и земля. Но, как человек осторожный, он изложил свою систему, названную впоследствии в честь его *коперниковской*, в произведении, которое появилось только после его смерти, когда он был уже недосягаем для папских жандармов. Коперник сам сознается, что его система была продуктом изучения «философов», т.-е. греко-александрийских естествоиспытателей. В настоящее время его учение кажется само собой разумеющимся, но тогда оно не имело успеха; после его смерти Тихо-де-Браге (род. в 1546 г.), названный царем астрономии благодаря своим старательным астрономическим измерениям, с библией в руке яростно опровергал вполне правильную гелиоцентрическую систему Коперника и снова упорно ставил землю в центре всякого небесного движения. Осторожность заставляла его обходить опасность, и особенно это

было необходимо в то время, в виду христианских гонений на еретиков. Научные гении того времени нашли, наконец, очень простое средство избежать преследований инквизиции с неизбежным сожжением на костре: выражая мысли, противоречащие тупоумным суеверным воззрениям попов, они уверяли, что сами в них вовсе не верят. Понятно, каждый понимал, что это только юридическая уловка, чтобы тем вернее спасти свою голову от «последователей апостолов». Вот что писал в 1644 году французский философ Декарт (Картезий), который дополнял выводы Коперника и его последователя Кеплера; он, главным образом, старался выяснить вопрос о происхождении мира: «Нет никакого сомнения, что мир создан с самого начала в совершенстве, что солнце, месяц и земля были сотворены тогда же, и на земле появились не одни семена растений, но и сами растения, и что Адам и Ева не родились, но появились на свет как взрослые люди. Так учит нас христианская вера, и в этом легко убедиться здравому уму. Но, тем не менее (!!!), для понимания природы растений и человека полезнее поразмыслить над тем, как *могли* они развиться постепенно из семени, чем представить себе, что они *сотворены* рукой создателя. Если бы мы могли придумать простые и удобопонятные принципы (основоположения), с помощью которых можно было бы доказать, что звезды, земля и все то, что мы в мире видим, может-быть, развилось постепенно, то мы бы это лучше поняли, чем простое описание их, хотя мы, собственно, знаем (!!!), что они произошли вышеуказанным образом... Так как я, веря, что...» и т. д. Такими двусмысленными душеспасительными уловками и фокусной стилистической эквилибристикой можно было, по меньшей мере, избежать христианского костра, который мог быть зажжен даже для такого набожного человека, как Декарт, и даже он, по требованию папы, был изгнан из своего отечества—Франции—и добывал свой хлеб в более свободных Голландии и Швеции.

Однако не всем удалось избежать инквизиции. Великий Коперник, первым начавший сомневаться, счастливо отделался. Менее посчастливилось Галилею (умер в 1642 г.).

Он признался своему другу Кеплеру, что давно является сторонником Коперника. Он открыл спутников Юпитера, затем солнечные пятна и по их движению заключил, что солнце должно вращаться вокруг своей оси. Все это глубочайшим образом противоречило Аристотелю и, следовательно, «святой церкви», которая многих приобщала к блаженству, т.-е. отправляла на тот свет.

Напрасно Галилей пытался в Риме переубедить духовных пастырей. Это не удалось, и ему пришлось молчать семь лет. Святая конгрегация в 1614 г. торжественно провозгласила, что учение Коперника ложно, и официально раз навсегда запретила земле вращаться вокруг солнца. Тогда иезуитский патер Грасси намеренно втянул ученого старца в спор о кометах, при чем Галилей защищал научные тезисы, считавшиеся ложными по понятиям того времени. Иезуиту удалось в эти споры привлечь на свою сторону святой престол и предать ученого суду. В 1633 г. Галилей, смертельно больной и слабый старик, должен был предстать в Риме пред инквизиционным трибуналом. Он старался избегнуть диспута, но приспешники божьи не выпускали его из рук. Наконец, его приговорили к позорному заключению в темнице, принудив отречься от учения, что земля движется, и запретили всем правоверным католикам читать не только его преступные сочинения, но и сочинения Коперника и Кеплера о положении земли в солнечной системе. Они значились в списке запрещенных для католиков книг до 1835 года.

Гораздо хуже пришлось *Джиордано Бруно*. Он был непосредственным преемником Коперника; еще в ранней юности, будучи в ордене доминиканских монахов, он освободился от цепей христианско-аристотельского суеверия. Вначале этого мятежного капуцина изгнали из его родины— Италии. Странствуя по Европе, монах с воодушевлением защищал и проповедывал новое учение. И в самом деле, он распространял страшно кощунственные взгляды: звезды— это солнца, которые окружены населенными планетами, подобными земле. Но когда он, наконец, отважился с непоколебимым упорством утверждать, что Моисей совершал свои

чудеса самыми естественными способами, христианское терпение лопнуло от такого кощунства: его арестовали в Венеции, представили на суд инквизиции в Риме и приговорили к сожжению на костре. Вскоре затем приговор был приведен в исполнение: Бруно умер, как герой, не отрекаясь от своих убеждений.

Попов возмущало и возмущает еще и поныне не только научное стремление притти к разумному и более истинному пониманию мироздания, чем то, которому учил святой и великий Аристотель и чему учит библия, и даже не сам гелиоцентризм, а, главным образом, выводы из этих Аристарховых—Коперниковых—Галилеевых основных идей: что не одна земля населена.

Если в каком-нибудь ином мире живут люди или подобные им существа, то заботы бога-отца заключаются не только в том, чтобы управлять людьми на земле при помощи милостивых епископов и капелланов; а там, может-быть, найдутся разумные существа, которые не признают благодати христианства в роде библии, крещения, исповеди, костров. И, наконец, надо допустить существование многих небес и преисподних, неба Марса, преисподней Венеры,—безбожные мысли!..

Вечное рождение миров.

Научная и религиозная вера, гипотеза или догма.—Теория круговоротов Картезия.—Закон притяжения.—Неразрешенные мировые загадки ничего не доказывают.—Мировые катастрофические столкновения по Бюффону.—Происхождение мира по Канту.—Открытие туманных пятен.—Господство гипотезы Канта—Лапласа.—Шум, поднятый мещанским профессором.—Исследование небесных явлений путем спектрального анализа.—Самостоятельные солнечные передвижения.—Возможность небесных катастроф.—Притягивающее действие туманных пятен.—Взрывающиеся солнца.—Наблюдаемые небесные катастрофы.—Происхождение солнца из туманного пятна.—Сила притяжения и давление лучей.—Уравнение температуры и сохранение теплоты.— Призрак „смерти тепла".

Предположение называется в науке гипотезой; чем оно правдоподобнее, чем больше приближается к истине, тем оно ценнее. Выражаясь научно: гипотеза отличается от доказательств и утверждений тем, что последние представляют не только вероятность, но достоверность. Что все равносторонние треугольники совпадают, т.-е., что они при наложении покрывают друг-друга,—не гипотеза: это можно доказать. Это не только правдоподобно, но несомненно. Но нельзя, например, доказать, по крайней мере, до сих пор нельзя доказать, математически точно, что, кроме земли, существуют еще в мире населенные планеты. С научной точки зрения это только вероятно. Все науки, может-быть, за исключением математики, основаны, в конце-концов, на этих предположениях, или гипотезах. Врач, например, оперирующий слепую кишку, не может вполне точно утверждать, что он вылечит больного, тем не менее труд его от этого не умаляется. Напротив, он в высшей степени ценен, потому что сделанные наблюдения говорят за то, что больному человеку это, по всей вероятности, поможет.

Гипотеза! «Значит, и наука должна верить?»—вопрошают с улыбкой попы. Конечно, и наука должна верить, и она этого никогда не отрицала. Вопрос только в том, что надо понимать под словом «верить». Религия и церковь заставляют людей верить в то, что противоречит науке и факту, так, например, верить, что посредством бормотания вода может превратиться в вино, или что посох Моисея превратился в змею. Наука тоже верит, но верит в разумное. Посредством веры, предположений и гипотез она стремится к опытному знанию, не сворачивая в противоположную сторону, а, напротив, стараясь уяснить и найти связь между причиной и следствием. Научное предположение - гипотеза тем ценнее, чем больше она уясняет факты и опыты, но она, в противоположность религиозным догмам, моментально и беспощадно отбрасывается, если новые важные научные данные не сходятся с гипотезой или ей противоречат. Однако без таких гипотез невозможен никакой прогресс в науке. Часто случается, что мысль, предложенная исследователем только как гипотеза, как вероятность, впоследствии с совершенной точностью подтверждается опытом, как в примере с давлением световых лучей. Вообще, эксперименты не были бы произведены, если бы вероятность некоторых фактов не вытекала из гипотезы; гипотеза толкает на эксперименты. В особенности это оправдывается на исследованиях сцеплений космических тел. Почти всегда сначала высказывалась гипотеза и впоследствии с совершенной точностью доказывалась на опыте. Классическим примером может служить вращение земли вокруг своей оси в 24 часа. Когда Коперник высказывал эту гипотезу, она казалась его современникам совершенно непостижимой, а, между тем, теперь каждый ученик знает это, и ему это ясно, как день. Но как доказать ее? Это казалось особенно трудным; все предметы на земле движутся вместе с ней, даже вулканы, воздух, и потому ничто не могло удостоверить это. Тогда в 1851 году в Париже Леон Фуко сделал исторический опыт с маятником. Он исходил из того положения, что колеблющийся маятник всегда стремится сохранить направление своего движения, даже если изменяется место его прикрепления, и он привесил к куполу

Пантеона в Париже огромный маятник в 67 метров длины; маятник состоял из металлического шара, весом в половину центнера. Колебания маятника тщательно отмечались на диске. В изумлении стояла и ждала многочисленная толпа, наблюдавшая опыт: неужели откроется завеса тайны мирового движения? Опыт удался вполне. Маятник в течение нескольких минут совершенно определенно повернулся на восток,—ясное доказательство того, что место колебания, т.-е. земля переменила свое положение. Излюбленные доводы церкви, что и наука несвободна от предубеждений и должна опираться на веру, убедительны только для детских умов. Наука, несомненно, пользуется гипотезами, но она опирается лишь на одну разумную гипотезу, а именно на человеческий ум. Если теологи утверждают, что люди науки должны верить, то это доказывает только, мягко выражаясь, тупость их мысли. Религиозной вере в чудо наука противопоставляет веру в истину, в факт.

Для того, кто хочет заняться научными исследованиями, объектом изучения должен быть не только мир, как он есть, но и как он *произошел. Никто* не был при том, как возникли солнце, земля и луна, не был также и живой «наместник бога» на земле. Точных доказательств здесь дать нельзя; в этой области должна господствовать гипотеза. Человеческий ум в течение столетий продолжает проникать в потемки, которые окутывают вопрос о происхождении земли, переходя от одной подходящей гипотезы к другой, лучшей, и постепенно, шаг за шагом, сквозь свитки священных запыленных рукописей и непроходимый лес противоречивых наблюдений и фактов пробивается вперед к свету, к истине,— и это доказывает его величие. Ум человеческий стремится навстречу истине, даже если она, подобно божеству в Саисе, не вполне сбрасывает свою завесу перед человеком. Вопросом о происхождении мира наука занялась после того, как появились естествоиспытатели, которые выяснили сущность мира в настоящем его состоянии, так как лишь после этого возникла возможность заняться историей происхождения мира, не прибегая к помощи поповских чудес. Сначала должны были начать проповедь Коперник, Кеплер и Галилей; они

должны были извлечь формы явлений и движений в мировом пространстве из кучи суеверия, и только тогда можно было думать об установлении разумных понятий о причинах и происхождении этих явлений. Прежде чем сражаться мощным оружием науки против телесного создателя мира, как это делали Галилей и Бруно в своей борьбе против патриархальных «правителей» планет, исследователь должен был живо понять и основательно знать действующие в мире главные законы, как, например, закон сохранения силы и материи, т.-е., что ни один атом материи и ни одно движение мухи не пропадают даром. Первым выступил Декарт (Картезий, 1590—1680 гг.) с чрезвычайно грандиозной проблемой разума. Он предположил, что вначале вещество было равномерно распределено повсюду; благодаря движению, произошло много круговоротов, вихрей, при чем тяжелые частицы уносились от центра, а легчайшие приближались к нему: вихри, в свою очередь, образовывали ядра и центры; но могло случится, что какое-нибудь ядро захватывалось другим сильным вихрем и принимало участие в его движении. И земля вначале была солнцем, таким центром, в котором постепенно погас огонь. Вследствие охлаждения и затвердения прекратился сам собою ее вихрь, и она не могла отбрасывать от себя частицы в периферическом направлении. Но сеть других круговоротов, например, от солнца, направляла вихревые частицы к земле, и вследствие этого земля очутилась в солнечном круговороте; застывшая земля, не имея собственного круговорота, не могла противодействовать. Таким образом, земля начала вращаться вокруг солнца. Как ни велики были пробелы в космогонии Декарта (откуда взялось первое движение?), она в свое время была принята с восторгом современниками. В сравнении с божественной теорией происхождения мира, которую предлагали пережевывать Аристотель и библия, космогония Декарта была действительно громадным шагом вперед к новому разумному мировоззрению. Таким образом, именно француз Картезий пробил главную брешь в господстве канонически-классической святости. И тогда впервые университеты освободились

от власти аристотелевских идей, излагаемых в его сочинениях, тяготевших над ними до этого времени.

Затем явился Ньютон, немного позже Декарта, открывший закон тяготения; по этому закону, сила притяжения действует между двумя точками пропорционально (соответственно) их величине и обратно пропорционально квадрату их расстояния (также соответственно), т.-е. сила притяжения между двумя телами тем меньше, чем больше расстояние между ними *).

Этот закон Ньютона остался до известной степени фундаментом для всех новейших исследований неба до настоящего времени. Ньютон только открыл закон. Дальнейших глубоких выводов из своего открытия о проблеме движения и происхождении мира он не делал. Как дитя своего времени, он ограничился верой в то, что правильные пути планет созданы «разумным и могущественным существом», и что планеты, прежде всего наша земля, получили при сотворении толчок для своих движений. Это совершенно ненаучное представление, против которого выступил великий немецкий философ Лейбниц, современник Ньютона. В мозгу этого ученого сконцентрировались все знания того времени, хотя и он то-

*) Чтобы выяснить этот закон, представим себе, что два свободно плавающих тела, например, планеты, находятся где-нибудь в пространстве, как тело А и тело Б. Тела эти притягаются друг к другу с известной силой: при некотором усилении движения они соединяются друг с другом. Предположим, что массы тела составляют 10 миллионов к. м., силу обоюдного тяготения обозначим буквою К, тогда при увеличении массы тела с 10 на 20 миллионов к. м. К увеличится в два раза и будет равнятся 2К. Теперь представим себе, что масса тела не меняется, но расстояние увеличивается втрое, тогда, по закону Ньютона, сила их притяжения уменьшится ($3 \times 3 = 9$) в девять раз. И тогда они стремились бы друг к другу с расходом энергии в $^1/_9$ К. По этому закону, простым средством и простым математическим расчетом можно определить силу притяжения тел, если нам известны массы тела и их расстояние. Этим же способом можно, например, рассчитать расстояние, если нам известны массы и силы их притяжения. Если в нашей повседневной жизни мы не замечаем силы притяжения тел, то это происходит от того, что по сравнению с силой притяжения земли (например, падение тел на нее), такой огромной и очевидной, притяжение между отдельными телами слишком незначительно.

же не мог дать никакого, основанного на разуме, решения этой проблемы. Неразрешенная загадка и много других таких же загадок еще ничего не говорят в пользу достоверности религиозного объяснения и доказывают только существующую всегда ограниченность человеческого знания. Выражаясь яснее: если мы, например, не знаем, или еще не знаем, каким образом петух потерял перья из своего хвоста, то это не доказывает, что их вырвал дьявол или привидение. Он мог их потерять от болезни, их могли вырвать воришки, или он мог потерять в бою с другим дон-жуаном на мусорной куче.

Пришлось привести этот тривиальный пример, чтобы доказать, почему нельзя объяснить существование бога пробелами в науке, как это делают теологи. Если какое-нибудь явление недоступно нашему пониманию, то мы это непонимание не должны распространять на совершенно иные явления. Если врач, которому представился бы неясный случай болезни, вместо того, чтобы поразмыслить над причинами болезни и исследовать ее сущность, опустил бы руки и сказал: «Здесь опять видна воля божья», то пациенты или их родственники имели бы полное право спустить его с лестницы.

Становясь на точку зрения нового закона Ньютона о тяготении, Бюффон (1745 г.) в своей «Естественной истории» дал первое чисто-научное объяснение происхождения мира и, главным образом, его движения. Слава его затмилась Кантом и Лапласом, их позднейшими гипотезами, которые, однако, не имеют таких преимуществ, чтобы поставить их выше. Вне всякого сомнения, Бюффон был гениальным мыслителем с замечательной и научно-обоснованной силой воображения, даже если учесть, что его гипотезы в отдельных случаях действительно не могут устоять против настоящей критики. Бюффон объясняет движение планет столкновением солнца с планетой. Он вообразил себе свободно плавающий шар (солнце), в который внедряется острое орудие (комета). Так как закон тяготения уже был открыт, то такое движение было допустимо; оно не было так загадочно, как первое движение Декарта. Шар, наверно, начнет вращаться вокруг себя по направлению острого орудия или стрелы.

Оторвавшиеся осколки по физическому закону передачи движения также будут кружиться по орбите вокруг пораженного тела, и каждый из них будет вращаться по направлению стрелы. Кроме того, все эти осколки будут кружиться приблизительно в одной плоскости, а именно в той, которая лежит в направлении ударившей стрелы; таким образом, по Бюффону, нет никакой необходимости в божественной помощи для объяснения как того, что планеты, которые являются осколками солнца, вращаются вокруг него, так и того, что их пути лежат в определенной плоскости. Недостатки теории Бюффона очевидны. Она исходит, например, согласно раз намеченному ходу мысли из того, что более легкие осколки солнца, позднейшие планеты, должны от столкновения на месте катастрофы быть отброшены дальше всего в бесконечность и странствовать до тех пор, пока притягательная сила солнца (центростремительная) и полученное от столкновения стремление осколков удалиться от солнца (центробежная сила) не компенсируются, и дадут в результате движение вокруг солнца. Представим себе подвешенный к шнурку камень, который отбрасывается и летит в прямом направлении, пока хватает шнурка; по достижении конца шнура, он должен описывать круговые движения вокруг другого конца шнура, потому что тогда притягательная сила шнура и центробежная сила метания камня выравнивается. Таким образом, Бюффон предположил, что более удаленная от солнца планета Сатурн обладает наименьшей плотностью и тяжестью; далее идут более плотные планеты, как, например, Юпитер, Земля и т. д. Эта схема плотности планет в бюффоновской системе противоречит, однако, нашим теперешним определениям всех планет...

Спустя 12 лет идеи Бюффона навели кенигсбергского философа Канта на мысль построить собственную теорию вселенной, но, по мнению современных специалистов, немецкий мыслитель разрешил загадку мирового движения не лучше, чем его французский предшественник. Кант предположил, что вначале вся масса (вещество), заключающаяся теперь в солнце, планетах и кометах, была рассеяна в пространстве, где они в настоящее время вращаются: вследствие соб-

ственной тяжести частицы вещества начинали падать к центру массы, при чем случалось, что они сталкивались между собой и отбрасывались в сторону; таким образом происходило круговое движение. Частицы продолжали сталкиваться друг с другом, пока дальнейшее столкновение не привело к такому расположению, при котором все они начали двигаться по орбитам вокруг центра. Часть тел, стремившаяся к центру, также присоединилась к этому движению толчками, наподобие бомбардировки, и заставила и солнце вращаться вокруг своей оси. Не трудно заметить слабые стороны кантовского толкования. Движение планет вокруг солнца и движение солнца вокруг своей оси происходят справа налево, в противоположность движению часовой стрелки. Если бы действительно, как Кант предположил, вначале было равномерное распределение вещества вокруг центра, и потом, вследствие чрезвычайного падения по направлению к центру, вещество пришло в движение, то почему это движение не могло быть направлено также и слева направо? Но этот вопрос останется без ответа, если мы утешимся ответом Аристотеля, полагающего, что движение справа налево «благороднее и достойнее для богов». Мы совсем не желаем унизить великого мыслителя Канта, которому «Критика чистого разума» упрочила вечное место среди исполинов мысли человечества, и мнения которого о международном мире предугадали борьбу нашего поколения за новый союз народов больше, чем на сто лет вперед,—но при наших современных воззрениях нам совершенно непонятно, каким образом исследователь эпохи Канта и сам Кант могли допустить эти совершенно очевидные пробелы в его теории происхождения мира, и далее, как можно было вдаваться в возвышенные, но бесполезные религиозные разглагольствования, чтобы согласовать библию и науку и подпереть естественнонаучными ходулями сказки ветхого завета. Но, с другой стороны, понятно, почему попытки Канта сдернуть завесу с загадки рождения мира, несмотря на ту высоту, на какой он тогда стоял, не могли иметь успеха. Кант, например, доказывает в своей истории происхождения мира, что в первоначальном своем состоянии земля вокруг экватора была

охвачена кольцом водяного пара, подобным тому, которое в настоящее время видно вокруг планеты Сатурн. Это кольцо и есть именно то, которое упоминается в первой книге Моисея, как «вода под твердью»; по Канту, это кольцо должно было служить освещением для добрых и хороших людей, но так как они оказались перед господом-богом недостойными такого удобного устройства—Ева в раю!—то были наказаны загадочным кольцом посредством наводнения, потопом Ноя. Великолепно!

Вскоре после попытки Канта, но еще при его жизни, Гершель (1811 г.) произвел в Англии свои наблюдения над туманными пятнами в небе и открыл совершенно новые горизонты в учении о происхождении мира. Гершель наблюдал туманы, фосфоресцирующие зеленым цветом, которые можно было рассматривать как первичную форму космического вещества. В других более сложных туманностях замечены были на-ряду с упомянутыми наблюдениями Гершеля, слабые уплотнения в средине, а еще на некоторых даже светящиеся звезды внутри и, наконец, такие, где туманности уже вполне рассеялись, и на их месте выступили целые группы звезд. Отчасти на основании этих новых наблюдений, составлявших научную основу для понятия о вселенной, француз Лаплас, современник Гершеля, предпринял свои исследования. Так как в его теории запечатлелись живые следы кантовских идей, то принято называть излагаемое учение о туманностях гипотезой Канта-Лапласа; как таковая, она занимала почетное место в науке до самого новейшего времени, несмотря на то, что в нее внесены некоторые частные поправки. Лаплас представляет себе ход развития мира следующим образом.

Первоначально наше солнце походило на фосфоресцирующие туманы, наблюдаемые и в настоящее время. Вследствие притяжения других небесных тел туманные массы пришли во вращательное движение; остывая, они все более уплотнялись к центру и образовали, наконец, светящееся ядро, звезду. Солнце в первоначальном своем состоянии, в виде тумана, не могло расширяться до бесконечности; границы его расширения определялись теми точками, в которых цен-

тробежная (отталкивающая) сила, происходящая от вращения ядра тела вокруг своей оси, компенсировалась притягательной силой тяжести. При столкновении горящих газов отделился, вследствие разрыва, газообразный диск, который начал вращаться вокруг солнца и, в свою очередь, разрывался на раскаленные газовые кольца, из которых каждое в отдельности, как целое, кружится и, охлаждаясь, образует плотное или жидкое кольцо. Такова, в общих чертах, теория Канта и Лапласа. Новые исследователи могут сделать против нее, главным образом, следующее возражение: по этой теории в солнечной системе все должно вращаться в одном направлении, так как вся планетная система происходит из одного вращающегося в определенном направлении солнечного диска; между тем, в действительности, спутники отдаленнейших планет нашей солнечной системы двигаются вокруг своей матери-планеты слева направо, т.-е. в направлении, обратном вращению спутников остальных планет. Открытый в 1898 году спутник Сатурна—Феб двигается слева направо, между тем как остальные девять, вращающиеся вокруг планеты, двигаются справа налево. И в других отношениях теория Канта и Лапласа никоим образом не удовлетворительна. Откуда, например, произошло первое вращательное движение в первоначальном тумане?

XIX столетие, век триумфа естественных наук, должно было дать новые, лучшие объяснения проблемы вселенной, хотя в частностях остается много пробелов и, значит, много работы для последующих исследователей. XIX столетие было временем буржуазной революции и эволюции; буржуазия всех стран, и больше всего в Германии, должна была усовершенствовать свои знания для успеха своей освободительной политической и экономической борьбы, направленной против старых предрассудков и привилегий, на которых классовые враги буржуазии—феодальные дворяне, церковь и король—основывали свою мощь. Ведь, и социалист-рабочий безусловно не станет отрицать ни прогресса техники, ни прогресса науки, тоже подгоняемой кнутом капитала, но он также видит, что капиталист ставит границы знанию, по крайней мере, его широкому, свободному распространению.

Под дешевым предлогом, что полузнание вреднее отсутствия знания, капиталистический строй дозирует и процеживает науку для рабочего класса; этим он создает новые привилегии, вместо поверженных старых; сохраняет свою силу факт, что знание—сила, но приобретение его должно находиться в зависимости от денежного мешка. Не подлежит сомнению, что разделение труда, которое должно быть проведено во всех областях знания, усугубило существовавшее уже разделение между общим и специальным образованием. Лейбниц мог совместить в своей голове все знания своего времени; теперь это невозможно. Но совершенно бессердечно и эгоистично, с классовой точки зрения, преграждать профану стремление к истине только потому, что он—пролетарий, и еще на том основании, что то или другое значение чересчур «научно» для него. Как-раз буржуазные профессора применяют к рабочему классу тот рецепт, который употребляют воспитательницы детского сада, уверяющие детей, что в свежих печеньях, которыми хотят лакомиться их питомцы, заключается яд. Даже если допустить, что полная осведомленность в какой-нибудь области науки доступна только специалистам, все же рабочий вправе думать, что достижение общеобразовательных знаний не должно оставаться привилегией одного класса. «Горе дающим свет небесного факела вечно слепому».—Эти слова Шиллера доказывают, что он, действительно, был дитя своего времени, политически дремлющего буржуазного класса. Вопреки Шиллеру, мы придерживаемся того мнения, что в истории костры суеверия всегда давали худшее пламя, чем свет небесного факела.

В истории культуры среди ряда открытий XIX столетия на первом месте стоит открытие спектрального анализа, научного метода исследования, который введен в науку в 1859 году Кирхгофом и Бунзеном. Еще несколькими десятилетиями раньше было известно, что трехгранное шлифованное стекло, призма, пропуская простой солнечный луч, разлагает его на радужные цвета в виде ленты (спектр). Каждый профан знает об этой красивой игре цветов в призме, которая часто обозначается по краям шлифованных оконных стекол. Уже во времена Кирхгофа и Бунзена было

известно, что происходящая таким образом радужная лента заключает целую систему черных линий, доходящих при соответственном увеличении до 1.000; их назвали фраунгоферовыми линиями, по имени открывшего их мюнхенского оптика. Бунзен и Кирхгоф изучали при помощи призм не только солнечный свет, но, превращая в пар всевозможные простые и сложные тела в своей лаборатории, разлагали и их в спектре. Не зная заранее вещества, можно было по линиям, всегда одним и тем же у каждого вещества, путем сравнения судить о химическом составе данного тела, свет которого пропускали через призму. Таким образом, началось исследование спектральным анализом всего неба. Пропускали через призму луч света каждого космического тела, и фраунгоферовы линии всегда оказывались проницательными небесными сыщиками: они указывали, какие химические соединения и какие элементы находятся на самых отдаленных звездах. Например, в солнечном спектре всегда находят на левой стороне весьма заметную темную полосу (D-черта). Если превращать в пар натриеву соль в пламени горелки, то в спектре этого пламени появляется линия в том же самом месте, но она светлая. Кирхгоф пропускал белый свет сквозь раскаленные пары соли натрия и снова наблюдал спектр. Линия показалась в том же самом месте, но на этот раз она была цвета темного, как и в солнечном спектре. Этим совершенно точно доказано, что солнечный свет проходит сквозь окружающие его пары натрия, другими словами, мы отныне знаем, что на поверхности солнца должно быть большое количество газообразного натрия. Трехгранное стекло, называемое призмой, оказалось, таким образом, небесной гадалкой, но разница в том, что она не лжет и не говорит иносказательно. Тайны бога-отца она разоблачает самым бесцеремонным образом. И это только одно приобретение из многих дюжин, которые XIX столетие с гордостью может приписать себе. Но раньше должны были быть сделаны громадные успехи и улучшения в методах исследования, чтобы они дали трудам исследователей новый простор для решения проблемы о происхождении вселенной. Какой ответ в настоящее время, в XX веке, дает специальная наука—

астрономия—на вопросы о происхождении вселенной и о всемирном движении? Уже Гершель обнаружил своеобразие движения всех звезд, меняющих свое положение по отношению друг к другу на более или менее продолжительное или очень короткое время. Эти своеобразные движения нужно непременно отличать от движения планет (звезд-спутников, как наша земля), которые движутся вокруг солнца в зависимости от него. Гершель наблюдал, что даже так-называемые неподвижные звезды, вопреки их названию, на одном пункте неба приближаются друг к другу, на другом, противоположном ему, отдаляются. Эти движения «неподвижных звезд» заметны только потому, что они постоянно, но, благодаря громадным расстояниям незаметно, меняли свое положение по отношению друг к другу. Высчитано, что созвездие Большой Медведицы, которая каждый вечер появляется в виде замечательного сочетания семи звезд, 10.000 лет назад выглядело совершенно иначе. По этому бесконечно-малому движению «неподвижных звезд» определена скорость их собственных движений. В то время как некоторые из них, напр., наше солнце, несутся со скоростью только 20 километров в секунду, другие, как «скороход» в Большой Медведице, проходят 289 километров в секунду.

Звезды не движутся концентрически, как планеты вокруг солнца. Нам кажется, что звезды в небе удаляются от одного какого-то определенного пункта, но на самом деле,—так как эти наблюдения относятся ко всем звездам,—мы сами с нашей солнечной системой приближаемся к этому пункту. Когда мы поднимаемся на воздушном шаре из какого-нибудь определенного места на земной поверхности, нам кажется, что все предметы на земле удаляются от нас, между тем как мы остаемся на месте. Именно потому, что все предметы на земной поверхности и сама она исчезают из нашего поля зрения, мы знаем, что это впечатление обманчиво, и что не они опускаются, а мы сами поднялись вверх. Та часть вселенной, куда стремится солнце с головокружительной быстротой—20 километров в секунду (солнце вместе со своими планетами, среди них земля, а на земле—мы), лежит в созвездии Геркулеса, на границе созвездия Лиры. Далее, новейшими астро-

номическими наблюдениями установлено, что звезды не движутся вокруг общего центра, вокруг сверх-солнца, как раньше предполагали, подобно нашим планетам вокруг солнца, но что их собственное движение по отношению друг к другу довольно неправильно. В настоящее время астрономы наблюдают, что не только звезды, светящиеся солнца, охвачены этими особенными движениями, но и вся масса значительно больших и темных тел, как, например, упомянутые туманные пятна,—также имеет свои собственные неправильные движения. Если это действительно так, т.-е. что движение звезд по отношению друг к другу неправильно, немедленно возникает возможность столкновения двух небесных тел, хотя бы расстояние между ними было очень велико. Значит, если все небесные тела не описывают правильного пути по отношению друг к другу, то, по мнению шведского исследователя Аррениуса, совершенно не исключена возможность того, что наше собственное солнце в своем сложном пути по бесконечному пространству натолкнется когда-нибудь на звезду или туманное пятно. Во всяком случае, даже звезда, которая в настоящее время ближе всего к солнцу, и с которой, таким образом, раньше всего может произойти столкновение,—звезда Альфа в созвездии Кентавра, и та находится на расстоянии какой-нибудь безделицы—в 4,3 световых лет. Это так бесконечно далеко, что если бы кто-нибудь мог зажечь на этой звезде фонарь, то мы увидели бы свет от фонаря в телескоп через 4 года и 100 дней. Сколько времени нужно употребить, чтобы свет от звезды пришел к нам и попал в нашу сетчатую оболочку глаза, столько же времени должно пройти, чтобы узнать о каком-нибудь событии на звезде. Мы наблюдаем самую близкую к нам звезду Альфа не в таком виде, какой она имеет теперь, а какой она была 4 года и 100 дней назад. По поводу возможности столкновения можно сказать следующее: солнце должно употребить 100.000 биллионов лет,—число, которого мы не можем себе представить,—чтобы, двигаясь с его настоящей быстротой, пережить подобное столкновение со своими ближайшими соседями; кроме того, надо предположить, что звезда Альфа будет так добра остановиться и подождать нас.

Нет сомнения, что в мировом пространстве находится больше темных, погасших и невидимых для нас солнц, чем светящихся. Может случиться, например, что попытка пробиться сквозь наибольшую плотную часть, хотя и незначительную вообще, обширного туманного пятна окажется опасной для солнца; этим была бы значительно укорочена предполагаемая продолжительность жизни солнца. Аррениус высказывает мнение, что солнце будет жить и странствовать около 1.000 биллионов лет. Во всяком случае, это такая цифра, которая никого не должна пугать. Туманные пятна, собственно, ускоряют крушение, уже раз имевшее место в течение неимоверно длительного колоссального пути солнца. Если бы существовал бог, то эти туманные пятна могли бы означать для него свалочные пункты. В туманных пятнах скопляется много материи из тел, блуждающих в широком пространстве: метеориды (маленькие метеоры), кометы, но, главным образом, занесенная световыми волнами пыль. Падающий на какое-нибудь тело свет всегда производит определенное, хотя чрезвычайно малое, давление. Если тело очень легкое, совсем крошечная песчинка, то давление света на него в данном случае может быть больше, чем сила притяжения того тела, к которому эта песчинка тяготеет. Даже если это небесное тело излучает собственный свет, оно освещает и свою собственную пыль, и эти многочисленные триллионы, квадриллионы, квинтиллионы песчинок покидают небесное тело и уходят в бесконечность, гонимые светом вперед.

Теперь мы знаем, что пугавшие нас раньше хвосты комет не что иное, как скопление таких странствующих песчинок. Чем больше таких небесных осколков скопляется в одном большом туманном пятне, которое преграждает дальнейший их путь, чем больше оседают на нем следующие и большие небесные осколки, тем плотнее оно становится. Длительное странствование в таком тумане на колоссальном протяжении может утомить даже такого хорошего скорохода, как наше солнце; оно застрянет в тумане и может столкнуться с собратом, который раньше испытал такую же печальную судьбу в том же самом туманном пятне.

Что может произойти от такого гигантского *солнечного столкновения?* Шведский исследователь следующим образом описывает подобную мировую катастрофу в своей появившейся в 1908 году книге «Будущее вселенной»: «Столкновение будет необычайной силы, при чем массы от все увеличивающегося притяжения получат скорость в 600 километров в секунду. Вероятнее всего, при этом получится так-называемый косой удар; только исключительная случайность может направить столкновение к центрам солнечных тел; косой удар вызовет бешеное вращательное движение всей массы тела вокруг нового центра тяжести. Одновременно из двух небесных столкнувшихся тел, которые, казалось бы, должны крепко сцепиться друг с другом, сверху и снизу, в том месте, где они от косого удара отодвинулись друг от друга, выбросятся в пространство газы в виде пучков. Эти газовые пучки должны двигаться и распространяться в той самой плоскости и в том же направлении, куда был нанесен удар от столкновения небесных тел. От самого движения встретившихся масс вырвавшиеся взрывчатые массы газов получают вращательное движение, совершенно так же, как при фейерверке колесо имеет на обоих концах диаметра два взрывающихся тела». Итак,—продолжает Аррениус,—«из столкнувшихся солнц выходят сильные газовые струи, которые образуют, распространяясь в бесконечность, двойную спираль. Большая часть этих газов отличается такой быстротой движения и так далеко удаляется от солнца, что им удается выйти из области его притяжения. Массы, вытолкнутые с меньшей силой, вследствие притяжения возвращаются обратно к месту взрыва и на этом пути встречаются с массами, выброшенными позже. Весь этот материал образует, наконец, вокруг вращающегося центрального тела газовое туманное пятно, заключающее в себе твердые и жидкие частицы, распространяющиеся вокруг, оставаясь в одной плоскости. Далеко позади них находится пылающее центральное тело, остаток обеих солнечных масс, которое после взрыва и извержения масс постепенно уменьшается в объеме».

За последние годы астрономы не один раз наблюдали такие

солнечные катастрофы. Звезда «Эта» в Аргусе постоянно меняет свой свет. Это указывает на целую серию столкновений, которую терпит при своем странствии сквозь туман несчастная жертва паукообразного туманного пятна. Новая звезда в Персее оказалась вечером 21 февраля 1921 года звездой 1,5 порядка, в то время как несколькими часами перед тем она была менее 1,2 порядка, а на следующий вечер была уже звездой 2,7 порядка; при этом ее свет так усилился, что она была ярче всех звезд северного неба. Исследователь так объясняет себе это явление: звезда «Эта» должна была, по всей вероятности, выдержать с планетой какой-нибудь солнечной системы маленькое столкновение, а 27 февраля, в день наибольшей своей яркости, она столкнулась и с этим самым солнцем. Божественный кормчий звезд и небесный стрелочник, который так хорошо управляет и руководит, должно-быть, совершенно забыл о несчастной судьбе бедного странника в Персее... 11 ноября 1572 года еще Тихо-де-Браге, решительный противник Коперника, наблюдал величественную катастрофу подобного рода во дворе своей обсерватории в Эридсваде в Дании. Гуляя у себя по двору, он увидел высоко в небе звезду с чрезвычайным блеском, которой до того там не было. Она так сияла, что в полдень ее можно было видеть простым глазом. Тихо-де-Браге вначале думал, что это обман зрения, но впоследствии он оставил нам подробные записки об этом явлении. Спустя несколько недель звезда заметно потускнела, а через 17 месяцев совершенно исчезла. На ее месте появилось туманное пятно. Оказалось, что пострадали два столкнувшихся солнца. Туманные пятна вполне соответствуют также тем фигурам, которые сохраняются на фотографических пластинках в обсерватории, тем картинам, которые можно себе представить, как результат подобных солнечных катастроф во вселенной; или, лучше сказать, они изображают картину после такого несчастного случая. Они ясно показывают спиральные струи от столкновений распространяющихся или уже рассеявшихся газовых масс вокруг плотного центра.

Как только два небесных тела образовали после столк-

новения туманное пятно, и их масса рассеялась во вселенной, возникшее таким образом туманное пятно опять превращается в созвездие. Большие солнца, которые хоть раз когда-нибудь должны по ним пройти, проталкиваясь сквозь них, как показывают фотографические снимки, оставляют за собой видимый след, происходящий от того, что они отбрасывают от себя по обеим сторонам пути редкие туманные массы. Но меньшие или более медленные «переселенцы» задерживаются частицами в туманном пятне. И поэтому мы замечаем маленькие звезды, находящиеся в небольшом количестве вблизи туманного пятна, в роде того, как это бывает с мошками вблизи сети большого и немилосердного паука-крестовика. Таким же точно образом многие звезды попадают в сети туманного пятна. Вследствие этого в туманном пятне образуется много сильно действующих притягивающих центров, которые уплотняют окружающие их туманные газы. Блуждающие вокруг скопища метеоров, несущиеся к ним с убийственной быстротой, еще больше увеличивают силу притяжения. И туманное пятно, наконец, опять превращается в созвездие. От происшедшего солнечного столкновения оно получает собственное вращательное движение (движение планет, спутников); вместе с тем, как ниже будет сказано, оно постоянно накопляет теплоту и таким образом медленно согревается.

При образовании новых солнц из туманных пятен и новых туманных пятен из солнц, в этом периодическом, не останавливающемся круговороте космических явлений, в этом длительном «perpetuum mobile», действуют две великие силы. В то время как сила притяжения и сила тяжести стремятся притягивать вещества и повинны, главным образом, в солнечных столкновениях, *давление световых лучей*, которое гонит песчинки от одного небесного тела к другому, действует в противоположном, отталкивающем направлении. Солнца не только посылают световые волны в пространство, но вместе со светом, производящим давление на все освещаемые им тела, выбрасывают и песчинки, которые на своем пути в бесконечность задерживаются туманными пятнами; так как они слетаются со всех сторон

в громадном количестве, то скоро туманность сгущается. Мы представляем себе пространство бесконечным, и в нем приблизительно равномерно распределены как светлые, так и погасшие солнца и туманные пятна. Раньше представляли себе, что звезды скопляются в одной большой группе, а за ней находится пустое бесконечное пространство. Вследствие бесконечности пространства и бесконечности рассеянных масс, ни одна странствующая песчинка не может затеряться в бесконечности, она должна где-нибудь и когда-нибудь быть притянута космическим телом, а именно туманным пятном, как бы долго ни продолжался ее путь. Такие переселившиеся в звездный туман песчинки передают полученную ими от оттолкнувшего их солнца энергию газовым частицам тумана, в виде тепла. Вследствие теплоты, вся эта газовая масса расширяется, а вследствие расширения, газы опять охлаждаются, так что туманное пятно снова может воспринять теплоту. Таким образом происходит вечная смена температур во вселенной. Энергия солнечного теплового луча воспринимается частицами газа туманного пятна и передается в центр новообразующейся звезды. Теплота, исходящая от солнца в течение долгого времени, конденсируется, скопляется и сохраняется в туманном пятне вокруг центров притяжения или остатков небесных тел, разрушенных при столкновении, и, таким образом, не истрачивается бесполезно в бесконечности; точно так же не пропадает энергия ни одной из странствующих песчинок, которые должны в этой бесконечности мирового распределения найти свою долю тепла в каждом тепловом луче. Итак, изложенное мнение исследователя Аррениуса приводит, наконец, к следующему выводу: «При своей консервирующей (сохраняющей) деятельности газовые массы в туманном пятне быстро разрежаются, но затем опять пополняются новыми массами, исходящими изнутри туманного пятна, пока газы не улетучатся, а туманное пятно, именно благодаря тепловой энергии, которую оно получило извне, превращается в скопление звезд или планетную систему, которая вращается вокруг одного или многих солнц. От новых сотрясений происходят новые туманные пятна. Вследствие ком-

пенсирующего (уравнивающего) взаимодействия силы тяжести и силы давления лучей, уравнения температуры и концентрации теплоты, одним словом, от взаимодействия прямо-противоположных сил жизнь, как легко можно себе представить, протекает в вечном движении, ни начала, ни конца которого постичь мы не можем».

Действие лучей препятствует тому, чтобы звезды скоплялись в одном месте, как мы должны были бы себе представить по закону притяжения. Формы космоса являются следствием обеих противоположных (взаимнопротиводействующих) сил. Но мир не может умереть от «тепловой смерти», как скорбно пророчили раньше некоторые исследователи, предполагавшие это на том основании, что длительное лучеиспускание тепла от горячих тел к холодным должно привести, наконец, к уравнению температуры во всей вселенной, при чем дальнейшее лучеиспускание от тела к телу прекращается, а с ним, значит, прекращаются жизнь и движение. Теплота—это движение молекул (маленькие частицы химически сложных тел, в данном случае—газовые тела); теплота ищет уравнения: печь до тех пор испускает теплоту в холодную комнату, пока она сама и стены комнаты не будут иметь приблизительно одинаковой температуры.

Итак, тепловая смерть! Если вследствие стремления к уравнению температуры солнце отдает свои тепловые лучи значительно более холодному от разрежения воздуха туману (температура безвоздушного пространства равняется, как известно, 273^{0} ниже нуля), то туман воспринимает теплоту, собирает ее и сохраняет. Но воспринятые им тепловые лучи действуют таким образом, что туман расширяется, рассеивается и от этого становится еще реже. Одновременно понижается температура, что делает его способным опять воспринять тепловые лучи. Сохранение тепла противодействует уравнению тепла. В результате получается длительный кругооборот между отдачей температуры, с одной стороны, и концентрацией,—с другой. Словом, температурные движения—это вечные движения. Чтобы лучше понять невозможность «тепловой смерти», т.-е. окончательного ура-

внения теплоты между космическими телами, а, значит, и гибели всякой силы в мире, мы приведем следующее картинное изображение шотландского исследователя Максвелля: «Представим себе сосуд, наполненный газом, который везде имеет одинаковую температуру. Сосуд этот разделен перегородкой на две части; внутри перегородки находится несколько маленьких щелей, настолько узких, что только одна маленькая газовая частица может пройти через них. У каждой щели стоит маленький разумный сторож с большой хлопушкой для мух, на которого возложена следующая обязанность. Газ в сосуде имеет определенный градус тепла, а теплота—это движение; следовательно, частицы газа (молекулы) находятся в постоянном движении. Маленький сторож должен пропускать в верхнюю часть только те движущиеся молекулы, которые обладают большей скоростью, выше средней, а значит, и большей теплотой; в нижнюю часть сосуда сторож пропускает молекулы с меньшей подвижностью (значит, более холодные). Всем остальным молекулам сторож своей хлопушкой преграждает путь. Тогда все молекулы, обладающие большей быстротой, т.-е. более теплые, собираются в верхней полости, а обладающие меньшей скоростью, т.-е. более холодные, в нижней полости. Другими словами: газовые частицы верхней полости нагреваются, а в нижней полости становятся холоднее. Прохождение первой молекулы, пропущенной сторожем из одной полости в другую, совершается при одинаковой температуре, а после первой пропущенной молекулы теплота передвигается из более холодной полости в более теплую. Мы не могли бы получить ясного представления об уравнении теплоты, не предполагая сознательной деятельности такого сторожа. В космосе роль маленьких разумных сторожей при щелях, роль швейцаров, играют именно газы туманных пятен. Они, хотя и пропускают теплые солнечные лучи в туман, но в виду того, что от нагревания периферий тумана и происходящего от этого расширения и истончения массы опять может наступить охлаждение, они предупреждают первоначальное нагревание и последующее охлаждение на периферии тумана тем, что одновременно

отдают свою теплоту более плотным частицам, вследствие чего туманное пятно насыщается теплом и может естественным образом отдавать полученную теплоту обратно в пространство.

Как мы видим, эти две великие силы—сила притяжения и сила давления лучей, с одной стороны, отдачи тепла и сохранения тепла,—с другой, проявляют свое действие в вечном движении внутри одного и того же замкнутого кругооборота. Современная наука дает представление о происхождении мира без вмешательства небесного существа; надо только хорошо себе усвоить, что так-называемые «законы» тяжести, давления лучей, концентрации теплоты и уравнения температуры—нераздельны с сущностью материи. Никакой ученый не станет утверждать, что эти научные представления о происхождении и состоянии вселенной вовеки-веков непогрешимы и постоянны; наука разумным способом разъясняет установленные опытным путем факты небесной жизни, в то время как непонятное представление о божественном вмешательстве не дает никакого объяснения, кроме мрачного пророчества о конце мира. Прежде всего, никакой серьезный ученый не обманывает себя тем, что все до сих пор еще не решенные «мировые загадки» будут разрешаться просто, a priori, как арифметическая задача. Гений исследователя освещает постоянно все новые и до сих пор неизвестные факты, и ряд открытий, в особенности в области астрономии, никогда не будет закончен; кроме того, исследователь обязан также дополнять и улучшать уже предложенные гипотезы или, если это нужно, совершенно их отбрасывать. Например, Эйнштейн в настоящее время дает нам совершенно новые представления и понятия о пространстве и времени, и это только подтверждает и напоминает еще раз о том, что наши теперешние познания о происхождении и состоянии мира не окончательны. Все это верно. Как ни несомненно право человека гордиться прогрессом своего ума, но все же он должен скромно сознаться в неизбежности возникающего на каждом шагу непреодолимого убеждения, что все до сих пор приобретенные знания соста-

вляют ничтожную часть возможных знаний. И если это так, мы все-таки спрашиваем себя, что, собственно, выигрывают религиозные понятия о боге от пробелов, существующих в наших познаниях? Это просто безумие—незнанием одного явления обосновывать познание другого явления, не говоря уж о том, что ни спектральный анализ химика, ни телескоп астронома не заключают в себе ни одного миллиграмма «божественности» или сверхъестественности. Благоговейно и с трепетом стоит серьезный исследователь, свободно обходясь без помощи понятия о боге в изучении мира, пред бесконечностью вселенной, среди которой он на своей маленькой земле является только песчинкой, маленьким пятнышком, ничтожеством, и все-таки он имеет смелость подыматься в безграничное пространство на крыльях мысли; там, где гремят солнечные гиганты в пространстве, художник или поэт подарит его фантазии крылья орла, но благоговение, трепет, чувство то слабости, то силы перед простором природы ничего общего не имеют с набожностью филистера, который чересчур неповоротлив, очень глуп или одновременно грешен и тем, и другим, чтобы действительно разрешать великие вопросы бытия; и лучше ему черпать свое миросозерцание если не из бутылки с водкой, то из воскресной церковной службы.

Наша песчинка во вселенной.

Ребячески-детские представления о „срединной империи“.—Везде одинаковое одеяние космоса.—Пятое место в небесной „табели о рангах“.—Световые лучи с тысячемильными сапогами.—Как понимать и представлять себе бесконечность пространства.—Почему мы не сгораем?—21 триллион молекулярных сельдей в наперстке.—Кругом света в две минуты.—Движение есть неотделимое свойство материи.

Мир, в котором человек живет, и человечество, к которому он себя причисляет, кажутся верующему центром всего бытия. Француз Гюйо говорит: «Неспособный к обобщению своих впечатлений религиозный человек все сводит к себе самому». «Он стоит в центре всего мира, и боги беспрестанно заняты им». Но, кроме геоцентризма астрономического, как, например, у Птоломея, у александрийцев и у христианских светочей церкви, которые и до настоящего времени верят, что солнце движется вокруг земли, существует еще параллельный ему философский геоцентризм, чисто-умственный, геоцентризм миросозерцания. Все религиозные люди до сих пор преисполнены еще этим геоцентризмом. По их понятиям, господу богу больше нечего делать, как только заниматься землей, ее садами и всем, что там копошится и ползает. Разумеется, больше всего он занят несколькими миллионами людишек, конечно, созданными по его образу и подобию. Они похожи на неразумных детей, которые плачут, когда в обществе не все вертятся вокруг них, или, быть-может, смахивают на китайцев, тоже серьезно убежденных, что только они одни числятся в «срединной империи». Вера в важное значение собственной личности всегда ребяческого происхождения и показывает неспособность, вследствие своего ничтожества, вникать в другие

интересы, кроме своих собственных, точно так же, как с точки зрения петуха, например, весь мир ограничен задним двором. Капиталист-буржуа тоже принадлежит к этому сорту людей, тем упорнее считающих современный экономический строй единственно возможным, чем ограниченнее их горизонт. Он основывается только на том, что случайно родился при этом строе и поэтому должен его поддерживать

В настоящее время наука дает совсем иное понимание мира, нежели геоцентрическое, чисто-эгоистическое человеческое мировоззрение. Прежде всего, земля по своему материальному строению не имеет никаких преимуществ перед другими небесными телами; напротив, спектральным анализом обнаружены на многих звездах такие линии, которые не показываются ни одним из составных элементов земли. Не все линии солнечного спектра сведены путем сравнения к соответствующим телам. Часто случается, что на солнце и на звездах встречаются такие вещества, как и на земле, но сама земля не обладает ни одним веществом, которого бы не было на солнце. Приняв во внимание все, вместе взятое, мы приходим к заключению, что существует и соответствие между спектральными линиями всех космических тел, включая и землю, и веществами, встречающимися в мировом пространстве. На земле нет ни одного вещества, которое не было бы найдено в спектре других звезд. Это доказывает, что земля представляет одну только частицу и песчинку среди исполинских масс нагроможденной в мировом пространстве материи. Если «тайное волшебство» призмы действует правильно и дает верные сведения, то еще вернее небесная арифметика. Если мы представим себе солнце величиною с колесо телеги, то земля по отношению к нему не больше горошины. Но даже и солнце вовсе не «царица звезд», имеющая какие-нибудь преимущества по силе света перед другими неподвижными звездами или солнцами. Солнце в сравнении с другими небесными телами невелико. Если бы оно находилось на таком расстоянии от нас, как звезда Арктур или звезда Бета, которые мы ежедневно видим, оно совершенно не

было бы видимо нами; будь оно от нас на таком расстоянии, на каком находятся звезды первой величины по силе света и размерам, оно показалось бы нам едва заметной светящейся точкой на небе, *звездой пятой величины*; масса солнца также значительно меньше по объему, чем многие другие космические тела. Непостоянная звезда Z в Геркулесе находится в состоянии непрерывных катастрофических столкновений; по наблюдениям астронома Гартвига, она состоит из двух исполинских солнц, вращающихся одно вокруг другого на расстоянии 45 миллионов километров (что почти равняется расстоянию ближайшей к земле планеты). Эти солнца имеют в диаметре 15 и 12 миллионов километров, и они больше нашего солнца в 17½ и 94 раза.

Мы, человечки, должны проявить еще бо́льшую скромность при мысли о *расстояниях*, что-нибудь значащих в бесконечном пространстве. Эти расстояния, измеряемые не километрами и не милями, потому что числа с нулями были бы так велики, что нельзя было бы их произнести, а так-называемыми «световыми лучами»; мерилом служит расстояние, которое свет проходит в пустом пространстве в течение года. Свет пробегает в пустом пространстве в одну секунду 30.000 километров. Это выяснено следующим образом: в нашей солнечной системе вокруг Юпитера вращается несколько спутников, которые мы можем наблюдать в телескоп. Юпитер и земля вращаются вокруг солнца, но они проходят свои пути не в одно и то же время; таким образом, земля то приближается к Юпитеру, то отдаляется от него. Спутники Юпитера имеют определенное время вращения. Лишь только земля, вращаясь вокруг солнца, приближается к Юпитеру, сейчас же с точностью обозначается время появления какого-нибудь спутника Юпитера; при существующей закономерности движений в солнечной системе, он должен опять появиться в течение определенного промежутка времени. Если взаимоотношение небесных тел в нашей солнечной системе таково, что земля находится на наибольшем расстоянии от Юпитера, его спутник появляется с известным хотя небольшим опозданием. В таком случае, свет Юпитера, чтобы дойти до нас,

должен пройти большее расстояние, которое может быть значительнее прежнего на целый диаметр земной орбиты. Эту разницу во времени прохождения пути спутника Юпитера использовали для точного определения скорости света, т.-е. пришли к заключению, что он проходит 300.000 километров в одну секунду. Если знать расстояние и точно определить размер замедления, должен получится верный результат. Нам здесь могут возразить: как можно точно определить величину земной орбиты, откуда вообще берутся сведения о пространстве и расстояниях во вселенной? Каждый знает, что математик, вооруженный метром и угломером, может очень точно определить, например, высоту церковной башни, даже если невозможно взобраться на нее и опустить отвес с ее вершины. Эти так-называемые тригонометрические измерения основаны на свойствах всех треугольников; нужно только иметь кое-какие данные: например, по известной стороне и прилегающему углу можно уже найти все остальные стороны и углы без дальнейших измерений. При помощи тех же инструментов, метра и секстанта (угломера), можно определить расстояние от любой звезды или солнца. Нужно только наметить подходящий треугольник между землей и каким-нибудь небесным телом, а на земле определить необходимые части треугольника; тогда остальные его части и дадут расстояние земли от искомого небесного тела.

Но вернемся к упомянутому уже световому году. Так как год заключает в себе 31½ миллиона секунд, то световой год равняется, измеряя его расстоянием, 31½ миллионам километров, помноженным на 300.000. Это число 9.467.077.800.000 и состоит из тринадцати цифр, а ближайшая неподвижная звезда, которую мы видим, Альфа в Кентавре, находится на расстоянии даже не одного светового года, а ни больше ни меньше, как 4.3 таких световых годов. Звезды восьмой величины, которые мы, несмотря на их небольшую величину, все-таки видим, находятся от нас на расстоянии в 780 подобных световых годов в среднем, а звездочки, мерцающие в млечном пути,— на расстоянии 4.000 световых годов. Но что, наконец, на-

ходится за этим млечным путем (при бесконечности пространства можно допустить, что там находятся миллионы других таких же млечных путей с такими же расстояниями друг от друга), мы постичь не можем, и это нельзя было бы выразить даже в световых годах. Теперь представим себе, что если бы к солнцу была проведена железная дорога, скорым поездом мы доехали бы к нему в 190 лет. Или представим себе стрелка, находящегося на ближайшей от нас планете Венере и стреляющего на землю в козулю; после выстрела она может спокойно пролежать еще 2¼ года, прежде чем пуля настигнет ее, и это при маленьких расстояниях, так как Венера находится внутри нашей солнечной системы. И невольно приходишь в трепет от этих колоссальных расстояний вселенной, по которой, однако, световой год стремится уверенно и неутомимо.

Бесконечность пространства!.. Страшно трудно подумать, мы неспособны себе даже представить, в мозгу нет органа для этого. По мнению Эйнштейна, у нас нет достаточной силы воображения, чтобы вместить в мозгу бесконечные пространства, хотя такая способность должна иметься у естествоиспытателя; нужно некоторым образом ясно представить себе разницу между силой воображения и способностью мыслить. Известно, что шар—это тело, имеющее три измерения: длину, ширину и глубину. Наша земля, как мы в настоящее время знаем, шарообразна. Теперь представим себе существа или людей более низкого интеллектуального развития, чем наше, которые не имеют никакого представления об этом третьем измерении,—о глубине,—но имеют представление только о длине и ширине. Один из них отправляется путешествовать по земле в прямом направлении. Мы, обладающие полною способностью мышления, знаем и можем себе представить, что этот путешественник должен вернуться к тому месту, откуда он вышел (если только он будет двигаться все в одном и том же направлении), потому что земля шарообразна. Путешественнику, которому ведомы только два измерения, длина и ширина, покажется совершенно непонятным, как может он опять очутиться на том

же самом месте. Он этого не может представить себе, хотя это факт. Так как путешественник не имеет никакого представления о глубине, то ему кажется, что он вечно должен итти все вперед, если только будет придерживаться прямого направления. Когда Коперник защищал шарообразную форму земли и доказывал, что на противоположной стороне земного шара живут люди, которые по отношению к нам ходят как бы вверх ногами и являются нашими антиподами, недоверие к нему, естественно, было велико, потому что привычные представления еще не могли освоиться с этим. Нечто подобное, но значительно сложнее, происходит с нашим представлением о пространстве, которое нам кажется конечным и ограниченным, а на самом деле мы знаем, что оно должно быть бесконечным.

Другое затруднение для исследователя при мысли о бесконечности представляется в следующем. Уже в глубокой древности знаменитейшие в мире греческие естествоиспытатели, а также Кант, находили, что число звезд бесконечно велико. Если это так, и если лучеиспускающие светящие и греющие солнца равномерно распределены в пространстве, то, в виду их бесконечного числа, все небо должно казаться нам светящейся поверхностью и излучать на нас свет сильнее солнечного. То же самое относится и к тепловому лучеиспусканию из небесного свода, даже если допустить, что некоторые звезды излучают минимальное количество тепла на землю. Высчитано, что теплота, исходящая на землю от колоссального солнца—Арктура, равняется 11,4 миллиардной части той теплоты, которую дает свеча на расстоянии одного метра. Даже если отдельные звезды дают очень незначительное количество теплоты, то, принимая во внимание бесконечное число звезд, тепло, исходящее от них, должно быть для нас чрезвычайно велико и постоянно; на земле все должно было бы сгореть, но на самом деле и мы, и наши леса не сгорают, и тогда спрашивается: как совместить бесконечное число звезд с распределением тепла в космосе? Современные исследователи отвечают на это, что среди бесконечного числа светящихся солнц находится такое же бесконечное число несветя-

щихся небесных тел, холодные туманные пятна; они обладают, как известно, удивительным и важным свойством поглощать на продолжительное время теплоту и расширяться от падающих на них тепловых лучей; от расширения они опять охлаждаются у периферии и, таким образом, способны снова поглощать теплоту. Теплота, исходящая от бесчисленных звезд, таким образом, не попадает к нам, за исключением той, которая проходит по такому месту бесконечного пространства, где не встречается с туманными пятнами и не поглощается ими. После этого остается признать, если мы хотим согласиться с выводами одного современного немецкого исследователя, «что число звезд в пространстве бесконечно. Мы еще далеки от того, чтобы даже знать о всех тех звездах, которые не скрыты темными телами. Чем совершеннее будут оптические инструменты, тем все более новые пространства с большим количеством новых звезд откроются нашему взору».

Человек стоит перед совершенно непостижимыми величинами, когда он рассматривает вещество не только с точки зрения его места во вселенной, но по отношению к составу и строению каждого отдельного тела. В настоящее время в химии самые маленькие неотделимые частицы простого тела («элементы») называются атомами; говорят, например, об атоме железа, серы и т. д.; наименьшие частицы, состоящие из нескольких элементов, сложных тел, как, например, вода, поваренная соль и т. д., называются молекулами. Других тел не бывает на свете. Молекула состоит из многих или, по крайней мере, из двух атомов. Хотя прежнее учение о неделимых элементах, к которым относятся все металлы (железо, свинец, платина, цинк, медь...), благодаря результатам, достигнутым изучением радия, совсем отброшены в последние годы, но ради удобства химики оставили старые названия: атом и молекула. Высчитано, что в очень маленьком наперстке, годном разве только для принцессы лиллипутов, при нормальных условиях заключается двадцать один триллион молекул воздуха (21.000.000.000.000.000.000), число с 18 нулями. Но молекула воздуха еще не самое маленькое химическое тело, по-

тому, что она сложна, и вообще это не самая маленькая величина. Атомы, из которых состоит воздух, значительно меньше молекул воздуха, составляя, по новейшим вычислениям, одну 10-миллионную часть 3-х миллиметров. Современная наука об электричестве признает, что и атом—сложное тело, что даже он еще не считается самой маленькой величиной. Катод—это полюс трубки с разреженным воздухом, через который проходит электрический ток, соединенный с отрицательным полюсом источника электрической энергии,—он, как известно, испускает лучи. Исследование этих лучей показало, что они не дают ни света, ни колебаний эфира, и это доказывается тем, что лучи не проникают сквозь твердые тела и отклоняются магнитным полем. Эти излучаемые тельца называются «электронами» или, что понятнее для профана, рентгеновскими лучами,—по имени Рентгена, открывшего их. Предполагают, что заряженные отрицательным электричеством электроны, соединенные с положительным ядром, образуют сначала атом, который в две тысячи раз меньше атома водорода, самого маленького атома. Если спросят, сколько таких электронов войдет в вышеупомянутый карликовый наперсток, то получится число, быть-может, с 30 или 40 нулями. Бацилла, видимая только под микроскопом, показалась бы электрону величиной с планету, как земля.

Но вернемся, с новым представлением о малых величинах, обратно к звездному небу, и тогда мы увидим нашу землю плавающею в воздушном море, величиною с ореховую скорлупу. А что сказать о той маленькой звездочке, которая находится среди большой группы, числом около ста, *планетоидов*, между планетами Марсом и Юпитером, и которая описывает собственную орбиту вокруг солнца. Американец Джемс Кибер открыл эту звездочку-карлика в 1900 г.; ее диаметр равняется 500 метрам, немного только выше Драхенфельса на Рейне или Лилиенштейна в Саксонской Швейцарии; ее можно обойти в какие-нибудь полчаса и даже медленным поездом можно объехать в две минуты. Сила притяжения этой звездочки в 13.000 раз меньше силы притяжения земли, и потому мы не посоветовали бы артил-

лерийскому командиру устраивать на ней упражнения в стрельбе: во-первых, потому, что все стрельбище пришло бы в сильное колебание от орудийной отдачи, во-вторых, от слабой притягательной силы выпущенные гранаты, вместо того, чтобы попасть в цель, потерялись бы далеко в пространстве и затем носились бы, как спутники, вокруг изумленных артиллеристов. Действительно, очень смешную фигуру представляет этот носящийся вокруг солнца планетоид, который, однако, стоит в порядке небесных тел на той же ступени, что и земля: в космической «табели о рангах» он гораздо выше луны, которая в несколько тысяч раз больше его и является только спутником планеты, а планетоид вращается вокруг солнца по собственной орбите.

Всюду господствует движение, как среди небесных тел, великанов и карликов, так и среди малейших частиц материи. Если мы будем рассматривать под сильно увеличивающим микроскопом какую-нибудь жидкость, клейкую, молочную, неорганическую массу, мы увидим кишащие, копошащиеся, танцующие и извивающиеся в постоянном, неправильном движении тельца. Это не бактерии, не инфузории, и не другие маленькие живые существа: эту жидкость можно тщательно стерилизовать (обесплодить), убить могущие там быть зародыши таким образом,—и все-таки мы будем наблюдать те же самые движения. Это так-называемые броуновские движения. Вначале действительно предполагали присутствие бактерий, проделывающих танец дервишей; впоследствии пришли к заключению, что движения производят неорганические (неживые) тельца. Движение вечно, оно свойственно тельцам, его можно наблюдать долго, годы, десятки лет. Происходит ли здесь движение молекул? Таково уж свойство света и устройство нашего глаза, что мы не можем различать величину, если она меньше длины световой волны, равняющейся 5,5 десятитысячных долей миллиметра. Лучи, направляемые в наш глаз крайними точками наблюдаемого тела, образуют известный угол, величина которого ограничена определенными линиями, и меньше его мы никогда не можем видеть; даже микроскоп может увеличить наше поле зрения только до обьема

световой волны. Величина молекул равняется не одной десятитысячной части миллиметра, как световая волна, а одной миллионной части, так что видеть ее даже под самым сильным микроскопом нельзя. То, что мы видим в этой клейкой жидкости, были значительно бо́льшие тельца, смолистые по своему составу, так-называемые эмульсионные тельца, приведенные в движение молекулами; они настолько велики, что их можно видеть; с другой стороны, так малы и легки, что должны следовать движениям молекул. Этот эксперимент точно подтвердил доказанное уже раньше теоретически положение, что *движение нераздельно с материей*, или, выражаясь монистическим языком,— нет материи без силы, и нет силы без материи, нет духа без тела, и нет тела без духа. Одно немыслимо без другого, с какой бы точки зрения ни рассматривался вопрос. И действительно, погружаясь в эту еще совсем темную область науки о бесконечных величинах в мире, мы дойдем до границы проблемы бытия, приблизимся к той области, где жизнь и смерть, материя и сила, дух и тело,—все сольется в одно. То, что человек охватывает своим, большей частью поверхностным взглядом,— все это внешность бытия. Наш взор проникает в своей вынужденной ограниченности не до последней стадии бытия, и если хотите,—то даже и не до первой. И здесь перед естествоиспытателем открываются огромные девственные чащи, но важные монистические выводы, которые мы делали из броуновских движений, ведут нас в глубину философии, в чистую сферу мышления, покидая ту ограниченную область работы, которая при современных условиях научной работы находится в распоряжении микроскопа и лаборатории.

Конец мира.

Солнце стареет и стынет.—Теплоту берут, но не крадут.—Динамитное покушение вещества на солнце.—Вулканы, губящие и дающие жизнь.—Перемежающиеся периоды тепла и холода на земле в прошлом.—Наше тоненькое, но полезное воздушное пальто.—Навстречу благословенному грядущему земля.—Невинные кометы.—Неуничтожаемость материи и силы.—Современный алхимик—мистер Радий.—Наука о природе и человеческие идеи.

Когда и как настанет конец мира? Это страшный вопрос, который беспокоил человечество во все времена. Как отвечает на него наука? Солнце ежегодно расточает в пространство неимоверное количество тепла. Если бы и время было бы так же велико, то должен наступить такой момент, когда даже такая «доменная» печь, как солнце, должна остыть. Но все-таки мы не должны бояться, что мы или наши потомки будут когда-нибудь простирать руки к небу, оплакивая постепенное угасание солнца: уже давным-давно было время такого холода на земле, что ни одно живое существо не могло выжить. Но если бы солнце охладело до известной степени, оно стало бы походить на теперешнюю землю, которая, благодаря своей незначительной величине, остыла гораздо раньше. Вокруг солнца тогда появится кольцо, которое от непрерывно вырывающихся на поверхность газов и извержений лавы изнутри солнца должно лопнуть. Однако, кора охладевшего солнца будет становиться все толще и толще. Взрывы станут реже и, наконец, изнутри солнца начнут появляться отдельные, но все еще пылающие ужасающим жаром извержения. В конце-концов, вода на солнце сгустится, и образуются колоссальные океаны. В таком состоянии оно и будет походить на теперешнюю землю. Но солнце проделает все эти ста-

дни гораздо скорее, потому что оно не находится в таких счастливых условиях, как земля, которая имеет над собой звездное небо, дающее ей свет и тепло. Солнце получает теплоту в очень небольшом количестве от остальных, чрезвычайно отдаленных от него солнц, и поэтому температура его в этом периоде будет падать значительно быстрее, чем на земле. Океаны исчезнут. Кора солнца достигнет почти 60 метров толщины и тогда не пропустит никакой теплоты изнутри себя. Солнце надело на себя вечную шубу; оно достаточно пожило. С этого времени оно сохранит почти все собранное им тепло, которое имелось раньше, и будет плавать в пространстве, как темное тело, на поверхности которого температура будет немного выше абсолютного нуля (т.-е. минус 273°—это температура мирового пространства, по которому несется солнце). Оно будет носиться до тех пор, пока его не настигнет туманное пятно, пока не случится столкновение с другим солнцем, и только с этого времени оно опять будет содействовать образованию нового солнца.

Если все это так, то как долго могут еще жить солнце и земля? В данном случае опасность заключается в *излучении солнечного тепла.* Еще и теперь солнце излучает теплоту в 6000—8000°. Ледяной панцырь толщиной в 31 метр вокруг земли мог бы растаять от этого жара только в течение года; так много теплоты затрачивает царица звезд только на нас одних, при чем бедная носящаяся в пространстве песчинка мировой материи, называемая землей, получает самые незначительные крохи излучаемой солнцем энергии. Высчитано, что при такой трате энергии солнце должно было бы, собственно, окончательно потерять все тепло в течение двух тысяч лет. Откуда же оно возьмет его, если не будет красть? Поэтому исследователи давно уже предполагают, что солнце не только показывает бюджет расхода тепла, но имеет и собственный счет прихода. Немецкий врач д-р Майер первый занялся этим вопросом. Он предположил, что на солнце ринулась с бешеной быстротой громадная масса метеоров, после чего движение их прекратилось, и должна была возникнуть теплота, но так как ме-

теоры не могли возместить потери тепла, то, по мнению Майера, солнце должно было пожрать одну за другой свои планеты и этим восполнить недостаток тепла. Оно уподобилось бы, таким образом, жестокой матери, пожирающей своих собственных детей. Даже если бы это было так, то, по позднейшим расчетам, солнцу это принесло бы мало пользы. Например, падение земли на солнце доставило бы ему столько тепла, что оно могло бы возместить его потерю вследствие лучеиспускания всего лишь на сто лет. Помощь солнцу со стороны невозможна уже потому, что длительный напор метеоров в таком громадном количестве, которое могло бы доставить солнцу достаточный запас тепла, вызвал бы уже в историческое время значительное увеличение объема солнца, чего в действительности не было. Солнце не растет, а, наоборот, оно сморщивается, хотя и незаметно. Вместо того, чтобы объяснить увеличение тепла внешними причинами, теперь наука приводит внутренние причины, исходящие изнутри солнца, что вполне согласуется со всеми научными исследованиями и наблюдениями. В то время как на поверхности солнца находятся только основные химические элементы, внутри его происходят химические соединения. Под страшным давлением, в 8520 миллионов атмосфер, которое должно существовать внутри солнца, эти химические соединения, сжатые солнечной оболочкой, разлагаются; от этого происходят ужасающие взрывы, при чем освобождается громадное количество тепловой энергии. Динамит, в сравнении с этим солнечным взрывом, кажется игрушкой. На солнце, как известно, мы замечаем периодически появляющиеся скопления характерных солнечных *пятен*. По этим пятнам и по периодическому их появлению мы заключаем о вращении солнца вокруг своей оси, которое происходит в течение 27 дней. Вокруг этих пятен на фотографических снимках солнца находятся «факелы», значительно более светлые, чем окружающая среда. Можно с полным правом принять эти пятна за трещины солнечных туч. Во время солнечного затмения вокруг пояса солнечного пятна замечаются большие огненные лучи (протуберанцы), уходящие в мировое пространство на десять ты-

сяч километров. Чем больше солнечных пятен, тем больше трещин в солнечных тучах, и тем больше по своим размерам «протуберанц». Здесь, собственно, наблюдаются предшествующие события тех страшных взрывов, которые разрешают солнцу дорогое удовольствие почти безнаказанно расточать тепло в мировое пространство,—почти безнаказанно, но не безвозмездно. Высчитано, что пройдет минимум четыре тысячи миллионов лет, при чем это время может продлиться и биллионы лет, прежде чем солнце окончательно разрядится и остынет. Этот чрезвычайно длительный срок существования вполне согласуется с изысканиями в других областях. Сам человек, живший еще до ледникового периода, должен быть старше 500.000 лет. Найдены орудия, сделанные человеческой рукой, возраст которых круглым счетом 100.000 лет. Жизнь низших организмов в 300 раз дольше человеческой, может-быть, доходит до 150—200 миллионов лет. Несравненно старее море на поверхности земли. Если признать, что солнце не пополняет своей теплоты продолжительными взрывами изнутри себя, то оно должно ежегодно охлаждаться на 4—5°. Оно должно было бы в исторические времена оказаться для древних египтян жарче на 6.000°, чем для нас. Но эти выводы нелепы и неверны как для прошлого, так и для будущего. В промежуток времени, отделяющий нас от фараонов, солнце должно было бы дойти до такого предела, когда оно больше не в состоянии излучать теплоту. Но если на основании всего вышесказанного мы абсолютно не должны бояться, что в будущем придется жить на леднике, то, с другой стороны, несомненно, что в очень отдаленном будущем солнце «умрет», оно уже сильно посгарело, растратило колоссальное количество тепла и почти потеряло все, что имело.

Звезды по цвету посылаемых ими лучей делятся на белые, желтые и красные. Происхождение этих цветов совершенно то же самое, как при накаливании платиновой проволоки, которая при слабом токе приобретает красный цвет, при более сильном—желтый и, наконец, при очень сильном токе—белый. Цвет звезд находится, следовательно, в зависимости от господствующей на них температуры: из-

вестно, что на красных звездах температура 3000—4000°; на желтых средним числом—6000°, а на белых—даже свыше 25.000°. Солнце относится к желтым звездам. Стадию белого цвета оно уже прошло; оно стало более твердым и находится в так-называемом пожилом возрасте; морщин на нем еще нет, но и для него настанет день, когда оно вступит в старческий возраст.

Все, что говорилось о солнце, относится к его телохранителям и спутникам,—к планетам. Земля—значительно меньшей величины, чем солнце (вообразим ее себе в виде шарообразной массы газов, отделившейся от солнца, когда оно было в состоянии туманного пятна), и поэтому гораздо скорее истратила свою вулканическую энергию, подобно тому, как малая печь быстрее выгорает, чем большая. Она остыла и покрылась корой. Лорд Кельвин, один из выдающихся современных физиков, высчитал, что земля покрылась корой в течение немногих тысяч лет, и что температура на ней понизилась на 1000°, но зато образовалась крепкая кора, которая защищает ее, как панцырь, и почти предохраняет от дальнейшей потери тепла. В космосе действует правило, противоположное земной медицине: более тучные тела считаются более старыми. Юпитер и Сатурн отстоят значительно дальше от солнца и потому менее согреваются его лучами, но они находятся еще в газообразном состоянии, потому что, благодаря своей большей массе, гораздо медленнее охлаждаются. Земля тоже пыталась взрывами сохранить свою собственную теплоту, но она находится в более счастливых условиях, чем солнце, имея в нем поставщика тепла. И теперь еще вулканы указывают на ее деятельность, направленную на спасение собственной жизни. Известно, что в глубине земли температура чрезвычайно быстро поднимается, почти на 30° на каждый километр, при чем мы не очень глубоко проникли в земную кору: самая глубокая буровая скважина, находящаяся у Парухович, в Верхней Силезии, немного менее 1960 метров. Если действительно температура повышается на каждый километр на 30°, то на глубине 40 километров должна быть такая температура, при которой все металлы плавятся.

Если принять во внимание давление, которое повышает точку плавления, то окажется, что толщина плотной земной коры не более 50—60 километров. Поистине ничтожная величина в сравнении с диаметром земли. Надо в таком случае представить землю не в виде ореха с толстой шелухой, а приблизительно в виде яблока с чрезвычайно тонкой кожицей. Жидкий слой земли не достигает и этой толщины: при 300—400 километрах глубины, при все более возрастающей там температуре, все тела могут существовать только в газообразном состоянии. Вообще, газообразные части земли составляют ее наибольшую массу. Вулканы, гейзеры, горячие источники еще и теперь являются свидетелями этих тайн в недрах земли. Вулканические явления играли и играют еще и теперь чрезвычайно важную роль в экономии тепла земли; они являются причиной смены периодов тепла и холода, пережитых нашей планетой в течение веков и приведенных геологами в известную систему на основании найденных залежей и остатков органических и неорганических веществ. Историческим временам предшествовала почти за 8.000 лет до Р. Х. недолгая эпоха, когда температура в среднем была на 2° выше нашей; были найдены ископаемые (окаменелые) орешники в таких странах, в которых они в настоящее время существовать не могли бы: это доказывает, что прежде там было гораздо теплее. Перед этим периодом земля пережила с различными перерывами так-называемый ледниковый (дилювиальный) период, который изгнал всех жителей севера Европы из мест их поселения. В среднем температура была тогда почти на 5° ниже современной средней, определяемой в 16°. Ледниковому периоду предшествовал так-называемый эоценовый, когда, судя по найденным окаменелостям растений, температура должна была доходить до 23—25°; следовательно, была значительно выше, чем в настоящее время. Эти перемежающиеся периоды тепла и холода на земле объясняются не отклонениями ее пути вокруг солнца, как раньше думали, но происходят от перемен в ее вулканической деятельности. Земля получает теплоту от солнца в виде светлых и теплых лучей; часть этой теплоты она

почью, когда солнце находится на противоположной стороне должна отдавать. Воздух действует здесь, как стекло в оранжерее, которое, пропуская все другие виды солнечных лучей, задерживает только светлые лучи, так что при достаточном освещении температура повышается. В 1881 г. на высоте 4.200 метров, на уровне вечного льда, на Пикенике в Колорадо, был произведен следующий очень удачный опыт: ящик был окутан хлопчатой бумагой во избежание сильного охлаждения и на стороне, обращенной к солнцу, покрыт двойным стеклом; несмотря на страшный холод вокруг ящика, температура внутри него дошла до 113°. Воздух обладает всеми свойствами стекла, т.-е. он пропускает тепловые лучи, освобождая только часть из них, именно светлые. Главное участие в этой деятельности воздуха принимает углекислота; она составляет, как известно, 0,03% объема воздуха; если удалить из атмосферы эти 0,03% углекислоты, то температура понизится почти на 21%. Это незначительное содержание углекислоты в воздухе может легко измениться, благодаря его небольшому количеству. Промышленность со своими фабричными трубами может в течение немногих десятилетий заметно увеличить содержание угольной кислоты в воздухе; влиянием угольной кислоты склонны теперь объяснять даже перемену климата, в настоящее время совершенно непохожего на климат прадедовских времен, а именно: наблюдаются более теплые зимы и более холодные лета, особенно в местах, где за последнее десятилетие развилась индустрия. Еще большее влияние на содержание угольной кислоты в атмосфере должны иметь планетные трубы, т.-е. вулканы; они доставляют атмосфере еще большее количество угольной кислоты. Бреславльский профессор Треель указал, что теплые периоды земли связаны с более сильными вулканическими извержениями, тогда как в холодные периоды, как ледниковый, почти не было вулканов.

О могуществе сил природы и связанных с нею трагедиях человечества написано много обширных книг по истории народов; трагедии происходят большей частью от землетрясений и вулканов, которые всегда создавали гекатомбы

человеческих жертв. Самое сильное вулканическое извержение было 26-го августа 1883 года на острове Кракатау в Ост-Индском архипелаге, при чем погибло сорок тысяч человек. 5-го февраля 1783 года от вулканического землетрясения погибло в течение нескольких часов при разрушении города Мессины больше ста тысяч человек. 8-го мая 1902 года вулкан Монпеле на Мартинике уничтожил извержением целый цветущий торговый порт Сен-Пьер с 28 тысячами жителей. Только два человека, спасшиеся из этой громады лавы и золы, могли рассказать об этом происшествии, насколько могли вспомнить. Один был негр, заключенный в это время в тюрьме, а другой сапожник, которого только случай спас в его квартире. Пылающие облака, подымавшиеся из отверстия горы, доходили, как потом было выяснено, до температуры свыше 1000° по Цельсию, и металлы плавились, как масло. Что стало бы с нашими исследованиями древности и с нашей наукой об античной культуре, если бы нам не было известно об извержении наиболее исследованного вулкана Везувия, который 25-го августа 79 года разрушил древние римские города Помпею и Геркулан. Тонкая зола из кратера и лава, смешанная с дождем, покрыли мертвые тела, ставшие похожими на гипсовые фигуры. Эта масса затем затвердела, наподобие цемента: мертвые тела продолжали разлагаться, и тогда можно было по образовавшимся формам восстановить подлинные черты находившихся в них предметов. Слой золы от этого извержения вулкана, покрывший два города, достигал семи метров толщины. Ветер доносил эту золу до самой Африки и до берегов Восточной Пруссии.

Большие светила могли восстановить теплоту взрывами, несомненно, происходившими раньше и на наших планетах; но это было невозможно для значительно меньшей земли. Чем меньше доменная печь, тем скорее она выгорает; и потому температура на поверхности земли скоро понизилась, пока не образовалась на ней кора; этим она, как меховой шубой, защитилась от быстрого охлаждения; дальнейшее понижение температуры почти вполне остановлено образовавшейся атмосферой. Своей деятельностью в приобретении

и рассеянии тепла именно она, главным образом, уравновешивает температуру земной поверхности. Температура земли должна была бы упасть на 1000^0 в течение немногих тысячелетий; ученый Жоли высчитал, что понадобилось более ста миллионов лет, чтобы вследствие дальнейшего охлаждения и сгущения газовых масс образовались наши океаны. Жоли пришел к этому заключению на основании исчисления содержания соли в морях, за вычетом воды, которая приносится им ежегодно реками. Существование земли исчисляется большим сроком (при чем температура, как сказано, остается почти постоянной), если определить время образования ее различных пластов. Один современный финский геолог нашел, что для этого понадобилось 1000 миллионов лет. Воистину почтенный возраст!

Что же, все-таки, станет в будущем с землей? Наш воздушный плащ защитит нас в дальнейшем от превращения в мороженое мясо. Его толща в сравнении с другими величинами в пространстве равна тоненькому пальтишке. Наиболее высоко поднимавшиеся воздушные шары едва достигли высоты 20 километров, при чем они попали уже в температуру -84^0, которой ни один человек не мог бы вынести. Если подняться на 400 километров ввысь, пространство немного больше, чем от Берлина до Дортмунда, начинается пустое пространство с его ужасающей температурой: -273^0. А человек достиг высоты только в 10.5 километров. Два немецких ученых Берсон и Сюринг 31-го июля 1901 года на своем воздушном шаре «Пруссия» с самоотверженной смелостью, снабженные всевозможными техническими приспособлениями, как вдыхание кислорода и т. д., достигли этой высоты. Сюринг, описывая это отважное путешествие, говорит, что они оба на высоте 10.000 метров упали в обморок, на высоте 9 километров они испытали температуру в 40^0 холода. На основании своего опыта, он пришел к заключению, что вообще невозможно с современными средствами подняться выше 12 километров. Во всяком случае, ясно, что воздух представляет из себя очень тонкое пальтишко, но, вместе с тем, оно достаточно толсто, чтобы земля избе-

жала смерти от холода. Не предвидится времени, когда мы сделались бы живыми ледяными сосульками; напротив, научные наблюдения доказали, что за последнее время значительно усилилась вулканическая деятельность земли, и от этого содержание углекислоты в воздухе в будущем должно значительно повыситься. Вот что говорит Аррениус о наших будущих планетных и климатических перспективах: «Сильные вулканические извержения пугают нас ужасами уничтожения богатств, но надо, пожалуй, утешиться тем, что и здесь, как это часто бывает, нет худа без добра. Мы надеемся получить в результате увеличения содержания углекислоты в воздухе более *равномерные и благоприятные климатические условия на земле*, особенно в более холодных ее поясах. Настанут времена, когда земля будет давать большие и более разнородные урожаи на благо быстро размножающегося человечества». Если на основании изучения современных общественных наук мы согласимся с доводами социалистов, что в будущем капиталистический строй уступит место новому обществу, основанному на более справедливом распределении богатств, тогда эти надежды положительно становятся утешительными, в особенности, имея в виду, что они основаны не на фантастических расчетах, а на простых научных фактах. Как-раз теперь снова начали много толковать о предстоящих катастрофах на земле, о новых потопах, продовольственных бедствиях вследствие истощения горючего материала и т. д. Современная техника распоряжается, действительно, очень расточительно залежами каменного угля на земле; высчитано с приблизительной точностью время, когда при современных размерах траты их они могут истощиться; через несколько десятков тысяч лет, наверно, настанет конец угольным залежам. Увеличение содержания в воздухе углекислоты даст нам соответственный эквивалент, так что нас, собственно, не должна пугать часто предсказываемая смерть от недостатка угля, хотя все-таки, строго говоря, страх, в конце-концов, имеет свои основания. Новые пророчества о потопе не заслуживают упомина-

ния, при чем смелые истинно-немецкие пророки, главным образом, заботятся о том, чтобы потопить ненавистную им Англию со всем ее населением.

Земле и ее обитателям нечего бояться другой смерти, кроме той, какая может быть вызвана чрезвычайно медленным охлаждением солнца, чего можно ждать лишь через миллионы лет. Нечего особенно бояться и *столкновения с кометами*, с теми странниками по нашей солнечной системе, которые всегда вселяли ужас в трусливые души. Плотность хвоста кометы, состоящей из пылинок, так относится к плотности атмосферы, как атмосфера к стальной массе; понятно, что этот хвост не может принести вреда плотной земле, и даже ядро кометы, по своему чрезвычайно рыхлому составу, может вызвать в худшем случае дождь метеоров, и то лишь в том случае, если она столкнется с землей в пространстве, как два бильярдных шара. Падение метеоров—это вполне нормальное явление. Земля в таких случаях беспрестанно бомбардируется настоящим градом маленьких свободно носящихся темных небесных тел, которые, сгорая от трения, светят, попадая в верхние слои воздуха. При этом горении большая часть из них превращается в пепел, и только немногие падают на землю. Земля получает каждое столетие четыре миллиона фунтов таких метеорных камней. Солнце, как более мощная притягательная сила, получает их, конечно, гораздо больше. Корсет из этих камней давно сделался бы очень тесным для нашей земли, если бы она не компенсировала давления этой метеорной массы внутренним съеживанием. В Аризоне в громадной пропасти находятся метеоры, имеющие до 8 центнеров веса. Падение таких колоссальных метеоров крайне редко, и можно с полной уверенностью сказать: быть убитым метеором менее вероятно, чем два раза под-ряд получить большой выигрыш в одной и той же лотерее.

Итак, нужно запастись порядочным терпением, слушая карканье этих зловещих воронов, вечно предсказывающих конец света, до тех пор, пока солнце в биллионы лет охладеет, покроется корой, превратится в небесное темное тело, перестанет нас больше согревать, и тогда, про-

просуществовав еще в течение полувечности, оно, наконец, опять столкнется с другим небесным телом, чтобы, в конце-концов, совершить новый процесс рождения из космического туманного пятна. Но все-таки при всех этих светопреставлениях, надо помнить, *уничтожение материи* так же немыслимо, как и внезапное ее возникновение из ничего; впрочем, встречаются, вероятно, и теперь ученые, которые не могут обойтись без мысли о таком нелепом и неестественном возникновении материи; другие же, даже набожные богословы, впадают в полное противоречие, находя, что уничтожение материи, превращение ее в ничто невозможно, но верят в зарождение материи из ничего. В этом проявляется их грубая непоследовательность. Если верят в возрождение материи из ничего, значит, должны верить в уничтожение ее; если же знают, что материя неуничтожаема, значит, она не может и возродиться, если не прибегнуть к услугам провидения. Из чего же заключили, что материя неуничтожаема и потому вечна? Сто лет назад французский химик Лавуазье впервые доказал это самым точным образом; если какое-нибудь вещество, например, железо, отнимает от воздуха кислород, «ржавеет», и становится от этого тяжелее, то приращение веса железа вполне соответствует весу соединенного с железом кислорода. Вся современная химия основана на подобных наблюдениях неуничтожаемости материи, все химики в мире должны прекратить свой труд, если учение о неуничтожаемости материи ложно; они убеждены, что она никогда не может быть уничтожена,— изменяется только место в пространстве или форма. То же самое относится к силе. Движение крыльев мошки не пропадает бесследно в воздухе, но переходит в другую энергию, в теплоту, как бы незначительна она ни была; или обратно: теплота может перейти в силу и движение, например, теплота от раскаленного угля гонит локомотивы скорых поездов. *Закон сохранения силы и вещества*, несомненно,— самый основной и важнейший закон в современной науке о природе.

И как велико было изумление, когда в Париже 20 лет назад, в лаборатории супругов Кюри, было найдено дра-

гоценное вещество радий, казалось, глумившееся над вышеназванным законом. Два миллиграмма этой редкой субстанции, добытой тщательным и дорого стоящим химическим процессом из большой массы окиси урана (род руды), испускал лучи большой силы без уменьшения своей величины. Здесь увидели собственными глазами, как сила родилась из ничего. В первые моменты это открытие как бы остановило движение колес науки,— основоположный фундамент казался разрушенным; но теперь колеса начали двигаться вновь и лучше прежнего, теперь известно, что радий никоим образом не может опровергнуть закона неуничтожаемости силы и материи и невозможности их самозарождения. Оказалось, что лучи радия обладают такой силой, что достаточно одного грамма, чтобы нагреть сто граммов воды на 1° в один час; вместе с тем, теперь известно, что радий получил свою силу не из ничего. На основании опубликованных недавно исследований английского химика Розерфорда оказалось, что «вечно лучеиспускающий радий» не остается всегда радием, но в нем происходит процесс разложения атомов. Открыли, что первоначальным источником субстанции радия служит уран. Эта субстанция в течение миллиардов лет разлагается на другой, на ионий, и это разложение атомов, этот химический процесс, подобный горению в керосиновой лампе, дает эти удивительные лучи; разложение происходит, но мы не замечаем, что тело изменилось, потому что процесс происходит чрезвычайно медленно. Продуктом разложения иония после большого промежутка времени оказывается опять сам радий, он, в свою очередь, разлагается на целый ряд других продуктов, переходит в гелий, и в конце этих превращений, насколько мы их можем проследить, находится, как последний продукт, совершенно обыкновенный и плебейский свинец. Таким образом, действительно, ничего не вышло с той энергией, которую загадочный радий, казалось, вознамерился из самого себя создать. Сила его лучей получилась от чрезвычайно медленного разложения его вещества. В нем не создалась новая энергия: только освободилась прежняя, связанная в атоме какого-нибудь

вещества, и сам радий превратился в другое вещество. Но закон сохранения силы и материи был разрушен радием, но им было опровергнуто другое фундаментальное учение,— об атомах и элементарных телах. Это учение признавало существование известного числа элементов (основных веществ, которые не могут дальше делиться и разлагаться, как, например, все металлы. Это учение действительно и основательно разрушено радием. Выяснилось, что такой элемент, как свинец, происходит из других элементов. Теоретически этим разрешен вопрос, не имели ли алхимики средних веков основания и права постоянно делать попытки путем обмана или честно получить золото. Теперь на это можно ответить: хотя большинство известных алхимиков были отчаянными плутами и мошенниками, но вопрос о том, можно ли искусственно добыть золото, не кажется теперь совсем невероятным, как это раньше утверждало учение о вечном атоме (о неразрушимости наименьших частиц элементов). С другой стороны стоит ли вообще фабриковать золото? Превращение атомов всегда в высшей степени длительный процесс. Уже до войны одна тысячная грамма радия стоила не менее 200 марок, при чем предварительно нужно было обработать 1.000 килограммов урановой руды, вещества также очень редкого (самые богатые залежи находятся до сих пор в богемских Рудных горах).

Итак, установим: никогда ничто не «умирает» в природе и не превращается в ничто, но всегда происходят эпизодические явления и выключения из круговорота бытия. Мнение Канта о постоянном обновлении мировых процессов стоит в настоящее время в науке на твердой почве. Мечты же индусских философов о вечном движении взад и вперед небесных тел,—эта вера, которую они, морализируя и спекулируя, переносят на такое малопонятное представление, как «человеческая душа», в настоящее время не считается научной и замерла навсегда. Истинная культура человека может быть основана только на естественном понимании мира и вечности, автоматически исключающем возможность существования бога. Мы присоединяемся к мнению современного шведского исследователя, который в за-

ключение своего сочинения: «Представления о строении мира» произносит следующие ободряющие слова: «Нельзя отрицать, что представления о всемогущей природе, с одной стороны, о свободе и высшей ценности человека, с другой стороны, всегда развивались и приходили в упадок одновременно. Обозревая прошедшее, мы видим, что естествоиспытатели в общем всегда стояли за гуманность и человеколюбие. Тот, кто обнимает проникновенным взором всю бесконечность природы, не станет путем обмана и насилия извлекать пользу для своих родных, друзей, единомышленников, соплеменников в ущерб ближним. Обман и насилие переполняют собой только историю церкви, которая своими понятиями о боге и своими библейскими сказками ставила и теперь еще ставит сильнейшие тормозы для беспристрастного исследования природы и является печальной книгой, доказывающей, какую роль обман и насилие сыграли в человеческой жизни».

Единство или двойственность мира.

Дуалистический „испанский сапог" духа.—Начало учения о единстве. Создание живого из мертвого.—Диктатура осязательности.—Нераздельность понятий силы и материи, духа и тела.—Диалектический пролетарский материализм.—Пролетарский философ Дицген.—Что такое релятивизм?—Точка зрения, к которой все сводится.—Изобличенный призрак духа.

Еще в древние времена, с тех пор, как старые религиозные воззрения достигли известной степени развития, устанавливалось различие между духом и телом, между высшей живой силой и мертвой грязной материей. Это воззрение так давно вкоренилось в умы людей, что почти вполне овладело всеми мыслительными способностями человека. На этом *принципе двойственности* («дуализм» от латинского слова «дуо», что значит два) основывается еще теперь религиозная мысль, и в ней же коренится то обновление и философское оправдание религиозной веры, которое с большим шумом, но без толка, проповедуется доныне в университетах под эгидой романтизма и идеализма Эйкена и его школы. Вся наша повседневная речь основана на этом дуализме. Как только ребенок выходит из пеленок, начинается при посредстве медленного изучения языка тот процесс, который с самого начала держит в известных рамках мозг и способность мышления. Школа, первое чтение, обмен мыслей со взрослыми продолжают эту работу до тех пор, пока становится почти невозможным освободить ум от надетого на него «испанского сапога». Если только представить себе, что 300 миллионов европейцев не имеют ни времени, ни потребности иначе и лучше объяснить себе вопросы бытия, а воспринимают только то, что им вколочено в голову в школе и в жизни, и потому находятся еще и теперь под влиянием

этого насилия, под гнетом «испанского сапога», то приходишь к заключению, что еще предстоит огромная революционная работа на этом поприще.

На этом дуалистическом умственном гнете, развившемся не естественно, а исторически, фазы которого можно проследить, основано, в конце-концов, все: вера в душу, в загробную жизнь, боязнь ада. Святой сюртук в Трире и крайняя плоть Христа, показываемая в Кампании,—это такие же точно фокусы, как и твердое убеждение Вильгельма II, что он «помазанник божий». Это начинается с первых страниц библии, согласно которым дух божий парит над водами, и кончается поэтической болтовней Рудольфа Герцога о немецком духе во всемирной войне. Попытки просвещенных и революционных умов, признающих единство бытия и стремящихся уничтожить религиозный принцип дуализма, разбивались до сих пор об эту китайскую стену, воздвигнутую попами и не дающую простора мыслям.

Уже Демокрит из Абдеры, бессмертный основатель атомного учения, заложил основы *единой*, монистической теории (от греческого слова monos, что значит единый, один), а именно, что дух и материя—понятия не противоположные, а неразделные: одно заключает в себе другое. Но то, что было дозволено думать и говорить в древней Греции, стало ересью и преступлением, как только христианское господствующее вероисповедание начало управлять в течение целых столетий мыслями людей. Революционный доминиканский монах Джиордано Бруно погиб, как мы знаем, 17-го февраля 1600 года на костре римско-католической инквизиции только за свои монистические взгляды. На Кампо-ди-Фьори, где он замучен, стоит памятник, воздвигнутый ему 9-го июня 1889 года освобожденной Италией. Спиноза, проповедывавший после Джиордано Бруно монистические идеи во Франции, влачил свою жизнь бедным шлифовщиком стекол в изгнании, в Голландии. Позднее не кто иной, как Гете, следующими словами формулировал неразрывность духа и материи: «Материя без духа, дух без материи не могут существовать». Поэтому и стоит гетевский «Иоганн Вольфганг» в списке книг, запрещенных верующим католикам. Но и люте-

ранские пасторы, понимающие многое лучше, чем их римские собратия, должны объяснить, как они совмещают эти слова Гете с их верой в душу, в бестелесную загробную жизнь человека...

Лишь много времени спустя после Гете естественным наукам удалось обосновать точными фактами то, что в тех светлых головах было скорее творческим предчувствием гениев. Теперь известно, что нет противоположности между духом и материей. Химикам удалось после упорного труда превратить неорганические вещества (неодушевленные или мертвые) в органические (одушевленные или происходящие от живого существа). В 1828 г. Велер в первый раз создал мочевину в химической лаборатории. «В первый раз,—пишет по поводу этого открытия естествоиспытатель Карл Ламперт,—удалось синтетически восстановить посредством группировки существующих в животном царстве так-называемых органических элементов вещество, возникновение которого раньше считалось возможным только в живом организме, под влиянием таинственной жизненной силы». Мощный прогресс в химии, где Германия сыграла такую блестящую руководящую роль, начался только с этого открытия Веллера. До сих пор в науке строго придерживались великого дуалистического метода исследования: мир делился на неорганический и органический; минералогия, кристаллография и т. д. изучают металлы, кристаллы, воздух, воду; к органическому животному миру (ботаника, зоология, биология), изучают растения, животных, человека и т. д., и от них образующиеся вещества: дерево, кровь, жир и т. д. После велеровского опыта пришлось убедиться, что это разделение произвольно, и ни в коем случае не основано на фактах. Можно различать, но нельзя навек отделять... Если кто-нибудь из современных исследователей и придерживается еще старой классификации, то делает это по инерции и ради удобства. С того времени, как из неорганического вещества было образовано органическое, со времени первого создания мочевины, основательно устранена «великая неизменная» противоположность между силой и материей, телом и духом, между жизнью и смертью; и с этого же времени в миропонимание во-

шел принцип единства (монизм) и начал покорять в бою «духов». Если теперь какой-нибудь набожный божий воин, воодушевленный своей собственной глупостью, бросит такой вызов: «Почему же химики не фабрикуют яиц, из которых вылупились бы цыплята? Ведь, им хорошо известны все вещества, из которых можно получить яйцо»,—то можно ему резонно ответить: «Ведь, древним римлянам были известны все вещества, из которых можно построить локомотив; однако, они его построить не могли». Природе для создания яйца понадобились сотни, может-быть, тысячи лет и условия, для человека недоступные, как, например, неимоверно высокая температура. Не в том дело, чтобы теоретически известное сейчас же применить на практике или иметь возможность сделать это, а в том, что дуалист не должен вторгаться со своей лживой теорией деления и разделения в область фактов. Было вполне естественно, что в те время, когда наука неопровержимыми фактами доказала всю ложность поповского дуализма, новое противоположное учение слишком сильно реагировало против существовавших сотнями и тысячелетиями старых предрассудков. Маятник всегда тем дальше удаляется влево от нормального, спокойного своего состояния, чем дальше он отклоняется вправо. Проповедывали же попы, что дух божий носится над водами, и повелевали бедному смертному телу ползать перед всемогущим, всеведущим и всемудрым духом божиим. Как следствие этой духовной пытки, в современных естественных науках, возникло противоположное направление, т.-е., что дух отныне вообще не идет в счет. С этого времени начали, главным образом, в ученых сферах, устранять дух и пропагандировать противоположную доктрину, материалистическую и механическую, единственную и единую диктатуру другого самодержца и другого идола. Начался буржуазно-революционный период грубого материализма, к которому примкнул отчасти и Геккель, когда гениальные идеи мыслителя, бурные фантазии драматурга, благороднейшие чувства лирика подводились под обыкновенное «механическое явление жизни» и объяснялись механической работой ганглиевых клеток мозга. Дух приблизительно так относится к мозгу, как лава к вулкану, или

печени к желудку; оба составляют только продукты выделения. Этот грубый материализм, появившийся самым естественным образом, в настоящее время не признается, хотя всем известно, что нежные стихи Гейне или грустные песни Шуберта не могли бы быть созданы без этой механической работы ганглиевых клеток. Пролетарский философ Иосиф Дицген вот что говорит по этому поводу: «Против крайностей идеалистической философии выступил в XVIII столетии философский материализм, который продолжался, как естественнонаучный метод, до середины XIX столетия. Это направление в борьбе с идеализмом впало в противоположную крайность: материалисты бредили материей так же односторонне, как идеалисты—духом. На первом плане у них была материя, к которой они по своей ограниченности относили все, что весомо и осязаемо, дух же и все остальные силы природы считались низшими, второстепенными свойствами материи. Материалистическая точка зрения считала мысль продуктом больших полушарий мозга, как желчь—продукт печени. Весь мир они сводили, наподобие ариадновой нити, к справочной книге разума, к начатой, но не оконченной энциклопедии Дидро, где все так просто решалось, как в арифметической задаче. Дицген, современник и друг Карла Маркса, противопоставил буржуазному материализму пролетарский диалектический материализм; он с успехом доказал, что вопрос не в том, существует ли *дух или материя*, а вопрос должен быть, собственно, поставлен так: *дух и материя*. Дицгеновский диалектический материализм признает различие между духом и материей, между осязаемым предметом и лучем солнца и благоуханием цветов, между мыслями и чувствами; но это различие невечно, несущественно и подлежит изменению. Все это свойство одного единственного космоса, мировой субстанции. В настоящее время известно то, о чем было выше сказано: движение—существенное свойство молекул, и что нельзя себе представить молекулы без движения. Движение или сила—«дух»—неразделимо связано с материей. Мельчайшее нечто, в роде молекулы, наблюдаемой исследователем, рассматривается как движение или «вещество». Чтобы лучше понять Дицгена, надо изучить

его «Критику формальной логики», той логики, которая составляет отголосок средневековой схоластики или аристотелевской умозрительной философии, и которая преподается в университетах, как философский метод познания истины. Эта «логика» доказывает, что существуют непосредственные противоречия: один предмет никоим образом не может быть самим собой и одновременно чем-нибудь другим; это одно из фундаментальных его положений, например, «а=а», и никогда не может быть не «а». Дицген доказывает, что это понятие, хотя имеет основание, но нисколько не исчерпывающее, а ограниченное человеческим умозрением и его способом исследования. Несомненно, свинец не только свинец, а отчасти и золото, но оба суть металлы. И Дицген далее говорит: «Мы в праве разъединять понятия: верх и низ, левое и правое, начало и конец, доброе и злое, но мы должны также сознавать, что разнообразие вместе с тем и однообразие, изменчивость постоянна, и постоянное изменчиво. Несомненно, золото и свинец различны, однако, мы не должны рассматривать их, как непосредственные противоречия, потому что оба они относятся к металлам. Ночь следует за днем, смерть за жизнью; кажущееся противоречие, что и смерть живет, разрешается сознанием, что между смертью и жизнью не существует абсолютного различия, а только относительное (на определенной ступени). Например, тело человека, у которого перестало биться сердце, но ногти на ногах и волосы продолжают расти (явление, наблюдаемое каждым врачом), уже мертво или еще живо. Врач называет это состояние смертью, но мы знаем, что эта «смерть» не настоящая; медицинское освидетельствование имеет право считать человека умершим, когда у него перестанут расти и волосы, а это может случиться через три или четыре недели. Дицген впервые доказывает, что нечто может быть одновременно добрым или злым, мертвым или живым, отвлеченным или вещественным, но все эти свойства определяются человеком в зависимости от точки зрения, из которой он исходит. Не предметы различны сами по себе, но наши представления различают их. Это и есть философия *релятивизма* (относительности предметов и понятий),

получившая неожиданную поддержку в математически-философских теориях Эйнштейна. Профессор Эйнштейн (здесь не место подробно излагать его теорию относительности), доказывает это следующим примером: камень, брошенный едущим в поезде пассажиром, будет казаться ему падающим по прямой линии; между тем, стоящему на платформе зрителю падение камня на землю представляется в виде кривой линии (параболы); затем другой пример: представим себе вертящуюся карусель и допустим, что она становится все больше и больше; какой величины она должна стать, чтобы можно было сказать: карусель неподвижна, а земля вертится вокруг карусели? Если карусель будет больше всего мира, тогда наверно скажут, что карусель неподвижна, а земля движется, хотя карусель начала двигаться на еще неподвижной земле. Недавно во Франкфуртской Газете была напечатана любопытная беседа на физическую тему: об отношениях между действием и причиной, и зависимости их от точки зрения наблюдателя. Где то произошло убийство. Налетчик влез в окно (картина *a*). Он подкрадывается к кровати спящего человека (картина *b*). Этот просыпается и борется с ним (картина *c*). Убийца выхватывает кинжал и закалывает свою жертву (картина *d*). Затем он выходит из комнаты и вылезает опять через окно (картина *e*). Все эти картины бросают (заметьте, одну за другой) звуковые и световые волны в пространство; световые волны картины *a* были высланы раньше, последними были световые лучи картины *e*. Все эти звуковые и световые волны пробегают пространство с одинаковой скоростью и всегда с одинаковыми промежутками времени одна за другой. Мы за последнее время достигли больших успехов в скорости путешествия всех возможных видов передвижения. Каких-нибудь 80 лет тому назад в почтовой карете мы проезжали 12 километров в час, а теперь мы летим на аэроплане со скоростью 120 километров в час; далее построены уже скорые электрические поезда, пробегающие 200 километров в час. Почему в теории нельзя допустить возможности такого летательного аппарата, который движется быстрее звука и света, требующих также определенного времени для своего движения?

В следующем столетии мы, быть-может, будем летать по воздуху со скоростью 300—400 километров. Почему не предположить также, что через несколько столетий мы не будем пролетать 3.000, 30.000, 300.000 километров в час или, наконец, даже в секунду? Теоретически этому ничто не противоречит. Если на таком чудесном летательном аппарате, более быстром, чем звук и свет, мы полетим сейчас же после наблюдаемого убийства вслед за равномерно исходящими от него звуковыми и световыми волнами, то вначале мы настигнем последние исходящие волны, а именно — от картины *e*, т.-е. услышим и увидим ее, услышим и увидим, как закрывается окно, и как убийца вылезает из него; затем одни за другими будут настигнуты волны от картины *d*, *c*, *b*, *a*, и тем же порядком мы услышим и увидим все эти картины; увидим, таким образом, как убивают человека, затем, как убитый борется в кровати с убийцей, наконец, увидим, как убитый спокойно спит в кровати, и в конце— как убийца подкрадывается к нему; одним словом, увидим эти картины в обратном порядке. Философски это противоположение последовательно продумано, и все же эта последовательность разбивает фундаментальнейший и кажущийся твердым закон о причине и следствии. Более того, оно не разбивает, но сводит этот закон, как все на свете, к теории относительности. Все дело в той исходной точке, из которой наблюдаешь; дело не в вещах, а в человеческом мозгу. В своих сочинениях Геккель постоянно спрашивает: почему мы цветущую яблоню считаем живой, а камень, падающий на землю, или кристалл, который всегда принимает форму шестигранного камня, называем «мертвым». Разве сила, действующая в этом падающем камне или правильно очерченном кристалле, не такая же точно живая сила, хотя с нашей, человеческой точки зрения, она может казаться менее живой? Дицген вполне основательно вновь напоминает о том, что даже гениальнейший ум может давать только репродукции материального, вещественного. Даже такие гении, как Леонардо или Беклин, не могут воспроизвести на полотне то, чего не существует где-нибудь вполне или отчасти в материальном, вещественном мире. Живо-

писцы могут нарисовать быка с змеиной головой или гигантского рака с ногами лошади, но за пределы естественной области чувств не может подняться никакая гениальная фантазия. Ни один гениальнейший художник не может выдумать того, что не имеет какого-нибудь соприкосновения с действительностью. Дух мог бы совершить это лишь в том случае, если бы он действительно составлял часть «абсолюта», часть «божественности», но и сам дух—чрезвычайно естественное явление, а не супранатуральное, метафизическое. Исследовать его свойства и деятельность, будь то в области искусства или морали, ума или чувства,—не дело божественного знания, пренебрегающего опытом: это—дело эмпирической науки, как и всякого другого стремления человека к истине. Только опыт, только твердо установленные факты могут дать фундамент для человеческого знания; все, что не основано на опыте, в лучшем случае поэтично, но никогда не научно. И поэтому бесконечно ошибаются попы, если до сих пор продолжают говорить о «божественной науке». В виду того, что вера в бога не зиждется на опыте и даже плюет на него, не может быть здесь никакой речи о науке. Но во все времена эта мнимая наука стремилась дать, по крайней мере, видимость науки для оправдания своего права на существование; поэтому, факты и опыты создавались искусственно, и на них строилась божественная наука; на этом основании попы вполне последовательно сочиняли чудеса... Но, к сожалению, этому единственному «разумному» основанию теологии и дуализма, этой вере в чудо противостоит тот печальный факт, что чудеса совершаются только в том случае, если при этом находятся люди, которые им верят. Однако, основывать систему на глупости может быть выгодным делом, а в этом-то и заключается вся суть.

II.

КНИГА О ЧЕЛОВЕКЕ.

СОДЕРЖАНИЕ:

Да здравствует жизнь!—Наш дедушка — господин Горилла.—Мосты между царством животных и человеком. — От людоеда к „его светлости“.

Да здравствует жизнь!

Таинственная жизненная сила.—Живая материя.—Сахариновое растение на химической фабрике.—Можно ли фабриковать людей—Искусственные живые существа.—Населена ли только одна земля?—Вечный пилигрим—зародыш жизни.—Барьер и мосты между жизнью и смертью.—Животные, питающиеся собою.—Кактус без шипов.—Оперированный дождевой червь.—Флирт и любовь в природе.—Одно и единственное бытие.

Химия, как наука о веществе и его соединениях, разделяется еще и теперь на органическую и неорганическую химию, на живой и мертвый мир: на одной стороне—металлы, вода, газы, на другой—люди, животные, растения и находящиеся в них или происходящие от них вещества, как дерево, жиры, желудочный сок. Но теперь этот метод деления служит только для облегчения изучения, в то время, как раньше он был главной научной основой. «Ovum ex ovo», т.-е. яйцо происходит только из яйца,—так кратко формулируется главное учение: «живое может произойти только от живого». Чтобы мертвое тело сделать живым, необходимо проникновение в него извне таинственной, «божественной» и *жизненной силы*.

Этого воззрения придерживается еще и теперь церковь. Если для доказательства существования бога не помогает аристотелевское остроумие, то остается еще один аргумент: «Существует жизнь, но откуда она происходит, если живое может происходить только от живого? Первичная жизнь должна, значит, произойти от какого-то высшего живого существа. Аллилуйя!» Таким образом, еще раз доказано существование бога и все попы начинают вдруг проявлять пламенную любовь к органической химии.

Открытая Веллером синтетическим способом мочевина до основания разрушила учение о божественной жизненной силе и опирающееся на нее доказательство существования бога. После того, как в начале прошлого столетия в первый раз было добыто это жизненное вещество из мертвого элемента, последовал сам собой ряд восстановленных органических веществ. Знаменитый химик Либих приветствовал веллеровское открытие мочевины, как «утреннюю зарю нового дня»; и действительно, в 1860 г., на расстоянии одной человеческой жизни, его другу, Бертло, удалось получить муравьиную кислоту из простого соединения заключающихся в ней элементов. Во всяком случае, несомненно, что наука, трудясь над этими важными открытиями, старалась искусственно получить живые вещества из мертвой материи, и что ей давно уже удалось создать из мертвого вещества элементы животной и растительной жизни. На основании этого чрезвычайно важного факта, наука не признает теперь *никакого резкого различия между живым и мертвым телом*, даже если проблема гомункула (искусственного человека) никем еще на практике не решена, и, наверное, никому и в будущем не удастся ее решить. Если хотят на опыте создать «жизнь», то данная проблема может относиться только к восстановление жизни в наипростейшей форме, но не такой, для развития которой требуются целые тысячелетия, как, например, в форме человека или животного. Требовать чего-нибудь другого было бы столько же нелепым, как, например, требовать от обезьяны, которой предоставили возможность пользоваться каким-нибудь простым орудием, чтобы она построила локомотив скорого поезда. Некоторые авторитетные ученые, в том числе англичанин лорд Кельвин, оспаривают возможность перехода мертвой материи в живую без притока живой субстанции (по поводу этой проблемы в науке говорят о первоначальном самозарождении—generatio spontanea). Цитированный нами несколько раз астроном Аррениус находит сомнение своего друга Кельвина преувеличенным. По крайней мере, многие такие же видные ученые придерживаются противоположного взгляда: они верят, что под влиянием других метеорологических условий и, главным об-

разом, вследствие новых тепловых условий, отличных от современных, возможно зарождение жизни из мертвого неорганического вещества. Характерно, что почти все известнейшие биологи, исследующие жизнь и ее явления, как, например, директор нью-йоркского Рокфеллеровского института Жак Лёб, считают возможным *искусственно создать жизнь*. Лёб утверждает даже, что ему самому однажды удалось это в его собственных опытах. Достаточно заглянуть в новейшую научную «фабрику жизни», чтобы понять, в чем дело. Французский исследователь Ледюк, автор сочинения «Опыты сближения», своими опытами доказал, что при смешении химических растворов, даже состоящих исключительно из неорганических составных частей, из мертвых веществ, могут возникнуть образования, изумительно сходные с известными нам живыми организмами. Эти «сближенные» лабораторные растения питаются, двигаются и умирают. Можно даже искусственно воспроизвести формы низших животных, как, например, морского ежа, раковины или полипа. Крупинка, в один миллиметр диаметром, состоящая из двух частей сахарозы (искусственного сахара) и из одной части сернокислой меди, положенная в определенный водный раствор смеси поваренной соли и желатина, может непосредственно превратиться спустя несколько часов или дней, в зависимости от температуры, в искусственное растение. Образуются настоящие стебли, которые при соприкосновении с поверхностью воды, распускаются в листья. В стеблях образуются каналы для прохождения соков, для кровообращения. Если ранить листья, это сахаринное растение самостоятельно залечивается, а политое ядом, останавливается в росте. Ледюк полагает, что, благодаря его опытам сближения, наука о природе перешла из первой стадии, описательной, и из второй, аналитической, в третью—созидательную. Немецкий физиолог М. Трауб в 80-х годах прошлого столетия уже занимался этим вопросом; но тогда не обратили особенного внимания на его опыты. Трауб утверждал, что назрел момент, когда можно приступить к искусственному созданию живых существ. В сущности, важно не то, удаются или не удаются подобные опыты, а тот факт, что восстано-

вление жизни стало вообще для современных исследований серьезной проблемой, достойной разработки, и что этим старое учение «omnia ex ovo» окончательно погребено. На основании этого можно также ответить на вопрос: населена ли только одна земля живыми существами, и могут ли какие-нибудь существа, в роде людей, жить и на других солнечных системах. Если жизнь не представляет ничего сверхестественного, и наука больше не верит в божественное ее происхождение, то нельзя понять, почему под другими солнцами, при бесконечном количестве миров, плавающих в пространстве, не могут развиться такие же живые существа, какие находятся на песчинке — на нашей земле; законы природы действительны и там, и здесь. В этом смысле мы не должны смущаться, если некоторые слишком поспешившие исследователи потерпели неудачу со своими теориями о внеземных людях.

В 1878 году директор обсерватории в Милане Скиапарелли открыл при помощи своих превосходных инструментов знаменитые каналы на Марсе. В то время почти все полагали, что имеют перед собой осушительную систему, созданную по разумному плану и запечатлевшуюся на фотографической пластинке. Но более точные исследования, предпринятые в 1900 году при очень благоприятных условиях, с большим рефрактором в обсерватории в Мейдоне, показали, что, вместо прямолинейных геометрических фигур, видны теперь только тусклые бесформенные полосы, состоящие из многочисленных маленьких пятен. В настоящее время выяснилось, что эти пятна образованы громадными залежами солей от высохших морей, возникновение которых объясняется специфическими условиями Марса, отличными от условий, существующих на земле.

Если предполагавшаяся раньше система орошения на Марсе оказалась преждевременной, то попытки обмена научных мнений с нашими небесными соседями, несомненно, фантастичны. Они исходили из следующих соображений: если на луне, на Юпитере, на Марсе существуют люди или подобные им существа, то им, несомненно, известны основы математики, законы которой одинаковы как там, так и у

нас, на земле, тем более, если они в состоянии строить такие каналы, как на Марсе. Посему было предложено построить в Сахаре, на ледяных полях Сибири или на необъятных равнинах земли, с помощью очень сильных прожекторов, геометрическую фигуру Пифагоровой теоремы, известной каждому ученику. Пифагорова теорема доказывает, что сумма квадратов сторон прямоугольного треугольника, прилегающих к прямому углу, всегда равняется квадрату стороны, противолежащей прямому углу. Эту теорему можно доказать на чертеже, и ее можно найти в каждом учебнике геометрии. То же самое пытались доказать посредством прожекторов и предлагали ждать, не покажется ли сверху какой-нибудь знак, что теорема понята. Повторяем, план этот был, несомненно, фантастический, ничего общего не имеющий с наукой. Но, все-таки, с другой стороны, для исследователя ясно,—какая бы непроходимая пропасть ни отделяла нашу землю от остального мира,—что существуют миллиарды планет, вращающихся вокруг какого-нибудь солнца, и что среди этих миллиардов планет, несомненно, есть одна или много таких, где находятся такие же (или сходные) условия жизни, как на земле. Эту мысль, научно обоснованную, можно развить далее: мы уже изобрели беспроволочный телеграф; почему нельзя допустить, что в будущем, после многих, значительно более важных открытий, нельзя будет посылать к этим неземным людям электрическую искру и передавать поздравления со днем рождения.

Несколько лет тому назад химики Никольс и Гуль, сделали замечательный и очень удачный опыт. Они подогрели споры гриба-дождевика, с очень красивыми, упругими и шарообразными формами: споры были очень маленькие, их диаметр равнялся одной пятисотой миллиметра, температура была доведена до степени каления, затем они смешали белый, легкий, губкообразный порошок грибка с более тяжелым наждачным порошком и положили смесь в сосуд, наподобие песочных часов, откуда был выкачан воздух. Наконец, они эту смесь пропустили тонкой струей из верхнего отделения песочных часов в нижнее и одновременно освещали со стороны дуговой электрической лампой, свет кото-

рой увеличили концентрацией его в двояковыпуклом стекле; при этом оказалось, что наждачный порошок падал перпендикулярно, тогда как смешанные с ним споры уклонялись в сторону, и именно, в противоположную освещению. На этом опыте с точностью был доказан чрезвычайно важный факт, что свет производит давление на все тела, и что это давление может при известных обстоятельствах, преодолеть закон тяжести, если, конечно, тело довольно легкое. Еще до Гуля и Никольса астроном Аррениус пришел к заключению о существовании *давления световых лучей*, не на основании опытов, а путем теоретических соображений. По его мнению, вокруг небесных тел носятся, на большом расстоянии от них, микроскопические шарообразные песчинки, диаметр которых меньше, чем одна сотая или тысячная доля миллиметра; вследствие их малой величины, давление света действует на них сильнее, чем сила притяжения того небесного тела, от которого они происходят. Свет от этого тела—«их матери»—гонит их в пространство, и они странствуют так под давлением света все дальше и дальше до тех пор, пока, может-быть, только через несколько тысячелетий, не присоединятся к какому-нибудь темному небесному телу, к планете, туманному пятну, силою притяжения. Пыль странствует, таким образом, от одного небесного тела к другому бесконечное множество лет. Происходит оживленный обмен веществ между отдельными мирами, и, таким образом, естественно объясняется, что состав всех небесных тел приблизительно одинаков во всей вселенной,—что и доказывает нам спектральный анализ. До сих пор еще загадочные хвосты комет могут найти свое объяснение: загадочны они, прежде всего, потому, что постоянно отворачиваются от солнца по мере приближения к нему, в то время, как они должны были бы, в силу его притяжения, *притянуться* к нему. Хвосты комет состоят именно из таких странствующих колоний пылинок. Наши знания о давлении световых лучей, конечно, требуют дальнейшего развития. Естественно, что этому давлению света должны подлежать, как и пылинки, мельчайшие зародыши органической жизни, и они могут совершать подобные путешествия. Надо только предположить,

что эти грибные споры должны быть маленькими. Если они, пройдя «на парусах» по мировому пространству, достигнут небесного тела, то, найдя подходящие условия, могут там распуститься и дать начало жизни в разных стадиях ее развития. На основании этой *«панспермии»* (вездесущие зародыши), для объяснения происхождения жизни на земле, настолько остывшей, что можно было существовать на ней, нет необходимости прибегать к самозарождению, потому что тотчас же появлялись странствующие зародыши, начавшие снизу великую скалу постепенного развития... «Итак, пылинки и с ними микроскопические зародыши путешествуют по необозримым пространствам. Могут ли они переносить такие длительные путешествия, не погибая в пути? Научные опыты, насколько их можно проследить до сих пор, дают и на этот вопрос ответ. Под микроскопом можно наблюдать даже довольно развитые живые существа; напр., если собранную с крыш сухую пыль помочить дождевой водой, уже через полчаса пыль населяют животные, медленно ползущие на своих когтистых ногах. Стоит только дать этой пыли высохнуть, как они умирают. Если спустя несколько лет ее опять намочить, они снова начинают ползать. В средине прошлого столетия среди пирамид была найдена редкостная улитка, значит, существо, в некотором роде сложное; ее наклеили на картон и поместили в Британский музей. Недавно в музее ее освободили из заключения с намерением насадить на новую подставку, но, чтобы отделить животное, понадобилась теплая вода. Велико было изумление, когда улитка, наклеенная больше чем две человеческих жизни тому назад, начала двигаться, а спустя час бодро и с удовольствием пожирала листья. Пшеничные зерна, которые древние египтяне четыре-пять тысяч лет тому назад клали вместе с мумиями в гроб, теперь, как сообщают, выросли в стебли. Естественно, что еще большая жизнеспособность должна быть у более примитивных организмов, как, например, в грибных семенах. Профессор Рихард Гессе метко сравнивает состояние покоя организма с состоянием покоя часового механизма, маятник которого остановлен, и который, спустя несколько лет начинает опять функционировать, если

привесть в движение маятник. Панспермия открывает перед нами совершенно новые и неожиданные горизонты на так-называемую «мастерскую творца» — любимое выражение проповедников. При наличии междупланетного обмена живыми веществами, живой материей, зародышами и организмами, как высокомерен человек, мнящий, что его земля одна имеет право на жизнь, и что человечество, населяющее ее, составляет, так-сказать, венец творения! Вот что пишет Аррениус по этому поводу: «Вероятно, на других небесных телах живут существа, которые мы могли бы считать живыми, не зная, относятся ли они к животным или растениям. Не исключается возможность, что у них такое же сложное строение, как и у земных существ, и что они обладают сознанием и способностями целесообразно управлять своими органами. Их интеллект, может-быть, даже выше человеческого, хотя и иного рода, подобно тому, как животные на земле очень многое знают и понимают из того, что ускользает от человека».

Как, в самом деле, должны страшиться князья церкви, когда они слышат о таких людях, которые вместе с тем и не люди. И в какое небо господь-бог соберет души этих созданий, в каком аду он будет их жарить? Мы знаем, что церковно-христианская догма присуждала к костру невинных ученых только за еретические мысли о существовании «антиподов», т.-е. почти наших сородичей, живущих в Австралии. За это был сожжен старец Чекко д'Асколи, за это же был приговорен к отлучению от церкви святой Виргиний, несмотря на то, что он обратил в христианство Штирию и Каринтию, при чем главную роль на этом суде играл покровительствуемый папой Захарием немецкий апостол Бонифаций. Даже Колумб, который, действительно, собственными глазами видел первых антиподов, должен был перед профессором богословия университета в Саламанке снять с себя обвинение признанием, что его сведения о населенности земли по другой стороне земного шара оскорбляют священное писание. Что, в самом деле, сказали и сделали бы бравые небесные приспешники, если бы тогда уже современные астрономы, в роде цитированного шведа, проповедывали свое уче-

ние? Итак, о жизни... Иенский ученый Эрнст Геккель, один из страстных борцов против старого предрассудка о насильственном разделении мира на создателя и создание, на дух и материю, на жизненную силу и мертвое вещество, постоянно твердит в своих сочинениях, что на основании своих современных сведений, наука должна была бы прийти к заключению, что *все тела в природе живы*, и что в сущности, нет различия между живыми и мертвыми телами. «Если брошенный вверх камень падает на землю по закону тяжести, если образуется кристалл в растворе соли, или если сера с ртутью образуют киноварь, то это такие же механические явления, как рост и цветение растений, как размножение и характер чувств у животных, как ощущение и область мысли у человека». Прежде всего, всем известно, что границы между отдельными видами животных в действительности совершенно исчезают, и нигде нет глубокого различия. Всякий знает, что бывают такие существа, которые одни исследователи относят к животным, другие—к растениям, потому что нельзя определить их специфического характера. Габерландт в своем знаменитом докладе на съезде естествоиспытателей в 1904 году серьезно говорил о глазе у растений и доказывал, что стебель так же слепо повинуется листу, как мышцы шеи—голове птицы, стремящейся из темноты к свету. Селагинелла, тенистое растение, умеет наивыгоднейшим образом использовать свет, что доказывает наличность у него светочувствительного органа; и, действительно, его зеленые листья поворачиваются к свету с помощью очень чувствительной оболочки плазмы. Итак, растение видит... Эксперименты по биологии (наука о жизни) находятся еще в зачаточном состоянии, но то, что до сих пор открыто и что достигнуто, вполне достаточно, чтобы основательно разрушить сказку о высшей «жизненной силе». Можно управлять жизнью, создавать ее и даже видоизменять ее, что совершенно было бы невозможно, если бы действовала сверхчеловеческая, сверхъестественная и неземная сила. Каждый исследователь может определенным способом разрезать морской полип и получить четыре быстро разрастающихся полипа. По желанию, он может подобными разрезами произве-

сти на свет полипов с тремя, четырьмя или восемью головами. Действуя известным приемом над личинками некоторых земноводных, можно получить, вместо четырех, шесть хорошо развитых задних ног, при чем в большинстве этих и подобных опытов оказалось, что болевая чувствительность у них играет совершенно иную роль. Например, кузнечики и сверчки начинают без всякой надобности медленно и с удовольствием пожирать самих себя: сначала они поедают свои ноги, затем, по порядку, самки переходят к яйцекладу, и, наконец, остается задняя часть, как особенно лакомый кусок. В таком случае каждый отдельный орган для пожирающего самого себя с такой страстью животного должен казаться инородным телом, что совершенно противоречило бы всеобщей жизненной силе, как божественному принципу, управляющему животными. В эту область экспериментальной биологии входит также учение о спаривании, выработавшееся в специальную науку, применявшееся в зоологических садах и давшее уже изумительные результаты. В Калифорнии Лютер Бёрбанк владеет колоссальными садами и там развел исключительно богатые питомники, где искусственно производились живые формы. Особенно известны его «сливы без косточек», в которых, вместо косточек, находилась студенистая масса. С успехом развели кактус без колючек, что звучит так же дико, как, например, «черный гнедой». Развитие организма, от первичного зародыша до перехода его в настоящее живое существо, претерпевает различные метаморфозы, но никакая божественная сила, ни в коем случае не управляет им. Прежде всего наблюдалось бесполое размножение, которое состояло в простом делении: одноклеточные и также многоклеточные организмы, достигая известной величины, естественным образом делились на две части. Уже в 1751 году естествоиспытатель Бонне разделил довольно большого дождевого червя на 20 частей, и из них выросло 20 самостоятельных червей. Очень распространен второй вид бесполого размножения—почкование. Бесполое размножение (parthenogenesis, т.-е. девственное зарождение, которое в этом случае, в противоположность библейской деве Марии, действительно, девственно), происхо-

дит как у растений, так и у животных; но у двуполых на более высокой ступени развития наблюдается масса различных видов размножения. Низшие животные часто бывают двуполые, т.-е. одно и то же животное обладает обоими половыми органами; оплодотворение происходит большей частью попеременно, т.-е. одно и то же животное один раз служит как самка, другой раз—как самец, или, что бывает реже, половой акт происходит от соединения женского и мужского органа у одного и того же животного. Чем выше мы поднимаемся по лестнице животного царства, тем реже встречаются гермафродиты, а у позвоночных, особенно у человека, это совершенно редкостный случай. Еще более разнообразны способы размножения у однополых, а именно, соединение яйца (женского органа) с семенем (мужским органом), ведущее к оплодотворению. У многих животных женские яйца выбрасываются до оплодотворения простейшим способом наружу, как, например, у рыб. К периоду половой зрелости часто собираются громадные стаи мужских и женских особей, как при громадном движении сельдей. Разница между животными, несущими яйца и живородящими, всем известна. Между животными, приносящими на свет живых младенцев, с одной стороны, и утконосом, млекопитающим, но вместе с тем, несущим яйца, с другой стороны, нет резкой границы.

Следя за процессом жизни, мы всюду видим веские основания для признания все соединяющего единства бытия, но в различных формах его, при чем одна форма всегда переходит в другую. Нигде в природе не существует «запретных путей», огражденных областей, которые принадлежат одной форме и недоступны для другой. Жизнь не присваивает себе никаких привилегий, никаких прав, присущих ей, она составляет только чрезвычайно изменчивую форму его. Но, несмотря на пестроту форм, в этой жизни господствуют всегда одни и те же законы, одни и те же основы развития и основные явления. Недавно Франсе закончил свои исследования *клеточки*, примитивной и первоначальной формы жизни. Он утверждает, что все человеческие законы, политика, социальное страхование, гигиена, эмиграция, имеют

место и в жизни отдельной клетки. Попадает клеточка-амеба в воду,—у нее образуется плавательный орган, должна она жить на суше,—образуется орган для всасывания воды. Франсе заключает свои исследования следующими словами: «Путь человеческой культуры—не что иное, как великий путь природы». Существует только одно бытие, независимо от того, выражается ли оно в настоящих, прошедших и иных различных формах, которые имеют значение для нас, но не для природы. Земля имеет простор для всех, простор для всего существующего, и его форм, но, конечно, нет места для властвующих над нею богов и идолов.

Наш дедушка—господин Горилла.

Мир, как божественная выставка.—Отросток хвоста у подобия божия.—Люди без толстой кишки.—Плохой оптик в небесах.—Двурукое и млекопитающее животное homo sapiens.—Карл фон-Линней.—Ламарковское толкование происхождения шеи жирафа.—Борьба за существование.—Дарвиновский естественный отбор наиболее приспособленных и прекрасных.—Теория происхождения видов.—Рыбьи жабры у саламандры и у человеческого зародыша.—Современное состояние теории эволюции.—Первобытная птица.—Находки обезьяноподобных людей.—От крыльев орла к руке пианиста.—Наше кровное родство с гориллой.

Кто верит в божественное «творение мира», тот, безусловно, должен видеть целесообразность во всей природе. Набожному богослову мир представляется делом рук небесного отца, который все сохраняет и все питает; мир некоторым образом—рекламная выставка высшего божественного разума. Религиозное направление мысли все еще основано преимущественно на телеологических (т.-е. основанных на целесообразности природы, от греческого слова telos=цель) доказательствах, потому, что на свете все устроено или должно быть устроено целесообразно: теплая одежда из перьев у кур зимой, роскошь цветов, привлекающая к себе насекомых для оплодотворения,—и потому, заключают они, должно быть на свете такое одаренное разумом существо, которое все создало так целесообразно. Слепой случай никогда не мог бы все создать так, как есть. При этом, и теолог признает, что эта прославленная целесообразность распределена неравномерно, особенно, среди живой природы. Несомненно, ему небезызвестно, что человеческий мозг гораздо сложнее мозга головастика и работает также, соответственно этому, значительно целесообразнее. Кто последова-

тельно мыслит, должен прийти в смущение уже в данном случае. И действительно, как мог бог с таким бесконечно совершенным разумом—если верить, что он действительно создал мир,—допустить эти промежуточные целесообразности, чтобы только в человеке достигнуть ее высшей степени? Подобная постепенность и целесообразность противоречит понятию теологов о совершенстве божественного разума. Это и есть одна из прорех телеологии. Бредни о целесообразности и соответствующие выводы разрушены естественно-научными исследованиями. По библии, человек должен быть, как известно, венцом творения; его бог создал по подобию своему из глины, как высшую форму целесообразности. Посмотрим, так ли это. Медицина долго не знала объяснения так-называемых рудиментарных, доформированных и лишних органов у человека и также у животных. Конечно, нельзя считать бесполезным тот орган, функцию которого мы с первого взгляда понять не можем. Как известно, от увеличения щитовидной железы получается зоб; раньше удаляли его операцией, при чем наблюдения показали, что операция эта ведет к неизлечимому слабоумию, могущему появиться спустя несколько лет. С большей уверенностью можно сказать, что некоторые другие органы человека не только бесполезны и малозначительны, но могут быть даже вредны. Например, в божественной модели из глины, называемой человеком, находится постоянно угрожающий слепой кишке маленький отросток, который у десятков тысяч людей воспалялся и давал жестокую форму болезни, у других десятков тысяч удалялся операцией врачами, при чем общее состояние организма у оперированных ничуть не изменялось. Слепая кишка имеет важное значение у травоядных животных, в смысле обмена веществ. В их органах она и больше развита. Отросток слепой кишки у человека представляет сохранившуюся в нем часть животного. Он составляет остаток того времени, когда человек был травоядным животным, и должен по мере развития человека и бесполезности для будущего человеческого поколения сам собой исчезнуть. Но у человека есть еще другие рудиментарные органы: например, грудные

соски у мужчины совершенно бесполезны и не исполняют никаких функций; они напоминают о тех отдаленных временах, когда пол в живых существах—у растений, слизняков— не был еще обозначен. У нас еще сохранились мышцы, движущие ушами, но они давно атрофировались, находятся в рудиментарном состоянии, и только, благодаря постоянным упражнениям, удалось некоторым фокусникам приводить их в движение. В теле господина Адама,—этой райской модели из глины,—имеется еще один очевидный рудимент, предательский обезьяний хвост: на конце нашего позвоночника, под кожей, имеется несколько так-называемых хвостовых позвонков; они никакого значения не имеют и очень часто при поражениях удаляются хирургами без того, чтобы лишенный хвоста человек мог вызвать сострадание окружающих. Без сомнения, все это лишние бесполезные органы, и в этом ясно выражается отсутствие целесообразности в нашем теле, но это отсутствие целесообразности мы видим также во всем животном царстве. Есть много таких жуков, которые совсем не умеют летать, и все-таки они всегда родятся с недоразвитыми крыльями. Крот живет под землей в своей норе, где так темно, что ему были бы бесполезны самые лучшие глаза, и он давно уже отучился ими пользоваться, но, несмотря на это, всегда родится с глазами, скорее глазками, по большей части, давно заросшими кожей. У кита в нижней части тела находится пара совершенно лишних костей, которые можно рассматривать как остаток прежних, теперь деформированных, задних ног. Верующий в сотворение мира создателем, наблюдая людей и животных, каковы они теперь, должен стать втупик перед этими рудиментарными органами. Для того же, кто признает естественное происхождение жизненных форм, для биолога, эти рудиментарные органы, по выражению естествоиспытателя Плата, имеют такое же значение, как развалины для историка; это—свидетели прошлого и документы древности... Но даже помимо рудиментарных органов, человек не является таким чудесным, превосходным существом, создав которое бог-отец в некоторой степени превзошел самого себя. Зоолог Пастеровского института в Париже Меч-

ников утверждал, что толстая кишка человека бесполезна; она постоянно питает около 120 биллионов бактерий, вызывающих очень опасные болезни. Физик Гельмгольц, исследовавший глаз и этим обеспечивший себе незабвенное имя в естественной науке, поставил человеческому организму самый плохой балл. Он доказывал, что такой, несомненно, «чудеснейший» орган, как глаз человеческий, настолько несовершенен и снабжен ненужным балластом, что он бы указал на дверь механику, если бы тот принес ему такой «инструмент». Опыты над муравьями доказали, что ультрафиолетовые лучи, которые, как известно, обладают большим числом колебаний, чем цветные лучи, воспринимаются ими хорошо. Наш же глаз абсолютно не в состоянии их воспринять; сетчатая оболочка нашего глаза, несомненно, менее восприимчива, чем грубо отшлифованная фотографическая пластинка, потому что эта пластинка реагирует на свет в больших пределах колебаний, между 180 и 1.600 биллионов. А еще хуже, что у нас абсолютно нет никакого органа для восприятия электричества, хотя это, безусловно, было бы чрезвычайно важно для нас, и не только с точки зрения предчувствия грозы. На это набожный обыватель, вероятно, возразит, что мы-де не наглы и непритязательны и должны довольствоваться тем, что имеем. Хорошо! Но в таком случае, он не должен возводить превосходное божие творение, Адама и его ребро, в совершеннейшее произведение совершенного разума.

Уже на основании рудиментарных органов можно сделать заключение, что человек, обладающий неподходящими для него органами, соответствующими другим, низшим организмам, должен был в прошедшем иначе выглядеть, чем теперь. Ежедневные наблюдения над всем, что живет, ползает и копошится, наталкивают нас на теорию *эволюции*. В действительности, все великие естествоиспытатели новейшего времени вплетали бессознательно антибиблейские представления в свои исследования, хотя они вообще придерживались в целом духа догмата о божественном происхождении мира и, значит, его неизменяемости. В конце прошлого столетия среди всех естествоиспытателей громадным авторитетом поль-

зывался Карл фон-Линней (умер в 1778 году), великий классификатор, создатель системы растительного и животного царства. Мы обязаны ему огромным трудом, хотя, собственно, не творческим,—«двойной номенклатурой»; каждому растению и каждому животному он давал латинские и потому интернациональные общепонятные названия рода и вида, например: felis domestica—домашняя кошка. Как-раз этот систематический тщательный труд исследования и привел Линнея к тому, что он вращался в пределах старых аристотелевских и церковно-библейских, полных противоречий, взглядов. Подобно античному греческому философу, для христианина-шведа неизменяемость видов сделалась фундаментом его воззрений на природу. Тезис Линнея сводится к следующему: теперь существует столько же видов, сколько было создано вначале «высшим существом». Однако, он все-таки замечает родственные черты между семействами животных и растений, хотя не склонен приписать им происхождение от одного общего родоначальника. Таким образом случилось, что этот добрый христианин в своей знаменитой классификации поставил человека в числе млекопитающих на-ряду с обезьяной. У него сказано: «Первый порядок млекопитающих: Bimana—двурукие. Единственный род и единственный вид—homo sapiens—человек». И Линней уже здесь, в предчувствии грядущего страшного открытия, смиренно прибавляет: «nosce te ipsum—познай самого себя». Только XIX столетие в жестокой борьбе с научной, главным образом, религиозной, реакцией окончательно уничтожило слепую веру в библейские сказки о сотворении мира. Уже Гёте, сравнивая позвонки позвоночных животных, пришел к заключению о сходстве их строения. Француз Ламарк был первым, кто окончательно убедился, что существующие в природе (особенно, в животном царстве) формы представляют продукт условий внешней среды, продукт не законченных, но еще продолжающихся процессов. Он обратил внимание на длинную шею жирафа и сказал: «Длинная шея жирафа и ее строение указывают нам на замечательное и очень интересное явление. Мы знаем, что жираф—самое высокое животное. Он

живет в центральной Африке, в сухих местах, где трава не растет, и потому принужден питаться листьями деревьев. Он всегда тянется вверх, и, вследствие этого, все соответствующие члены приспособились к одной цели: передние ноги стали длинными, и, одновременно, шея выросла в длину, так что, например, не подымаясь на задние ноги, а только вытянув шею, он может достичь до шести метров высоты». Ламарк вполне определенно знал уже, что не господь-бог привинтил жирафу эту шею, но что он приобрел ее, приспособляясь к внешней среде беспрестанным и энергичным упражнением, медленным путем, целыми поколениями; и особенно энергично содействовали этому еще не доразвившиеся, но жизнеспособные молодые организмы. Подобным же образом он объясняет на примерах, происхождение плавательных перепонок уток, которые образовались от растопыривания пальцев и вследствие связанного с этим растяжения кожи на их отростках; язык дятла сделался длинным и твердым от постоянного упражнения, при добывании насекомых из древесины. Ламарк, ослепший, умер в большой нужде; церковь натравила на этого еретика всех служивших ей духов террора. Своим воззрением, несогласным с ходячим в то время под влиянием библии основоположением о неизменяемости видов, Ламарк возбудил против себя преобладающее большинство своих коллег. Восстали против него даже те, кто питал сомнение в библейских догматах и в непоколебимости линнеевской системы, но это не могло принести никакого ущерба победоносному шествию вперед в свет его мысли о естественном развитии. При содействии английского естествоиспытателя Чарльза Дарвина и его убежденного берлинского сторонника Эрнста Геккеля, расширившего мысли Дарвина, теория эволюции во второй половине прошлого столетия победила по всем пунктам. Дарвин иначе объяснял причины развития, и в этом было большое разногласие между ним и его предшественником Ломарком. Дарвин открыто выступал против него. В 1859 г. появилось фундаментальное сочинение Дарвина: «*Происхождение видов*», наделавшее много шума в научном мире; теорию развития он основывает не на приспособлении и

упражнении органов, как Ламарк, а на примерах скрещивания, которые он имел случай наблюдать на своей родине, в Англии, владеющей крупными питомниками овец. Он наблюдал как все живущее ведет длительную *борьбу за существование* (struggle for life). На свет рождается бесконечное множество живых существ, а выживают в борьбе за существование намного меньше. Большинство с самого начала подвергается многочисленным опасностям, нападению всевозможных врагов, и только немногим удается выжить, побеждая все опасности и приспособляясь к условиям, среди которых приходится жить. Непрерывная борьба за существование царит в растительном и животном царствах, и человека, эта борьба тоже не щадит. Более слабые погибают и не могут дальше размножаться. В борьбе за существование естественным образом происходит отбор более приспособленных. Дарвин указывает на тот факт, что полярные животные сплошь белого цвета, а животные в пустыне почти все желтые, под цвет пустыни; заяц приспособляется к цвету пашни; красный или белый заяц не мог бы утвердиться в коричневой борозде пашни; он не мог бы произвести на свет никакого потомства, которое имело бы белую или красную шерсть. Красная лягушка была бы желанной добычей для каждого аиста, ибо он бы увидел ее на расстоянии ста метров. В борьбе за существование природа, естественно, выключает нецелесообразно созданных животных и запрещает им наследовать нецелесообразные черты; она дает жизнь только более целесообразным и разрешает им передавать многочисленному потомству их целесообразные задатки; неприспособленные погибают, приспособленные множатся, как песок в море. Процесс этот не закончен; он продолжается. Можно точно проследить, как вымирают именно большие, неуклюжие животные, требующие много пищи и потому неприспособленные, «голиафы животного царства». Мамонты и зубры имеют уже свои памятники на великом кладбище природы; киты, буйволы, слоны давно уже намечены в жертву могильщикам. Дарвин говорит в этом случае об «естественном отборе», т.-е. об автоматическом отборе природой существ по отношению их пригодности к жизни.

В этом заключается деятельность природы, и она медленным темпом выделяет целесообразные живые существа. Но Дарвин не мог скрыть, что в природе, именно в животном царстве, кроме признаков, полезных в борьбе за существование, как, например, защитная окраска лягушек, лапы тигра, копыта больших сухопутных животных, существуют также такие признаки, где играет роль не целесообразность, а красота. Если можно объяснить хищные зубы волка или землистый цвет шерсти кролика автоматическим отбором приспособленных, то как объяснить естественным путем пение соловья, благородные рога оленя, пышную гриву льва? И на это Дарвин дает объяснение: не только голод в борьбе за существование вызывает естественный отбор, но также и любовь. Лев с пышной гривой имеет шансы получить больше самок и этим произвести на свет большое потомство, которое унаследует от своего отца красивую гриву. Тетерев, который лучше всех умеет токовать,—самый опасный донжуан птичьего царства. Имеет значение естественный отбор не только способнейших, но и красивейших. Рядом с *естественным* отбором стоит и отбор *половой*. По Дарвину, миром управляют голод и любовь. Это, во всяком случае, нечто иное, чем набожное представление бабушки, уверяющей, что не кто другой, как господь-бог, покрасил бабочку в красный цвет и снабдил жаворонка крыльями, чтобы он высоко в небе восхвалял творца.

Раз признано, что все формы жизни непрерывно меняются и обязаны своим происхождением борьбе за существование, хотя бы этот процесс совершался на большом протяжении времени, дающем возможность наблюдать не отдельные стадии данного процесса, а только определившиеся формы, то остался только один шаг до постановки общего тезиса: животные и растения должны были образоваться от *одного* первичного существа, или *одной* первоначальной клеточки. Эти выводы Дарвин развил в своем позднейшем сочинении: «Теория происхождения». К человеку он применил эти выводы значительно позже, спустя двенадцать лет; в 1871 году появилось его сочинение: «Происхождение человека», доказывающее, что теория происхождения является след-

ствием естественного отбора (selection) и переносится также и на человека. Эти выводы из основных идей Дарвина проводились именно в Германии, где недавно умерший венский профессор Геккель защищал их с особенным энтузиазмом. Теорию происхождения Геккель расширил, углубил и дополнил в своем сочинении: «Основной биогенетический (действующий при происхождении жизни) закон». Утвердившаяся в настоящее время теория происхождения жизни получила совершенно неожиданную и ценную поддержку в этом его сочинении. Геккель основывался на следующих наблюдениях: каждый, знакомый с сырыми прохладными долинами Гарца, знает и огненную саламандру, животное черного и желтого цвета, которое само живет на земле, но своих детенышей помещает в воду; детеныши живут несколько недель в прохладных лесных ручьях, в виде личинок с жабрами, и затем превращаются во взрослых саламандр с легкими вместо жабр. У этой огненной саламандры есть родственница—черная саламандра, которая не так счастлива и занесена в суровые скалистые Альпы. В Швейцарии часто подолгу нет воды, не так, как в милом Гарце. Как же быть саламандре со своим потомством? Она не может, подобно ее родственнице, погрузить их в удобный для этого лесной ручеек, потому принуждена держать их на земле, и в результате появляются на свет детеныши от этой черной саламандры с легкими, вдыхающими кислород воздуха, вместо жабр, которые образовались бы в воде. Но вот, современные злодеи, язычники, в роде Геккеля, вскрыли благословенную утробу матери,—беременной черной саламандры, и увидели в ней детенышей с длинными, ветвистыми жабрами пониже головы и в то же время заметили очертания легких. Эти жабры исчезают каждый раз непосредственно перед рождением. Удивительно, как это господь-бог позволяет себе снабжать молодое животное органом, который никогда не функционирует и незадолго до рождения опять исчезает. Аналогичное явление замечается и при рождении человека. Каждый хирург знает, что у человека, как у всех млекопитающих, на известной стадии развития, в утробе матери, образуются у шеи боковые щели, которые удиви-

тельно напоминают жаберные щели рыб. И они исчезают у человеческого эмбриона (зародыша) до рождения, совершенно так же, как и жабры у эмбриона черной саламандры.

Кто знает историю происхождения огненной саламандры, у того должна явиться еретическая мысль: не был ли и человек когда-нибудь, в допотопные времена, водным животным с жабрами, а не существом, дышащим легкими? Если верно, что и человек, как и все живущее, произошел от первоначальной жизненной формы и проходил все стадии постепенного развития от низших форм, то он должен был пройти и стадию животных, дышащих жабрами. Геккель выразил все эти неопровержимые факты в следующем тезисе: история развития отдельной особи заключает в себе более или менее сокращенное развитие данного вида (биогенетический закон). В настоящее время этот закон почти не оспаривается, хотя в свое время сопоставленные Геккелем изображения эмбрионов различных позвоночных животных на различных стадиях развития вызвали много негодующих протестов также и среди ученых. Прочно утвердившееся в настоящее время учение о развитии получило, как мы уже выяснили, новую ценную опору в «биогенетическом законе» Геккеля. Каждое единичное живое существо должно быть живым свидетелем того, что происходило в течение ста тысячелетий с отдельными видами или родами. И, действительно, теория эволюции теперь никем не оспаривается в науке, и держится так же незыблемо, как вращение земли вокруг солнца. Эта теория должна служить оплотом в борьбе с церковно-философскими противниками, стремящимися вызвать сомнение, преследуя свои собственные цели. В настоящее время между учеными идет обмен мыслей не о самой теории эволюции, а о тех основных причинах, которые привели к ней. В то время, как некоторые исследователи придерживаются чистой теории естественного отбора Дарвина, большинство естествоиспытателей вернулось к старой ламарковской мысли о воздействии окружающей среды на образование видов, вследствие употребления и упражнения органов; эти ученые пытаются соединить мысли английского и французского исследователей в так-

называемый «неоламаркизм». Теперь решается вопрос в науке не о том, развился ли человек из низшего животного, но как это произошло, и какие к тому данные. Именно, в этом вопросе поповские философы и стараются вызвать смятение. Они представляют дело перед несведущими людьми в таком виде, будто все эти вопросы висят в воздухе, и наука еще не пришла ни к какому положительному результату, ибо ученые и теперь оспаривают самые важные пункты теории эволюции. Но в этом кроется некоторое заблуждение.

Чтобы пошатнуть религию с ее верой в душу и загробную жизнь, совершенно достаточно знать о незыблемом и неоспоримом факте, что человек есть животное. С религиозной точки зрения, процесс развития в вопросе о мироздании не имеет значения, но злостное желание затемнить дело выдвигает его на первый план... Теперь спрашивается, что, собственно, теория эволюции разрушает в религии по отношению к человеку? Собственно говоря, почти все. С верой в бога связана вера в вечное возмездие на том свете, с чем опять нераздельно связана вера в божественную, бессмертную душу человека; бессмертная душа образует коренное различие между человеком и животным. Если установить тот факт, что человек составляет часть животного царства, и что он из него развился на протяжении длинного ряда поколений, и если, с другой стороны, допустить, что человек должен иметь божественную душу, которой, по мнению церкви, ничто живущее не имеет, то как уловить момент, когда животные превратились в человека, одаренного душой? Как может допустить праведный бог такую несправедливость, чтобы запереть врата небесные перед высоко развитой обезьяной в то время, как ближайшему обезьяньему, — виноват, — человеческому поколению Петр должен их открыть? К тому же, различие между человеком и животным не настолько резко, чтобы можно было отметить ясный переход от одного поколения к следующему, достигшему уже большого развития. Сотни тысяч поколений обезьян рождались и умирали. Законы развития, в смысле чрезвычайно медленно слепого шествия вперед, действовали

незаметно в сотнях тысяч разных видов животного царства; они действовали, может-быть, не везде одинаково. Как бесконечно мелочно и детски-наивно представлять, будто бог во всех этих случаях подстерегал живые существа с целью вдохнуть в них бессмертную душу, когда они достигнут известной степени развития, делая это так, чтобы осчастливленное им существо это заметило. Сын живет еще так же, как животное, подобно отцу, хотя в его груди,— какая нелепость!— есть уже нечто «божественное». В то время как другие набожные христиане радуются, что должны будут встретиться «на небе» со своими родителями с пением аллилуия, первому человеку, имевшему тоже своих родителей, хотя бы обезьян, эта радость возбраняется. Как мог так обидеть его справедливый бог? Да, отвечают с проповеднической кафедры, здесь, именно, начинается мистерия, тайна, вера... Проникновенный человеческий разум проложил свободный путь для анализа учения о происхождении и развитии. И здесь, как для достижения многих истин, идеи сначала воспламенялись в головах гениев, а затем доказывались практически и наглядно, но очевидные доказательства истинности учения о происхождении приводились только тогда, когда учение это было признано борцами мысли; эти доказательства основывались на рудиментах, зачаточных формах развития, и на открытиях окаменелых «переходных форм» между настоящими формами растительного и животного царства. В 1861 году в сланцевом слое Золенгофена, в Вюртемберге, открыли неполный скелет древнейшей из до сих пор известных птиц, называемой Archeopteryx lithographica (окаменелая первобытная птица). В 1877 году на том же самом месте нашли другой экземпляр, оказавшийся дополнением к первому. Первый экземпляр был найден предприимчивым врачом и продан в Англию, в Британский музей, за 14.000 марок; второй, приобретенный Вернероси фон-Сименсом, остался в Берлине в палеонтологическом музее. Перья указывают, что это существо было птицей. Во времена седой старины, вскоре после ее смерти, кратер вулкана излил, должно-быть, массу лавы на нее. Лава скоро застыла, затвердела и теперь имеет вид ши-

ферного камня, на котором до сих пор остались отпечатки тела птицы. В ее челюсти находятся зубы, которые, как известно, отсутствуют у наших птиц; точно так же туловище заканчивается длинным хвостом, состоящим из позвонков и покрытым перьями; ни одна из теперешних птиц не имеет такого хвоста, состоящего из позвонков. Это животное соединяет в себе, таким образом, признаки ящерицы и птицы: оно было еще пресмыкающимся и в то же время уже птицей. Это была «промежуточная форма», окаменелая иллюстрация того, как птицы развились из пресмыкающихся, т.-е. из ящериц, крокодилов, саламандр. Что эволюционная теория установила теоретически, то здесь доказано фактом из давно минувшего прошлого. Archeopteryx было существо, стоявшее на границе развития между пресмыкающимися и птицами. Но, с другой стороны, учение о происхождении утверждает, что более развитые формы жизни развиваются из предшествующих, более примитивных. Без сомнения, млекопитающие более развиты, чем птицы, и потому, как класс, значительно моложе. Таким образом, Archeopteryx должен был жить задолго до того периода, когда появились первые млекопитающие или первые люди на нашей планете. Следовательно, еще скорее должна быть найдена промежуточная форма между человеком и млекопитающим, если только учение о происхождении вообще верно. Несомненно, случай играет громадную роль в таких находках, и открытие останков действительного человека-обезьяны, т.-е. переходной формы между человеком и млекопитающим, послужит доказательством происхождения человека и должно иметь,—если бы оно действительно воспоследовало,—громадное научное значение, для подтверждения самых смелых выводов дарвинизма. В 1856 году в Неандертале, близ Дюссельдорфа, в слоях твердой глины был найден скелет доисторического человека, и с тех пор постепенно находились в большом количестве эти окаменелости первобытных людей: в стене близ Гейдельберга, у Спа в Бельгии, у Крапины в Кроации найдены были ископаемые (окаменелые) люди, которые принадлежали к менее развитым, первобытным породам. По строению их

костей можно судить, что эти люди жили при наступлении «дилювиального», т.-е. ледникового периода; это выяснено по напластованию земли. Этот период продолжался несколько десятков тысяч лет, в течение которых мамонты (первобытные слоны) и пещерные медведи были главными представителями царства млекопитающих. Самое большое внимание обращено на неандертальские кости уже потому, что они были первыми. Надо принять во внимание, что в это время в ученом мире дарвинизм в своих основных положениях вовсе еще не был признан. Идея Дарвина приобретала почву постепенно и вызвала среди ученых горячие и страстные споры за и против. Первым, кто оценил значение неандертальской находки, был боннский профессор Мафгаузен; он утверждал, что человеческие кости и череп из Неандерталя по своим особенным формам превосходят все другие находки, по которым можно заключить о примитивности данной породы; их нужно считать древнейшим памятником культуры прежних обитателей Европы. Но вообще, в 60-х годах прошлого столетия в ученом мире противники учения о происхождении были в большинстве. Находили, прежде всего, недостатки в черепе, в том, что, при раскапывании не обращено должного внимания на геологическое соотношение пластов земли, вследствие чего нельзя верно судить о древности черепа. Профессор Мейер нашел, что череп попросту принадлежал русскому казаку, который в 1814 году, в походе против Наполеона, попал в неандертальскую пещеру и там умер. По мнению естествоиспытателя Блэка, это был бедный идиот, живший отшельником в пещере и там скончавшийся. Резче всех выступил в Германии против Неандерталя врач Вирхов, очень влиятельный и горячий противник Дарвина. Он сочинил целую историю, в которой хотел доказать, каким образом череп приобрел особенные формы: был мальчик, который с детства болел английской болезнью; будучи взрослым человеком, он несколько раз получал сильные удары по черепу: наконец, этот бедный Лазарь в глубокой старости страдал еще подагрой,—словом, целая страдальческая эпопея неандертальца, выдуманная ве-

ликим ученым, чтобы ею задушить дарвинизм. Неандертальский череп значительно позже вошел в честь, а именно, когда в 1895 году близ Спа в Бельгии были найдены два других человеческих черепа, доисторический возраст которых с несомненностью доказывался геологическим пластом, в котором они были найдены. Теперь научное значение найденных черепов признано всеми учеными специалистами.

Так что же доказывает нам неандертальский череп? Неандертальский человек представляет недостававшую до сих пор переходную форму между человеком и животным; он—первобытный человек, homo primarius, в отличие от теперешнего человека homo sapiens, в отличие от уважаемого нашего современника Шмидта, Шульца, Кунца. Черепа из Неандерталя и Спа отчетливо разнятся от черепов живущих в настоящее время человеческих рас. Прежде всего, строение обоих этих черепов указывает на чрезвычайно слабое умственное развитие и сильно выраженный животный тип, например, необыкновенно большие выступающие вперед надбровные дуги и низкий убегающий назад лоб. Если поставить череп дикаря ныне живущих рас рядом с черепом человека-обезьяны, например, рядом с черепом негра—череп гориллы, то окажется, что эти окаменелые черепа по своим кардинальным признакам образуют нечто среднее. На черепе негра уже довольно высокий лоб, у гориллы почти нет лба; между ними—низкий лоб неандертальского человека или человека из Спа. С надбровными дугами наоборот: у негра их почти нет, у обезьяны—чрезвычайно большие, у ископаемых черепов—средней величины. Переходная форма между обезьяной и человеком, пока в единственном числе, была здесь найдена. В 1891 году голландский врач Дюбуа нашел на острове Яве такие ископаемые, которые расширили наши сведения о первоначальной стадии развития человека открытием одного из первых звеньев в промежуточной цепи между животным и человеком. Неандертальский человек был все-таки существом, которое уже вышло из животного состояния и дошло до высокой степени развития: на Яве были найдены остатки более древнего существа, был найден череп или части его, где животные

признаки преобладали над человеческими. Этим была, в сущности, заполнена цепь развития. Дюбуа удалось открыть настоящую *человеко-обезьяну* (pithecanthropus). Великий скептик Вирхов полушутя, полусерьезно выразил мысль, что если может быть разговор о происхождении человека от обезьяны, то обезьяноподобного человека надо искать скорее всего в Малайском архипелаге, изобилующем доисторическими растениями и ископаемыми животными. Однако, когда под влиянием этого утверждения Вирхова Дюбуа отправился в свое путешествие и объявил о своей находке, то именно Вирхов выступил с наиболее ярыми возражениями. Правда, находка была скудная: Дюбуа нашел коренной зуб, затем черепную крышку, потом еще один коренной зуб и, в конце, бедренную кость; всего четыре из четырехсот костей человеческого скелета. По положению костей выяснилось, что собственник их сделался жертвой вулканического извержения, но в то время как Вирхов, выступив с критикой при неандертальской находке, имел успех среди большей части ученых, теперь, со времени открытия Дюбуа, он не имел успеха даже после упорной борьбы. Тщательное измерение вместимости черепа показало, что череп человеко-обезьяны, вмещая 900 кубических сантиметров мозга, превышает мозг самой развитой обезьяны—гориллы—на 250 кубических сантиметров, между тем как мозг человеко-обезьян значительно меньше мозга всех живущих нормальных людей, среди которых мозг европейца в среднем достигает 1.410 куб. сант., а у низших человеческих рас—не менее 1.000 куб. сант. То же самое с зубами: коронка зуба характеризует человека, в то время как сильно расходящиеся корни клыков выдают обезьяну. Позже, в 1907—1908 гг., экспедиция г-жи Зеленко, супруги умершего известного анатома, определила со всевозможной научной точностью возраст человека с острова Явы. Судя по остаткам растений и животных, находившихся в том же самом пласте лавы, он должен был жить в более позднем периоде, а именно—в первом ледниковом. Это обстоятельство опять служило благоприятным случаем для противников теории происхождения. В это время жил уже настоящий человек, хотя

и низшей расы, владеющий уже довольно сложными орудиями. Как могла в это же самое время существовать и человеко-обезьяна? Как она может считаться нашим предком, если жила одновременно с человеком?

Нам хорошо известно, что встречаются еще и теперь предшествующие формы в животном царстве, хотя само животное в своем развитии давно уже вышло из этого периода. Несущий яйца утконос является живой промежуточной формой между млекопитающим и птицей; он продолжает еще жить, хотя существуют уже ясно выраженные млекопитающие. Следовательно, и человеко-обезьяна могла жить наряду с отпрысками его же рода, достигшими более высокой степени развития. В виду этих фактов, отпадает единственный серьезный аргумент, который вообще выдвигается в обширной литературе, возникшей по поводу находки Дюбуа против яванских людей. Кроме этих открытий, науке удалось мало-по-малу получить другие точные доказательства происхождения животных друг от друга, и в особенности происхождения человека от животного. Геккель считает материал, который дает нам *сравнительная анатомия*, чрезвычайно важным для распознавания костей, например, по форме костей руки можно определить принадлежность к человеку или млекопитающему. «Везде,—поучает Геккель своих слушателей,—встречаются при различных внешних формах одни и те же кости в том же числе, расположении и связи. Что рука человека мало отличается от руки его ближайшего родственника—гориллы, вероятно, покажется совершенно естественным, но что передняя лапа собаки и грудные плавники дельфина имеют одно и то же строение, это уже поражает. Но еще удивительней, что крылья летучей мыши, «лопаты» крота состоят из одинаковых костей; разница только в величине и форме. Число, расположение и взаимная связь одни и те же. Совершенно немыслимо, чтобы другие причины, кроме общего наследия от общих прародителей, могли дать эту удивительную гомологию, или сходство; и если мы спустимся по нисходящей линии млекопитающих, мы найдем, что крылья птиц, передние лапы пресмыкающихся и амфибий составлены одина-

ковым образом и из таких же костей, как и руки человека и передние ноги млекопитающих. Уже из одного этого мы можем с уверенностью сделать заключение об общем происхождении всех позвоночных животных».

Недавно проник в науку, для вящшего доказательства теории происхождения, более сильный и, может-быть, неотразимый аргумент, а именно: научные наблюдения в области *исследования крови и кровяной сыворотки*. Если кровяную сыворотку (жидкость прививок) прибавить к крови животного иного рода, то не получится никакого осадка. Сыворотка коровы дает осадок у коровы, а также у другого родственного ей рода, например, у буйвола, овцы, козы, у всех с полыми рогами, но осадок тем слабее, чем меньше родство с тем животным, от которого берется сыворотка. Кровь животного, смешанная с человеческой, не дает никакого осадка, только человеко-обезьяны—гориллы и шимпанзе составляют исключение, что очень знаменательно. По показаниям естествоиспытателей получаются одинаковые осадки от смеси крови человеко-обезьян с человеческой кровью и от смеси кровяной сыворотки человека с человеческой кровью. Итак, ничто не помогает: человек—не больше, не меньше, как животное, и обезьяну он может назвать своим кровным родственником. Обезьянья ловкость, с которой поборники религии, по крайней мере, ее более умные представители, после дикой травли против выводов дарвинизма перепрыгнули на другую сторону и теперь стараются показать, что все это не противоречит ни библии, ни мечте о боге, ни вере в привидения,—больше всего могла бы служить, в конце-концов, веским доказательством того, что мы, действительно,—не будем больше стесняться,—происходим от обезьяны. Но история этого происшествия поросла уже быльем, и поэтому нам нечего бояться, что мы встретим в каком-нибудь зверинце нашу живую прародительницу в костюме обезьяны.

Мосты между царством животных и человеком.

Язык обезьян.—Парламентеры у пингвинов южного полюса.—Горилла—заботливый отец семейства.—Эльберфельдские ученые лошади.—Когда собака умнее своего хозяина.—Мораль мокрицы.—Процесс прядения в муравейнике.—Народные танцы у шимпанзе.—Карл Маркс или Чарльз Дарвин.—Теория происхождения в качестве орудия политической борьбы.—„Запретный путь" для рабочего класса.—Зверь ли человек?—„Пожиратель социалистов".—Геккель и его современные ученики.

До последнего времени богословы и родственные им по духу мыслители не отступали ни перед очевидными извращениями действительности, ни перед детскими фокусами, посредством которых в туманных выражениях старались доказать, что человек, действительно, является образом и «подобием божьим». Когда смелый и открытый путь ни к чему не привел, когда пойманные экземпляры больших обезьян показали, что гориллы своей понятливостью разбивают их доводы, они ухватились тогда прежде всего за «речь», которая должна представить непереходимую пропасть между человеком и животным. Американец Гарнер давно уже опроверг это представление своими научными наблюдениями в зоологическом саду в Чикаго, из которых он сделал вывод, что, по крайней мере, обезьяны обмениваются мыслями посредством членораздельных звуков, хотя язык их, конечно, не так развит, как у современного европейца. Их язык надо сравнивать не с языком парижского парламентского депутата или иезуитского патера, а с языком австралийского негра, который тоже, некоторым образом, человек. Несомненно, у негра больше слов, чем у обезьяны, но в сравнении с современным европейцем его речь так бедна словами, что она ближе стоит к обезьяньей речи, чем к нашей. Гарнер

при помощи фонографа воспроизвел звуки нескольких обезьян, и потом аппарат повторил эти звуки перед обезьянами. Так как граммофон не мог передать их гримас и телодвижений, то услышанные ими звуки, исходящие из граммофона, должны были неизбежно вызвать волнение среди них. Гарнер с уверенностью мог констатировать, что эти резкие, громкие звуки выражали тревогу; удалось даже уловить в аппарате смех. Точно так же можно было определить призыв; ему даже показалось, что он услышал от них слово «пить».

Еще доказательней сообщение соучастника знаменитой Шекльтоновской экспедиции к южному полюсу о пингвинах. Это очень умное полярное животное с переваливающейся походкой, известное только по двум-трем книжкам. Он сообщил, что лишь только судно бросило якорь в одной ледяной бухте, громадные массы пингвинов собрались вокруг судна и шедших по льду исследователей, выражая свое удивление по поводу невиданных еще гостей громким кряканьем. Несколько времени спустя выступил из их круга старый пингвин, в то время как другие держались позади, с достоинством поклонился исследователям и пытался завязать с ними разговор громким кряканьем. Убедившись, что его пингвинская речь, очевидно, осталась непонятой, он вернулся к группе наблюдающих за этим птиц и начал с ними снова совещаться. Затем другой и третий пытались таким образом выступить парламентерами. После двух-трех бесплодных попыток вся эта стая улетела. На другой день они опять появились, на этот раз в гораздо большем количестве. Это доказывает, что, несомненно, между этими животными должно было произойти совещание по поводу прибытия загадочных гостей.

Защитники божественного происхождения человека приводят в доказательство *разум*, как божий дар, как славное наследство, в то время, как животным управляет *инстинкт*. Разум или инстинкт—это больше спор о пустых словах, который ни в коем случае ни на шаг не подвинет решения вопроса. Позднейшие исследователи, наблюдавшие жизнь горилл, самых больших человекообразных обезьян,

описывают, как самец, живущий с самкой в единобрачии, ежедневно устраивает гнездо на высоте почти пяти метров для ночлега самки с детенышем. Самец проводил всю ночь у дерева, прислонясь спиною к стволу, чтобы обезопасить себя от нападения своего злейшего врага, леопарда. Горилла-отец не спит, полудремлет всю ночь, чтобы услышать малейший шум. Напротив, днем он регулярно ложится спать в определенное время, спит крепко и долго, а самка сторожит его сон вблизи него, чтобы в случае опасности моментально разбудить спящего силача. Скажут, что все это вытекает из инстинкта. Если то же самое проделает негр, это назовут разумом. Ни то, ни другое слово, в сущности, ничего не объясняет. Известно, что собака бывает порой умнее хозяина. Разве можно объяснить инстинктом такое исключительное явление, как «ученые лошади Эльберфельда», о которых в свое время появилась целая литература. Не какой-нибудь невежда, а уважаемый д-р Г. Кремер, профессор сельскохозяйственной высшей школы в Гогенгейме, близ Штутгарта, рассказывал, что один из жеребцов решил довольно трудную задачу, решение которой никому из присутствующих не было заранее известно, а именно $\sqrt{15.876}-\sqrt{12.769}=13$. Об этих лошадях другой известный ученый, профессор Безредка, директор знаменитого Пастеровского института в Париже, высказал следующее: «Я был поражен, с какой точностью эти лошади отвечали на вопросы, на которые и человек не сразу бы ответил. Не подлежит сомнению, что лошади здраво думают и считают (raisonnent et calculent). Как о курьезе надо упомянуть, что обе эльберфельдские лошади одинаково понимали французский и немецкий языки. Приват-доцент д-р Карл Грубер (Мюнхен) вел целые протоколы об ученой собаке Рольфе, принадлежавшей Паулине Меккель в Штутгарте. Собака не только считала, но умела постукиваниями определять картины. Вот что он пишет по этому поводу: «В одной книге, которую Рольф раньше не видел, как и его госпожа, были нарисованы две летающие ласточки. Рольф постукиванием сказал: «Две ласточки летают». Другой наблюдатель д-р Вильям Маккензи (Генуя) сообщает: «Мои наблюдения над Рольфом были обставлены так, что исключалась всякая

связь, даже косвенная, с присутствующими, были приняты хитроумные меры к тому, чтобы даже исследователь, показывающий собаке картины, не знал их содержания. Только она одна имела возможность узнать о тех карточках, или картинах, которые должна была объяснить. Ей был показан рисунок таксы. Рольф отвечает: «Такса». Следующий вопрос: «Очень хорошо, ты тоже такса?»—Ответ: «Собака». Вопрос: «Да, но такса, ведь, тоже собака? В чем разница?» Ответ: «Другие ноги». Все эти показания, в умышленном или неумышленном извращении которых нельзя заподозреть ученого, подали повод знаменитому исследователю, лейпцигскому профессору, Вильгельму Оствальду, сделать общее заключение: «Дарвин указал неразрывную биологическую связь между самыми низшими организмами и человеком и окончательно разрушил, таким образом, старую сказку о том, что человек уже по строению своего тела существенно разнится от животного; эти ученые животные дают серьезное и в высшей степени ценное указание на подобную же связь в духовном отношении».

Но и в отношении нравственного развития человек не занимает исключительного положения. Каждому знакома мокрица, это не очень развитое и несимпатичное насекомое. Животное это живет в человеческих жилищах; чтобы защитить себя от своего преследователя—человека, который считает себя в праве уничтожать его, оно держится всегда в темноте, его тело поневоле вполне приспособилось к этому. Первая из его десяти заповедей несомненно гласит: «Бойся дня и света». И вот посадили несколько таких животных в умывальный таз, осветили одну его половину, другую держали в темноте. Понятно, что их всегда находили в темной половине таза; но оттуда их выгоняли в светлую половину, а при попытке перейти обратно, направляли туда электрический ток, и таким образом, получая болезненные электрические удары, они возвращались назад. Как только беглец переходил из светлой половины в темную, на него начинали действовать сильным электрическим током. Результат был таков, что почти все мокрицы вскоре убедились, что нельзя безнаказанно проходить в темную половину таза; для по-

которых из них потребовалось больше таких электрических щелчков по носу. Наконец, громадное большинство спокойно осталось в светлой половине и не делало никаких попыток перейти в темную.

Этот эксперимент доказывает, что перемена условий жизни у животных, как и у людей, уничтожает девиз: «Ты не должен». Нравственность—это сознание выгоды, приобретаемое обществом или его членами опытным путем. «Не убий», «Чти отца и матерь свою», не что иное, как выражение сознания пользы. Мокрицы доказывают, что все эти слова—«ты должен» или «ты не должен»—заучены. Желания и принуждения объясняются только реально, фактами жизни. Знаменитый анархист и революционер Петр Кропоткин в своем прекрасном сочинении: «Взаимопомощь в животном царстве и среди людей», дает нам примеры нравственного поведения у животных в правильном освещении. В одном аквариуме молуккский рак упал на спину; его тяжелый выпуклый панцырь мешал ему опять подняться, железный прут, лежавший в углу, еще более затруднял его движения; «тогда его товарищи,—пишет Кропоткин,—бросились к нему на помощь: пришли двое, подняли его, и с большим трудом удалось им поставить его на ноги». Но «рак из-за прута снова упал, тогда один из раков погрузился в глубину аквариума и привел оттуда двух других раков, которые со свежими силами начали поднимать и ставить его на ноги». Кропоткин рассказывает, что он больше двух часов наблюдал это. Ссылаясь на исследователя термитов, Петра Губера, он сообщает, что муравьи одного и того же муравейника встречаются как приятели, и голодный, особенно у сытого, требует себе тотчас пищи; тогда сытый открывает свою челюсть, вынимает оттуда из определенного места несколько капель прозрачной жидкости, которая тотчас же вылизывается голодным муравьем. Если муравей отказывает в этой помощи своему товарищу, с ним обращаются, как с врагом. Если этот отказ происходит во время войны целого муравейника, они поступают со скупцом еще злее, чем с врагом. Кто обладает большей нравственностью? Муравей, как социальное животное, или европеец с мнимой боже-

ственной» совестью в груди, который увешивает орденами военного победителя и—как это совмещается?—избирает его церковным старостой. Но и в данном случае также обнаруживается вся вздорность и поверхностность рассуждений об инстинкте. Если животными руководят только слепые, врожденные инстинкты и побуждения, то мокрицы должны были бы инстинктивно, несмотря на электрические удары, продолжать отыскивать темную сторону таза. Поведение животных является, конечно, следствием опыта, приобретенного ими из суммы фактов, точно так же, как правила нравственности у людей. Кочующие первобытные народы по опыту знают, что в их дальних путешествиях отставшие от них почти всегда делаются добычей хищных зверей, особенно ослабевшие от старости. И потому почти у всех варваров, стоящих на низкой ступени культуры, старший сын считает нравственным и даже почетным убить родного отца в преклонном возрасте. Гамбургский торговец кофе или парижская светская дама наверно скажут по поводу убийства отца: «Фи, гадость!» Они так судят не потому, что у них лучшая и более «благородная» душа, но потому, что имеют счастье не кочевать, а на старости лет, под охраной полиции, пребывать в санатории на Ривьере.

Остается еще один последний отличительный признак человека: это — пользование орудием. В этом, действительно, должна была бы заключаться самая глубокая пропасть между человеком и животным. Но, оказывается, что и эта пропасть не непроходима. Многие наблюдения в животном царстве указывают не на различие, а на сходство даже с новейшим ткацким станком и электрическим трамваем. У личинок муравья-ткача, есть хорошо развитые прядильные железы. Взрослые муравьи ими пользуются. Они укладывают листья таким образом, что остается между ними узкая щель. Тогда они во рту приносят своих личинок, прижимают их передние лапки к краю листа, выжидают, пока сотканная в железе нить высохнет на листе, затем они, держа крепко во рту личинку, пересекают щель; ту же самую процедуру они повторяют с другой стороны листа. Таким образом, они ткут уже крепкую ткань че-

рез щели так, чтобы нити часто перекрещивались. Вот какое заключение делает естествоиспытатель по поводу этого удивительного явления в животном царстве: «Можно сказать, что муравьи употребляют своих личинок в качестве ткацких челноков, и это один из редких случаев, когда животные пользуются орудиями». Тайный советник Дофлайн, директор Бреславльского зоологического института, сообщил новые ценные факты по поводу интеллекта и ума животных; недавно он опубликовал их в «Южно-немецком Ежемесячнике». Дофлайн не находит особенно разумным ни употребление личинок, в качестве ткацких челноков, ни привычку некоторых ос пробивать камнем почву для устройства гнезда. По его мнению, достойнее удивления какаду, который строгал палку, чтобы употребить ее в качестве гребня для чистки перьев. Далее, он приводит очень доказательные эксперименты над человекообразными обезьянами в Тенерифе: в ящик был положен банан, который шимпанзе могли видеть только сквозь узкую щель. Задняя стенка ящика была загорожена решеткой, через которую обезьяна лишь с трудом могла продеть руку, но банан лежал очень далеко, и его нельзя было достать рукой. К ящику на одной стороне его были привязаны палки, с помощью которых одному самцу, Султану, удалось раздобыть банан. Он отвязал палку, продел ее сквозь щель, придвинул банан к решетке, обежал ящик кругом и вынул через решетку плод рукой. Это те самые шимпанзе, которые, по словам Дофлайна, собираются для общих игр. Они образуют круг и гоняют целыми часами ящерицу по этому кругу; их танцы сопровождаются большей частью половым возбуждением и соответствующими движениями. Дофлайн и его коллега Колер заключают из этого, что шимпанзе, даже наименее умные, ведут себя не менее умно, чем люди. Несомненно, что пропасть между человеком и животным не заполнена еще. В особенности не доказано, что интеллект животных не остается признаком отдельных индивидуумов и может передаваться дальнейшим поколениям, способствуя образованию своего рода культуры; и теперь еще противники Дарвина,—все равно, проповедуют ли они с ученой кафедры или с церковной, — опираются

именно на сознательность и культуру человека, когда выражают сомнение в происхождении человека от животного, и прибегают к божественному вмешательству в это развитие, как к чему-то непреложному. Но как раз вышеприведенные примеры из жизни обезьян, их общие игры, должны были бы показать, что очень развитые животные уже достигли в некотором роде первобытной культуры и унаследовали из поколения в поколение разумные привычки.

Без сомнения, справедливо, что в области речи, мысли и, в особенности, орудий заключается еще загадка происхождения человека. В этих трех областях, в одной меньше, в другой больше, развитие «исключительного» животного, «человека», далеко опередило других животных. Человек, например, более или менее культурный, имеет представление об общих, неосязаемых (абстрактных) явлениях. Если мы, европейцы, думаем и говорим: «стена», нам не нужно иметь действительно пред собой определенную стену, а только вообще стену; точно так же мы знаем, что такое справедливость без того, чтобы иметь видимый, осязаемый предмет, который соответствовал бы этому понятию. Животные же, наоборот, думают (лошади Эльберфельда составляют исключение) о вещественных, действительно существующих (конкретных) предметах. И отсюда происходит различие между человеческой речью и языком животных. Что касается орудия, то, несомненно, существует различие между ткацким челноком муравья и электрическим прядильным станком текстильной фабрики. Но нужно признать, что везде существуют мосты между человеком и животным, и что поэтому церковно-поповские возражения против происхождения человека от животных вздорны. Между человеком и животным существует только одно различие: в степени развития, но не в сущности.

Дарвин в основных положениях своей теории о происхождении видов вначале не нашел сочувствия у своих коллег. Когда Эрнст Геккель в 1883 г. на собрании естествоиспытателей в Штетине стал на сторону Дарвина, большинство естествоиспытателей были противного мнения. Один почтенный современник назвал книгу Дарвина «безмятежной ме-

чтой послеобеденного сна». Другой говорил о естественно-научных фантазиях и скоропроходящих головокружениях, за которыми должно тотчас последовать отрезвление». Наконец, один анатом пророчил, что, спустя немного лет, ни один человек не будет об этом говорить. Еще больше протестовало духовенство разного сорта против человека, который осмелился заглянуть в карты господа-бога и своим объяснением происхождения видов превратил библию в не очень интересную детскую сказку. Но раз провозглашенный дарвинизм нельзя было больше задушить; он сделался подобным всенародному движению и вышел из пределов ученых кабинетов. Учение Дарвина стало орудием борьбы буржуазии против феодалов, дворян, духовенства и самодержавия. Незадолго перед тем шумел красный 1848—1849 г.,—давно уж это было,—когда студенты со своими черно-красно-золотыми лентами плечо к плечу с рабочими устраивали баррикады в Берлине, Дрездене, Лейпциге. На чем феодалы основывали свои требования господства в государстве? Они опирались попросту на традиции и предания, на свое давно утвердившееся «божественное» право. Религиозными учениями, мнимой зависимостью от воли божьей, попы держали все в своих руках, что даже их не касалось,—горожан и только-что возникший тогда рабочий класс. Раз буржуазия,—так называлось «третье сословие»,—хотела освободиться от этой экономической и политической зависимости, она должна была похоронить святость преданий и мнимые «вечные» религиозные истины. «Естественные науки, по словам голландского социалиста Паннекука, сделались орудием буржуазии; они противопоставляли науку—вере, новооткрытые законы природы—традициям. Как только выводы естествознания показали, что учение попов—один обман, этим уже были разрушены божественный авторитет попов и святость наследственного права феодалов». Буржуазия, вооруженная наукой, действительно, освободилась и завоевала в обществе все, что ей было нужно и к чему она стремилась, в то время как пролетариат, рабочий класс, так-называемое «четвертое сословие», зародившийся за спиною, под сенью буржуазии, был ею предан, и теперь ему, в свою очередь, предстоит

завоевать себе власть и политическое господство. Преобладающая часть буржуазии сделалась в настоящее время правящим консервативным и контр-революционным классом. И профессора, с Геккелем во главе, должны были умерять и останавливать то течение дарвинизма, которое раньше служило их революционным целям. Теперь, когда победа буржуазии воплотилась в действительность, ее революционная политическая борьба стала излишней. Поэтому началась *фальсификация дарвиновских идей*, в которой не кто иной, как сам Геккель, принял горячее участие. Он был первый, кто понял политическое, революционное значение дарвиновских идей и смело делал соответствующие выводы. Напротив, Дарвин, живший в Англии, где буржуазия давно уже со своим парламентом одержала победу, жаловался на большое равнодушие в своем отечестве. Так, что по чисто-политическим причинам, пророк не очень ценился в своем отечестве. Геккель, немецкий Дарвин, был, наоборот, при крайней страстности своего темперамента чрезвычайно последователен. Буржуазный профессор, сын судебного чиновника, понял, что у него в руках есть средство подставить ножку прусскому Фридриху-Вильгельму вместе с его юнкерской и поповской кликой. Но он знал больше,—а если бы не знал, то ему было бы указано его противником из того же буржуазного лагеря; этот противник был прогрессивный лидер Вирхов, который на конгрессе естествоиспытателей, сражаясь против него, приводил, как веский аргумент, что дарвинизм содействует социализму и рабочему движению. «Будьте осторожны с этой теорией,—взывал он к дарвинистам,—потому что она родственна тем идеям, которые причинили нашим соседям так много бед». Бравый человек и филистер, каким он был, невзирая на свои научные заслуги, намекал при этом на Францию, на Парижскую коммуну. Хорош этот ученый, восстающий против научной истины только потому, что она политически неблагонадежна! Геккель тотчас понял намек. Здесь, действительно, нужно было что-нибудь сделать. Учение Дарвина надо было так изложить, чтобы пролетариату, другому противнику буржуазии, не приходила в голову опасная мысль применить против некоронованных коро-

лей биржи и рудников то же самое сильное оружие, которое с таким успехом применялось против коронованных особ и помазанников божьих. Что буржуа из того, что он выбил из седла юнкера, если, в конце-концов, вместо него сядет на седло свободный духом рабочий? Тогда начали так долго «мудрить» над дарвинизмом, пока он не сделался, наконец, противоядием против социализма, если, конечно, был «правильно» понят. Со всей горячностью пылкого политического деятеля ринулся и Геккель в эту борьбу. Он сделался самым большим «социалистом» среди немецких адвокатов и профессоров; он и его буржуазные ученики в Германии начали проводить «остроумные» параллели между дарвиновской «борьбой за существование» в природе и конкуренцией в человеческом обществе. По Дарвину, борьба за существование — в природе вещей, точно так же в природе вещей и экономическая борьба, борьба друг против друга: сохранение способнейших — движущая сила развития, следовательно, лучший человек тот, который умеет в экономической борьбе, не щадя других, прочищать себе дорогу, хотя это, конечно, не по-божески, но зато в природе вещей. Фабрикант, как более способный к этой борьбе, извлекает пользу, эксплоатирует неспособных рабочих. Таким образом, господин Геккель окружает в некотором роде дарвиновским ореолом каждого коммерции советника. Английский философ Спенсер, под влиянием Геккеля, доказывает, что социализм, противодействуя «естественной борьбе за существование», тем самым вызовет физическое и умственное вырождение человечества. То же самое писал Геккель в 1892 г. «Коммунизм и стремление социал-демократов достигнуть равенства условий жизни и труда означали бы возвращение к варварству, в животное состояние первобытных народов». Геккель, оставляя область естествознания и переходя на политическую арену, желает, следовательно, внушить некоторым образом понятие о «естественном» политическом и социальном строе. Так как этот строй основан, по его мнению, на экономической конкуренции капитала, то Геккель должен был логически притти к заключению, во-первых, что до него, Геккеля, и его единомышленников люди тысячелетиями жили в совершенно неестествен-

ных условиях жизни, потому что свободной конкуренции почти совсем не было при средневековом феодальном и цеховом порядке, и, во-вторых, с Геккелем всякая история прекращается, потому что естественная общественная форма уже достигнута, и ее изменение, дальнейшее развитие должно означать возвращение назад, к неестественности. Несомненно, человек—часть животного царства, но он—особенное животное. Как создание природы, он подчиняется общим законам, действующим в природе. Но, как политическое, общественное и, особенно, как человеческое существо, он подлежит также специфическим законам человеческого общества. Однако, нелепо было бы рабски применять законы природы к человеческому обществу, не обращая при этом внимания на особенности, присущие общественному животному—человеку, что является правильным в природе, не всегда правильно в применении к обществу. Сведения о звездах в астрономии не докажут нам, применимы ли соответствующие параграфы уложения о наказаниях к наказуемости нарушения супружеской верности. Если бы было достоверно, что теория борьбы за существование и отбора способнейших применима к человеческому обществу, тогда нужно прежде всего выяснить, какого рода животное человек, чем он особенно отличается от других животных, и на какое животное он больше всего похож. Борьба за существование происходит у многих животных самым разнообразным способом. Тигр, например, несомненно, тем сильнее в борьбе, чем страшнее его лапы, и чем свирепее он ими пользуется; но муравьи совсем иначе проявляют себя в борьбе за существование: они редко борются между собой или с другими животными, но они погибают, если вместе с другими муравьями построят плохой муравейник. Самое развитое животное, более родственное человеку и общего с ним происхождения,—обезьяна, живет не в одиночку, а обществом. Для обезьян сущность борьбы за существование заключается не в том, что они больно кусаются, дерутся, царапаются и убивают других, а в том, что они живут стадами. Чем больше животные приспособились к стадной жизни и ведут совместно борьбу за существование, тем они, по Дарвину, «способнее», и тем боль-

ше шансов у них выжить. И люди в своей первоначальной стадии развития, несомненно, были такими стадными животными, которые совместно жили, сражались, совместно работали, вместе боролись с нуждой. Все исторические находки и более ранние данные подтверждают это. На чем основывается Геккель, когда применяет дарвинизм к человеческому обществу? Что дает ему основание произвольно сравнивать человека с кровожадным леопардом, а не с мирной и стадно живущей обезьяной? Обратное было бы более научно и «биогенетически» более верно. Значит, естественным нужно назвать не то общество, которое проповедует борьбу всех против всех, как капиталистическое, но такое, которое выравнивает внутренние противоречия и потому выступает сомкнутыми рядами для борьбы с силами природы. А это есть тот социалистический общественный строй, к которому стремится современный рабочий. При социализме вовсе не прекращается борьба за существование; она прекращается только между людьми и достигнет наибольшей высоты в борьбе соединенного цивилизованного человечества, чтобы покорить природу и завладеть ее неисчерпаемыми богатствами. Геккелианцы еще и теперь образуют монистический союз, организацию, которая, несомненно, имеет большие заслуги в борьбе за духовное освобождение Германии, хотя мы не разделяем их надежды на массовое движение; к чести сторонников Геккеля, этих буржуазных борцов против суеверия, надо сказать, что они в последнее время все больше и больше освобождались от политической предубежденности и от социалистофобского филистерства Геккеля. Последний немецкий монистический конгресс после революции требовал от своих участников совершенно иного отношения к социализму. Это уже шаг вперед в сравнении с тем, что с таким глубокомыслием говорил о социализме отец монистов Геккель.

От людоеда к его светлости.

Как стар человеческий род?—Зигфрид—укротитель огня и драконов.—Доисторическая деревенская идиллия на сваях.—Людоедство—детская болезнь человечества.—Наследство от животных.—Небесные знаменосцы у диких и у цивилизованных.—Забор из черепов у мексиканцев.—Пирамиды черепов Тимура (Тамерлана).—Праздник жертвоприношения у далай-ламы.—Рабство—проявление культуры.—Пролетарский пот во всех странах.—От египетской пирамиды до китайской стены.—Торговля подданными 2 немецких князей.—Белая рабыня королевы Луизы.—Королевско-прусская Сибирь.—Фабричные рабы, вместо, рабов на плантациях.

Современному геологическому периоду земли предшествовал так-называемый «ледниковый» период. По мнению авторитетного знатока ледникового периода Альбрехта Пенка, исполинские глетчеры четыре раза надвигались с севера, уничтожая все живое, не успевшее во-время уйти. Каждый раз, когда глетчеры отходили назад, наступал теплый период, и вся изгнанная жизнь вновь водворялась на освобожденных от льда местах. Продолжительность ледникового периода считается в 300.000 лет, из которых на более теплое время выпадает 200.000 лет; человек же существовал на земле раньше еще первого движения глетчеров, значит, раньше на полмиллиона лет. Так стар наш род людской. И известно, что человек в конце второго промежуточного периода был знаком с огнем и умел им пользоваться. Что в сравнении с этим громадным периодом времени утренней зари человечества жалкий маленький «кусочек» человеческой истории, той писаной истории, которой посвящают себя исследователи, специалисты по истории? Кто стоит перед старейшим памятником «письменной истории», перед пирамидами фараонов, на того, по словам Наполеона, смотрят пять тысячелетий. Прибавьте еще две тысячи лет—

историю Вавилона и историю сумерийцев, и что значат эти семь тысяч лет письменной истории в сравнении со столькими же сотнями тысяч лет доисторической жизни человечества?...

Когда человек впервые прикрыл свои озябшие плечи шкурой убитого медведя? Когда он впервые использовал несущееся по реке бревно в качестве судна, а кусок дерева в качестве весла? И как несказанно велик этот успех в сравнении с тем временем, когда человек превратил медвежью шкуру в угрешний дамский капот, весло—в турбину современного океанского парохода! Одним из самых больших событий для человека и, несомненно, одним из его первых открытий было использование огня. Вот что рассказывает естествоиспытатель Карл Нейман, этот прославленный, талантливый, обладающий богатой фантазией писатель. Человек больше всего и резче всего отличается от животного приобретением огня. И если что помогло человеку подняться из низкого первобытного состояния на блестящую высоту современной культуры, то именно священный огонь домашнего очага... И когда впервые огонь стал служить и помогать человеку, ни один ученый не узнает. Это было когда-то, как в сказке. И почти также трудно решить вопрос, каким образом вообще люди древних времен познакомились с огнем. Научила ли их сверкнувшая с неба молния, зажегшая пылающим огнем леса? Привлекала ли их годами, десятками лет долго тлеющая лава огнедышащей горы? Или же, по мнению Оскара Пешеля, автора «Истории народов», великого ученого, холодные надвигающиеся глетчеры с насмешкой высовывали холодные языки охотникам за мамонтами и оленями, а Прометей ледникового периода почувствовал в этом возможность посредством трения вызвать теплоту и даже огонь? Ignorabimus. Мы никогда этого знать не будем, даже если бы обладали таким же тонким умом, как упомянутый Пешелем гений ледникового периода. Любопытство, игра и многочисленные случайные наблюдения в некультурные времена больше обогатили человечество познаниями и лучше объясняли, во всяком случае, естественнее, этот значительный прогресс в жизни

человеческой, чем невероятная гипотеза Пешеля... Самый примитивный мозг человека должен был понять, что огонь полезен ему во всех обстоятельствах; например, он даже извлекает пользу из лесного пожара: пожар уничтожает массу животных, и когда он прекращается, человек ищет в золе жареную, подчас вкусную, добычу... Несомненно, не простая случайность, что в Европе первые следы пользования огнем совпали с началом ледникового периода, когда с севера катились колоссальные скандинавские глетчеры в виде ледяного потока, безжалостно изгоняя и уничтожая животных и растения, не случайно человек сумел спастись во время такой страшной климатической катастрофы, преодолевая опасности и несчастия, человек голый, давно лишенный согревающих волос на теле, если только он не заменил их звериной шкурой, чтобы ею прикрыть свои коченеющие члены. Буйвол, олень, мамонт, носорог и все другие товарищи по несчастью, обитатели Европы ледникового периода, приобретали, все вместе или порознь, ко времени постепенного приближения холода соответствующие приспособления, дающие им возможность продержаться при новых условиях; человек же оставался таким же, как был, и все-таки он сумел победить ужасы холода. В нем одном воскрес Зигфрид,—победитель северного дракона, воскрес герой, сопротивляющийся исполинской силе дракона, когда все вокруг опустошалось с возрастающей ужасающей силой... В то время, как зимняя буря выла и бушевала, когда град и снежная метель неистово обметали землю, человек сидел в своей завоеванной у дикого зверя пещере, грелся у пылающего огня домашнего очага и, подобно герою саги, купающемуся в крови дракона, купался в лучах красного пламени и был также непобедим.

Легенда и действительность! Прошли тысячелетия... Бесконечно медленно подымался человек из низменного животного состояния. Каждое малейшее открытие,—домашний очаг, изобретение пилы или первого жернова,—было приобретено бесконечно длительным процессом, и каждое из них имело громадное значение. Действительно, прошли «вечные» времена с тех пор, как человек мог себя почувствовать, нако-

нец, благополучно в оседлой и мирной работе. Именно поэтому первые сохранившиеся еще до наших времен места оседлой жизни, развалины *свайных деревень* в Швейцарии, представляют для науки чрезвычайный интерес. И все-таки этот первобытный человек, обитатель этих деревень, о жизни и судьбе которого не дают нам представления ни книги, ни рукописи, ни другого рода письменные документы, не стоит в начале исторического периода. Об этих просвещенных людях, обладавших уже культурой в течение нескольких тысяч лет, наука может составить представление при помощи раскопок и на основании сохранившихся остатков их культуры. И именно вследствие этого швейцарские свайные постройки приобрели чрезвычайное значение в археологии. Год 1853—54 ознаменовался особенно холодной и сухой зимой, и большое Цюрихское озеро в большей своей части обмелело. «Нужду превратили в добродетель». С помощью дамб старались отвоевать от озера высохшую часть его дна, чтобы превратить ее в плодородную пашню. Во время этой работы наткнулись на чрезвычайно толстый черный торфяной пласт и открыли удивительные вещи из камня, костей и рогов, которые, очевидно, служили для человеческого употребления. Далее торчали из торфяной почвы в последовательном порядке многочисленные сваи; очевидно, это были подпорки человеческого жилья. Учитель из Обермайлена, Эппли первый понял значение этих находок. Он сейчас же уведомил президента археологического общества в Цюрихе, археолога д-ра Келлера, и, таким образом, благодаря сообразительности Эппли, пришли к очень важному открытию культуры доисторических времен, к выяснению культуры свайного периода. Дальнейшие открытия, сделанные по соседству с первыми при урегулировании течения Пфефинского озера в 1858 г., дали ценные дополнения к первому. Здесь отличился простой рабочий Якоб Мессакомер, приобретший бессмертие, благодаря услугам в археологических исследованиях. Значение швейцарских озерных открытий заключается в том, что здесь впервые открыта целая культура доисторического времени, хотя и последнего его периода.

То, что до этих пор находили, было, вместе взятое или в отдельности, только бессвязными историческими остатками культуры. Здесь же развернулась целая человеческая эпоха с последовательностью во времени и с удивительной законченностью. «В этих свайных развалинах документы первобытной древности лежали в порядке, точно в библиотеке, приготовленные для поучения историков». По этой находке можно было проследить непосредственную связь, в последовательном порядке, между тем, что было сотни тысяч лет назад, когда человек охотился за мамонтами и мог защититься только неотделанным каменным топором, и тем состоянием, когда воин размахивал искусно отлитым бронзовым копьем и стоял вплотную у самой границы исторической эпохи.

Уже раньше, больше по фантазии, чем на основании фактов, разделили культуру народов доисторического времени на три отдельных века: на век каменный, бронзовый и железный. Доисторический человек, орудия которого достигли уже известной степени высоты, на основании этого теоретического деления, обслуживался в более ранние эпохи — в первом веке орудиями из камня, дерева или костей, во втором веке—из металлов, при чем вначале человек находил медь, которую легче обработать, и потом смесь меди с оловом, бронзой, а значительно позднее, в последнем веке,— железо, которое гораздо труднее поддается обработке. Результаты исследования Келлера у Цюрихского озера самым блестящим образом подтверждают это теоретическое деление позднейшего доисторического периода. Поколения за поколениями жили в Швейцарии у озера, на свайных постройках, жили, работали и умирали. Торф был особенно хорошим хранителем их культурных сокровищ, их орудий, и он нам показал такие предметы, которые без него подверглись бы быстрому разрушению. Можно было на основании этих находок, которые занимали площадь от шести до семи тысяч квадратных метров, заключить о переживавшихся этим доисторическим народом трагедиях и ударах судьбы. Пожар уничтожил вплоть до основания свай первобытное поселение в Робингаузене, где в 80 хижинах

проживало до четырехсот человек. Можно определить точно время возобновления построек, но уже в меньшем масштабе. В общем, все это походило на большой доисторический магазин, в котором сохранилось все, начиная от неуклюжих военных орудий до кокетливой булавки для волос из бамбукового дерева. В то время, как человек ледникового периода выделывал свой грубый топор из кремня, в среднем периоде свайных построек, имелись уже несравненно более изящные топоры и долота из более твердого зеленого, хорошо отполированного нефрита. Находили даже льняную ткань с бахромой и кистями,—следы древнейшего ткацкого искусства. К тому же, у этих людей процветало уже гончарное искусство, что можно заключить по некоторым красиво украшенным глиняным бокалам. Благодаря своеобразному расположению хижин и тому обстоятельству, что разные отбросы, например, ставшие ненужными орудия, остатки съеденных животных и т. п., бросались прямо в воду, где их хранила под непроницаемой броней глина до настоящего времени, удалось восстановить «идиллию» свайных построек. Спор между учеными возник лишь по вопросу о том, почему, собственно, люди Цюрихского и Перефинского озер строили свои хижины на сваях; объяснить это можно желанием защищаться от нападения соседей, что доказывается нахождением в этих деревнях целого ряда крепостных сооружений из каменных валов и огороженных окопов. Для этой же защиты, в качестве сторожей, могли служить домашние собаки, находившиеся в этой местности в большом количестве. Одновременно с этой ролью животных в качестве сторожей, решался естественным образом вопрос об уничтожении отбросов и трупов: собаки здесь выполняли ту же функцию, которую в настоящее время выполняют с усердием их потомки на Востоке, в особенности в священном Стамбуле.

Если верить попам, то пути творца разнообразны. В действительности же, разнообразнее пути человечества при переходе его из животного состояния: они ведут на высоты и в болотные низины. Много общих черт в человечестве, но много и отличительных свойств в отдельных расах, от-

дельных народах, отдельных социальных слоях, происшедших от особенностей окружающей их среды, средств существования и, значит, их интересов. Но, в конце-концов, все пути направляются от одного общего исходного пункта к высшему развитию, все равно совершается ли этот переход от одного семейства животного, или параллельно от различных, если только климатические условия благоприятствуют развитию. И, таким образом, мы встречаем всегда общие нравы или общие пороки, независимо от того, исследуем ли мы древние поколения народов в полярных странах, или наблюдаем, как живут в настоящее время индейцы в тропических странах. Всюду несомненные доказательства животного, слишком животного! Изучая нравы диких племен, современных или древних, живших на большом протяжении земного шара, мы наталкиваемся на явление, кажущееся нам, европейцам, самым ужасным, а именно на *каннибализм* (людоедство). Один из лучших этнографов, директор Лейпцигского музея, профессор Вейле, защищал в научном мире ту мысль, что каннибализм представляет наследство от давно прошедшего животного состояния человека. Вейле указывает на существование народов, где старики, даже когда не было войны, считали для себя честью быть съеденными молодыми, где матери поедают своих собственных детей и, при случае, выкапывают трупы, чтобы окончательно похоронить их в своем собственном желудке. «Все эти явления,— продолжает Вейле,—представляют собою детские болезни человечества». Во всяком случае, в интересах исторической правды нужно остерегаться неправильного толкования понятия «детские болезни». У первобытных людей так же, как и у живущих группами животных, существует двойная мораль: безусловно дружеское отношение к собственному племени и враждебное к чужому. По мнению Кропоткина, враждебное отношение к чужому племени не прирожденное чувство, а происходит большей частью от недостатка пищи и от отсутствия дружеских связей. Эти нравы, вызванные нуждой, были долгое время искусственно культивированы религиозными суевериями, и вполне прав великий Кропоткин, указывая, что каннибализм достиг высшего про-

явления во времена священничества, когда шаманы, священники, требовали человеческих жертв для умилостивления богов. «Мексика дает тому лучший пример, а на островах Фиджи, где король имеет право съесть кого угодно из своих подданных, мы находим сильную священническую касту и запутанную теологию». На основании того, что человек произошел от стадных животных, Кропоткин делает очень правильные выводы по поводу зверских черт в человеке. «Ни в какие времена,—пишет он,—война не составляла нормального явления в человеческой жизни. В то время, как воины истребляли друг-друга и священники благословляли их резню, народные массы продолжали свою обычную жизнь и обыденную работу». Благословлением резни и окроплением пушек святой водой достаточно усердно занимались «небесные знаменоносцы» от 1914 до 1918 г. Каннибализм еще и теперь распространен по всей Южной Америке, больше в Кордильерах, затем в экваториальной части Западной Африки и во многих местах Южного океана. Один из известнейших исследователей, Георг Швейнфург, в своем сочинении: «В сердце Африки», на основании собственных наблюдений, пишет о каннибализме следующее: «Из всех известных народов Африки каннибализм больше всего распространен среди монбутту. Земли монбутту расположены вокруг земель черных народов, менее культурных и поэтому презираемых монбутту. Эти народы являются добычей монбутту в случае войны или разбойного нападения и дают довольно большой запас ценного человеческого мяса. Мясо павших в бою делится на месте и в высушенном виде уносится домой. Схваченных живыми победители безжалостно гонят перед собой, как стадо баранов, с тем, чтобы потом зарезать одного за другим для удовлетворения своего алчного аппетита. По сделанным мне сообщениям, пленные дети, как более нежные и лакомые куски, попадают на кухню короля. Во время нашего пребывания в Моруцзе мы слышали, что для короля почти каждый день убивали маленьких детей. Я сам два раза застал врасплох монбутту при приготовлении человеческого мяса для еды. В первый раз я натолкнулся на нескольких молодых женщин, которые у дверей

своих хижин очищали от волос нижнюю половину трупа, обливая его кипятком, при чем черный цвет кожи превращался в серо-пепельный. Отвратительное зрелище живо напомнило мне обдавание кипятком наших откормленных свиней. В другой раз я нашел в хижине еще свежую руку человека, которая висела над огнем для сушки и копчения». Особенно зверски поступает дикарь с острова Фиджи. Он вырезывает из живого тела пленника куски мяса, варит их и на его глазах пожирает. Королевский судья д-р Галль сообщает, что ему в 1896 г. в деревне Окакита показали отмеченные ударами топора два дерева, к которым привязывали пленных для срезывания с них один за другим кусков мяса для отвратительного пиршества.

Животное в борьбе с другим животным своего или чужого вида не дает никакой пощады, но и не берет в плен. Кто в борьбе за существование не может спастись от победителя, без сожаления и милосердия убивается и, большею частью, пожирается. По мнению Вейле, заранее можно предположить, что и у людей дело обстоит точно так же в тех случаях, когда нет собственного производства, нет земледелия, нет скотоводства, и голодный человек располагает только тем, что без систематического труда дает ему сама природа. Что может сделать с пленниками охотник, который уходит ежедневно на охоту на диких зверей, или рыболов, или просто собиратель, пожирающий все, что находит съедобного? Он не может заставить их охотиться или ловить рыбу вместо себя, потому, что они убегут от него. Пленник собирателя не соберет и не найдет больше того, сколько самому ему нужно. Эти нищие народы убьют врага даже в том случае, если они не склонны к людоедству. Такие народы мы находим в Африке, в лице пигмеев и бушменов; в Азии—ведды на Цейлоне, на Кубе, на Суматре, и наконец, на Огненной Земле, в Южной Америке—ботокуды. Все эти народы живут охотой, не занимаются еще земледелием, и никто из них не имеет понятия о пленных. Кто попадает к ним в руки, может быть уверен в своей смерти и даже в том, что будет похоронен в их желудках. Не менее отвратительны их обычаи, сопровождающиеся убий-

ством побежденных противников. На Таити убивают всякого, кого поймают: детей, стариков, женщин наравне с мужчинами. Грудных младенцев бросают вверх и подхватывают на конец копья, или, удобства ради, попросту протыкают у груди матерей. На веревке рядышком победители тащат за собой маленькие трупы.

Еще ужаснее типута-таати, «человеческая типута», таитянских воинов; типутой называется накидка на плечи, в роде пелерины. Если таитянский воин хочет выместить свою особенную злобу на враге, он бьет его по телу до тех пор, пока оно не сплющится, затем пробивает в нем секирой отверстие и просовывает в это отверстие свою голову таким образом, что голова и руки противника висят на его груди, а ноги на спине. В таком страшном плаще он опять идет в бой. Где народы живут охотой или собиранием, там происходят массовые убийства врагов, одинаково во всех частях света. Трофеи, состоящие, главным образом, из сохранившихся черепов или только кожи головы, в ходу в большинстве у этих народов, особенно в Америке, характерной стране скальпов. Монгольский хан Тимур (Тамерлан) собрал во время своих хищнических набегов целые пирамиды голов убитых врагов, доходящих до 70—80 тысяч. Древние мексиканцы имели обыкновение выставлять напоказ черепа убитых перед своими храмами. Позднейшие покорители Мексики сообщают о 136.000 таких отвратительных трофеев, которые в определенном порядке были посажены на «заборе черепов». (Palizada de las cadaveras—по-испански). В Мексике, точно так же, как у большинства других народов, убийство пленных было связано с религией и церковными установлениями. Пленных привозили в главный город Мексику или в один из провинциальных городов, убивали их тотчас или «предусмотрительно» сберегали для религиозных празднеств. Жертвоприношение происходило на паперти пирамидального храма. Несчастного бросали на высокий камень, сверху закругленный, и в то время, как помощник верховного священника держал его, сам верховный жрец большим кремневым ножом распарывал грудь, вырывал сердце и подымал его высоко к небу.

Это была жертва солнцу, щедрому покровителю всего живущего, чтобы подкрепить его силы в его дальнейшем пути. Затем он бросал еще трепещущее тело к подножию храма; у трупа отрезали голову, которую брал себе воин, поймавший пленника. Дома он ее старательно препарировал, пробуравливал дыру в височной кости, раскрашивал и приносил обратно жрецу, который выставлял ее на заборе. Здесь черепа были расположены один за другим, сотнями тысяч, как белые и черные шары на исполинских и ужасных счетах. Недавно возвратившийся из Монголии исследователь Герман Капстер, рассказывает о таких же отвратительных религиозных *человеческих жертвоприношениях* в другой части света, в Азии. В своем сочинении: «Пастбище монголов» он пишет следующее: «Во время осады торгового города Колдо в руки монголов попали 35 китайских купцов, желавших найти убежище в этом городе. Они умерли страшной смертью. Вплотную близ храма возвышалась высокая часовня. Вход охраняли уродливые каррикатурные сторожа. Туда привели китайцев для жертвоприношения. Звуками рогов солдаты и предводители сзывали всех к храму. Глухо гудели монгольские барабаны, обтянутые человеческой кожей, к ним примешивались ужасные звуки труб из человеческих костей, зовущие буддийских духов, чтобы они, с помощью человеческой крови, превратились в демонов и защитили преследуемую ламаитскую церковь. Затем выступил из-под зеленой кровли храма высокий монгольский священник в красной мантии. «Далай-лама!» — бормотала толпа, объятая ужасом, страхом и религиозным трепетом. Высокий, крепкий человек кивнул головой. Удары бичей гнали вперед связанных китайцев. Здесь, перед далай-ламой, они должны были пасть на колени, молить о пощаде и оказывать ему всякие божеские почести. Но ни мольбы, ни вопли не помогали. Садически насладившись в течение довольно долгого времени смертельным страхом жертв, он послал их в сопровождении сторожей в долину, на расстоянии полуверсты. Они были быстро раздеты донага. Слуги ламы связали им руки и ноги за спиной, головы запрокинули назад и прикрепили их к рукам и ногам, таким об-

разом, что туловище сильно выдвигалось вперед. Громче бормотали ламы свои заклинания и молитвы... Тогда выступил далай-лама в красной мантии, так же как и другие ламы, без шапки, с обнаженной головой и начал бормотать молитвы. Взор его наслаждался смертельным страхом жертвы. Он стал на колени перед первым связанным китайцем, держа в левой руке короткий, круглый, топоро-образный жертвенный нож. Увидя это, жертва издала пронзительный крик, который вдруг оборвался вместе со свистящим звуком китайского гонга. Свершилось! Далай - лама с быстротою молнии воткнул левой рукой нож в грудную полость, правой рукой он вырвал еще бьющееся сердце из грудной клетки и его кровью записал на монгольских знаменах священные заклинания, чтобы заручиться помощью превратившегося в демона буддийского духа. Затем он положил кровавое сердце в приготовленную гобалу (не что иное, как позолоченная верхняя часть человеческого черепа). Один за другим пронзительные крики, сопровождаемые свистящими звуками гонга, прорезали вечерний воздух, пока все пять знамен не были освящены и надписаны священной кровью сердец».

Лишь скотоводство и земледелие, которые были знакомы, кроме перечисленных народов, почти всем первобытным народам, хотя и в примитивной форме (без удобрения почвы и плодопеременной обработки), способствовали тому, что пленных не убивали, а превращали их в *рабов*. И эта кардинальная перемена вызвана только улучшенными экономическими условиями, но отнюдь не божественным пробуждением тлеющей в человеческой груди «вечной» истинной морали, «благородством» расы или «чудесным» влиянием поповских проповедей. Земледелие всегда нуждалось в обработке, значит, в людях, тем более в первобытной его форме, требующей тяжелого труда. Превращение пленного в работника должно было казаться земледельцу чрезвычайно выгодным. Отныне в порабощенном пленнике собственник видел помощь, которой ему раньше недоставало. Рабство, сделалось могучим, главным двигателем развития производительных сил в примитивном земледелии, и оно гос-

подствовало в человечестве многие тысячелетия. Прошлые культуры всех народов были буквально построены на рабстве. На свете иначе бы все выглядело, если бы рабство не содействовало смешению крови между отдельными народами и расами, взаимодействию культур, а тем самым и усовершенствованию орудий. Лишь в прошлом XIX столетии американская гражданская война окончательно уничтожила рабство, по крайней мере, среди белых «цивилизованных» народов. В этой войне северо-американские штаты, благодаря своей развитой промышленности, победили южные штаты, где хозяйственная система основывалась на рабстве и на торговле человеческим рабочим скотом, необходимым плантаторам и хлопчатобумажным тузам. Прародители многих, еще и теперь живущих, обладателей вилл накопили свое богатство благодаря американской торговле невольниками, торговле «черной слоновой костью». Духовенство Европы в этой последней великой борьбе за освобождение от рабства держалось совершенно безучастно, даже враждебно, и защищало рабство с библией в руках; набожный ирландский член парламента Добс в своей речи следующим образом согласовывал рабство с христианской логикой: «В библии сказано, что Авель, сын Давида, стерег стадо. Зачем нужно было стеречь, если не было воров? Значит, должны были быть богом созданы другие люди, кроме Адама и Евы, и потому должна существовать другая человеческая раса, которая не происходит от Адама». По мнению набожного Добса, Ева, несомненно, жила в запретном, а потому сладком сожительстве с дьяволом, отсюда произошли негры, и поэтому—ну, конечно!—порабощение этих негров, детей дьявола, есть богоугодное дело. Древнейшие памятники исторических времен человечества показывают нам страшные картины способов угнетения народов, нашедшего свое выражение в рабстве, а теперь преобразившегося в современную сложную систему заработной платы. Эти памятники пережили тысячелетия. Современный пролетарий должен сознавать, что египетские пирамиды, которые и теперь еще возвышаются над равнинами Нила, как величественные свидетели давно погибших культур,

были созданы его братьями по труду и судьбе. Самая большая пирамида, пирамида Хеопса, находится в Гизехе, у границы Ливийской пустыни, на правом берегу Нила; ее основание образует квадрат, сторона которого равняется 232 метрам, высота достигает почти 150 метров; два с половиной миллиона куб. метров огромных камней были перенесены сюда. По свидетельствам греческих историков, в постройке принимало участие сто тысяч рабочих или рабов в течение тридцати лет, хотя вследствие разлива Нила они могли работать только три месяца в году. Принимая во внимание их незнакомство с взрывчатыми веществами, можно себе представить, какого колоссального труда стоило отделять от каменоломни исполинские глыбы. Египтяне употребляли для этой цели разбухшие, смоченные водой деревянные колья, которые они вбивали в трещины камней. Но еще больше труда понадобилось, чтобы притащить эти камни за несколько миль и подымать их потом на такую головокружительную высоту.

От страны чудес—Египта—перейдем в сказочную страну—Индию. Великий Могол Тшеан любил одну красивую девушку, которую назвал избранницей дворца. Он любил ее так долго, что она успела родить ему семь человек детей. При рождении восьмого ребенка, она умерла, и великий монгол не мог утешиться, по крайней мере, в первое время, пока не поклялся поставить ей прекраснейший памятник. Таким образом возник Tasch Mahall, одна из лучших мраморных гробниц Агры, которая достойна удивления еще и теперь. Двадцать тысяч индусских пролетариев работали восемнадцать лет, от 1630 по 1648 г., в конце-концов, только во имя каприза и любовных прихотей великого монгола. Бесконечно длинный ряд караванов, нагруженных белыми камнями, тянулся от Чальпура до места построек.

Сделаем еще один скачок в китайское «срединное государство». Тут стоит еще китайская стена наподобие колоссальной змеи, вьющейся вокруг всей страны. Ее велел построить богдыхан Чи-Ян-Ти за двести лет до Р. Х., чтобы отбить охоту у воинственных монголов вторгаться в его

страну; здесь, по крайней мере, нет каприза повелителя или религиозного сумасбродства деспота. Путешествовавший по всему свету Эрнст Гессе-Вартег пишет по поводу этой колоссальной постройки: «От одиннадцати до двенадцати метров высоты и более семи метров ширины, тянется эта стена по горному хребту. Она составлена из огромных гранитных квадратных камней и тянется на восток и на запад в необозримую даль, по крутым высотам и низменным долинам. Какой колоссальный труд потребовался для сооружения этой крепости, которая простирается от берега Желтого моря далеко в глубь пустыни Гоби и вместе со своими разветвлениями достигает 3.000 километров длины! Если бы такая стена воздвигнута была в Европе, она бы протянулась от Шотландии до Дарданелл, от Крыма до Северного ледовитого океана. Гигантская постройка пирамиды Хеопса меркнет в сравнении с китайской стеной. Для нее понадобилось не 25, а 300 миллионов кубических метров камня, из которого можно было бы построить сто двадцать пирамид Хеопса. Кто мог бы теперь сказать, сколько миллионов людей должно было принять участие в этих работах, и как тяжел должен был быть этот труд! Стена не находится на плодородной равнине, как пирамида Хеопса, и там нет никакого водного пути, в роде Нила, для подвоза строительного материала. Большей частью стена тянется по необитаемым местам, и каждый из миллионов квадратных камней должен был быть принесен с большим трудом на почти недоступную высоту в 2.000 метров над уровнем моря, через крутые обрывы, через потоки».

И, наконец, чтобы закончить путь пролитого на земле рабского и пролетарского пота, перейдем к Перу. Перуанцы были мастерами строить крепости старого типа. На высокой горе построили они цитадель в главном городе Куско, удивившую христианского завоевателя Перу и названную им «восьмым чудом света». Ее колоссальные стены были построены из огромных квадратных камней, соединенных без цемента и так тесно приложенных друг к другу, что даже и теперь между ними «нельзя воткнуть

самое острое копье». «Только» двадцать тысяч рабов из порабощенного народа, «только» двадцать лет строили эту исполинскую крепость.

Но зачем далеко ходить за примерами? И у нас не лучше. Прадедушки наших отцов были свидетелями поучительных и страшных фактов, происходивших в благословенном 1775 г. в Германии. В этом году гессен-кассельский ландграф Фридрих II продал двенадцать тысяч гессенцев англичанам для войны с колониями. Спустя семь лет он послал четыре тысячи двести рекрутов и, кроме того, снабдил Ганау 24.000 штук пушечного мяса. В Гессен-Касселе насчитывалось в то время едва 400.000 жителей, и, таким образом, герцог, «заботливый отец своих подданных», на каждые двадцать человек продал одного. Людей этих согнали в Кассель на рынок для продажи английским покупателям по сто талеров за каждого. Затем их погрузили на суда по Везеру, и «прусский король Фридрих Великий» совершенно последовательно потребовал от шкиперов на прусской границе в Миндене обычную пошлину, как за скот. Если на это жаловались женщины, они попадали в исправительный дом, протестовали мужчины,— их отсылали на железные рудники. Из 19.000 человек вернулось обратно на родину осенью 1784 г. и в следующую весну круглым счетом 12.000, больше трети осталось там. Действительно, нет ничего удивительного, что христианский работорговец, король Фридрих, помимо трат на своих любовниц, оставил состояние в 56 миллионов талеров, что, по тому времени, составляло огромную сумму. Но так поступал не только гессенский деспот,—почти все из царствовавшей тогда немецкой королевской клики поступали точно так же; по мнению Меринга, это был самый преступный и беспутный правящий класс, который когда-либо существовал. Крупные землевладельцы до последнего времени объявляют свое стремление поработить людей богоугодным делом. Последние следы средневекового «положения о челяди», какие существовали в восточной области Эльбы, были уничтожены, как известно, только в ноябре 1918 г. Так называемое jus primae noctis, право первой ночи, еще долго

после Лютера существовало, как писаный закон, а до второй половины XIX столетия существовало, как неписаное обычное право, по крайней мере, в Померании и Мекленбурге. Крестьянка-невеста, чтобы заручиться согласием на брак, должна была первую ночь провести с помещиком. Конечно, можно было откупиться от этого, но факт существования этого права показывает, до чего может дойти рабство, как оно унижает человеческое достоинство. По архивам немецкого монастыря Адельберга, невеста, вместо первой ночи, должна была принести своему духовному или светскому властелину подушку, «чтобы она могла сесть на нее». В восточной Пруссии платили маслом или сыром, олицетворяющими собой толщину и тяжесть женского «тела». Как обращаются с этими «подонками низшего сорта», и что собою представляет прислуга, доказывает случай с девушкой, служившей во дворце Фридриха-Вильгельма III, кружевницей королевы. Пропали во дворце 50 талеров. Прусский король и его опоэтизированная патриотическими легендами супруга Луиза приказали, «чтобы арестованную подсудимую секли, пока она не выдаст своих соучастников, даже если умрет под ударами». Такое распоряжение было отдано из королевского кабинета. И этой девушке всыпали без пощады в первый день 79 ударов плетьми, во второй — 86 и после обеда 50, «частью по голому заду, частью по спине». Исполнителями королевского приказа были низшие служащие — курьеры и писаря. Какая разница между «набожной, нежной и прекрасной» королевой Луизой и античными рабовладелицами Ливией и Сабиной древнего Рима в понимании человеческого достоинства и человеческих прав, предоставляется судить ищущему не легенд, а истинной правды. Ее коронованный супруг Фридрих-Вильгельм, которому менее кровожадный Наполеон готовил Иену, отпечатал следующую «публикацию»: «седьмого июля 1802 года... согласно договору с российским императорским двором, подобные злоумышленники (бежавшие преступники) должны быть препровождаемы на каторжные работы в рудники, находящиеся в дальней Сибири, более тысячи миль от границы; и потому пятьдесят восемь из наиболее

закоренелых преступников 17-го июня с. г. были, действительно, отправлены в императорскую комендатуру в Нарву. И подумать только, что человек, издавший такой приказ, был отцом старого Вильгельма! Чем отличаются кровавые Романовы от «великолепных» Гогенцоллернов?...

Рабство теперь отменено, но не с помощью церкви, а вопреки церкви; отмену рабства вынудили переменившиеся экономические условия жизни. Раб—часть собственности своего господина. Если он умирает от чрезмерно тяжелой работы, господин теряет часть своего имущества; поэтому его нельзя эксплоатировать безгранично; такой же предел работы и у лошади, хозяин которой не заездит ее до смерти. Раба можно применять только в самой примитивной работе. Раб не щадит имущества своего господина и плохо работает, если за его спиной не стоит надсмотрщик с плетью, потому, что он бесправен и не заинтересован в имуществе своего господина. За то, что его приравнивают к домашним животным, к лошадям и волам, он вымещает на них свою злобу. Рабский труд возможен только при самых грубых орудиях. Безграничная жажда наживы современного капитализма вызывает еще большее стремление к производству и старается, совершенно естественно, выжать как можно больше барыша. Фабрикант лично, при современном капиталистическом строе, совершенно не заинтересован в судьбе рабочего, который не составляет части его имущества. Если рабочий падает под бременем труда, фабрикант находит достаточно безработных на его место. Но, с другой стороны, современные способы производства вызывают и возбуждают большую производительность труда при помощи более тонких и дорогих орудий производства, требующих и большей ответственности. Малейшая небрежность современного раба, как, например, пара песчинок в шариковом подшипнике, может испортить драгоценную машину. Фабрикант не получит никакой пользы, если он, как плантатор негра, велит отстегать плетьми неосторожного. Он его просто увольняет, и тогда рабочему грозит, как дамоклов меч, самое страшное на свете—голод. Капиталист принуждает рабочего под угрозой безработицы сделаться самым верным его слу-

гой. Христианство, утверждающее всегда, что оно уничтожало рабство, ничего не предпринимает и не хочет предпринять против современного рабства. Проповедь попов не уничтожила прежнего рабства; точно так же и теперь церковь, во имя высшей христианской морали, не старается уничтожить эксплоатацию труда.

Да, много во всем этом животного, а потому много человеческого!

III.

КНИГА О ПОПАХ.

СОДЕРЖАНИЕ:

Что такое религия.—Христианство, его начало и конец.—Культурные памятники христианской церкви.—Проповедь естествознания с церковных кафедр.—«Необходимо сохранить религию для народа».—Спириты, адвентисты и апостолы светопреставления.

Что такое религия.

Объяснение мира и божественное переживание.—Разжалование хороших теологов в плохие философы.—Религиозность филистеров и захолустных жителей.—Остатки земного в понятии о боге.—От негритянского фетиша к мраморным грудям Афродиты.—Нападение философии на религиозный деспотизм.—Шаманы и врачи.—Первые официальные попы Ниневии.—Религиозная жизнь греков, римлян и иудеев.

Что такое *религия?* Несомненно, религия была и есть еще в настоящее время для человека, стоящего на низшей ступени культуры и умственного развития, попыткой и стремлением *понять мир* и связанное с этим желание *влиять на природу*. Все усилия религиозных людей до настоящего времени сосредоточивались, главным образом, на том, чтобы объяснить происхождение мира и его строение, а одновременно получить от воображаемого создателя мира и руководителя судеб всевозможные выгоды для себя, если не прямо от создателя, то от его свиты,—от святых или целого сонма богов.

Разумные и научно обоснованные мысли о происхождении и строении мира, независимо от того, думаем ли мы о живой или о мертвой природе, наносят смертельный удар понятию о боге, как о создателе и правителе мира. Явления мира, освещенные наукой, говорят совсем на другом языке и гораздо серьезней. Что же еще остается от религии при господстве науки. Ортодоксальный католицизм и, в особенности, религиозные чувства необразованных масс все еще крепко придерживаются веры в бога, как первопричину мира. Главной поддержкой религии, как и прежде, остается грубое невежество.

Когда микроскоп или телескоп исследователя природы, раскопки и документы исследователя истории обратили в бег-

ство старое учение о боге, появились новые толкования божества и сущности религии, чтобы спасти то, что можно было еще спасти. Шлейермахер, Фихте и другие выступили в прошлом веке убежденными защитниками религиозного либерализма. Прямым продолжением этого богословия является находящаяся под покровительством государства идеалистическая философия, которая и теперь еще чувствует себя, как дома, в немецких университетах. Профессор Эйкен в Иене, главный представитель идеалистической философии и ожесточеннейший противник Геккеля, в своем сочинении «Современные идейные направления» высказывает мысль, которая может дать ясное и характерное представление обо всем содержании либерального религиозно-философского учения. Отрицая религию, монизм проявляет полное незнание движущих сил религии. Монизм видит в религии только своеобразное объяснение мира. Если это так, то, действительно, можно отметить резкое противоречие между религиозными и научными представлениями о мире. Но этим не исчерпывается вопрос, и сущность его даже остается незамеченной, а она именно и заключается в вопросе: не основана ли религия на внутренней потребности нашего существа и не оправдывается ли она уже тем, что возвышает наши души? Если это так, то все недостатки ее современного состояния и даже справедливая критика, никоим образом не могут доказать необходимость устранения силы, которая одна лишь способна создать гармонию между человеком и окружающей его действительностью, которая придает его жизни непреходящее величие, его душе—вечную ценность, чистоту, противопоставляя и открывая миру, полному эгоизма и подверженному различным превратностям судьбы, царство любви и вечности...

Итак, бог—как внутреннее переживание. Никакого доказательства существования «такого бога» и «такой» религии Эйкен не дает. Это мировоззрение ограничивается ссылкой на внутреннюю пользу религии для человеческого бытия, при чем Эйкен оперирует такими туманными и неопределенными понятиями, как «душа», «чистая внутренняя сущность», «человек, как целое»,—понятиями, взятыми без критики из

арсенала церкви. Во всяком случае, очень неясные соображения, наполовину искусственные, наполовину морализирующие, составляют здесь фон. Эйкен любуется сам собою, употребляя неясные выражения, что вполне доказывается образчиком цитированного выше его стиля. Достаточно противопоставить этому удивительному богословию внутренних переживаний следующие факты. Если, действительно, религия составляет результат переживания бога, то как это может согласоваться с тем, что и теперь еще она составляет предмет академического преподавания с экзаменами и докторскими работами? Еще менее согласуется это с необходимостью во что бы то ни стало сохранить преподавание религии в народных школах.

Но еще большее противоречие заключается в том факте, что как-раз горожане, обладающие в среднем более чувствительными нервами, претерпевающие «внутренние переживания», проявляющие, например, интерес к хорошей музыке, благородной поэзии, в большинстве случаев абсолютно нерелигиозны, между тем, как деревенский люд со значительно менее сложной «внутренней жизнью» большей частью очень религиозно настроен. Можно ли это совместить с понятием о религии, как о «внутреннем переживании»? В действительности, подобная «разбавленная» религия бессознательно сводится не к чему иному, как или к искусственным ощущениям,—Эйкен буквально говорит о «возвышении нашего существа»,—или возвращается по скучному и потому не менее трудному скользкому пути к богу, как к первопричине, если она,—опять-таки по Эйкену,—должна породить гармонию между человеком и окружающим миром.

Мы придерживаемся взгляда, который доказывается исторической наукой со всех точек зрения, что, наоборот, религия и ее практика ставят человека в самые ненормальные отношения к действительному миру, к которому именно религия относилась всегда самым отрицательным образом. Либеральные богословы и идеалисты, отрицающие роль религии, как способа объяснить природу, возвращая ее окольными путями туманных чувств и искусственных рассуждений в нашу внутреннюю жизнь, доказывают только, что они

хорошие богословы, но плохие философы. Но теорией переживаний богословы, естественно, оттолкнули также своих приверженцев. Сплошная глупость еще может иметь успех, но если она смешана с хитростью, она никого не может соблазнить. В этом заключается великая трагедия нынешней протестантской церкви, которая в борьбе за существование становится все худосочнее и труслпвее, вследствие повального бегства ее паствы, в то время как католическая толстокожая церковь имеет возможность видеть падение своей соперницы, запустение ее церквей и уменьшение доходов. У католиков орудуют «хорошие богословы», а не «плохие философы».

Передо мной лежит один из последних выпусков руководящего католического журнала: «Наука и вера. Сборник вероучений для народа. Ежемесячник католического мировоззрения». После грубейшего и умышленного искажения современных естественно-научных фактов (в роде утверждения, что соски грудей у мужчин составляют не лишний рудиментарный орган, а служат для красоты форм человеческого тела), вот что пишет à la Эйкен прелат д-р Поль в своем «поэтическом» альбоме о религиозных переживаниях и чувствах: «Значительно более распространено то современное направление, которое примыкает к Шлейермахеру, пантеистическому богослову чувства. В его систему излюбленная богословская теория переживаний может войти вся целиком: для него религия не что иное, как зависимость человека от вечности, она, следовательно, исходит не из мысли, не из желания, но исключительным и единственным источником является чувство. В то время, как Кант и Ритчль прибегали все-таки к деятельности разума, Шлейермахер его совершенно отвергает и прибегает исключительно к чистому чувству, которым мы ясно ощущаем и «переживаем» бога. Что может быть доказательнее для существования бога, как это непосредственное переживание его внутри души? Новейший философ говорит: можно религиозно переживать бога, как личное существо, но философски нельзя доказать его существование. Это язык модернизма. Такая точка зрения ведет сама собою к ложному учению «имманентного (внутренно с

нашим существом связанного) бога внутри нас». Как известно, папа Пий X в своей мастерски написанной «Encyclica Pascendi» разобрал эти модернистские бредни с философской и богословской точки зрения до мельчайших подробностей и доказал, что они ведут, как к последнему выводу, к пантеизму (всебожию). Модернизм последовательно ведет к пантеизму, который есть не что иное, как уродливая форма атеизма». Так далеко зашел католический прелат, предавая поруганию наших идеалистов и либералов.

С богословской точки зрения, д-р Поль, несомненно, более прав, чем лютеранский профессор Эйкен. Если бога не признают первопричиной и руководителем мира, если отрицают, что размышления о происхождении мира нарождают религию, в таком случае нет более религии, и она спасается в область полнейшей неопределенности, «в чистую внутренность» господина Эйкена.

Сопоставление этих двух типов религиозных людей приводит нас к проблеме принадлежности к церкви, как единственной носительнице религии. Религиозные люди делятся теперь на два больших лагеря, резко различающихся между собой. Один из них, более многочисленный, состоит из серой массы умственно малоразвитых и бездеятельных людей, кругозор которых большей частью очень узок. Они не в состоянии интересоваться высшими вопросами и не умеют ставить их. Между тем, классовое положение современного рабочего заставляет его выдвигать вопросы, выходящие за пределы его повседневных занятий и относящиеся к области политических, социальных проблем и их взаимодействия. Если вообще рабочий хочет противопоставить всесильному капиталу свою мощную силу, он поневоле должен напрягать ум для разрешения общественных вопросов. Для крестьянина, вообще говоря, не существует ничего вне его деревенского обихода, за пределами того, что не связано непосредственно с его заботами о пропитании. Таково уж свойство заработной платы, дающей рабу промышленности ровно столько, сколько ему нужно для поддержания жизни, или немногим больше, а часто даже меньше. Усердием в работе пролетарий не улучшает своего материального положения. Он

остается рабом, получающим минимальную заработную плату наравне с сотнями тысяч товарищей по судьбе, которые изо дня в день на призыв пронзительного парового гудка одновременно спешат на фабрику. Благодаря этому, самые лучшие и более развитые рабочие проникаются стремлением уяснить смысл не только своего собственного жалкого существования, но стараются понять социальные условия жизни.

Совершенно в ином положении находятся крестьяне, мелкие ремесленники и остальные представители самостоятельного труда. И над ними неумолимо свистит плеть капитала, но хозяйственное положение крестьянина находится в прямой зависимости от рода занятий и усердия, с которым он ему отдается. Крестьянин начинает свой день мыслями о ценах на масло и яйца и ложится спать с думой о коровьем навозе и картофельной шелухе. Другой мир, вне его хлеба, для него не существует. Между тем, промышленные кризисы гоняют рабочего по многим странам, или даже по всему свету. «Блажени нищие духом, яко тих есть царствие божие» можно перефразировать: блаженны и религиозны филистеры и мещане, пригвожденные к своему дому, захолустные жители, живущие в своих берлогах, не интересующиеся мировыми общественными вопросами, потому что они только нарушают строй их производственных отношений. Но даже самый необразованный, неразвитой человек, самый бедный духом, нуждается также и в духовной пище. Библия была целыми столетиями «книгой книг», единственной книгой, которая попадалась на глаза народной массе. Портреты Мадонны, папы или Лютера были единственными художественными произведениями, звуки колоколов в церквах по воскресеньям—единственной музыкой, какую они слышали. Если бы много столетий назад предложить массам «Пир» Платона, или изречения древне-индусских мудрецов, вместо библии, которую им насильно преподносили, то и на эти книги, смотрели бы, как на единственные, ведущие к спасению.

От этой массы религиозных филистеров отличается небольшая группа идеалистов, которая, как мы уже указали, осталась верна религии, исходя из плохой философии. Они не

способны формулировать вообще свое определение религии, потому, что утратили даже веру в бога, как создателя и руководителя всего бытия.

Нельзя сказать, чтобы было легко определить понятия нерелигиозного миропонимания, например, «движение» или «пространство», «время», или даже «материя», но дело идет об усвоении этих понятий в известных рамках, в пределах которых мы должны думать, и выйти из которых мы вообще не можем. У каждого ребенка уже есть соответствующие представления. С другой стороны, понятия «религия» или «бог», вовсе не присущи сознанию, не связаны с ним обязательно, их нельзя считать такими понятиями при отсутствии которых мышление перестает быть мышлением. Исследования показали, что есть народы, совершенно не ведающие, что такое религия, но, с другой стороны, есть много людей, например, фабричные рабочие, которые, благодаря размышлениям и сознательности, по заявлению попов, потеряны для религии, отказавшись от нее; что понятие о религии появилось в истории человечества, как нечто чуждое, совсем не присущее человеческому сознанию. Каждый признает, что не нужно доказывать права на владение рукой и ногой, но право на обладание кошельком с деньгами нужно доказать лишь в том случае, когда другой выражает протест против обладания им. Нечто подобное происходит с философскими понятиями. Если понятие о времени и материи нераздельно с нашим сознанием, то их не только невозможно, но и не нужно разъяснять. Но если в это сознание вторглось нечто чуждое, вторглось понятие о религии, тогда естественно спросить, что означает это чуждое понятие. На этом основании мы, критикующие религию, имеем право требовать от верующих, чтобы они нам ответили, что такое религия, раз она не удовлетворяет стремлениям к объяснению мира, вследствие противоречия с естественнонаучными фактами. Но они не могут дать ответа.

Понятие о боге, больше чем какое-либо другое понятие, носит на себе земную человеческую печать, и оно больше, чем всякое иное понятие, доказывает превосходство социалистических, материалистических методов исследования. По

мнению социалистов, идеи народов, их представления и сознательность всегда являются последующим, второстепенным, несамостоятельным фактором, они вытекают из реальных, материальных и экономических условий жизни, среди которых люди живут, и изменяются вместе с изменением этих условий. Этому направлению противостоит другое, идеалистическое воззрение (включая сюда религиозное), признающее, что дух есть божественная, вполне самостоятельная сила, что «вечная истина» руководит нашими представлениями и нашим поведением. Тезису библии, гласящему, что бог сотворил человека по образу и подобию своему, уже до Маркса философ Фейербах противопоставил другой тезис, а именно,— что человек создал бога, придав ему человеческий более или менее почтенный образ и перенеся этот образ на небо.

Как же объясняет исторический материализм, т.-е. социалистический метод мышления, человеческое представление о боге, не исключая фактов? Подобно животному, человек, только-что вышедший из животного состояния, питается тем, что с трудом находит, и что дает ему природа. Он видит в природе великую силу, от которой ежеминутно зависит его существование. Буря, молния, дождь—это такие силы, которые оказывают на него губительное и непреодолимое влияние. Каждая минута говорит слабому дикарю о великом могуществе сил природы. Конечно, человеку на низкой ступени развития нет времени задумываться над чем-нибудь. Тяжелые поиски пищи поглощают все его время. Первобытный человек—совершенный безбожник; но когда является первая возможность отдыха он предается размышлениям, и тогда властвующие над ним силы природы принимают в его глазах образ повелителей. Дикарь благоговеет пред этими силами природы, перед бурей или перед морем, приносящим ему пищу, перед молнией, которая может его уничтожить. Для первобытного человека, обладающего уже некоторой, хотя грубой, техникой добывания пищи, бог—это властвующие над ним силы природы.

Различным людям и разным народам не все силы природы одинаково необходимы в их обиходной жизни, но тем, которые удовлетворяют их в первой необходимости, они ока

зывают особые почести. У прибрежных народов океан бывает и добрым, и злым, и потому он особенно «божествен». У живущих в глубине суши божественны гром и молния или солнце. У других народов—слон, доставляющий им мясо, у третьих—саговое или пальмовое деревья, приносящие им в изобилии плоды. Постепенно, в течение многих тысячелетий, научается человек укрощать силы природы. Смело и неустрашимо заставляет он океан носить плот или судно по своему широкому раздолью. Он строит хижины, дающие длительную защиту от бури и грозы, со своим копьем он осмеливается выступать против самого дикого и большого зверя.

Чем сильнее и крепче человек, чем больше и всестороннее развиваются его способности, тем легче ему живется, и тем значительней улучшаются условия его жизни. Понятие о боге у каждого человека в отдельности, как и в целых обществах, развивается и видоизменяется соответственно экономическим условиям. Кто человеческими силами победил суровую силу природы, тот теперь начинает высоко ставить эту человеческую силу. Для такого человека молния, гром и могучий поток уже более не боги, а бог он сам—сильный и красивый человек. Небо он населяет сотнями красивых богов: мужчин, подобных Аполлону, женщин, подобных Афродите. Их статуи, изваянные рукой художника из бронзы и мрамора, и теперь еще являются вечными памятниками благородного человечества, вызывая наше восхищение. «Много сил на свете, но сильнее всего человек»,—так говорится в старой греческой трагедии...

Человеческая техника и развитие производственных сил не знают предела. С изобретением новых орудий, с устройством более удобных дорог, с постройкой более крепких мостов, с появлением более современных судов человек знакомится с такими вещами, о которых он раньше никогда не мечтал, появляются такие потребности, которых он раньше не знал. Кто раз вкусил сладости жизни, желал бы их продлить надолго. Теперь человек не удовлетворяется только тем, что вырабатывает для себя самого или своей семьи столько, сколько ему нужно для поддержания существования. Возникают потребности, для удовлетворения которых не-

обходим труд других людей. Только торговец, посылающий свои караваны до индийского Ганга, в состоянии удовлетворить потребность своих соплеменников в пряностях. У многих народов появляются потребности в таких предметах, снабдить которыми их могут только другие народы. Человек начинает производить предметы потребления, ему самому ненужные, с единственной целью—променять их на другие, которые он сам не умеет производить. Предметы, производимые с такой целью, называются «товаром». Начинается век товарного производства. Но не каждый товар находит сбыт, и при товарообмене часто случаются неудачи. Для сбыта товара необходимо наличие потребности в нем. И вот человек начинает считать и рассчитывать, где и когда может встретиться надобность в его товаре. В товарное производство вторгается спекуляция. Считающий, спекулирующий дух человечества становится хозяином средств существования. В соответствии с тем фактом, что люди олицетворяют в боге то, что им самим кажется самым высоким и могущественным, меркнут в их представлениях красивые, мускулистые, упитанные образы прежних богов, груди Афродиты вянут; бог одухотворяется, представляется воображению человека всеведущим, всемудрым, бесплотным духом. В позднее времена в Греции и Риме по мере развития товарного производства все более слабела вера в древних богов. Античные философы стали видеть в боге только великого духа. Если вследствие упадка культуры, например, в эпоху после переселения народов, падало товарное производство и хозяйство принимало более примитивные формы, небо опять наводнялось всевозможными недуховными образами, как доказывают это легионы святых, которые появились при возникновении католической церкви и существуют до настоящего времени. Как только товарное производство стало снова медленно развиваться и достигло в средневековых городах известной высоты, тотчас начались изменения в религиозном и «божественном» мире человека. Лютер, Цвингли, Кальвин опять похоронили слишком грубые образы католических святых и идолов.

А как было в новое время? Пролетарский философ Диц-

ген посвятил свою жизнь борьбе вместе с трудящимися и бесправными людьми за новое, не церковное мировоззрение, которое освободилось от слепой веры в церковь и полагалось только на свои собственные силы. Тем, кто не имел времени учиться и не мог проникнуть в сущность философии и ее историю, Дицген пытается дать критическое обозрение пути, по которому медленно, с трудом переходя от одного этапа к другому, от одного взгляда к другому, подвигалась вперед мысль, чтобы освободиться от старых оков, подобно тому, как это происходило в экономическом развитии. Богословие на известной ступени культуры учит, что бог, созданный им мир и божественная бессмертная душа, являются твердо установленными, действительными, не подлежащими сомнению основными истинами; оно пытается на этом фундаменте открыть новые истины, взятые из библии и «божественного откровения», действуя исключительно одними умозрениями или, как говорят, «спекулятивно». Это была сущность всей средневековой философии, так-называемой «схоластики». Опираясь на религиозный фундамент, схоластик вполне последовательно утверждал, что философия—«служанка теологии». Радикальная экономическая революция, происшедшая при возникновении капиталистического строя, революционизировала и умы. Английский мыслитель,—великий Бэкон, первый признал, что истины надо добиваться не мудрствованием, но органами зрения и слуха, не спекулятивным способом, а опытом и восприятиями органов чувств. Еще радикальнее выступил после него Декарт. Он с самого начала подвергнул сомнению все: бога, людей, каждый предмет. «Очень часто,—говорит он,—меня обманывали мой глаз, мое ухо и мой мозг. Как же я могу доверять этим органам? Я на это не имею права». Далее он продолжает: «Если я высказываю свою мысль, я думаю: значит, *Я* что-то делаю, мое «*Я*» *существует*. Следовательно, если я думаю, я действительно существую» (Cogito, ergo sum). Из этого он делает следующее заключение: «Если существует мое ничтожное «я», то на-ряду с этим должно быть и высшее существо». Таким образом, он опять приходит к богу, и от него к существованию другого бытия, к миру, к людям и т. д., к

тому, что находится вокруг «я». Как дитя своего религиозного времени, он с большим трудом, с помощью различных хитросплетений и произвольного деления на «низшее» и «высшее» бытие, приходит опять к основе религии, несмотря на все размышления и сомнения.

Спиноза, третий великий мыслитель нового времени после Декарта, а с ним и его немецкий единомышленник Лейбниц, вначале, действительно, стояли на точке зрения Декарта, а именно: все то, что мы слышим, видим и обоняем, вообще все существующее, может дойти до нашего сознания только посредством органов чувств. Поэтому мы всегда видим явление, но не сущность предметов. Все видимое нами есть только формы проявления бесконечной субстанции, обладающей двумя вечными свойствами, мыслью и протяженностью, которые выявляются попеременно. Спиноза и Лейбниц таким образом отвергают религиозный «принцип двойственности» в миропонимании, так-называемый «дуализм», потому что сводят все к одной единственной первичной субстанции.

Наконец, Кант, стоящий на рубеже новейшего времени, делает великое непреходящее по своему значению открытие,— что разум вообще не в состоянии познавать ничего, кроме мира данных в опыте фактов; по мнению Канта, мы все познаем органами чувств,—иного происхождения мысли и сознания не существует. Без чувственного опыта нет человеческого сознания. Мы не в состоянии воспринять бога органами чувств, поэтому совершенно невозможно познать бога разумом. Здесь-то и начинается, по Канту, область веры, ничего общего не имеющая с разумом. В этой мысли, выраженной Кантом в его «Критике практического разума», его бессмертная заслуга. Но в своей критике «практического разума» Кант, подобно Декарту, окольным путем, приходит снова к понятию о боге, который, по его же собственному первоначальному утверждению, не подлежит познаванию. Он снова вводит бога, потому что, по соображениям целесообразности, не может от него отрешиться. Через передние двери ясного ума, свойственного Канту, он выбрасывает бога с тем, чтобы ввести его снова с заднего крыльца своей профессорской учености и государственных соображений. Кант делит

мир на две часть: на область разума—опыт и явления и на область веры—божественный мир. В конце-концов, Кант опять пришел к церковному дуализму.

Против этого вновь возникшего дуализма восстал Гегель, последний из великих творцов философских учений новейшего времени. Он отрицает мнимое непереходимое различие между «ничто» и «нечто», между бытием и становлением. Он признает постепенность развития из космоса, из вселенной, преемственность идей, следующих одна за другой в преходящих и изменчивых формах. Без этих гегелевских идей о развитии Маркс, его ученик по Берлинскому университету, может-быть, не создал бы своего учения. В то время, как Гегель в основу вселенной кладет идеи и тем, по нашему мнению, разумно понятый мир ставит на голову, Маркс снова ставит его на ноги. Маркс также учит, что мир и все, что находится в нем, подвержено непрерывным превращениям, и нет в нем никаких вечных противоположностей. Однако дух, идеи не являются основой, на которой возникает опыт и факты. Напротив, мысли, идеи происходят от продолжительного накопления реальных фактов. Потребность к жизни создает потребность мысли: Primo vivere, deinde philsophari (сначала жить, потом философствовать). Это старое, основанное на жизненном опыте римское изречение.

Этим достигается сам собой выход из области чистого умозрения на реальную почву положительного знания. Возникает стремление понять мир, насколько он вообще доступен пониманию; этим вопросом заняты не только философы и естествоиспытатели, астрономы, химики, ботаники, зоологи, геологи, но и историки и социологи. Философия ограничивается отныне критикой культуры (Шопенгауэр, Ницше). Она перестает быть школьной наукой и предоставляет действительной науке объяснить, насколько возможно, хорошо и разумно происхождение и строение мира. Или она ограничивается, как в современных университетах по философии, изучением только методов исследования мысли, ощущения и чувства (логика, психология, эстетика), отказываясь от попыток делать конечные выводы. В этом и заклю-

чается теперь сущность главных задач новейшей, так-называемой «позитивной» философии; она совершенно не делает прежних напрасных попыток познать истины помимо великих открытий науки. По этому поводу Миллер-Лиер (к сожалению, рано умерший), в своем сочинении: «Смысл жизни», пишет: «Тщетно было мнение, что мир управляется всемогущим, всеблагим и выдуманным, на подобие человека, существом, потому, что факты ежедневно и ежесекундно опровергают это. Еще безнадежней, ужасней было представление, что вселенная не что иное, как вечное колебание маленьких микроскопических телец. Напротив, возвышенно и благородно мыслить, что вселенная выше человеческого разума». «Природа,—по мнению Миллер-Лиера,— в действительности—сама мудрость без конца, не понятна ни во времени, ни в пространстве, непостижимо стара, непостижимо велика, непостижима во всех отношениях, исключая мелкого, преходящего,—она необъятна для нашего разума, вдохновляется только нашей фантазией».

Но именно это «преходящее ничтожество» и стоит исследовать с удвоенным усердием позитивистам, специалистам, как и философам. По мнению позитивистов, задачей человечества является «не познание вселенной и не абсолютное знание, а облагорожение, украшение, короче—усовершенствование, земной жизни, благополучие того, что называется человеком», а это именно есть все, что мы сами можем понять. Но где еще осталось старое философское миропонимание, там существует старое противоположение двух направлений: привносящих религиозную веру в мышление *идеалистов* (спиритуалисты, сторонники духа) и *материалистов* (сторонники материи). Идеалисты признают дух, идею, божественную силу—как действительное бытие, которое управляет второстепенной силой—материей. Материалисты признают только материю и считают дух, как нематериальное, бессмыслицей. При этом сам материализм претерпевал видоизменения. Старый, грубый материализм средины прошлого столетия, характеризующий революционно настроенную буржуазию, постепенно переходил к более утонченной форме, к «*монизму*». Монист не представляет себе,

подобно прежним материалистам, что все—только материя, и, следовательно, мир объясняется как арифметический пример в механике, геометрии, химии и т. д.; он не рассматривает дух и материю, как вечную противоположность, он понимает, что мысль так же не может быть, сверхземной, как мертвая масса. Он знает, что определение тела, как мертвого или живого, зависит от точки зрения, с какой мы его рассматриваем, и что, например, по существу человек при своем переходе из ребяческого возраста во взрослый, не стоит выше горного кристалла, выкристаллизовывающегося в определенные формы.

Возникновение религии человечества теряется в еще мало освещенном сумраке истории. Все новейшие исследования единогласно утверждают, что у народов, стоящих на низкой ступени развития, как, например, бразильские ботокуды, бушмены в Южной Африке, нет вовсе религии. У них совершенно нет веры в бога, в создателя неба и земли. В более поздний период развития у них является понемногу представление о «духах», собственно, о душах умерших, которые кажутся им чем-то в роде дыхания, дуновения ветра. Ни у ботокудов, ни у бушменов не замечено следов какого-нибудь культа, богослужения или поклонения духу. Только там, где уже нашла более отчетливое выражение вера в души, которая предшествует вере в бога, мы находим первоначальный культ. Значительно позже веры в души появляются у первобытного человека представления о силах природы. Он одухотворяет солнце, огонь, ветер. Эти силы природы влияют на жизнь дикарей и вызывают в них потребность с своей стороны влиять на одухотворяемые ими силы природы. Типическим примером является следующий рассказ одного путешественника: однажды он путешествовал с несколькими индейцами. Приблизившись к озеру, индейцы закурили свои трубки, что было способом заставить ветер не дуть и дать возможность благополучно переплыть озеро.

Одухотворяя всю природу, дикарь, в конце-концов, необходимо приходит к фетишизму. Фетишизм дикаря состоит в том, что он одухотворяет всякий предмет, хотя бы первый

попавшийся камень, и приносит ему жертвы перед своей хижиной. Если духи все населяют, то они могут вселиться даже в камень, и на всякий случай не вредно заручиться также и его благосклонностью, как если бы это был человек... Фетиш хорошо кормят, стараются его умилостивить обильными жертвами и молитвами. Первые священники—шаманы у сибирских народов и врачи у индейцев—были волшебниками, к которым обращались, когда ничто не помогало. Дикари полагали, что нервные больные, поведение которых было им непонятно, находились в соприкосновении с таинственным в природе, а именно, с духами. То обстоятельство, что шаманы, эти первые священники по призванию, страдали нервными болезнями и выделялись своим странным поведением, давало им преимущество перед другими; отсюда берут начало церковные обряды, и потому жречество, как и нервные болезни, переходило по наследству в определенных семьях, например, фамилия Когенов у евреев.

Шаманы были первыми обладателями научных, хотя, конечно, еще несовершенных познаний, главным образом, по медицине. Это дало им возможность усилить веру в их особенную способность к этому призванию, тем более, что они старательно скрывали от всех тайну своей науки. Так, первая поповская наука довольно рано соединилась с суеверием. Например, больному, страдающему лихорадкой, шаман прописал бы холодные или теплые ванны и сопровождал бы лечение своими чародействами, главным образом, танцами. Даже и теперь еще воображение часто является лучшим врачом.

Халдеи в Передней Азии—первый исторический народ, о религиозной культуре которого у нас имеются документальные данные. В их главном городе Ниневии раскопки обнаружили целую библиотеку, полную глиняных табличек с письмами. У халдеев была уже вполне развившаяся вера в духов, и потому у них, естественно, возникла профессия заклинания духов, которая считалась у них жизненным призванием. К ней присоединялись астрономические познания, и все это тщательно оберегали от посторонних. Астрономия

(наука о звездах) была тогда ни чем иным, как астрологией (вера в звезды). Астрономией занимались не ради знаний, а вследствие веры в духов, которым приписывалась сила управлять звездами, их движениями и способность держать судьбу людей и народов в своих руках. Астрология вела к магии, к пророчествам в обширном смысле этого слова. Если события на земле зависели от звезд и могли быть предсказаны по движению светил, в таком случае все земные события находились в тесной зависимости друг от друга. Достаточно было обнаружить одно из звеньев этой цепи, чтобы на основании этого предсказать будущее. Дошло до того, что пророчествовали по всевозможным приметам: по полету птиц, по внутренностям жертвенных животных. У египтян тоже выработалось священническое призвание, подобно старому ниневийскому. Но вследствие покорения Малой Азии персами и затем уничтожения Александром Великим персидского государства, халдейская вера в жрецов распространилась по всей Европе более широким потоком, чем египетская, и имела на нашу культуру значительное и очень сильное влияние.

Греки, древнейший европейский культурный народ, первоначально, несомненно, тоже верили в привидения и духов. Быстро растущая культура греческих городов, лежащих у берегов и на островах, не затронула жреческих союзов внутри материка Греции, и потому влияние жрецов на крестьянскую массу Беотии или Эпира оставалось всегда очень сильным. Именно тут, под влиянием жрецов, сохранилось наивное суеверие, которое временами проявлялось в безумном исступлении, как, например, на празднествах Диониса. В религиозной жизни греческого народа доминирующую роль играли оракулы, как, например, оракул Аполлона Дельфийского, где жрица Пифия в храме бога Аполлона садилась на треножник, поставленный над расщелиной скалы, и вдыхала ядовитые газы, исходившие из расщелины и приводившие ее в состояние одурения, и оракул Зевса в Додоне, где такую же роль играл опьяняющий источник. Ясный ум греков, живших в прибрежных городах, перед которыми лежал открытый мир, целые сотни лет был сво-

боден от вредной власти жрецов. Здесь действительно сияло солнцо Гомера. Но когда, после персидских войн, а главное, после крушения политической мощи Греции, халдейские жрецы наводнили ее целыми толпами, «сипоокая» Эллада сделалась также ареной дикого суеверия. Подобное состояние религиозной жизни господствовало и у древних римлян. Здесь роль жрецов играли «авгуры», гадатели по полету птиц. Образованные римляне утверждали, что авгуры при встрече на улице не могли удержаться от смеха. Нечто подобное происходило и теперь между светочами церкви. Восточные культы при своем возникновении, главным образом культ Астарты и Кибелы, были сопряжены с неистовыми половыми излишествами в честь богини плодородия; молодые финикийские девушки ежегодно подвергались изнасилованию на алтаре Астарты. Эти религиозные обычаи Востока, с которыми римляне знакомились во время своих завоевательных походов, пришлись им очень по вкусу. В это время жажда наслаждений все более и более росла, и разбогатевшие войной внуки мещанского обличителя нравов Катона изобретали все новые и новые виды оргий, растрачивая созданные тяжелым трудом рабов богатства. Позднее Рим сделался сборным пунктом всех возможных религиозных культов. Исключительное положение среди народов древнего мира заняли евреи. Благодаря особенностям географического положения Палестины, как пограничной страны, здесь сталкивались, говоря современным языком, «интересы» обоих двух великих государств древнего мира,—Вавилона и Египта. Вся торговля между обоими государствами шла через Палестину. Возможность сношений между более развитой и прогрессивной частью населения обеих стран в течение долгого времени способствовала раннему и довольно высокому развитию хозяйственной культуры, которая отражалась также и на религиозных представлениях. Евреи были монотеистами (верующими в единого бога) гораздо раньше, чем греческая и римская философия пришла к единобожию, которое явилось следствием развитого производства. Если в настоящее время христианская церковь ссылается на то, что она—хранительница ветхого завета, то, в интересах исто-

рической правды, надо сказать, что именно этот естественный монотеизм евреев и уберег христианство от веры в чертей и демонов. Значительно позже, после того, как евреи уже испытали вавилонское пленение, и раввины познакомились с суеверием халдеев, с их верой в демонов и чертей, они старались согласовать эту веру с собственными религиозными представлениями. Таким же образом и христианство опрометчиво и неосмотрительно переняло то же суеверие. То, что христианская церковь в своих интересах одобряет в еврейской религии, неправильно считая себя ее наследницей, оказывается, если вникнуть в это поглубже, самым постыдным. Христианство восприняло от древних евреев не чистый и естественный монотеизм, а уже испорченный, нездоровый.

Христианство, его начало и конец.

„Божественное послание“ с обыкновенной человеческой историей.— Жил ли Христос?—Печальная история легендарного революционера.— Возникновение христианства.—Город Рим—клоака нищеты и порока.— Спорт покаяния римского сноба.—Раб за три марки.—Заимствование догматов у Востока.—Тысячелетнее царство древних пролетариев.— Величайший обман всех веков.—Официальное христианство—эксплоататорская машина.—Именем Иисуса грабили народ.—Лютер—слуга князей.—О геройстве Фомы Мюнцера и о крестьянской войне.—Кровавая месть перекрещенцам.

Религиозная жизнь так-называемых культурных народов старого и нового времени развивается или, в кругу влияния различных христианских церквей, поскольку они представляют большую признанную государством организацию, или среди христианских сект, поскольку они не перестали носить кружковой характер общины. Католическая церковь превышает все другие христианские церкви могуществом и количеством своей паствы. Все остальные составляют только более позднее отцепление от нее, их великой матери, упрекающей их в бегстве от знамени, в заблуждении и претендующей на то, что она одна может дать «блаженство». Но каждая из ветвей христианства, ставшая самостоятельной, предъявляет те же самые претензии, и каждая лично для себя. В течение столетий христианская жизнь была жизнью вообще: все сосредоточивалось в христианской религии, и христианское направление мысли было единственно возможным и терпимым. Кто намерен писать систематическую историю христианства и христианской церкви должен поэтому писать историю человеческой культуры последних двух тысячелетий.

Христианство, как и все другие религии, претендует на свое божественное происхождение. Между тем, рядом убе-

дительных фактов, добытых из туманного начала христианства и не раз уже воспроизведенных в исторической последовательности, доказано, что христианство и его история обладают очень земными общечеловеческими свойствами и даже отвратительными человеческими чертами. И что же этим доказано? Католическая церковь и теперь еще утверждает, что она представляет собой несомненное божественное учреждение, в котором нельзя сомневаться из боязни наказания адскими муками. Хотя протестантская государственная церковь этого и не утверждает, но она говорит о божественном учении христианства и о божественной жизни его основателя.

Теперь посмотрим, что представляет собой христианство и его церкви. Стоит только познакомиться со вполне человеческим и даже недостойным для человечества преступным характером всей системы, чтобы увидеть, что́ они считают божественностью, и какую позорную роль играл бы бог в истории мира, если бы он своим божественным христианским «откровением» действительно направлял людей на низменные, грязные дела, какие мы сплошь и рядом видим в истории христианства. Мы, исторические материалисты, знаем, что, в конце-концов, все заблуждения христианства,—казни еретиков, сожжение ведьм и всякие религиозные бесчинства,—все это должно быть приписано экономически угнетающим и варварским условиям жизни. Но если христианство способствовало всему этому варварству, направляя его по своему усмотрению, помахивая дирижерской палочкой, тогда мыслящий человек должен перестать верить в «божественную и святую миссию» христианства и в божественное происхождение основателя христианства, которое, будто бы, является его наследием. Мы здесь ничего не видим, кроме человеческого и земного, и даже не с выгодной стороны.

О личности *Иисуса Христа*, которая теперь, как и прежде осталась центральным пунктом христианской веры, было много споров за последние два десятилетия. Некоторые исследователи, как, например, немецкий историк Древс, вообще отрицают существование Христа. Скептики, отри-

дающие действительную историческую личность Христа, основываются, и совершенно справедливо, на том факте, что греческие и римские историки, современники Христа (если он, действительно, жил), ничего не говорят или очень бегло упоминают о его «приключениях»; между тем, писаная история в то время уже достигла большей высоты, и в Римской империи были точно осведомлены обо всех более или менее крупных событиях. Если мы вообще хотим знать о жизни Христа, действительной или выдуманной, мы должны обратиться к единственному источнику—к евангельским писателям; но они совсем не заинтересованы были в правдивом и объективном осведомлении о жизни Христа; главная их цель состояла в том, чтобы внушить расположение к нему, его учению и завоевать последователей. Сочинения с целью пропаганды являются всегда самым сомнительным историческим источником. Известно, что первоначально существовало не четыре, а пятьдесят четыре словесных и писаных евангелий, которые признавались в течение нескольких столетий, при чем каждое из них давало самые противоречивые сведения о жизни Христа. Только собор (съезд епископов) в Никее в 364 году, более чем через три с половиной сотни лет после Христа, установил, какие евангелия «истинные» и какие «поддельные». Выбор был сделан самым обыкновенным способом: моментально бог сотворил чудо, и четыре истинных евангелия выделились из целой кучи поддельных.

Почему всемогущий бог выбрал только четыре, имело, по мнению собравшихся христианских авгуров, вполне естественное неоспоримое основание: бог избрал четыре потому, что существует четыре ветра, четыре страны света и четыре чина херувимов... Но известно также, что эти четыре евангелия были записаны не ранее ста пятидесяти лет после смерти Христа, а до того времени сведения передавались устно в течение пяти поколений, что не могло не отразиться на их достоверности и исторической правдивости. Позже евангелия так часто переделывались, что Милль в своем издании нового завета нашел более тридцати тысяч вариантов (уклонений). Такой добросовестный исследова-

тель истории ничего больше не нашел нужным, как только сделать это замечание, вместо того, чтобы заняться научным исследованием о Христе, его жизни и дать достоверные сведения о его настоящем учении. Только слепая вера в самые нелепые идеи и недостоверные факты может найти удовлетворение в «божественности» евангелия. Разум отсутствует в этих странствованиях по чудесам «откровения». Какой облик имела бы личность Христа, если бы пытались проверить *евангелие* действительно существующими историческими фактами, а именно: ко всем противоречивым новозаветным источникам присоединить другие, более достоверные исторические источники, относящиеся к еврейской истории того времени? Французы Гюйо и Лакруа, два поколения тому назад, всесторонне расследовали этот вопрос. Мы в нижеследующих строках познакомим читателя с их взглядами.

Время появления Христа совпало с уничтожением римлянами последних следов еврейской национальной самостоятельности. Иудея была приобщена завоевателями—теперь бы сказали «пионерами культуры»—к уже завоеванной ими провинции Сирии, которая управлялась префектом (наместником). Ни у кого национальные инстинкты не могли так развиться, как у евреев, которые издавна, превосходя культурой соседние народы, считали себя «избранным народом». Теперь из угнетенных наций выдвигаются заговорщики и террористы, а тогда у евреев пророки предвещали народу «мессию», т.-е. великого национального реформатора и освободителя. Несмотря на пламенный национализм, еврейский народ разделялся на различные три партии или секты, по существующим там классам. Фарисеи образовали большую группу платежеспособных, имущих горожан. Они признавали корректную, внешнюю религиозность; их представителями были ученые, писатели. Это были реакционеры, стоящие за «порядок и спокойствие» и сочувствующие всем мнениям, обеспечивающим неприкосновенность собственности. Саддукеи, старая высшая аристократия, хотя была также реакционна, но чересчур равнодушна, чтобы вмешиваться в социальную, политическую борьбу страны. Наконец, в состав ессеев входили бедняки и нищие, которых было очень

много в каменистой и неплодородной Палестине. Они придерживались строгой нравственности, потому, что были бедны, питались растительной пищей и диким медом; среди них-то жили «радетели народного блага», народные ораторы и предводители, которые, благодаря своим национальным и пролетарским чувствам, всегда понимали народную массу. Они рисовали будущего отечественного мессию всеми красками Востока; их вождем был тогда человек, по имени Иоанн, одинаково красноречивый, когда он возбуждал национальные чувства или классовую ненависть бедных. Ирод, царь, сохраненный римлянами только для видимости, велел, в конце-концов, арестовать древнего еврейского революционера, потому, что, по мнению имущих, он действовал слишком безумно. У этого Иоанна и учился Иисус, такой же пролетарий, как и все другие, но вскоре он стал выше своего учителя. Иоанн только проповедывал, а Иисус превзошел его «чудесами», в чем всегда упражнялись жрецы во всех восточных религиях, но и Иисус должен был сначала приучиться к роли народного трибуна. Как известно, мастера своего дела не падают с неба. Сначала он проповедывал рыбакам и горным жителям у Тивериадского озера старую и возвышенную мораль еще неиспорченного иудейства, гуманные идеалы раввинов, евангелие любви, самоотречение: «Если кто ударит тебя по левой щеке, подставь ему правую»... Бедные его не понимали и качали головами. Пусть бы богатые делили свои одежды с бедными. Но бедный, у которого нет одежды, и он, голый, мерзнет?! Эти пролетарии хотели услышать иное: о борьбе против богатых, и прежде всего о борьбе против иноземного победителя, который угнетает их поборами податей.

Иисус вскоре понял, с чего начать, чтобы считаться среди них великим мужем; он понял, что должен усвоить себе радикализм своего учителя Иоанна, чтобы приобрести доверие толпы. И очень скоро тон его проповеди изменился: «Я пришел принести не мир, а меч». «Истинно, говорю вам, богатому труднее попасть в царство небесное, чем верблюду пройти через ушко иглы». И это прозвучало возбуждающе и разжигающим образом в устах предводителя, который двинул вперед массу и вселил веру в освобождение. Теперь

только ему поверили, и с этого времени Иисус стал действительно популярен среди бедных. К бедным присоединилось еще несколько деклассированных богачей, главным образом, женщины из знатных фамилий, красивая проститутка Мария Магдалина. Все они были вовлечены в этот социальный и политический водоворот. Иисус стал все больше понимать, в чем заключается роль предводителя слепой пролетарской массы: надо было в радикализме стоять впереди ее, и он держал себя националистичнее и фанатичнее, чем все другие патриоты. Бедная и голодная, но чужай женщина просит милостыню. Каков был ответ назарянина и проповедника высшей любви к ближнему? «Не надо собакам бросать хлеб детей Израиля».

Это движение было одинаково опасно не только для римлян, но и для имущих классов Иудеи, и потому партия фарисеев повела борьбу против него. Один из предводителей народного движения Иоанн уже был в их власти и будет обезглавлен. Иисус, не считавший себя готовым для решительной борьбы, уклоняется от нее и идет в «пустыню». Сквозь воздушное отражение пустыни, через фатаморгану горячего восточного солнца, созерцает его толпа в сверхчеловеческом образе. В уединении сын народа погрузился настоящим образом в мечты о своей будущей роли, и теперь только приобретает он сильную, «двигающую горами» веру в свое учение и миссию, и такой же веры он требует отныне от своих учеников. Он находится в состоянии экстаза; самовнушение, упоение, прорвавшиеся сквозь мрачные часы сомнения, потрясают его. Должен ли он, действительно, вести великую борьбу против корректных, пошлых эгоистических филистеров, против имущего класса города Иерусалима? Эта мысль должна была мучить его. Иерусалим был главным местопребыванием богатых. Не попадет ли он, гений, там в коварную ловушку? Но, с другой стороны, может ли он остаться Иисусом, народным вождем Иудеи, не потеряет ли он доверия своих приверженцев, если не отважится на эту борьбу?

Для фанатика, зашедшего так далеко в своих замыслах отчасти по необходимости, отчасти по доброй воле, вопрос

был предрешен и исключал сомнения. Назад идти было невозможно. Он входит в Иерусалим, проникает в военный лагерь своих злейших врагов. И сразу привлекает к себе сердца толпы. «Осанна сыну Давидову!» Его уста не произнесли еще ни одного слова, из толпы никто не произнес ни слова о его божественности. Раз отважившись на такой смелый поступок, он идет дальше: он выгоняет из храма менял; толпа бедняков ему рукоплещет. Фарисеи, заслуженные, корректные люди, спрашивают его спокойно, опираясь на закон, как он решился на это. На их стороне параграфы закона, а кроме того, здравый смысл и традиции. Дитя природы Иисус на эту речь вышколенного рассудка сумел ответить только дикой руганью. «Лицемеры! Змеи! Порождения ехидны, проглатывающие дома вдовиц!» Это были еще наиболее умеренные слова, вылетавшие из его уст, но на толпу они действовали. Иисус побеждал также и руганью. Среди этой аплодирующей ему толпы кто осмелится поднять на него руку? Толпа разорвала бы в куски всякого, кто рискнул бы враждебно к нему приблизиться. Иисус торжествовал. Игра только началась, и уже она выиграна. В пустыне он слишком долго сомневался в своем величии и силе. Дитя природы, каким он был в действительности, не был в состоянии на высоте своей победы оценить условия успеха, его значение и границы. Вершина победы означала и для него, как почти всегда для таких фанатиков, внезапное падение. Полный самообмана и самомнения, он назвал себя «богом». «Я сошел с неба». «Как поступает отец, так поступит и сын». Так кончают все гениальные счастливцы, будь это Иисус из Назарета, назвавшийся сыном божьим, или корсиканский лейтенант Бонапарт, желавший сделаться императором области от Гибралтара до Москвы. Своими речами о божественности, в качестве сына божьего, он лишил себя прочного фундамента, на котором стоял. Разве галилейские крестьяне не потому так высоко его ставили, не потому ему верили, что он был им ровня? Почему пришло ему в голову ставить себя неизмеримо выше их, своих бедных братьев? Больше всего в глубине души они боялись нарушить закон. Закон разве не говорит: «Есть только

один бог». Вчера еще они кричали: «Осанна!», сегодня угрожают «побить его камнями».

Расположение толпы всегда изменчиво; оно скоро приобретается и скоро теряется. От той самой толпы, которая его с триумфом вознесла на высоту, «сын божий» должен был теперь бежать, чтобы не быть убитым. Там, за городом, в масличном саду, покинутый толпой верующих и сопровождаемый вернейшими среди верных, которые последовали за ним в несчастии, и которых он увидел равнодушными, спящими, он отчаялся в своей божественности, в своей силе и планах, и его обуял смертельный страх... Из всех его пор выступил холодный пот, кровавый пот... Но вот тотчас за ним, за только-что низвергнутым, фарисеи могут послать погоню и арестовать его.

Перед непосредственной опасностью «спаситель» чувствует, что отныне он должен спасать свою голову, и он опять приобретает бодрость. Бежать нет возможности. Его тащат в синедрион, к верховному иудейскому национальному суду, состоящему из фарисеев и ученых писателей. «Ты—сын божий?»—спрашивают его судьи. «Если я это скажу, вы мне не поверите»,—и что ему поможет ложь? Он об этом, действительно, говорил вполне открыто. Если бы он отважился играть на va banque, то еще оставалась бы возможность, что воодушевленная им раньше толпа опять подымется, и вспыхнувший вновь народный гнев мог бы разорвать смертный приговор синедриона, который, несомненно, был бы произнесен. Но еврейская юстиция была, конечно, хитрее народа, дитей природы. Хотя иудейские судьи имели, без сомнения, право осудить Иисуса, но они этого не сделали, а передали дело римскому наместнику страны с донесением, что Иисус возмущал народ, посягал на императорскую корону и стремился совершить политический переворот. Против военной власти страны народный гнев был бессилен и, во всяком случае, недостаточен. Копья римских легионеров имели то же значение, что пулеметы англичан в Индии теперь. Религиозный спор евреев был противен такому усталому, равнодушному, светскому человеку, каким был эпикуреец Понтий, служивший чиновником в варвар-

ской стране, «вдали от Мадрида». Мировая политика римлян проводилась только в таком духе, что порабощенным давали видимость свободы, не вмешиваясь в их внутренние распри. Римский лорд Керзон 2000 лет назад! В этом случае у римского управителя были только холодные политические соображения. Если бы он решил вникнуть в партийную борьбу, тогда нужно было бы ему решить, на чьей стороне стоять,—на стороне одного, оставленного всеми, казавшегося не совсем нормальным человека, или на стороне влиятельного высшего иудейского общества со всей его религиозной системой. На весах расчетливого культурного пионера вес «сына божьего» был бы легок. Наконец, чтобы не раздразнить толпы бедняков, сочувственно настроенной, он в довершение всего умыл свои руки в знак невинности. Итак, Христа осудили за революционный политический, антиримский заговор. На вершине креста висит, как шутка римскаго воина, насмешливая надпись: «Иисус назареянин, царь иудейский». Поруганная и посрамленная погибла мания величия сына природы. «Боже мой, боже мой, зачем ты меня оставил?»

Обыкновенная и вполне человеческая история. Трагедия, которая может разыгрываться не один раз, пока существуют господствующие и угнетенные, бароны и вассалы, цари и подданные. История революционера, потерпевшего неудачу. Виновата ли она, что после того, как она разыгралась, значительно позднее, из нее сделали «евангелие» и построили целую религиозную систему, полную «божественных» тайн, поповских хитросплетений, двухсмысленных выражений и догматической бессмыслицы. Из-за этого балласта церковности и священничества, веры в чудеса и суеверной веры в бога мы почти не видим глубоко печальной, личной, чисто-человеческой трагедии этого мечтателя о спасении человечества.

* *
*

Участь этого человека, если даже допустить, что он действительно исторически существовал, вовсе не была потрясающим весь мир событием, по сравнению с другими

чудовищными явлениями, имевшими место тогда повсюду. Античная культура разрушалась медленно, но неудержимо. Римское мировое господство, основанное на рабском труде, умирало. Число рабов начинало таять по мере того, как легионы продвигались к пределам известных стран, а области, через которые они проходили, беднели человеческим мясом. Без рабов Рим не мог удевлетворять своих громадных потребностей. Приходившее в упадок производство увеличило нищету больших городов до колоссальных размеров, особенно в Риме, где было скопище пролетарских масс, главным образом, из крестьян, чья земля была скуплена большими поместьями, из отпущенных или бежавших рабов. В то время, как народные массы объединялись в одной общей мечте о новой, лучшей жизни без голода, и крепла в них вера в появление спасителя, класс имущих, наоборот, давно уже дошел до предела наслаждений и начал убегать целыми толпами от этого презренного мира роскоши, омерзения и венерических заразительных болезней.

Самоубийство превратилось в нормальное явление в древнем Риме. В высшем свете стал модным переход от пресыщения наслаждением к смиренному покаянию. К тому же все еще продолжалось влияние древней и греко-классической философии на падающую культуру. Позднее из покоренного Востока в течение долгого времени заносились всевозможные персидские, вавилонские, египетские и индусские религиозные культы и обряды. Из всех этих самых разнородных религий зарождалось будущее *христианство*; оно при своем возникновении вложило в уста своего мнимого основателя Христа это поразительное сложное, но цельное миропонимание, как «откровение», которое расчленилось на отдельные догмы. Наиболее ценные остатки старой классической культуры, вместе с ненужными и нелепыми, сохранились до наших дней.

Давным-давно, еще задолго до Христа, пролетарии начали покидать Палестину—бедную, сухую, скалистую страну; они, главным образом, ессеи, из среды которых появился Христос, переселились в другой мир, в большие города. Там они жили общинами, связанные общими воспомина-

ниями о родине, организовали хозяйственную самопомощь с общностью имущества на основах потребительского коммунизма. Вследствие уничтожения семьи в основе общины лежало безбрачие или общность жен. Первые апостолы христианства, первые странствующие ораторы, не должны были организовывать партийного аппарата: они находили его готовым в больших городах Римской империи. Римское хозяйство все более приходило в упадок, и нужда народа, скопившегося в больших городах, росла с каждым днем. Только еврейские переселенческие организации образовали маленькие спокойные и спасительные оазисы среди этой волнующей серой массы обедневших крестьян, продавших свои клочки земли, и бесправных рабов, лишенных всякого имущества «Latifundiae Romam perdidere» (владельцы больших поместий погубили Рим),—так жаловались сами римские историки и бытописатели. А так как это нарастание числа непродуктивных рабов, сосредоточенных в поместьях, составляло сущность римской хозяйственной и политической системы и было нераздельно с ней связано, то отделить ее от этой системы можно было разве только отпуская рабов, на которых основывалось все производство. Они не видели никакого выхода. Ничего не оставалось лучшего для «благороднейшей части нации», как предаваться смиренным размышлениям, грустным мечтам и самоуглублению. Вопрос о бессмертии души давно занимал философа Деметрия, еще раньше, чем христианский собор провозгласил эту догму. При каждом удобном случае, когда об учении Христа не было и речи, во времена Августа языческие ораторы проповедывали, что «природа создала рабов, как равных людей с их господами. Неравенство перед законом не имеет никакого оправдания и основания». И никто не осмеливался противоречить. Задолго до того поэт Овидий заявил, что он ненавидит женщин, втыкающих иглы в руки своих служанок. Это только отдельные примеры высоко развитых гуманных понятий языческой, абсолютно не христианской, античной культуры, дошедшей до апогея своего развития, хотя и начинающей уже клониться к упадку. Христианство не могло еще окончательно проникнуться этими идеями свободы

и человечности, хотя кое-что переняло от них. Еще в пятом столетии папа Лев I возмущался, что к священническому сану допускаются лица, не заслуживающие этого по своему происхождению. «Раб в сане священника! Приношение даров оскверняется его прикосновением»,—значится в одном из его эдиктов. Немало рабовладельцев было среди епископов римской церкви. Соборы благочестивых отцов церкви неоднократно запрещали освобождать рабов. Они с полным правом могли опираться на апостола Павла, который писал: «Рабы должны всячески подчиняться своим господам, угождать им, не обманывать, не противоречить, и этим они вполне осуществят учение спасителя, бога нашего». Удивительны претензии современной церкви, будто она отменила рабство... Среди большей части римских имущих классов появился в дальнейшем, как реакция против развратных оргий и как самая модная болезнь, аскетизм,—умерщвление плоти. Гомосексуализм мужчин, живших с молодыми рабами, стал нормальным явлением. Жена императора Поппеа Сабина ходила ежедневно в публичный дом и предавалась там разврату, как уличная проститутка. На пиру Трималхиона среди гостей по рукам ходило павлиное перо для раздражения горла и вызова рвоты, чтобы снова быть способным наполнять желудок вином и лакомствами. В то время, как большинство богачей погружались в это болото, эти же условия побуждали других презирать людей, женщин, мир и его удовольствия, отрекаясь от всего. Задолго до христианства многие знатные молодые люди отказывались от мяса и регулярно постились. Мечтали о смерти точно так же, как впоследствии в первые периоды монашества. Язычник Плутарх выразил радость по поводу похорон одного честного человека, потому, что «смерть освобождает от рабства тела». Не звучит ли это чисто по-христиански?! Аскетизмом и презрением к мясу гордится и теперь еще христианство, считая его собственным приобретением, между тем как оно было им унаследовано во время римского упадка. Учение об отречении ессея Христа основывалось на бедности; в него веровали бедные ремесленники из Палестины, им нечего было тратить, и они из нужды сделали добродетель; учение это

встретилось с таким же направлением в среде римской знати, исходящим из других мотивов, но тоже ведущим, в конце-концов, к аскетизму,—оба соединились в понятии об умерщвлении плоти.

Таким образом, христианство ударилось в самое дикое, неистовое самоотречение. И поднялись христианские «святые столпы», получившие все это по наследству в готовом виде, на верхушки высоких столбов и, сидя всю жизнь на них, занимались самими собой и богом. Святой Симеон прожил беспрерывно в течение 60 лет на столбе в 16 метров высоты. Женщина и все женское было обречено на презрение. Августин ненавидел брак и признавал его только затем, чтобы люди не вымерли совсем и могли славить бога. Святой Иероним считал пороком сожительство с женщиной, но ничего больше не оставалось сделать, как извинить это преступление и благословить. Брак должен быть полит святой водой, чтобы снять с него порочность, и он делается таинством. Христианский священник врывается даже в спальню супругов... Великий отец церкви Ориген,—достойно внимания, что здесь говорится о достоверном историческом факте, и что святость этих людей еще и теперь прославляется в церквах,—сам себя оскопил. Воистину подлинный христианин! Таким образом, возникли монастыри, где можно было предаваться беспрепятственно самоотречению, самобичеванию, а главным образом—лени. Веселых монастырей, появившихся позже, в средние века, пока еще не было. Если святая Сильвания в первое столетие после Христа хвасталась, как доказательством особого христианского поведения, что она в течение 50 лет не мыла своего лица и других частей своего тела, за исключением концов пальцев, чтобы ими принять святое причастие; если кельнский кардинал Фишер в 908 г. после Р. Х. по всей своей епархии официально запретил монахиням купаться,—то все это плоть от плоти того римского упадка, было христианством по наследству усвоено и перенято. Христианская философия о боге, душе, духе позаимствована из классической языческой философии и, большей частью, в испорченном, искаженном виде. Святой Павел, перенял странствую-

щий оратор из христианских пропагандистов, был и первым учителем с философским направлением мысли. В отличие от своего коллеги Петра, он был весь проникнут духом языческого античного мира. Еще большее значение для систематического христианского миропонимания имеет св. Августин, который сам себя считал учеником Платона. Августин—ученик языческого, несомненно, великого философа, со своими чрезвычайно объемистыми поучительными тезисами, господствовал рядом с Аристотелем над умами христиан в течение всего средневековья, вплоть до протестантизма и до новейшего времени. Повсеместно распространенные восточные религиозные церемонии и колдовства вновь ожили в догмах, мистериях и обрядах христианства. Халдейские языческие астрологи уже знали о «семи смертных грехах».

Все восточные легендарные герои—Саргон, Гудеа—произошли, по их утверждению, путем девственного зарождения от богини Астарты, подобно христианскому мессии. День Рождества Христова 25-е декабря—праздник языческо-астрологический: именно в этот день восходит в восточную часть неба созвездие Девы. Об основателе индусской религии, о Будде, жившем много раньше Христа,—буддизм, без сомнения, значительно старше христианства,—сказано, что он родился от девственной королевы Майи, хотя он и не такая легендарная личность, как Христос. И при рождении Будды засиял неземной свет, и появились сонмы небесных духов. Праздник воскресения Христа имеет фатальное сходство с великим древнейшим праздником воскресенья у вавилонян. Наименование сына человеческого, данное Христом самому себе, тоже древнего вавилонского происхождения. Искупительная смерть Христа имеет свои готовые образцы в смерти Адониса и Озириса. Освященный хлеб и чаша с вином, как мистический символ приобщения божественной жизни к жизни верующих, относятся к очень древним персидским мифическим верованиям. Исследования получившего широкую известность и умершего около 15 лет назад профессора Делича о «Библии и Вавилоне» и его, основанные на раскопках почвы древней Ниневии, научные вы-

воды об отношениях между «откровением» старого завета и значительно более древними вавилонскими представлениями и обрядами пролили свет на вполне естественную, абсолютно ничего общего с божественным вмешательством не имеющую, историю происхождения христианской веры.

Как свободно обращалось христианство в первое время с догматами, считающимися и теперь еще церковью непреложными «вечными» истинами, доказывает лучше всего высший догмат о святой троице. Стих 7-й в первом послании Иоанна (гл. V), который должен служить главным доказательством триединства бога (отца, сына и святого духа) был вставлен еретиком Присциллианом через четыре столетия после Христа. Это подтвердил католический профессор богословия Кинстле в одном своем наделавшем шум сочинении (1906 г.).

Все эти различные моменты возникновения христианства, конечно, ничего общего не имеют с божественным сверхъестественным происхождением и характеризуют собой удивительнейшее заблуждение человеческого духа, но вместе с тем обнаруживают в себе замечательно решительные революционные стремления античных рабских и пролетарских масс, которые, как, например, еврейские переселенцы задолго до Христа организовали примитивную коммунистическую самопомощь. Без этого революционного настроения народной массы, с одними только взятыми без разбора понятиями классической языческой философии, с безобразными обрядами восточных религий, с модой покаяния римской знати,—христианство само не могло бы проявить той стойкой силы, какую оно в действительности проявило. Именно благодаря своей революционной движущей силе, христианство первые столетия распространялось почти исключительно в городах, где были скучены наиболее обездоленные элементы народной массы. В деревнях крестьяне, бедность которых еще не дошла до нищеты, ничего знать не хотели о революционном христианстве. «Paganus»—так собственно назывался «житель деревни» по-латыни, с распространением христианства это название вскоре получило двойное значение: «язычник», «нехристианин», что должно

было бы казаться непонятным, если признать христианство чисто-духовным движением. На языке католической церкви, который есть не что иное, как испорченный римский или латинский язык, язычники называются и теперь еще pagani, т.-е. крестьяне. Если бы кто теперь сообщил об этом набожным крестьянам, живущим в христианской стране, он был бы за это, может-быть, избит до смерти. Благодаря своему распространению, христианство сделалось, наконец, силой, с которой государство и политические власти должны были очень считаться по мере того, как собственная их сила падала. И в этом, действительно, нет ничего удивительного. Если бы кто-нибудь предсказал в Германии тридцать лет назад, что приверженцы Бебеля будут себя чувствовать, как дома, во дворцах Вильгельма, то, несомненно, его сочли бы сумасшедшим. В последний период Римской империи императоры заискивали у христиан, и один из них, Константин, даже сам «принял крещение».

Крещение совсем не изменило образа жизни хитрого Константина. Одряхлевшая и обедневшая Римская империя с трудом оборонялась от нападения варварских и свежих сил германцев; производительные силы падали в ней от уменьшения числа рабов, и потому, естественно, она стремилась искать помощи в новой силе христианства, и это стремление совпало с очень естественным экономическим процессом внутри христианской общины. Вначале епископ (от греческого episcopos—смотритель) был только управляющим добровольно собранного имущества членов еврейско-христианской коммунистической организации взаимопомощи и совместного потребления. Но это положение давало ему все большую и большую власть, тем более, что ему приходилось иметь дело с люмпен-пролетариатом, который в духовном отношении стоял настолько же низко, насколько был беден материально: одно зависело от другого. Первоначально христианские пролетарии свободно выбирали своих епископов, своих управляющих. Но это самоуправление теряло свое значение по мере роста влияния чиновников и усиливающейся бюрократии, по мере того, как падала моральная сила массы рядовых членов общины, и росло цер-

ковное имущество, вызывающее алчность церковных служителей. С этого момента оставался только один шаг до грубого насильственного перехода общинного имущества коммунистической церковной организации в руки могущественного бюрократа, епископа самой большой древне-римской общины. Это произошло посредством «Исидоровых декреталий», которые появились при папе Исидоре и названы его именем. Декреталии представляют самый грандиозный подлог, который когда-либо происходил в истории. Дело идет о собрании беззастенчиво подобранных документов, толкующих, что понятие «бедные» относится не к тем, кому собственно по праву принадлежало церковное имущество, собранное ими или их предшественниками, но к тем, кто дал «обет» бедности, т.-е. к священникам. К тому же, римская государственная власть, которая в собственных интересах не могла обойтись без христианской церкви,—этого государства в государстве,—сама приняла христианство. Церковная власть немедленно принялась использовывать это выгодное для себя положение и обложило население принудительным налогом (десятиной), первоначально добровольным взносом членов общины.

Можно себе представить, какая громадная материальная и политическая сила выросла и установилась таким образом. Папство, непосредственное по прямой линии продолжение павшей римской императорской власти, наложило свою тяжелую руку на последующие века христианства. Так-называемое «евангелие», христианское учение, должно было в течение всего этого переходного времени претерпевать чудовищные превращения. Пролетарские массы ранних христиан, даже несмотря на примкнувших к ним деклассированных римских аристократов, проявляли на-ряду с воздержанием, вызванным нуждой, очень грубые земные помыслы. Христианская вера могла иметь такое влияние на римскую бедноту и на все общество и воспитывала таких фанатиков, презиравших законы римского императора, презиравших обывательский зверский клич: «christianos ad leonem» («бросайте христиан львам»), только потому, что евангелие, хотя и проповедывало в этот момент воздер-

жание, но в будущем рисовало прекрасные земные перспективы, не только практические в применении к коммунизму, но и теоретические. «Царство божие», которое проповедывалось этим беднякам, и которое рисовалось их собственному воображению, не заходило в действительности за облака. Ежечасно ждали не только гибели старого мира, от которого должны были отрешиться, но и пришествия нового более счастливого времени, золотого века, который должен был наступить вместе с обещанным пришествием Христа. К жизнеописанию Христа, передаваемому вначале устно, примешивали всевозможные осязаемые и земные обещания. Повторяли его слова: «Я говорю вам: это поколение не исчезнет, пока все эти обещания не исполнятся». И как соблазнительны, как прекрасны были предсказания этого тысячелетнего царства, имеющего целью осуществление пролетарской мечты здесь на земле, а не на небе! Святой Ириней фантазирует: «Придет время, когда виноградное дерево будет расти, и у каждого дерева будет десять тысяч виноградных лоз, каждая лоза с десятью тысячами больших ветвей, каждая большая ветвь с десятью тысячами маленьких веток, каждая маленькая ветка с десятью тысячами виноградных кистей, каждая...», и в этом роде продолжается все дальше и дальше. Наконец, святой старец продолжает шамкать следующие, как видите, очень «набожные слова»: «Молодые девушки будут наслаждаться обществом юношей. Старцы будут пользоваться теми же правами».

Это было время хилиазма (по-гречески chilioi—тысяча), мечты о тысячелетнем земном царстве. Все исповедники христианства были в то время жаждущими наслаждений жизни адвентистами. Однако, чем самостоятельнее становились церковные бюрократы и чем более жадно стремились захватить достояние бедняков, тем настойчивей они учили «жаждущую счастья массу», что человеческое счастье—за гробом, что оно висит в облаках. Вообще покорностью и отречением на этом свете, и притом не временно, а на всю жизнь, нужно было купить тысячелетнее царство, которое должно притти не на этом свете, а на небе, после смерти.

«Этот мир только юдоль слез»,—оповестили вдруг церковные светочи науки. Равенство и братство? «Разумеется, равенство и братство перед богом и после смерти». И тогда уже, как и теперь, подобные разговоры были в ходу у попов. Двойная игра с небом и землей, подлая ложь, сознательно отдаляющая исполнение обещаний как-раз в тот момент, когда они должны были быть исполнены,—этого было достаточно, чтобы самым отвратительным образом дурачить народные массы. Они не остановились перед колоссальным обманом пролетариев, жаждущих счастья и надеющихся получить спасение. Христианская церковь, христианское учение, христианская система, управления отныне проявили себя в своем подлинном виде.

С того момента христианская церковь, освободившись от павшего римского государства, стала сама государственной церковью; ее история становится *историей колоссальной системы* грабежа и одновременно историей довольно рано проявившегося сопротивления этому грабежу. Пролетарские темные массы всегда протестовали, и хотя туманно, но требовали возвращения к первоначальному христианству с его пролетарски-коммунистическими идеалами. Конечно, христианская церковь имеет большие бесспорные исторические заслуги перед человечеством, но только они ни в коем случае не вытекают из «божественных посланий», а находятся в зависимости от непреднамеренных сопутствующих явлений, свойственных ее земной сущности. Римские служители церкви были по своему происхождению носителями и наследниками, наследниками большей частью недостойными, античной языческой культуры. При всем том, они стояли в некотором роде у источника знания, техники и искусства того времени. Северные варварские народы, к которым они пришли для привлечения последователей, могли от них многому научиться. Одним фактом своего появления у них миссионеры способствовали усвоению ими древней культуры. Они сделались учителями немцев и других европейских народов, учили их писать, научили лучшим методам земледелия; на землях древнейших бенедиктинских монастырей, представлявших образцовые име-

ния, появились ремесленные мастерские античного типа, о которых варвары до того и мечтать не смели. Эти монахи интересовались науками и искусствами и вследствие всего этого должны были считаться некоторым образом «высшими существами» и иметь успех в своей проповеди. Но все это были такие вещи, которые не имели ничего общего с «божественным характером» христианства и христианской церкви. Попы ни в коем случае не считали своей задачей передавать народу знания, но, помимо собственной воли, вынуждены были просвещать его. Напротив отличительной чертой мировой власти церкви была эксплоатация, выжимание доходов. Церковь вскоре стала самым богатым землевладельцем в Германии. Треть возделанных земель в Германии принадлежала ей. Епископы или подвластные им светские люди бесчеловечно выколачивали десятины, и из «лепты вдовицы строили золотые горы». Все революционные *еретические движения*, которыми полны средние века,— экономического происхождения и направлены против церковного грабительства. Они стремились прекратить обнищание масс, имеющее своей причиной гнет римской церкви, или, по крайней мере, освободиться от нее. Буржуазные учебники истории грубо ошибаются, когда стараются доказать, будто средние века потому были до основания потрясаемы гуситскими войнами и потому имели дикие сражения с таборитами, что гуситы признавали двойное причастие хлебом и вином, как завещал Христос, между тем, как по католическому обряду, просфора дается мирянам, а вино попы оставляют себе. Однако, религиозные цели дают только знамя в войне, под которым собираются партии, руководимые материальными побуждениями. На одной стороне—партия угнетателей, на другой—партия угнетаемых. А так как грабеж прикрывается религиозными лозунгами, то и борьба против грабежа должна была тоже пользоваться религиозными понятиями и заявлениями.

Секты вальденсов и альбигойцев назывались собственно «гумилиантами»—«угнетенными» или «pauvres de Lyon»—«лионскими нищими». По свидетельству современных писателей, это были большей частью сапожники и ткачи. Одно-

временно против церковного грабежа в Италии боролись угнетенные крестьянские массы, так-называемые «патарены» (ветошники). А беггарды во Фландрии были «нищими» в полном смысле этого слова. Христианские мечи угнетателей не любили шутить, когда касалось кошелька, как и современные правящие капиталисты. Следующие факты показывают, как обрушивались мечи на головы тогдашних социалистов-революционеров: вальденсы в числе двадцати тысяч были изрублены, и весь Прованс опустошен, когда восстание было сломлено. Вождь патаренов Дольчино, потерявший в последней битве почти всех своих воинов, после страшных пыток был сожжен наместником Христа; Маргарита, его возлюбленная, находясь на эшафоте, где ее самое страшно пытали, должна была быть свидетельницей его сожжения, после чего она умерла от «меча правосудия». Виклиф, профессор Оксфордского университета в Англии, выступил, как настоящий реформатор. Он также опирался, по крайней мере, в начале своего выступления, на бедняков-ткачей Норфолька, на «лоллардов». В первый раз победа здесь оказалась не на стороне церкви, но досталась на долю английских владельцев больших поместий; они, фактически оставаясь верными программе Виклифа, экспроприировали в свою пользу церковное имущество и одновременно поработили восставших вместе с ними.

Яснее всего, может-быть, обнаруживается революционно-экономический характер еретических восстаний в великом движении богемских гуситов. Переселившиеся в Богемию немцы сделались господствующим классом над туземцами-чехами; они завладели, главным образом, местными серебряными рудниками. Против этих немецких помещиков, завладевших народным имуществом и именно поэтому являвшихся сторонниками консервативной старой веры, возмутились богемские богачи, чешские владельцы больших поместий, «умеренные», а также большое число бедных чешских крестьян, радикалы, настоящие утраквисты или табориты, названные так по имени города Табора, который имел коммунистическое управление. Гус, истинный духовный вождь движения, ученик Виклифа, был сожжен по приго-

вору Констанцкого собора после возмутительного нарушения слова, данного королевской и церковной властью, обещавшей ему личную безопасность. Такой же характер имела *реформация* в Германии под предводительством *Лютера*: это была вполне социальная и отчасти национальная революция, в которой религиозные мотивы имели значение только боевых лозунгов. Заодно с Лютером против римской эксплоатации боролись также и немецкие князья, главным образом, богатейший курфюрст саксонский, владелец больших ее серебряных рудников, а также разбогатевшие и воинственные горожане и, наконец, крестьяне. Сначала, когда Лютер вел борьбу только с церковью, он брал под свою защиту бедных крестьян против князей, потому, что они были ему нужны в борьбе против Рима. Он неоднократно обзывал князей «величайшими глупцами и худшими негодяями на свете». Но после победы над Римом, при дележе церковной добычи между тремя партиями он сам должен был примкнуть к одной из них: он довольно долго колебался в поисках определенной позиции, но когда увидел, куда клонится победа в этой кровавой резне, он смело примкнул к самой сильной партии. 14-го апреля 1525 г. Лютер объявил, что правда на стороне восставших крестьян, а уже 6-го мая того же года он заявил, что правы князья. Наконец, он написал свой памфлет: «Против мятежных и разбойничающих крестьян», а несколькими неделями позже послал письмо Каспару Мюллеру, в котором он заявил, что «крестьянам слишком хорошо живется, и что чернью нужно управлять при помощи насилия». Он дает всем князьям христианский совет, как обращаться с крестьянами: «истребить их, бить, колоть, публично и тайно кого попало, потому, что ничто не может быть ядовитее и опаснее, родственней дьяволу, чем бунтующий человек. Поэтому убивай, бей, души,—и благо тебе будет. Ты умрешь послушным слову и приказу божьему и по завету любви».

Обыкновенно юнкер Иерг—так Лютер назывался в княжеской госпиции (странноприимный дом) в Вартбурге—в разных делах всегда прибегал к княжеской протекции, а между тем, «вормский герой» мог бы обойтись без этого. Когда

ландграф гессенский, женатый по христианскому закону, страстно влюбился в другую женщину, то не кто иной, как Лютер, с библией в руке доказывал, что князья могут позволить себе иметь нескольких жен, и что у патриархов было также много жен. Мы видим, что тот, кто возвысил авторитет слова божьего против папских догматов, сумел исказить это слово божье, когда ему это было выгодно. Кроткий, мягкий Меланхтон, умственно превосходящий Лютера, в подобных грязных гаремных делах князей поступал точно так же: он советовал английскому королю многоженство, будто бы разрешенное божеским законом».

Без сомнения, в эпоху реформации рядом с социальными переворотами происходили связанные с ними перевороты культурные. С грохотом рушились древние алтари, отвратительные идолы были повержены в прах, новые нравственные и «национальные» ценности выплывали на поверхность кипящего котла революционного движения. Но было ли это хоть отчасти следствием лютеровского влияния? Завязло ли бы все это в болоте без содействия «виттенбергского соловья». То обстоятельство, что вместе с Лютером в других странах, в богатых городах Швейцарии, появились подобные ему, но значительно более революционные реформаторы, как Цвингли и Кальвин, имевшие своих почитателей в разбогатевшей, благодаря торговле Голландии, доказывает, что слава Лютера превышает его действительные заслуги.

Духовное обновление произошло тогда, благодаря экономическим переменам, вызванным переходом центра тяжести Европы из бассейна Средиземного моря к берегам Атлантического океана. Турки преградили старые торговые пути на Восток. Существование Европы зависело от приобретения новых путей. Человеческий кругозор от этого сильно расширился. Незадолго до появления Лютера Колумб отправился на поиски путей в Индию. Коперник, Галилей, Бруно напрасно обыскивали звездное небо в поисках бога. Возникло денежное хозяйство, разбогатевшие горожане возгордились и уже не гнули спины перед духовенством. Соответственно потребностям нового капитала в Германии князья создавали первые большие экономические союзы; вместе с тем было

создано постоянное войско и появилось сложное бюрократическое государственное управление. Одновременно возникло, по крайней мере у имущих и правящих классов, страстное желание к новой внешней, основанной на более достойных формах существования, культуре. Появилось сильное стремление к возрождению античной культуры, которая едва ли была христианской в мраморном теле Афродиты. Ренессанс (возрождение искусств и наук) в Италии, так окрыливший фантазию Леонардо, имеет с идеями христианства так же мало общего, как и его греческие прообразы с христианской верой в святых. В Германии гуманисты (защитники человечности) вернулись к языческим философским идеям классической древности о человечестве и—это знаменательно,—несмотря на злые сатиры, осмеивавшие римского папу, оставались все-таки католиками. Не Лютер и не позднейшее лютеранство могли совершить такой громадный духовный переворот в Европе в реформатское время, а также не новооткрытое «неподдельное учение Иисуса Христа», но, наоборот, Лютер и лютеранство сами были ничем более, как только внешним проявлением сильного культурного и хозяйственного революционного процесса. Молодой капитал, а не седая библия, вспахал старую почву.

Провозглашение виттенбергских тезисов против торговца индульгенциями Тецеля не было вовсе таким великим и смелым «реформаторским подвигом», как стараются изобразить его еще и теперь буржуазные историки. То, что сделал Лютер в Виттенберге, уже давно до него и лучше совершили другие без «реформации» и без мирового пожара. Эрфуртские гуманисты за целое поколение до Лютера отрицали божественность Христа. Эрфуртский профессор Иоанн фон-Везель открыто называл папу «обезьяной, облаченной в пурпур» и, несмотря на это, остался католиком. Гуттен называл представителей церковной науки шайкой «настоящих идиотов и негодяев». Писать тезисы даже против учения церкви было тогда совсем обычным явлением. Знаменитые лютеровские 95 тезисов по поводу индульгенций (отпущения грехов) были не из самых смелых. Но они были направлены против отпущения грехов за деньги и, следовательно,

против самой грубой папской эксплоатации. Это было как-раз самым щекотливым вопросом для Рима, но, вместе с тем, и самым лакомым куском для князей, которые начали уже тогда централизовать свою власть и, представляя собой правящий светский класс, видели в церкви ненавистную конкуренцию. Заслуги Лютера заключаются не в его гордых поступках, а в своеобразном характере его публичных выступлений: как сын пролетария, он умел говорить бичующими выражениями, тем языком, который проявляется также в его тяжелом, но отнюдь не гениальном переводе библии, впервые установившем национальный литературный язык. Но все это не было заслугами сознательно действующего гения.

Никто так остро не чувствовал узкой эгоистической роли Лютера во время революционного процесса возникновения капиталистического строя, как предводитель крестьян *Фома Мюнцер*, который так же, как и Лютер, был католическим духовным лицом, а затем проповедником в Цвикау. Мюнцер отличался более страстным, более революционным темпераментом, а главное, более чистыми помыслами, чем Лютер, спрятавшийся в Вартбурге под княжескую защиту. Он всегда называл Лютера за его двоедушие «братцем-Иудушкой».

Именно в тот момент, когда Лютер предал крестьян, Мюнцер сделался революционным вождем крестьян и мелких ремесленников против князей. Если народу в настоящее время Фома Мюнцер и его жизнь в тысячу раз меньше известны, чем Лютер, то это происходит от того, что Мюнцер был слишком честен, чтобы, подобно Лютеру, предать дело пролетариев, и потому еще, что он с примкнувшими к нему бедными порабощенными крестьянами вместе боролся и вместе пал, в то время как Лютер очень скоро перешел на сторону сильных. А кто имеет успех во всемирной истории,—успех тогда был на стороне князей,—всегда найдет себе хвалителей и льстецов. В личности Лютера было заинтересовано возникавшее в ту эпоху современное классовое государство. Выступления Мюнцера вредили ему. Лютера воспевали в героических легендах. Фома Мюнцер был

вторично убит историческими книгами. «Пусть турки и язычники верят, во что хотят,—что нам до этого за дело?» или: «Ах, какие мы слепые невежды! Считаем себя только христианами и из-за этого ссоримся, как безумные скоты»,— так говорил Мюнцер. Разве это мысли кровавого хищного зверя, каким он изображается, если только вообще о нем упоминают? Конец Мюнцера, конец мюльгаузеновской коммуны, руководимой Мюнцером, перекрещенского коммунистически-революционного крестьянского движения—это самая печальная глава великой *крестьянской войны*, бушевавшей в Германии и обогатившей победоносных князей громадными поместьями. Предательством и клятвопреступлением одного из князей, свято обещавшего перемирие, мюнцеровские крестьяне были застигнуты князьями врасплох при Франкенгаузене и перебиты. Все мужчины, застигнутые в Франкенгаузене, были заколоты. Мюльгаузен сдался, Мюнцер был обезглавлен; но и после его смерти даже кроткий Меланхтон сделал все от него зависящее, чтобы запятнать имя своего противника Мюнцера. Наследники мюльгаузенской коммуны, такие же несчастные пролетарские мечтатели с такими же коммунистическими идеями, так-называемые *перекрещенцы из Мюнстера*, были такими же мирными людьми, и только нужда заставила их впоследствии воевать. Их предводителем был Иоанн Векельзон из Лейдена, портняжный подмастерье, одаренный художественными способностями. Они создали в Мюнстере «Новый Иерусалим», о котором осаждающая партия порядка вскоре распространила злостные клеветы, доныне еще сохранившиеся в буржуазных исторических сочинениях. Перекрещенцев, главным образом, обвиняли в многоженстве и половой невоздержанности. Между тем, в их собственных произведениях упоминается, наоборот, о строгой нравственности, свойственной сектантам, которые даже заигрывание с молодой женженщиной считали грехом. И это называлось нероновским сладострастием.

Эмиграция католической партии порядка из Мюнстера, вместе с епископом, оставившей там своих женщин, имела следствием численный перевес женщин в Мюнстере сра-

вместно с мужчинами, что послужило соблазном для внебрачных союзов, к которым перекрещенцы относились с негодованием. Новая форма брачных отношений была неизбежна уже потому, что излишек женщин надо было пристроить экономически. К каждому домовладельцу вселяли нескольких женщин; многие женщины сами выбирали себе мужьев. Этот свободный выбор со стороны женщин лучше всего доказывает, что осажденные интересовались совсем не многоженством, а, главным образом, материальным обеспечением женщин. Голод довершил падение Мюнстера. «Они ели кошек, собак, мышей, крыс. Пока у них была соль, она заменяла им жир. Они размягчали воловью кожу и старые башмаки и ели, и один за другими умирали»... Так значилось в сообщениях современников. Предательством взяли, наконец, крепость города. Несмотря на страшное истощение и голод осажденных, сам город был взят только после упорной уличной борьбы,—брали баррикаду за баррикадой. Последняя горсть в 200 человек скопилась на рынке; епископские генералы разрешили этим храбрецам свободное выступление и при выходе их изрубили безоружных. Иоанн Лейденский попал в руки победителей живым, и с ним бургомистр Книппердолинг. В железных ошейниках, выкованных специально для этой цели, их таскали целую неделю по всей стране. Наконец, 29-го января 1536 года они были казнены.

Этот поступок со стороны церкви был так возмутителен, что заслуживает того, чтобы быть переданным в том виде, в каком его сообщил сам палач. «Тотчас живодеры заключили короля (Иоанна Лейденского) в ошейник и привязали к столбу, затем раскаленными щипцами так рвали все мясистые части его тела, что от каждого прикосновения щипцов к телу вспыхивало пламя, и распространялась такая вонь, что почти никто из бывших на рынке не мог вынести запаха. Такому же наказанию подвергались и остальные, переносившие эти пытки с значительно меньшим терпением, чем король, выражая свои страдания и боль воплями и криками. Книппердолинг испугался, видя такие ужасные пытки, и повесился на ошейнике, которым был

привязан к столбу. Он старался таким образом перерезать горло, чтобы ускорить смерть. Когда это заметили мучители, они его опять приподняли, широко разорвали ему рот, продели сквозь зубы канат и привязали его так крепко к столбу, что он не мог ни сидеть, ни разорвать себе горло до конца, ни удавиться, так как его рот был широко раскрыт. После того как достаточно мучили его таким образом, у него вырвали язык раскаленными щипцами и, в конце-концов, со всей силой, какая только у них была, пронзили ему сердце кинжалом». Христианин-епископ созерцал все эти ужасные картины и такой же христианин господин Келлер, новый немецкий историк, называет это «заслуженной карой за преступление перекрещенцев». «Sapienti sat» (кто не глуп, тот поймет).

Реформация закончилась опустошительной, разорительной для народа войной между князьями из-за имущества, отнятого у попов. За реформацией следует Тридцатилетняя война, затем преследования ведьм, с которыми протестанты поступали так же фанатически, как и католики. Одно это уже достаточно говорит в пользу того, как мало реформация сделала для освобождения собственно народа от затхлой веры католиков. Напротив, после реформации католики и протестанты еще больше погрязли в болоте суеверия. Римский международный центр грабежа заменился, по крайней мере, в Германии, национальными княжескими поборами. Государственные тиски заменили собой церковные. Великий вампир, называемый католицизмом, заботящийся о своем собственном желудке, был заменен государственной полицией, названной протестантизмом, которому предстояло заботиться о том, чтобы 200 немецких светлостей могли наслаждаться жизнью. Вот собственно заключительный эффект «великой» реформации. С этого времени вплоть до последних дней социальной революции мы видим в лютеранских пасторах только верных присяжных государственных чиновников, выслуживающих пенсии рядом с судьями, профессорами, тюремными сторожами и—палачами.

Культурные памятники христианской церкви.

Как христианский народ был опутан индульгенцией (отпущением грехов).—Женщина—дичь для попов.—Неестественность безбрачия монахов и его последствия.—Сифилис—болезнь духовенства.—Папа—хозяин публичного дома.—Монахини—грязные соперницы блудниц.—Галантное приключение наместника Христа.—Массовое убийство еретиков.—Божественное устройство святой инквизиции.—Из христианской камеры пыток.—Что такое ведьма.—Садизм священников.—Забава изгнания чертей.—Наложницы дьявола.—Поцелуи в зад на шабаше ведьм.—Католики и протестанты на одной скамье подсудимых.—Пиратские походы христианства.—Хлысты.—Фабрика ангелов во имя святого сердца Иисуса.

Если современный социалист, согласно своей материалистической точке зрения на историю, говорит о том, что церковь представляет собою систему эксплоатации, то это отрицают не только защитники церкви,—что было бы понятно,—но даже и те, кто духовно совершенно чужд организованному христианству, т.-е. церкви, обычно недоверчиво пожимают плечами; они, можно думать, хотят видеть в церкви только собрание устаревших, странных или болезненных идей, а не учреждение с очень реальным и покоящимся на звонкой монете основанием. В действительности, эксплоатация народа—смысл и цель церкви: эксплоатация, или в свою пользу, в свои собственные карманы, или в пользу классового и княжеского государства. Церковь, составляющая прямое продолжение римского мирового аппарата эксплоатации, была и остается до сих пор колоссальной хозяйственной организацией с бесчисленными связанными с нею материальными интересами и обязанностями. Люди в средние века не были так глупы и сумасбродны, чтобы построить вечный собор в Кельне для костей трех святых королей или чтобы ломать себе голову

исключительно над вопросами в роде, когда следует отдыхать,—в субботу или в воскресенье.

Система отпущения грехов римской церкви лучше всего иллюстрирует эксплоататорское значение христианской церковной организации. Рим прежних языческих императоров и позднейшего христианского папства, благодаря этому отпущению грехов, мог до конца сохранить свое мировое могущество и утвердиться, как крупнейший мировой город среди других городов. Этому молоху—папству—все должно было служить, вплоть до пользования доходами от грязного публичного дома и до захвата в свои сети святых гостей, набожных пилигримов. В папском Риме, в этом городе блестящих церквей, по приблизительному подсчету, каждая четвертая женщина, подобно публичной девке, продавала свое тело пилигримам. Выставка реликвий, игравшая очень видную роль в Риме, имела тогда то же значение, что в настоящее время промышленные выставки. Индульгенции, посредством которых обирали и торговали в Риме, были бесчисленны. С 1491 г. до настоящего времени в католических церквах ведется запись индульгенций, в которой значится, что одна только церковь в Риме имеет право на следующие отпущения. «Индульгенции, которые можно получить в Латеранской церкви, так велики, что один бог знает их число; в те дни, когда там будут показаны головы апостолов Петра и Павла, римляне получают индульгенции на 3.000 лет, жители окрестностей Рима—на 6.000 лет, а остальные народы на 12.000 лет». Вы видите, как искусно ведется дело заманивания овечек издалека, чтобы они в Риме позволили себя стричь за грехи. Каждое посещение церкви стоило, разумеется, денег и еще раз денег, выманиваемых в виде подаяния; каждый чужестранец, оставлял в Риме все содержимое своего кошелька, чтобы уменьшить число лет, которые он должен провести в чистилище.

Когда папа Григорий освятил Латеранскую церковь, он разрешил столько индульгенций, сколько капель в дожде падающем непрерывно в течение трех суток. «Кто взбирается по лестнице св. Петра в Риме, получает тысячелет-

нюю индульгенцию», и теперь еще твердят об этом каждому католику. В римской церкви Марии Маджиоре индульгенции получают в день праздника Марии на 12.000 лет, в церкви св. Себастиана—на 48.000 лет, в церкви Санта-Мариа дель Популо даже на 55.293 года и 285 дней. Такое чудесное учреждение дает порядочную сумму звонкой монетой папам и римлянам. Что Рим имел в большом масштабе, то каждое епископство и каждый сельский приход имели в маленьком масштабе.

Рядом с денежными обложениями, десятинами и другими всевозможными формами церковных податей, рядом с денежной «стрижкой» была еще худшая половая подать, которая состояла в том, что женщины из народа должны были отдаваться попам. Правоверные божьи подвижники в течение столетий считали каждую замужнюю женщину дичью, за которой в божьем саду можно было охотиться сколько угодно. Даже буржуазные набожные историки должны признаться, что замужние женщины в средние века всегда приводились в определенном количестве на ночь к попам. В XVI столетии общесоюзный швейцарский закон должен был экстренно предоставить право каждому ксендзу держать при себе любовницу, чтобы оставить в покое замужних женщин. Вюрцбургский соборный декан еще в 1544 году имел право по желанию брать себе из соседних деревень «красивую женщину». Но одна, обыкновенно, не удовлетворяла благочестивого господина. Если божий человек, действительно, довольствовался только одной женщиной, его считали,—как это было в Зальцбургском епископстве—положительно святым. Вот выписка из одной эльзасской хроники: «В 1200 году (значит, около 100 лет после введения безбрачия духовенства) почти все попы имели любовниц; крестьяне сами поощряли это на том основании, что воздержание невозможно, и в таком случае лучше, чтобы священник имел одну женщину, чем многих». Хитрые были крестьяне...

Доказательством бесстыдных похождений духовенства служит милая историйка о штанах святого Франциска, рассказанная гуманистом Поджио Браччиолини и имевшая

место в действительности на его родине, в северной Италии. Однажды священник из Бреши наставлял своих духовных чад женского пола, чтобы они платили ему за исповедь своим телом. И случилось нечто, что не было редкостью; один французский монах после исповеди больной женщины, лежащей в постели, взял от нее вышеупомянутую плату. Застигнутый мужем, он убежал, оставив свои штаны. Возмущенный муж помчался в монастырь, но монастырский игумен сумел ему доказать, что тот поступает неправильно и несправедливо с благочестивым монахом: оставленные штаны принадлежат не монаху, но св. Франциску; монах взял их с собой, чтобы ими излечить его больную жену. Теперь эти штаны осквернены гнусным подозрением, и потому необходимо дорогие реликвии с крестом и хоругвями отнести в монастырь. И это было исполнено.

Тот же автор сообщает, что исповедники таким же простым способом лечат бесплодие своих духовных чад. Они внушают женщинам, что обладают чудодейственным средством брать женщин по нескольку раз под-ряд. По причине безбрачия не только нормальные половые потребности удовлетворялись на счет верующих и их человеческого достоинства, но неестественность принудительного безбрачия вела к половым извращениям, превосходившим всякое описание. Так, многие средневековые писатели сообщают о сильно распространенном среди духовенства гомосэксуализме (мужеложестве) и злоупотреблении мальчиками. В оправдание приводится, как, например, у Теннера, что «это проделывается высокопочтенными попами не для удовольствия, но чтобы избавиться от излишества». Сифилис был классической болезнью духовенства. В Вюртемберге в XVII столетии врач потребовал от герцога обуздания развратной жизни духовенства в виду опасности для здоровья населения.

Целибат (безбрачие), который так упорно проводили папы, имел единственной целью выгоду для церкви. Пока священник в ранней христианской общине был только управляющим церковным имуществом, он мог жениться. Но когда

церковное имущество, путем лжи и обмана перешло в руки духовных чиновников, главным образом, к самому высокому духовному чиновнику—папе, явилось очень понятное стремление сохранить уже существующие приходящие доходы. Надо было воспрепятствовать тому, чтобы каждый священник относился к церковному имуществу, как к своему собственному, и в особенности помешать разделу его между законными наследниками. Вследствие этого запретили священникам иметь законных наследников, но вовсе не имели намерения лишать их половых удовольствий. Неженатое духовенство стало отныне свободным от семейных обязанностей и еще крепче прикованным к корпорации духовенства. В основании идеи безбрачия лежала, главным образом, другая идея и, может-быть, худшая: что, именно благодаря этому обязательному безбрачию, духовные могут тем больше и безвреднее предаваться внебрачным удовольствиям. Реформация, как известно, отменила целибат, и краснощекие благочинные могут опять себя хорошо чувствовать на законном брачном ложе. Как известно, после реформации в Германии князья производили дележ—и это был заключительный аккорд реформации—больших награбленных поместий, которые они, благодаря Лютеру, отняли у церкви. Бывший саксонский король Фридрих-Август, по всей вероятности, значительно меньше тратил бы ежегодно из своих доходов, если бы его предшественники не воспользовались так хитроумно реформацией и не взяли львиной доли. Новые властители церкви—князья—не видели больше выгоды в безбрачии духовенства. Лютеранские духовные лица из римских чиновников превратились в государственных чиновников, оплачиваемых жалованьем. Как государственные чиновники, строго контролируемые бюрократией, они, «конечно», не могли больше расточать церковного имущества. Протестантское духовное лицо могло, как сказал Каутский, «иметь сколько угодно детей, но не могло передавать им церковного имущества». Епископы, священники, кардиналы пользовались «половой податью» народа. Теперь нечто подобное считалось бы преступлением. Папа, как наместник Христа, брал даже иногда до

двадцати тысяч золотых дукатов за разрешение на содержание публичных домов. Половая жизнь, загнанная безбрачием на задний двор, принимала уродливые формы. Было время, когда название «поповская свинья» употреблялось обычно. В Восточной Пруссии особенным сортам черепиц, которые так сцепляются друг с другом, что их трудно отделить, дают еще и теперь специфическое название: «монах и монахиня».

Что женские монастыри часто играли роль публичных домов, можно заключить по некоторым летописям. В Страсбурге в XVI столетии молния ударила в женской монастырь, и горожанам, прибежавшим тушить пожар, представилась, по свидетельству современного писателя Циммерна, следующая назидательная картина: «Нашли голого мужчину, хотя еще очень юного, на монахине в постели; оба были задушены дымом». Тот же летописец рассказывает далее, что при последующих исследованиях, «нашли дополнительные сведения», и именно: в этом монастыре воспитывались юноши-подкидыши, которые там же употреблялись «в качестве мужчин». Они, без сомнения, заслужили свой хлеб, потратив свою молодую жизнь, свое тело и все силы для старых, скверных, вонючих «коз» (козами назывались монахини). Почти во всех средневековых монастырях нельзя было выливать мочу женщин без того, чтобы не найти там потопленных детей. Монахини склоняли к свободной половой жизни и других женщин, приходивших к ним в монастырь. Об этом набожный католик Циммерн сообщает, как о нормальном явлении. Вполне понятно, что проститутки жаловались на грязную и развратную конкуренцию в монастырях.

А сам наместник Христа?! Надо отметить тот факт, что известный всему миру развратник, «король королей», папа Иоанн XXII бесчестил в Болонье замужних женщин и девушек. По поводу преемника этого наместника Христа, папы Бенедикта XII, парижский проповедник Урбен Тальвали в очень сильных выражениях говорит, «что он лучше желал бы поцеловать зад старой сводницы, страдающей геморроем, чем рот этого папы». Придворный врач папы

Александра VI, Каспар Торелла, дает преемнику его Петри очень подробные правила поведения при соитии, чтобы избежать ущерба для своего здоровья. Церемониймейстер этого папы, Иоанн Бурхард из Страсбурга, служивший 63 года в этой должности, вел diarium, дневник своих наблюдений в папском дворце. Вот выдержка из дневника за октябрь и ноябрь 1501 г.: «В праздник всех святых перед вечером кардинал с герцогом Валенсийским (кровным сыном папы Иннокентия VI) устроили попойку в апостольском дворце. 50 публичных женщин танцовали со слугами сначала в одежде, потом нагие. После попойки были расставлены на полу канделябры и разбросаны каштаны, которые голые женщины, ползая на четвереньках, собирали, в то время как папа, герцог и его сестра Лукреция созерцали это. Затем выставлены были шелковые плащи, пряжки и береты, как призы тем, кто совершит наибольшее количество соитий с проститутками. Это совершалось публично в зале, и победителям после приговора третейского суда передавали трофеи».

Кто восставал против эксплоатации церкви, пока она была владычицей мира, мог ждать смерти. 100.000 *еретиков* уже испытали эту силу в течение столетий господства «христианства». Как мало в преследовании еретиков имело значение разномыслие в христианском учении и «святых истинах», и как много значил, nervus rerum, попросту—грабеж, доказывает тот факт, что при первых больших восстаниях еретиков тогдашние церковные ученые совсем не пытались выяснить, за какие собственно лжеучения эти люди подверглись преследованию.

Преследования еретиков неразрывно связаны с тем церковным учреждением, которое известно под названием *инквизиции*. Под этим названием надо понимать духовный суд, выносивший приговоры в делах веры. «Дела веры» были тогда только драпировкой, прикрывающей социальные противоречия. Папа был верховным судьей инквизиции. Папа Инокентий IV в 1248 году передал ведение дел, касающихся еретиков, из рук чиновников инквизиции доминиканцам, ордену, основанному испанским священником Доминго с

исключительной целью истребить ересь. Само собой понятно, что инквизиция была, как все, исходящее из церкви, «божественным учреждением». Сам бог, изгнавший Адама из рая, был, по учению католиков, первым инквизитором.

Существует большое число одобренных папой богословских учебников и настольных книг для инквизиторов. Дрожь проходит по телу при чтении их. Обыкновенно после суда над еретиками и приговора инквизиции жертва передавалась «светской власти», и к этому присоединялась «просьба еретика о помиловании». Но этой просьбы «светская власть» никоим образом не могла выполнить из боязни отлучения от причастия. Эта гнусно фарисейская формула употреблялась, чтобы избавить инквизитора от «неправильного» поступка, так как «пролитие крови «умаляет кротость, свойственную священникам», ставит его в неловкое положение, делает его неспособным к исполнению обязанности священника. Что разумеют под этой просьбой, показывает католический великий святой Фома Аквинат, который в своей «Summa theologia» пишет: «Когда церковь не имеет больше никакой надежды направить на путь истины еретика, она передает его светскому суду, чтобы тот отправил его на тот свет. Раскаивающиеся еретики хотя допускаются к исповеди, но жизнь им за это не даруется. Если еретик отрицал свою вину, то, чтобы вынудить сознание, он неизменно подвергался пыткам. Инквизиторский арсенал доминиканцев, согласно описанию, напечатанному в типографии «высокопреподобной апостольской палаты», различает четыре рода пыток: 1) пытка огнем: голые ноги обвиняемого смазываются свиным салом, затем на них направляют сильный огонь; если обвиняемый кричит слишком сильно, между его ногами и огнем помещают доску и спрашивают, не сознается ли он; если нет,—доску опять принимают; 2) пытка посредством сжимания ног: обвиняемому надевают железные башмаки, снабженные винтами; ими ноги сдавливаются все сильней и сильней; 3) пытка тростником: обвиняемому связывают руки и между пальцев кладут куски тростника; затем палач сжимает руки. В заключение добавляется: если пытаемый падает в обморок, прыскают на него водой или сжигают

серу у носа, затем продолжают снова пытку. Как совершается нормальная *пытка*, подробно описывает другая благочестивая книга: «Наставление в правилах наказаний для ордена смиренных братьев святого Франциска», изданная в XVI столетии. В ней сказано: «В комнате пыток обвиняемая должна положить руки на святое евангелие и присягнуть, что скажет правду. Но раньше всего святой патер говорит ей с соболезнованием: «В виду улик и свидетельских показаний мы уверены в твоей вине, но мы решили узнать правду также из твоих уст, и я тебя спрашиваю... Признайся добровольно, иначе мы принуждены будем прибегнуть к веревкам, которые уже ждут тебя». Она отвечает: «Я сказала правду». Обыкновенно записывается все: вздохи, слезы, плач, крики. «Так как ты упорствуешь,—продолжает высокочтимый патер,—то бесполезно тебя жалеть». Она отвечает: «Мне нечего сказать». Тогда достопочтенный патер приказывает раздеть ее и связать веревками; затем достопочтенный патер велит связанную веревками подсудимую подтянуть вверх; в то время, как она висит, он требует от нее признания в преступлении. Она или кричит: «Боже мой, это ужасно, я умираю!» или молчит. Все, что во время пытки она делает или говорит, должно быть добросовестно записано. В виду наступившего молчания, достопочтенный патер опять приводит в движение веревки. Она кричит: «О, боже мой, святая дева Мария, помоги мне, святой Франциск, милосердия, пощади!» Она висит некоторое время (срок указывается), затем достопочтенный патер велит ее отпустить. В этих случаях обыкновенно говорят, что теперь ее отпускают, но после пытка возобновится. Тогда ей вправляют члены и отправляют назад в темницу. На следующий день ее опять ведут на место пытки и т. д. В таком же духе продолжаются карательные наставления достопочтенному патеру, и в заключение говорится: «Если достопочтенный патер видит, что подсудимая упорно отрицает свою вину, он велит ее отпустить. Если она теряет сознание, то это должно быть занесено в протокол: «Подсудимая, подвешенная на веревках, побледнела и покрылась холодным потом и все время кричала: «О, боже мой, и т. д.». Достопочтенный патер кла-

дет ее на скамью и дает ей вдыхать пары уксуса или серы. Случается, что подсудимая во время пытки засыпает или лишается чувств. Тогда в протоколе значится: «Так как подсудимая проявляет нечувствительность к боли, то патер отдает приказ совершенно обнажить подсудимую и осмотреть у нее под руками, во рту, в волосах и в других частях тела, не спрятано ли какое-нибудь средство, вызывающее нечувствительность; а также велит остричь волосы на всем теле. Таким образом, голую и остриженную ее опять подтягивают вверх».

Какой бы то ни было комментарий может только смягчить этот «духовный» документ. Вышеперечисленными пытками далеко еще не исчерпывается изобретательность фантастических христианских мучений. Были еще тысячи других методов. Подвешенным людям привязывали к обоим большим пальцам ног тяжелые камни; винтами сжимали пальцы; секли голых еретиков розгами, смоченными святой водой; веревками тянули руки назад, через голову, так сильно, что производили вывих плечевых костей; сжимали все сильней и сильней железный пояс вокруг тела; заставляли натощак пить святую воду, смешанную с освященным воском. Кроме того, в единичных случаях применялись еще особенно крутые приемы: били молотком по скобам испанских сапог, которые и без того крепко сжимали ноги; или при подвешивании тянули веревкой вверх по лестнице, на которой посередине была положена перекладина с толстыми, короткими деревяшками, так-называемый «шпигованный заяц». В числе способов, обещающих хорошие результаты, применялись к висящим раскаленная смола, горящая сера, освященный горячий воск, которыми капали на тело.

По свидетельству сицилийского инквизитора Диана, достаточно было одного уличного свидетеля, чтобы применить пытку. Можно себе представить, какую цену имеют признания виновности, полученные таким ужасным способом. Впрочем, признание почти никогда не помогало еретику. Если пытка была фактически безрезультатной, светская власть сжигала его живьем, как нераскаянного грешника. Если еретик признавался, то милость заключалась только в том,

что перед сожжением на костре его душил палач. Перед казнью, происходившей публично, инквизитор обыкновенно произносил горячую речь. Ко всему этому надо прибавить, что церковь обыкновенно устраивала свои блестящие и выгодные дела; она накладывала арест на имущество еретика; часть отдавалась «святому апостольскому престолу», часть доставалась светской власти. Доминиканцы и францисканцы купили свои богатства кровью жертв.

Инквизиция во имя Христа совершила победоносное шествие по всем странам света. Больше всего, конечно, свирепствовали достопочтенные доминиканцы в Испании, где казнь еретиков сделалась известной под именем «аутодафе». На окраине города Севильи, на так-называемой табладе, открытой площади, построен был из огнеупорного камня громадный эшафот, носивший название Quemmadera (курильница). На нем стояли четыре неуклюжих размалеванных кирпичных столба, носивших название «Четыре пророка». Внутри этих четырех пророков и происходило ужасающее поджаривание живого человеческого мяса. Во время празднеств при дворе официально извещалось об имеющем быть сожжении еретиков для забавы зрителей. В Испании предано было сожжению двадцать тысяч человек только в течение 43-х лет работы первых четырех «великих» инквизиторов: Торквемадо, Диего, кардинала архиепископа Химиноса и кардинала Адриана. В общем, в одной Испании в течение 400 лет существования инквизиции было сожжено живьем свыше 30.000 человек. О пожизненном тюремном заключении за меньшую ересь нечего упоминать. Спрашивается, в каком состоянии находились тюрьмы святой инквизиции? Вот что сообщает французский писатель, изучивший инквизиционные темницы в Каркасоне, во Франции: «Что было худшим наказанием инквизиции,—смерть или заточение в темницу,—это вопрос спорный. Там, в темнице, умирали медленной смертью без воздуха, без света, прикованные к стене, с ногами, закованными в цепи.

«Мрачные средние века!.. что доказывают эти давно прошедшие времена?» Но они опять заговорили. Они прошли несомненно, потому, что те, кто совершил эти преступления

против человечности, сидят там, наверху, на высотах. Но старый дух живет еще, и если бы он мог, он бы опять принялся за прежние жестокие дела. В Риме была издана книга профессора догматики П. Леписсьера, появившаяся в 1909 году и озаглавленная: «Залог успехов святой веры». Книга эта была выпущена официальным папским учреждением, носящим название «Prapaganda Fidei». Вот что в ней говорится: «На еретика не только должно наложить епитимию, но, по справедливости, его следует предать смерти. Он хуже дикого животного, которое также разрешается убивать». Писатель Вольтер однажды сосчитал, что нетерпимость пап стоила Европе целых 10 миллионов человеческих жизней.

Преследование еретиков позднее расширилось преследованием ведьм. Это было безумие всего христианства, которое, как кошмар, в течение столетий тяготело над Европой. Из всей истории церковной божественной веры эта глава наиболее достойна проклятия. Преследование ведьм тесно связано с инквизицией; оно исходит, безусловно, из католицизма, но в такой же степени, если не в большей, обнаружилась кровожадность и в лютеранской церкви: лучшее доказательство того, как мало духовного обновления и свободы дала своему собственному народу эта лютеранская достохвальная «весенняя буря», которую воспевают теперь поповские историки. Протестантизм и католицизм бились об заклад, кто побьет рекорд в этом мрачнейшем суеверии. Теперь очень интересно видеть, как богословы черного и синего цвета стараются взвалить друг на друга ответственность за все эти ужасы. Я думаю, в данном случае уместно будет повторить насмешливые слова Гейне: «Оба они, раввин и монах, одинаково воняют»...

Вера в ведьм—это, в конце-концов, последовательное продолжение веры в бога. Если существует бог, создающий добро, то должно существовать на свете и зло, которое, по существу своему, бог не мог создать; значит, должен существовать и дьявол, заботящийся о фабрикации зла. Бог-отец с добродушной, волнистой белой бородой должен иметь в pendant к себе, черта с рогами и лошадиными копы-

тами. Вера в чертей и демонов с самого начала постепенно проникла в сознание первых христианских народов. Демон (по-гречески daimon) первоначально означало «бог», просто, без затей, бог. Христианские проповедники изгнали языческих богов и посадили на их место христианского бога и христианских полубогов, т.-е. святых. Но народу тяжело было расстаться со своими старыми языческими богами, и потому христианские проповедники должны были представить этих богов, как врагов настоящего христианского бога, как нечестивцев и, вообще, как скверных тварей. Прекрасного гомерова демона, пылающего жаждой битвы, Арея и прекрасную Афродиту превратили отныне в гнусных христианских демонов, в существование которых, как раньше, так и теперь, верят и попы, и народ. Эти демоны, по их мнению, в большом количестве населяют мир. Еще в настоящее время в каждом костеле при каждой обедне раздается молитва, введенная в последнем десятилетии «поэюм» папой Львом XIII: «...и сатана, и другие злые духи, проходящие по свету для порчи душ, да будут низвергнуты с божьей силой в ад».

По католической и протестантской догме сатана—главный чорт, тот же архангел Люцифер; однажды он был низвергнут богом в ад за небесную дворцовую революцию. Если допустить существование чертей, то надо также допустить, что они могут соединяться с людьми, проникать в них и направлять на всевозможные злые поступки. Поэтому следует одержимых чортом, или ведьм, освобождать от чорта и делать их опять добрыми, достойными неба. Что за беда, если при этой процедуре пострадает их бренное земное тело, когда дело идет о вечном спасении. Эти мысли вполне последовательны, если признать первую предпосылку верной, т.-е. что существует бог, создатель неба и земли.

Реформация разжигала всюду религиозный дух и содействовала развитию религиозных идей, и вместе с тем давала также до известной степени повод к распространению веры в чертей и ведьм во всей ее «сияющей красоте» и кровожадности. Сам Лютер, как набожный человек, воевал с чортом и бросил ему в голову чернильницу. Но самая

большая ответственность за все происходившие ужасы того времени падает на «евангельского учителя» (doctor evangelicus), Фому Аквинского, который и теперь еще славится, как великий светоч католической церкви. Святой Фома еще в средине XIII столетия учил: «Относительно ведьм нам известно, что некоторые люди совсем не верят в их существование. Но католическая вера утверждает, что демоны существуют, в состоянии причинять вред и могут препятствовать зачатию в браке». Католическая церковь, благодаря авторитету святого Фомы, навеки упрочила свою силу. Таким образом, ужасное преследование ведьм продолжалось почти до наших дней. Преследования ведьм были в последний раз отмечены в Ирландии так поздно, что этому нельзя поверить,—в 1821 году. Последнее массовое сожжение на костре происходило в Германии без малого 150 лет назад. 11-го апреля 1775 года была сожжена в монастыре Кемптен ведьма Анна-Мария Швегелин. Под приговором подписано: «Григорий, епископ княжества, Fiat justitia» (да совершится правосудие). Анна-Мария совершила еще, кроме того, «гнусность», приняв протестантизм. В царствование Карла V в Нидерландах число одних только сожженных еретиков доходило, по крайней мере, до 100.000.

Скотское сладострастие, с каким священники вели процессы ведьм, и неограниченная глупость созерцающей толпы, преисполненной слепого безвольного послушания, открывает перед нами картину ужасного религиозного помешательства. В некоторых, менее тяжелых случаях одержимости только заклинали злых духов; посредством молитв, окуривания святой водой, чертей изгоняли из внутренностей одержимого, после чего корова, например, могла быть опять допущена к доению молока. Не всегда только один чорт овладевал человеком. Паулина из Картианы была одержима 30.000 чертями. Это утверждает католический писатель Геррес (умер в 1822 году), который считается великим католическим поэтом; и теперь еще существует учреждение в его память «Герресовское общество для развития науки», находившееся долгое время под председательством бывшего имперского канцлера фон-Гертлинга. У Ан-

ны Шуллербойерлин в Вене было, по словам, «знаменитого» писателя Герреса, 12.652 демона, у Елизаветы Андреа— круглым счетом 400.000 демонов. Этот поэт Геррес, еще и теперь авторитет католицизма по литературной части, как и надо полагать, основательно изучил чертей. В своем многотомном основном сочинении: «Христианская мистика» он с важностью, уверенностью и, вместе с тем, безбоязненно изрекал: «чорт, обыкновенно, бывает черный, грязный, вонючий, или темноватый, отвратительной наружности с клюювовидно загнутым плоским носом, когтистыми руками, когтистыми, волосатыми ногами, и часто хромает на одну ногу». Если это пишет выдающийся ум католицизма Геррес, то можно себе до известной степени вообразить, какие представления должны господствовать в католической, а также и в протестантской народной массе. В 1921 году, без малого через три года после того, как Германия пережила нечто в роде революции, один помещик близ такого мирового города, как Дрезден (из чего надо заключить, что помещик был протестантом), поместил в газете объявление, что он «умеет колдовать скот и, вообще, может давать полезные советы». Это было объявлено и печаталось *в тысяча девятьсот двадцать первом году!*

К чему сводится в большинстве случаев вера в ведьм, по крайней мере, у протестантской верховной церковной власти, показывает сочинение францисканца Броньоры, которое он в 1668 году издал и посвятил главному викарию лионского епископства, и которое должно было служить «руководством». Это целый учебник совсем особого рода. На странице 176-й читаем: «Установилось правило, по которому заклинатель (католический священник, изгоняющий дьявола) прикасается к одержимым частям тела молодых девушек,—к шее, руке, груди, чтобы изгнать оттуда дьявола священнической рукой. Дьявол охотно овладевает красивыми молодыми девушками, и потому опасность для заклинателя очень велика. Сначала дьявол терзает шею у беснующейся и отпускает ее только тогда, когда заклинатель своей освященной рукой прикоснется к шее и совершит помазание; затем дьявол с быстротой молнии пере-

скакивает с шеи на грудь и прячется в грудях; заклинатель тоже должен коснуться их и совершить помазание, но набожно и благопристойно. Оттуда дьявол перебирается к половым органам и причиняет сильные боли. Девушка просит заклинателя освободить ее от страданий; только он своими священническими руками (!!) может это сделать. Движимый христианской любовью и набожностью (!!!) заклинатель соглашается и помазывает также эти части тела, но с большой скромностью и робостью. Надо иметь в виду, что от этого прикосновения заклинателя дьявол вызывает вдруг у девушки чувство сладострастия, ведущее часто к нежелательным последствиям. В таких случаях разрешается применить умеренное бичевание к беснующейся». Эти инструкции, делающие честь внутреннему обиходу публичного дома, предназначены только для беснующихся, недобровольных ведьм. Можно себе после этого представить, как поступают с «настоящими ведьмами», т.-е. с такими, которые, будто бы, добровольно отдались дьяволу. В этих случаях набожные судьи ведьм доводят сладострастие до невероятных мерзостей.

Что, собственно, представляет собою ведьма? По церковной вере, сведения об этом дают различные буллы пап, как, например, знаменитая «Vox in Roma» папы Григория IX, а главным образом, булла наместника Христа Иннокентия VIII от 1233 г. В этом достопамятном документе написано: «Высшая пасторская задача состоит в том, чтобы католическая вера росла и ересь была истреблена. Мы этого пламенно желаем. Не без душевной боли дошло до нашего сведения, что в некоторой части Германии очень многие мужчины и женщины, действуя необдуманно и вредно по отношению к себе самим и греша против католической веры, вступают в половую связь с дьяволом (daemonibus incubis et succubis) в образе мужчин или женщин». Далее следует описание вреда, который может случиться от этого сожительства с дьяволом. Существенный признак ведьмы заключается *в половых сношениях с дьяволами*, и только впоследствии стали считать ведьмами тех, которые имеют какое-либо иное общение с ним. Христианской

церковной морали предстоит объяснить эти красивые ученые специальные выражения: «incubus» и «succubus», применяемые к дьяволу в зависимости от пола сожителя. В переводе с латинского эти слова означают: «лежащий над» и «лежащий под»: incubus—черт мужского пола, имевший сношения с женщиной, succubus—женского пола, имевший сношения с мужчиной. Большей частью черти бывали incubi, и это вполне естественно, потому что подобные процессы против ведьм, против женщин, удовлетворяли темные инстинкты судей.

Определенные формы половых извращений выражаются или в виде «садизма», по имени парижского сластолюбца маркиза де-Сада, при чем половое возбуждение связано с желанием мучить, бить и истязать объект наслаждения—большей частью женщину, или в виде мазохизма, когда непомерное половое возбуждение вызывает самоистязание и самобичевание. Эта болезненная склонность большей частью встречается у женщин, в то время как садизм чаще встречается среди мужчин. История ведьмовских процессов, с какой стороны ни посмотреть на нее, есть безнравственная история гнусного и жестокого *садизма* священников. Однажды мы нарочно заглянули в бесчисленное число судебных протоколов, из времен веры в ведьм, находящихся почти во всех архивах. Мы убедились, как по-скотски поступали сластолюбцы, проповедывающие евангелие, с невинными человеческими жертвами. 31-го октября 1724 года пытали ведьму Эннекен Форстенс в Коесфельде, вблизи Мюнстера. Протокол, составленный духовным судебным следователем доктором Гогравиусом, гласит: «Подсудимая была приведена в камеру пыток, обнаженная, связанная, и опрошена по обвинительным пунктам. Она продолжала отрицать вину. Были наложены клещи на ее большие пальцы. Так как она непрерывно кричала, ей заткнули заклепкой рот. Хотя винты сжимали ее в течение 50 минут, она не призналась, только все кричала: «Я невиновна, Иисус, сжалься над моими страданиями и помоги мне!» Тогда на нее надели испанские сапоги; хотя сапоги были сильно завинчены, она выдержала 30 минут и не призналась. Тогда д-р Гогравиус предположил, не сделалась ли она нечувствительной от

maleficium taciturnitatis (колдовство молчания), и приказал палачу Маттиасу Шнейдеру обнажить ее совершенно и обыскать, не найдется ли в скрытых частях ее тела чего-нибудь подозрительного. Палач обыскал ее самым тщательным образом и ничего не нашел. На основании этого на нее опять надели испанские сапоги, но она упорно продолжала отрицать вину и вопила: «О, боже, я ничего не сделала, господин судья, дайте мне умереть!» Тогда ее подтянули вверх и дали тридцать ударов розгами. После этого она попросила прекратить мученья, ибо хочет признаться в своей вине, если только это не грех. Но когда ей прочли пункты обвинения, она опять стала отрицать свою вину. Тогда ее снова подняли навзничь, так что руки запрокинулись за голову и обе плечевые кости вывихнулись. Шесть минут висела она таким образом, и в течение этого времени ее бичевали. Но она не призналась». Подобные судебные протоколы находятся, как уже упомянуто, в архивах всех христианских городов.

Часто не ограничивались единственной жертвой. Очень нравились *грандиозные процессы ведьм*, 50—100 ведьм сжигались одновременно, что не было редкостью. С 1625 по 1630 гг. было сожжено только в Гамбурге 600 ведьм. В Вюрцбурге существует «перечень ведьм, которые были сожжены в Вюрцбурге в 1627, 1628 и в начале 1629 гг.». Перечисляется всего 29 «сожжений» со 157 жертвами. Среди них один мальчик-дворянин, маленькая девочка 9 или 10 лет и даже кастелянша господина соборного настоятеля. Набожный господин священник в данном случае, вероятно, преднамеренно, самым удобным способом, отстранил от своего освященного ложа надоевшую ему экономку. Гнусная развращенность половой фантазии обнаруживается в отдельных случаях преступлений бравых божьих воинов, которые они ставили в вину ведьмам. 46-летняя поденщица Вальпурга Пиллерин из Дильгонфинга «призналась», например, что она поехала с двумя своими сыновьями, девяти и двенадцати лет, на шабаш ведьм и там подарила их дьяволу. Женщина эта была обезглавлена в июне 1715 года, а затем сожжена; мальчиков отхлестали, принудили присутствовать

при смерти матери, а затем поместили в христианское исправительное заведение. Ведьма Роланда де-Вернуа была сожжена живьем 17-го сентября 1700 года. Она «призналась» что целовала под хвост дьявола в образе черного кота.

Особенно богат перечислением подобных случаев «Молот для ведьм»,—сочинение благочестивого доминиканского монаха Якова Шпренгера и Генриха Инститориса. Сочинение одобрено богословским факультетом кельнского университета. «19-го мая 1847 года было объявлено, что достопочтенному брату Якову Шпренгеру, настоятелю доминиканского монастыря в Кельне, и достопочтенному брату Генриху Инститорису из проповеднического ордена папской буллой Иннокентия VIII дано право производить исследование всех ересей, особенно еретической жизни ведьм, которые очень процветают в настоящее время». Сочинение «Молот для ведьм было до некоторой степени высшим авторитетом, как для католических, так и протестантских процессов против ведьм. Чувство стыда не позволяет нам делать выписки из этой книги, за исключением следующих нескольких цитат: «Мы знали старую женщину, которая колдовством завлекла к себе трех монахов для нечистой любви и затем их умертвила. Она в этом призналась и сказала: «Они не могли от меня отстать, потому что съели много моего кала». Или: «часто видели ведьм, лежащих в поле с обнаженным животом, они делали ногами и бедрами движения, как при половом акте. Дьявола, насиловавшего их, не было видно». Или: «Надо заметить, что плотское наслаждение при соитии с дьяволом сильнее, чем при соитии с настоящим мужчиной». Или: «Как понять, что некоторые ведьмы прячут в шкап мужские члены, которые кажутся, по свидетельству многих видевших их, живыми. Надо думать, что это происходит от дьявольского наваждения. Некто рассказал нам, что однажды дьявол, желая отыскать свой потерянный член, обратился к ведьме. Она велела ему взлезть на дерево, на котором он нашел гнездо; в нем лежало много мужских членов. Когда он хотел взять больший, она вскрикнула: «Нет, не этот, потому что он принадлежит одному священнику»... Довольно об этих церковных свидетельствах куль-

туры. Остается еще сказать, что в этом самом сочинении на многих страницах описываются, конечно, и судебные процессы ведьм, и приводятся наказания, которые «по божьему праву» должны быть применяемы к ведьмам. Сознающиеся и раскаивающиеся ведьмы присуждаются к пожизненному заключению. Рецидивистки, хотя бы и раскаивающиеся, передаются светской власти для смертной казни. Само собой разумеется, что все нераскаивающиеся ведьмы, т.-е. такие, которые под пытками не сознавались, предавались сожжению. Что касается способа казни, то все пришли к решению сжигать несознавшихся ведьм живьем. Признавшая свою вину под пыткой получала милость быть обезглавленной или задушенной палачом перед сожжением; часто случалось, что кости уже умершей, но после оговоренной в колдовстве, выкапывались и сжигались.

Если мы перейдем от преступлений отдельных ведьм к описанию целых ведьмовских сборищ, к «шабашу ведьм», мы достигнем вершины развратной фантазии. Шабаш ведьм играл выдающуюся роль в миросозерцании христианства XVI, XVII, XVIII и даже XIX столетия. Благочестивый Иосиф фон-Геррес также говорит о «богатых пирах, имеющих место на шабашах ведьм». По мнению Герреса, «там пожирают, главным образом, падаль. Едят человеческое мясо, большей частью трупы некрещеных детей». Францисканец Альфонс де-Кастро сообщает, из «достоверных источников», что шабаш ведьм представляется в следующем виде: «Дьявол сидит на троне, подобно королю. Приведенные к нему на прием сперва должны отречься от бога, девы Марии и от всех святых. Затем они должны дать ему клятвенный обет, как делают это члены ордена перед высшим духовенством. После этого каждой ведьме назначается чорт, который сопровождает ее всюду и приносит на ближайший шабаш. Происходит это следующим образом: чорт окликом будит ведьму, она натирает себя околдованной мазью и садится к нему на спину, в это время чорт превращается в козла. Скачка по воздуху чрезвычайно быстрая, и потому ведьма должна крепко держаться за шерсть козла. Приехав на место шабаша, ведьмы должны раньше принести дань

почтения старшему дьяволу и приносят ее не так, как люди, а наоборот, нагибают голову назад, к спине, и подымают ноги на воздух. Затем начинается пляска; чорт берет доверенную ему ведьму за руку. После пляски начинается роскошный пир, при чем все свечи тушатся, и черти в образе мужчин смешиваются в толпе женщин. Если на сходке присутствуют и мужчины, черти отдают себя в их распоряжение в образе женщин. Плотские желания удовлетворяются с большим сладострастием, до изнеможения. После этого ведьмы уезжают верхом на козлах к себе домой. Среди ведьм значительно больше женщин, чем мужчин, потому что женщина больше склонна к разврату, чем мужчина». По мнению других благочестивых писателей, общеупотребительная форма приветствия между чортом и ведьмой состоит в поцелуе в зад.

Минимум двенадцать пап буллами требовали преследования ведьм со всей жестокостью,—пытками, казнями, заключением в темницах, лишением имущества, и каждой «светской власти» угрожали отречением, если она пыталась отказаться исполнить это требование. Бывший иезуит граф Гогенбрех в связи с этим пренебрежительно замечает по адресу пап: «Папы в течение столетий стояли во главе кровавой системы. Они умерщвляли больше народу, совершали больше культурных и социальных опустошений, чем какая бы то ни была война или эпидемия. И все это во имя бога и Христа». Съезды высших церковных авторитетов, соборы и на первом плане знаменитый собор в Триенте преспокойно заседали, обсуждали всевозможные вопросы, но не касались этих ужаснейших следствий церковного суеверия; между тем, всюду в Германии и во всем культурном мире пылали костры. Христианская церковь—действительно грозное божественное учреждение.

В лютеранстве господствует то же самое суеверие, та же вера в ведьм, совершенно те же кровопийцы и инквизиторы; разница только в том, что пасторы не носят больше плащей и ряс с капюшонами, а надевают брыжи и воротнички. Еще в 1713 г. протестанский юридический факультет в Тюбингене разрешил казнить ведьму; 15 лет

спустя в Берлине протестанским судом ведьма была приговорена к пожизненному заключению в доме принудительного труда. Особенно ревностными преследователями ведьм были протестантские пуритане в Англии и Шотландии. Однажды, приблизительно два столетия назад, путешественник видел в Лейте, в шотландском провинциальном городе, как сожгли единовременно девять ведьм. Еще в 1673 году шотландские священники-пресвитерианцы обнародовали резолюцию, в которой они заявляли о своей вере в ведьм и жаловались на распространенный скептицизм... И только благодаря успехам естествознания, ведьмы перестали существовать. В то время, как протестант Томазий успешно защищал необходимость преследования ведьм, католик иезуит Фридрих фон-Спэ (1591—1635 гг.) положил конец смертной казни для ведьм. Как исповедник несчастных жертв процессов, Спэ собрал очень много фактов. Его боевое сочинение против веры в ведьм «Cautio criminalis» займет навсегда почетное место в царстве свободной мысли, хотя он ограничился только борьбой против веры в ведьм и не пытался сделать ответственными за это библию, папу и всю систему католического учения. Знаменательно для христианства и для его официальных адептов, что знаменитое сочинение Спэ должно было появиться без подписи; в нем нет также высокомерного иезуитского знака S. J. (Societas Jesu), недостает в нем также принятого орденским статутом для иезуитских сочинений подзаголовка: «В вышних благоволение», в то время, как все эти лозунги красуются на отвратительных книгах о ведьмах. Этим лучше всего опровергается наглая историческая ложь иезуитов, которые теперь громогласно объявляют Спэ своим единомышленником и утверждают, что в Германии иезуиты были первыми истинными борцами против преследования ведьм.

Мы не можем закончить эту главу о церковной христианской культурной деятельности без того, чтоб не упомянуть вкратце об одном явлении в апогее христианского века, а именно о «*Крестовых походах*». «Со святым воодушевлением,—так учили мы в школе,—стекались набожные рыцари из всей Европы, чтобы отнять у кровожадных сара-

цинов похищенные и оскверненные ими святые места в Иерусалиме. При свете истины эти крестовые походы представляют не что иное, как организованные грабительские походы христианских пиратов на богатый Восток. Папа играл здесь роль главного хищника. Хищничество было единственной формой товарообмена. Перед началом капиталистического хозяйства оно служило предвестником мировой торговли. Как мало общего крестовые походы имели с христианством и с учением назареянина, хотя и совершались под знаменем религии, доказывает тот факт, что в крестовых походах принимали участие не только союзы купцов, но также масса публичных женщин, которые были организованы по-военному и имели свои знамена. Разврат и разгул во время этих походов так усилился, что в знаменитом третьем походе, под предводительством Ричарда Львиное Сердце, окончательно было постановлено, что «никто из путешествующих в святые места не имеет права брать с собой никакой женщины, кроме пешей прачки, которая должна быть вне подозрений».

Организацию детских походов, при чем тысячи бедных созданий попадали в турецкие тюрьмы, можно объяснить только религиозным безумием. В крестовых походах погибло в общей сложности два миллиона человек. Эта потеря, в конце-концов, вознаградилась тем, что, благодаря усилению торговых связей и знакомству с новым миром, расширился культурный кругозор.

Иного рода крестоносцы—тоже одна из глав церковно-христианского заблуждения—были «флагелланты», *хлысты*, которые после голодных 1348—1349 гг., под предводительством фанатических монахов, прошли от Венгрии до низовьев Рейна. На основании будто бы собственноручного письма Христа, которое ангел вручил иерусалимскому патриарху, они утверждали, что призваны к покаянию, к самобичеванию. Для бичевания они употребляли короткие плети, на концах которых были крестообразно укреплены две колючки. После пения однотонной песни кающихся они бросались несколько раз в течение часа с распростертыми руками на землю, произносили пять раз «Отче наш» и пе-

неистово били себя в грудь крестообразно сложенными руками. Сто лет спустя эта секта перешла во Францию, где один только великий проповедник покаяния Феррер сумел собрать 80.000 таких кающихся святых. Полуголые безумцы, оставляя по дороге кровавые следы, шли по деревням и крали, что плохо лежало и вообще все, что не было крепко прибито гвоздем.

Конечно, современные адвокаты церкви не желают иметь ничего общего с этими культурными курьезами и ужасами, хотя все это выросло из духа и практики религиозной веры. Зато они все громче восхваляют великие деяния христианской церкви в настоящем, ее благодеяния на пользу отечества и *миссионерскую* деятельность среди диких народов. Впрочем, ее благотворительная деятельность бледнеет перед другими организациями взаимопомощи в настоящее время, которые, несомненно, значительно превзошли характерную христианскую charitas, хотя они никакого дела с господом-богом не имеют, да и иметь не хотят. Если бы католическая или лютеранская церковь заключали в себе хоть половину того идеализма, который само собой подразумевается в современном рабочем движении, где действительно дается лепта вдовицы, а не крохи с пышного стола заботящихся о «спокойствии и порядке» богатых, тогда христианская благотворительность могла бы лучше проявить себя.

Если католическая церковь уделяет из своего громадного богатства, накопленного воровством, хищением и пронырством, грошовое подаяние на больницы, если лютеранский коммерции советник жертвует из своего излишка, чтобы общественная нужда не так била в глаза, то, конечно, богатое христианство не может особенно хвастать этими подвигами.

А миссионеры и их христианская деятельность? Мы не сомневаемся в добрых намерениях некоторых миссионеров. Но каковы результаты их деятельности, если оценивать ее объективно и с точки зрения действительной пользы? Христианские миссии в Китае ежегодно тратят миллионы на крещение китайских детей для их «спасения». В ежегоднике: «Oeuvre de la Sainte enfance», за 1897 г., сообщается

со свойственным христианам холодным равнодушием следующее: «Грудной младенец стоит нам около пяти франков в месяц. Я молю бога о том, чтобы эти маленькие души по возможности скорее оставили нас и вознеслись на небо. Но если они не захотят умереть, надо их кормить и воспитать». И эти христианские фабриканты ангелов XIX столетия с гордостью констатируют, что из 12.000 доверенных им крестников, только 124 или 125 достигли годовалого возраста. Остальных благополучно препроводили на небо. Да, да, мы—настоящие христиане!

Проповедь естествознания с церковных кафедр.

Святой дух—автор библии.—Сотворение мира в шесть дней. — Вечер 26-го октября—начало всего бытия.—Сведения о местонахождении ада.—Найдут ли там грешники для себя место?—Земля, остановись!—Создал ли господь бог женщину, как человека?—Чрево женщины, как вместилище бессмертия души.—Пуп Адама и Евы.

Религия обязана своим происхождением на девять десятых потребности первобытных народов познать мир и его явления; и только в исключительных случаях она происходит от неопределенного религиозного чувства, искусственно подогретого; поэтому духовенство, какой бы окраски оно ни было, совершенно последовательно стремилось распространять среди своей паствы естественно-научные знания, чтобы из них черпать доказательства существования бога, истинности и разумности своего учения. Такие религиозные невежды, проповедующие естественные науки, существовали вплоть до последних дней. Должны ли католические или лютеранские писатели приписать себе честь распространения величайших небылиц в этой области,—вопрос совершенно праздный. Папа у католиков—высший религиозный авторитет, и многое зависит от того, как он толкует библию. Католицизм имеет большую возможность, по крайней мере теоретически, могучим словом ex cathedra, т.-е. поучением с высоты папского престола, влиять на народные массы, которые пребывают в глубоком невежестве и видят в старом и новом завете божественные непогрешимые истины. Но практический римский наместник бога из этой, в конце-концов, хорошей стороны папской непогрешимости не делает ни малейшего употребления. Напротив! 15 лет назад, еще 5-го июля 1907 года, знаменитый циркуляр (sillabus) папы

Пия X объявил, что «библия—божественная вдохновенная (богом данная) книга, и что божественное вдохновение распространяется по всему святому писанию таким образом, что оно исключает возможность неправильности в каждом отдельном месте». Этим папство довольно ясно отказалось противодействовать отупению католического народа, происходящему от слепой веры в библию.

Теоретически хуже обстоит дело в этом смысле у протестантов. Лютер, Кальвин и Цвингли поставили вместо папы высшим авторитетом библию. Католики сжигали или обвиняли в ереси того, кто сомневался в папе и его указах; у лютеран такая же самая участь постигла неверующего в «божественность» старого и нового завета. Суть дела не изменяется от того, что в настоящее время из практических соображений теологи либерального оттенка порой даже критикуют библию и, в доказательство своего свободомыслия, добавляют, что эта книга сочинена людьми и заключает в себе все человеческие заблуждения. Разве доктор Мартин Лютер сказал нечто подобное? Допустим, что дело обстоит так, как есть, и как в этом сознаются сами эти теологи. Если библия, действительно, создана человеком, то нам непонятно право на существование протестантской теологии. Одно из двух: или библия нечто особенное, нечто божественное, и тогда она такая, как она есть, со всем своим глупым содержанием,—частное дело тех людей, которым вольно верить или не верить, и которые даже могут посвятить этой вере шестимесячный академический курс; или же библия—собрание человеческой древней письменности с неособенно глубокомысленным содержанием, подобное которому мы имеем в сотнях, тысячах экземпляров лучших книг, отличающихся более поэтическим и более нравственным содержанием. Тогда непонятно, зачем существуют богословы со всеми степенями и служебными знаками достоинства, зачем они должны увеличивать церковные налоги, зачем им нужно платить за их науку». На таком же, и, может-быть, большем основании, с точки зрения разумности и нравственности, можно было бы учредить в Европе церковь, руководствующуюся сочинениями Платона, Будды или Конфуция, и тре-

бовать от государств, чтобы эта церковь сделалась государственным учреждением, содержимым на народные деньги. Лессинг, полный презрения к «либеральным» теологам (к вере в библию ортодоксов он относился более благосклонно), в своем «Antigötze» говорит, что либеральный приверженец церкви в лучшем случае перестает быть «хорошим теологом», чтобы сделаться «плохим философом», а плохой философ ни в каком случае не имеет права на существование.

Итак, принято думать, как учила и учит настоящая религиозная вера, что библия—*божественная книга*, и теологи изучают ту божественность в ней, которая касается самых возвышенных предметов. На этом основании, которое делает возможным серьезную дискуссию с настоящими представителями организованного христианства, мы дадим несколько образчиков того, как смешно оно объясняет мир и его явления с библией в руках и с присущей католикам и протестантам силой веры. Что мир по библии создан в шесть дней, не подлежит, конечно, никакому сомнению для средневекового бенедиктинского патера; кто сомневался бы в этом, был бы побит камнями или сожжен. «Но это было в жестокие средние века»—возражают нам теперь. Если кто дотянет это темное время до 1789 года, будет прав. Католический профессор богословия Фрейбургского университета Энгельберт Книпфель, ученый толкователь священного писания и защитник его (умер в год Освободительной войны), доказывал в этом же году, что надо потому твердо верить в создание мира в двадцать четыре часа, помноженные на шесть, что эта удивительная скорость, с которой господь-бог, как по мановению жезла, создал мир, доказывает его всемогущество; кто в этом сомневается, сомневается в одной из самых лучших сторон господа-бога. Так совершенно открыто утверждает Книпфель.

Лавры Книпфеля не давали спать его протестантским коллегам. В 1860 году то же самое доказывал в Дерптском университете толкователь ветхого завета Э. Фр. Кейль. У него это выражено иначе: «Потоп был причиной образования гор. Проклятие бога выражается теперь в распростра-

ненном среди животного царства хищничестве, истреблениях и т. д.». Этот бравый божий воин, несомненно, лучше знавший свое ремесло, чем какой-нибудь каменотес, доказывает нам в данном случае все свое остроумие: кот потому только царапается, и мопс потому себя плохо ведет в комнате, что они в свое время были прокляты богом. Но богобоязненный профессор Кейль оказывается неодиноким. В 1850 году появилась книга такого же ортодокса и его однофамильца, под названием: «Природа и дух», в которой объявлена война от имени библии всем физическим законам, объясняющим тяготение, теплоту, электричество. А в 1854 году набросился на естествознание такой же набожный профессор Карл Шрепфер в своей боевой книге, вышедшей в пяти (!) изданиях, под названием: «Земля стоит неподвижно».

Бедный Коперник! Если уже убедили, что бог сфабриковал мир в течение шести дней, то вполне естественно, перед церковью стояла дальнейшая задача,—разрешить вопрос о светопреставлении, выяснить, до какого срока, до которого года господь бог продлит эту свою шестидневную работу. К сожалению, библия ничего не сообщает по этому поводу. Для правоверного богослова это служит тем большим побуждением пустить в ход все свое богоискательское остроумие. Работа шла вполне систематически, особенно в эпоху Лютера. Вначале обсуждался вопрос, когда бог сотворил мир, весной или осенью. Католики утверждают, что это должно было совершиться осенью, между тем как Меланхтон и Лютер оспаривали это и стояли за весну. В обоих вероисповеданиях были приверженцы как одного, так и другого мнения. Наконец, к этим остроумным богословам присоединился еще один исключительный хитрец, а именно знаменитый картограф Меркатор, который в конце XVI столетия заявил, что это было среди лета. Итак, вероятно, до настоящих дней мучились бы над вопросами: весна, жаркое лето или осень. Но этому великому религиозному спору положил конец в XVIII столетии иенский ортодокс; он по библии высчитывал, умножал, делил, и решил, что бог 26-го октября, вечером, засучив высоко рукава рубахи,

поплевал на руки и взялся за работу, сначала за небо и землю, а потом, как все уже сказано в библии.

Естественно, что тот, кто создал мир, имеет право обращаться со своим произведением, как он находит нужным, и может хорошенько его встряхнуть, если ему захочется. Поэтому, набожный лютеранский дьякон Христиан Лео, в 1757 году ясно объясняет, что «бог проявляет свою справедливость и доброту землетрясением». Во время большого землетрясения и вулканического извержения на острове Мартинике в 1895 году задохлись под раскаленной золой от этой «справедливости» и «доброты» около 25.000 человек. Но вполне ясно, конечно, для дьякона, что мы не в состоянии понять действительной справедливости и доброты... Профессор богословия Венского университета, господин Шоллер, в конце XIX столетия доказал, что землетрясение происходит по «злобе сатаны». Он—противоположного мнения и предоставляет дьяволу, божьему сопернику, потрясать мир. В конце-концов, было бы теперь трудно решить, кто собственно прав, если бы в 1905 году (!) другой профессор Мюнстерского университета, доктор Бауц, значит, человек, достигший своими научными трудами высшего государственного поста, не привел самых тяжеловесных аргументов в пользу дьявола. В своем, вышедшем в этом году, сочинении «Ад», одобренном и разрешенном к печати церковью, господин профессор Бауц доказывает точным образом, что самыми главными причинами землетрясений и вулканов служат «дымовые трубы ада».

Вообще этот знаток ада, Бауц—интересный субъект. В своем сочинении он даже дал «топографию» (описание местности) ада и совершенно точно сообщил следующее: «Внутри земли находятся четыре receptacula (пещеры); в самой нижней помещается настоящий ад, в то время, как sinus Abrahae (лоно Авраама)— в более высоком и более почетном месте. Почетность этого места доказывается еще тем, что богач из ада поднял глаза вверх, чтобы увидеть Лазаря на лоне Авраама. Limbus puerorum (местопребывание детей) лежит вблизи sinus Abrahae в некотором отдалении от настоящей пещеры, пламя которой до нее не доходит. Чистилище нахо-

дится в непосредственной близости с геенной (ад). Потому многие богословы «вместе со святым Фомой утверждают, что огонь этого purgatorium (чистилища) совершенно идентичен с огнем ада. Sinus Abrahae по временам бывает необитаем. Нас не должно тревожить, что ад будет несколько мал для наших грешных душ, ибо Лессиус рассчитал, что достаточно очень маленькой незримой частицы внутри земли, чтобы вместить баснословное количество людей». Самое интересное в этой географии ада то, что Бауц, как утверждает доктор Кемерих, нашел еще одного, кто тоже исписал на эту тему все страницы своей книги, стараясь смастерить свою собственную религиозную систему. И профессор Бауц, в заключение, основательно рассчитывается с «полуневеждой», который осмеливается сомневаться в его глубокой бездонной королевско-прусской университетской мудрости. Остро, как кинжал, и твердо, как сталь, звучат направленные против нас, еретиков, слова: «К счастью, интеллигенция не принадлежит к таким источникам, из которых католический богослов может черпать мудрость, и к тем авторитетам, суждение которых может иметь для него какое-либо значение». О, мы, несчастные полуинтеллигенты! Бауцы были во все времена чем-то в роде гвардии богословия, что обусловливалось их отношением к естественным наукам. О том, что заявление Коперника относительно вращения земли вокруг солнца вызвало среди теологов страшное возбуждение, не стоит говорить. Ведь, сам бог, по библии, при завоевании Иерихона велел солнцу остановиться (кн. Иисуса Навина II, 11) и заставляет, следовательно, двигаться солнце, а не землю.

Но заблуждаются те, кто думает, будто негодование и гнев против Коперника улеглись под влиянием более ясных представлений, и что это возмущение никогда не имело места среди протестантов. Даже знаменитые протестантские теологи XVIII столетия склонны на основании библии признать, что земля является центром, вокруг которого все вращается. Кильский священник, по имени Карл Меллер, издал еще в 1724 году свое сочинение: «О несомненном движении солнца и неподвижности земли». Но все-таки католическая цер-

ковь довольна тем, что папа Пий VII «уже» в 1828 году торжественно объявил, что отныне Рим разрешает—ах, как милостиво!—печатать сочинения, трактующие о движении земли и неподвижности солнца, в согласии с общепринятым мнением современных астрономов. Действительно, какое свободомыслие! И, несмотря на это, до 1835 года сочинения Коперника и Галилея продолжали еще покоиться в папском индексе (списке книг, запрещенных для католиков), запрещенные, как смертный грех. Теперь мы всему этому удивляемся, но поймем это, если припомним случай с коллегой Галилея: когда в начале XVI столетия Галилей при помощи телескопа открыл спутников Юпитера, его набожный коллега из Пизанского университета ни за что на свете не соглашался заглянуть в трубу: он боялся увидеть и таким образом согрешить против библии. Безусловно очень характерный факт!

После этих приведенных курьезов можно себе приблизительно представить, какое впечатление должно было произвести учение Дарвина о происхождении человека от обезьяны на богословов всех оттенков в прошлом столетии и как влияет еще и теперь. Ни на кого не выливали таких ушатов богословской грязи, как на Геккеля, передового борца этого учения в Германии. «Обманщик»—это было еще мягкое выражение, направленное по его адресу. Собственно говоря, удивительно, что богословы еще теперь протестуют против происхождения человека от животного. Раньше они стояли на другой точке зрения, по крайней мере, для одной и лучшей части человечества, а именно, для женщин. Один ученый анонимный автор, несомненно, богослов, судя по его способу выражений, доказывал в 1595 г., на основании библии, что «женщина не человек и не искуплена Христом». Доказательства, и весьма точные, приведены следующие: «Святое писание проклинает всех тех, кто искажает слово божие, и потому прокляты все, утверждающие, будто женщина—человек, и верящие в это; ни в старом, ни в новом завете женщина не названа человеком. Если бы она была человеком, то святой дух, внушавший святое писание, несомненно, назвал ее человеком. Кто, не-

смотря на это, утверждает, что женщина—человек, осмеливается больше знать, чем бог». Кроме того, есть другие доказательства для установления факта, что женщины—не люди; бог, вследствие своего всеведения, до сотворения Адама знал, что после этого создаст Еву. Но при сотворении Адама он сказал только: «Теперь сотворим человека». Если бы он считал женщину человеком, то, при своем всеведении, должен был сказать: «Хочу создать людей». Следовательно, господь-бог считает одного Адама человеком... Впрочем, надо открыто и честно признаться, что позже некоторые богословы пошли против господствующих в церкви взглядов, а также смело и открыто, на основании библии, самым точным образом доказали, что женщина все-таки—человек. Может-быть, они боялись, что милые женщины перестанут жертвовать на церковь, если их будут оскорблять. Позже, в 1595 году, эта безграничная глубокая премудрость, в лице «декана, сената и профессоров богословского факультета Вюртембергского университета», торжественно провозгласила принадлежность женщины к человеческому роду.

Но что раз засело в богословских головах, не так-то легко оттуда выходит. Потому нет ничего удивительного, что, несмотря на это, все еще продолжается обсуждение этой темы, угрожающее поколебать основы мира. В 1795 году, по заявлению доктора Кеммериха, появилась брошюра, написанная, как видно, богословом; ее благочестивый автор доходит до «очень вероятного предположения», что хотя у женщин есть душа, но душа эта находится не в мозгу, как у мужчин, а в половых органах. Впрочем, что произошло бы, если бы Вюртембергские профессора не сумели доказать на основании святого писания, что женщина человек? Наверно, сотни тысяч церковных овечек еще и теперь нашли бы естественным и богоугодным, что женщину нельзя считать человеком. Богословы, а именно, протестантские, можно сказать, навсегда сконфузили дарвинистов даже раньше, чем они появились. Фома-Ефроим Нейгард, врач в Каменце, просматривал появившуюся в 1752 году в Гамбурге религиозную статью, в которой разрешалась страшно трудная задача, а именно: был ли пупок у наших прародителей Ада-

ма и Евы? Автор статьи отрицает это и притом добавляет: «Кто, несмотря на это, верит в существование пупка у Адама и Евы, недостоин быть членом церкви; его следует силою церковных властей предать дьяволу».

Церковь и естественные науки—это разделение мира на бога, с одной стороны, и пустую мертвую материю,—с другой, должно было, в конце-концов, привести к таким умопомрачительным следствиям. Достаточно следующего единственного факта, чтобы вывести заключение о своеобразном отношении между церковной религией и естественно-научными истинами. Папа Александр VI своей буллой «Inter cetera», от 4-го мая 1493 года подарил испанцам на основании своих прав, в качестве непогрешимого стражника веры, «все открытые и еще не открытые страны, лежащие к югу и западу от определенного градуса долготы». Что может лежать «к югу от градуса долготы», остается тайной последователя Петра. Решить эту задачу—все равно, что нарисовать квадратуру круга. Но непогрешимый небесный князь «доподлинно знает», что подобные страны существуют...

Необходимо сохранить религию для народа.

Террор государственной церкви.—Духовный храм славы, называемый папским индексом.—Княжеское жалованье Иммануила Канта.—180 стихов из библии и 180 строф церковных песен вбивают в детские головы.—Кристаллическая чистота христианских догм.—Каким образом люди приходят к убежденню о наследственности греха.—Крещение выкидышей.—Святые с дюжиной голов.—Тринадцать святых плотей Иисуса Христа.—Чудодейственные лоскутья и святые целебные источники.—Апостол морали Альфонс де-Лигвори—старый развратник.—Контроль попов над супружеским ложем.—Упадок половой фантазии католических нравственных книг.—Из практики католических сельских священников.—Как дети исповедывались.

Итальянский государственный деятель Кавур произнес знаменитый афоризм: «при осадном положении управлять сумеет каждый осел». При помощи диктатуры духа, с проповеднической кафедры в состоянии управлять даже вампиры, шакалы, сумасшедшие и преступники. Поэтому величайшей заботой правителей всегда было поддержание церквей. Как сохраняли для народа религию?

Прусский король Фридрих-Вильгельм II (тот самый, который при своем дворе вел развратный образ жизни и был вторично обвенчан протестантским придворным проповедником с блудницей, хотя был женат законным браком), издал 26-го апреля 1794 г. знаменитый рескрипт судебной палате. Этот интересный рескрипт гласил: «С некоторого времени печать или вообще подрывает основы всякой религии, изображая ее важнейшие истины в сомнительной, презрительной или смехотворной форме, или же христианскую религию и библейское писание делает предметом сомнений и насмешек в народе, вследствие чего потрясается в своих основах религия, без которой совершенно не может существовать общественное спокойствие и порядок. Бесчинству

подобной печати, которая посягает на основные законы государственного и гражданского управления, которая изображает действия правительства, как неправильные и ненавистные, или вызывает смуту и бессмысленные мечтания о предметах, которых народная масса не в состоянии понять,—бесчинству такой печати нужно положить предел со всею суровостью и твердостью закона». Этот длинный, равно как и ценный, рескрипт представляет собой квинт-эссенцию религиозно-христианского образа мыслей, который существует и ныне; им впервые изобретено даже перекрестное выражение: «спокойствие и порядок». Если сопоставить частную жизнь этого отца народа с его указами, то будет ли преувеличением, если скажем, что при помощи диктатуры церкви может осмелиться управлять каждый плут и развратник? И стоит ли удивляться, что 30 лет назад могло быть запрещено законом против социалистов круглым счетом от 1.500 до 1.600 печатных изданий.

Взамен государственного сыска, всегда приходившего на помощь протестантизму, католицизм имеет свой «*индекс*», список запрещенных сочинений. Вот что говорит доктор Кеммерих об этом орудии духовной пытки: «Можно без преувеличения сказать, что за последние столетия не было ни одного великого мыслителя или поэта, имя которого нельзя было бы найти в католическом индексе. Кто под хмельком перелистает запись имен, может вообразить, что он находится в галлерее знаменитостей». Народу всегда навязывали религию террористическими приемами; и священники, таким образом, только заговаривают зубы, когда утверждают, что религия есть нечто, несомненно, врожденное. Приведу еще несколько курьезных случаев отношения к науке и ученым. В христианских государствах, конечно, особенное внимание обращают на науки. Знаменитейший мыслитель, какого только родила Германия в конце XVIII столетия, Иммануил Кант, получал всего-навсего с 1864 года 749 талеров, двадцать три гроша и десять пфеннигов годового содержания. Из этой суммы гогенцоллернский покровитель наук и искусств, этот «отец народа», платил ровно 166 талеров 60 грошей, в качестве профессорского жалованья. Остальное несчастный

«писака» должен был собрать стипендиями. Королевско-прусские метрессы тратили в течение недели такую сумму, на которую философ должен был голодать целый год. Как обстояло дело с наукой в высших христианских школах, и не только средневековых, об этом сообщает А. Вейсгаупт. Обучение закону божьему состояло в том, что ученик должен был без запинки произносить «Отче наш» с конца, или знать, сколько раз употребляются слова: «et» (и), «in» (в), «cum» (с), в первой главе латинских сочинений Каниция.

А обучение в народных школах—каково оно было, и каково оно еще и теперь, когда церковь продолжает держать его под своим скипетром! Фридрих-Вильгельм III, разбитый под Иеной, издал 31-го августа 1799 года такой декрет: «Слишком серьезное обучение возбудит в учениках такие чувства и способности, с которыми они легко сумеют создать себе более благоприятные условия жизни, чем жизнь простого солдата»... Но откуда угрожала перегрузка науками, которой так боялся заботливый отец народа? В его время, да и после него, народными учителями были большей частью солдаты-инвалиды. Их дрессировали долгое время для главной их деятельности, состоявшей в завывании церковных песен. Кроме того, у них были всевозможные побочные занятия. Например, в Пруссии до 1802 года они должны были читать акушеркам учебник акушерства. И это было для них источником существования. В начале XIX столетия большинство школьных учителей получало ежегодно от 20 до 40 талеров... Нельзя возразить, что все это было только «раньше», между тем как «теперь» новое христианское народное обучение представляется совсем в ином свете. В 1902 году прусский евангелический высший церковный совет издал приказ об уравнении правил и предметов обучения для евангелических и конфирматорских школ. По этому приказу бедные дети должны были учить наизусть следующее: от 20 до 40 текстов из ветхого завета, от 100 до 110—из нового завета, 6 псалмов, 20 церковных песнопений и своими словами рассказывать 5 глав лютеровского катехизиса. Всего-навсего 180 стихов из библии и 180 строф церковных песнопений,—и все это вдалбливали в голову бедным крошкам.

В берлинских городских школах, до мировой войны включительно, на эту религиозную зубрежку полагалось шесть часов в неделю, тогда как на арифметику всего два часа. Конечно, такими способами мы, действительно, воспитываем набожное, нравственное и здоровое поколение... Урра!..

Протестантизм стремится выработать из несчастных детей покорных слуг государственной власти с ее милитаризмом, трехклассовой системой выборов, обложением бедных; а католицизм имеет собственную систему эксплоатации и для себя в свою пользу. Здесь стоит привести еще выдержку из писаний одного из последних пап, Пия IX, который в § 14 обличил и торжественно проклял следующее «заблуждение»: «Руководство общественными школами, в которых воспитывается молодежь в христианском государстве, может и должно быть всецело предоставлено государственной власти». Папа же считает самым тяжелым грехом преподавание без церковного штемпеля. Действительно, вопросом, как сохранить для народа религию, т.-е. глупость и тупое равнодушие, духовенство до настоящего времени никогда не смущалось. Запугивание, засаривание мозгов играют здесь самую важную роль.

Собственно, что из религии сохраняется для народа? Совершенно невозможно здесь все перечислить, даже если ограничиться критикой только самых явных несообразностей христианских догм, которые сделались всеобщим достоянием христианской духовной культуры. Возьмем сначала одну догму, которую и теперь вбивают детям в голову: грехопадение повлекло бы за собой наказание адом, если бы не искупительная смерть Христа. Теперь разберем нелепость этой догмы. 1) Бог (хотя и всемогущий), несмотря на это, создал очень несовершенного человека и возложил на плохо созданное им творение ответственность за свою работу; в повседневной жизни такое поведение считается злостным, злонамеренным. 2) Бог (хотя всеведущий), несмотря на это, подверг Адама и Еву испытанию, при чем он, благодаря своему всеведению, знал заранее, что они не устоят; в обыкновенной жизни подобное поведение называется коварным и лукавым. 3) Когда Адам и Ева, действительно, не выдержали

испытания, бог (хотя всеблагий и праведный) за это (за что?—за то, что он их так скверно создал?) не только их самих, но даже еще не родившееся потомство наказал вечным проклятием; в обыкновенной жизни это называется зверской жестокостью.

Но что же из этого? Этими «ясными и убедительными» доводами продолжают и теперь на каждом шагу вбивать в миллионы детских голов христианский догмат первородного греха... Или догмат о непорочном зачатии Марии. Не у каждого такая богатая фантазия, как у того средневекового церковного живописца, который нарисовал Марию коленопреклоненной на молитвенной скамье (еще и теперь многие копии этой картины можно найти в церквах). С потолка на этой картине спускается большая водосточная труба, в верхней части которой находится святой дух в образе голубя (который летит вниз, по направлению к Марии); другой конец трубы остроумно направлен в то место тела Марии, где, по мнению живописца, должно было произойти непорочное зачатие.

Рассмотрим теперь, какие мировые вопросы волновали теологию средних веков. Среди них были интересные вопросы, выяснявшие всемогущество бога. Например, может ли господь-бог создать гору без долины, или превратить блудницу в невинную девушку? Что делается с претворенным телом Иисуса Христа, если мышь попадет в чашу? Можно ли достичь претворения крови искупителя пивом, яблочным соком или водкой?

Еще в 1858 году протестантский баденский генеральный синод серьезно дебатировал вопрос о том, не ввести ли опять веру в дьявола в лютеранстве, и, действительно, ввели его в новом издании катехизиса. Двумя годами раньше в Тарандте, близ Дрездена, в местной протестантской церкви произошел скандал: один купец, по имени Деккер, крестный отец, на общепринятый вопрос, отрекается ли он от дьявола, ответил: «Я верую только в бога, а не в черта, дьявола». Деккер был привлечен к большому уголовному делу за нарушение богослужения. Если современный союз духовных мирян устраивает в церквах кинематографические сеансы, в

которых изображается Ноев ковчег со всем его содержанием, то это, может-быть, не самая большая глупость. У злого еретика невольно напрашивается вопрос: если бог из каждой породы животных оставил в Ноевом ковчеге только по одной паре, как утверждает библия, то чем жили все это время плотоядные животные?

Много нелепого и комического можно найти в догматах, но мы рассмотрим только один догмат: о бессмертии души. Как известно, бог сам вдыхает душу в человека и этим возвышает его перед другими творениями. После того, как человек с этой душой крещен, он, как известно, может вознестись на небо. Прекрасно. Но человек не вдруг появляется на свет; обыкновенно проходит девять месяцев, прежде чем он родится. Где тот момент, когда появляется у него бессмертная душа. Одухотворено ли уже яйцо матери или семя отца? Происходит ли одухотворение в течение девяти месяцев, или только при рождении? Протестанты пугливо отстраняются от этих еретических вопросов. Но католиков они так волновали, что ими исписаны по этому поводу целые томы. Среди теологов велись горячие дебаты. Одни признавали одухотворение в момент оплодотворения, другие—на несколько месяцев позже. Теперь католическая теология установила: на 30-й—45-й день после зачатия. И верные этому принципу все католические священники должны даже теперь еще крестить каждый выкидыш. Им даются самые точные медицинские указания: купельная вода должна попасть на голову такого особенного крестника, отнюдь не на детское место. Во всяком случае, надо со спокойной совестью сознаться, что рекорд в суеверии побили католики. У протестантов осталась только одна реликвия—чернильное пятно в Вартбурге, но и оно уже потеряло кредит. Совсем иначе обстоит дело у католиков. Культ реликвий в папизме можно проследить, начиная с VI столетия после Р. Х., когда осколки цепей Петра считались драгоценными дарами. Жажда реликвий в средние века была так велика, что трупы святых в городах того времени напоминали куриц, кладущих золотые яйца. Когда, например, святой Ромуальд угрожал покинуть Италию, ему вслед послали убийц, чтобы хотя драгоценные

останки его остались на родине. Еще теперь, как известно, многие католические церкви имеют названия по именам святых и, соответственно этому, умеют пользоваться святыми останками, чтобы показывать их за деньги своей благоговейно созерцающей пастве. Но в католическом мире встречается целый ряд церквей, которые освящены в память одного и того же святого, и поэтому легко может случиться, что принадлежащие ему кости во многих церквах заменены другими. Например, труп святого Дионисия имеется в двух полных экземплярах: один—в Пизе, другой—в Регенсбурге. Кроме того, у Дионисия есть еще две головы, из которых одна находится в Праге, другая—в Виттенберге. Доктор Кеммерих взял на себя труд вести статистику мощей всего католического мира. Он опубликовал следующий баланс: 1) от св. Андрея осталось пять туловищ, шесть голов, 17 рук и ног, 2) от св. Анны—2 тела, 8 голов и 6 рук, 3) от св. Антония—4 тела и, к сожалению, только одна голова, 4) от св. Власа—одно тело и 5 голов, 5) от св. Луки—8 тел и 9 голов. Но больше всех святых Георгиев и святых Панкратов, мощи которых особенно излюблены; насчитывается 30 их тел. От самого Христа католики имеют тринадцать praeputia, или святейших крайних плотей; имеется даже пупок Христа—umbilicus. По поводу крайней плоти, которая, по мнению верующих католиков, была после обрезания подобрана, чисто вымыта и сохранена, возникли в католическом ученом мире большие дискуссии между богословами и продолжались в течение нескольких десятилетий. А именно, поставлен роковой вопрос: при воскресении и вознесении Христа на небо, происходившем, согласно евангелию, «во всем величии», вернулся ли он к своему отцу с крайней плотью, или без нее? Если да, то эти мощи не настоящие. Если же реликвии настоящие, то Христос не мог «во всем величии» вознестись на небо. Наконец, высокочтимый иезуит Рейнальдо нашел достоверный, очевидный выход; он доказал, что Христос, несомненно, должен был воскреснуть в полном своем составе, с крайней *плотью*, а позже он мог сотворить эти мощи из какого-угодно вещества. Следовательно, они все-таки—«настоящие». Эта подлинная крайняя плоть Иисуса

Христа должна, конечно, вдохновить до истинной поэзии каждую религиозно настроенную душу. Иезуит Сальмарон воспевал этот предмет поклонения в сборнике стихов (1602 года), как «телесное обручальное кольцо невесты Христа».

Любознательные и поэтически настроенные натуры постоянно интересуются этой высоко святой препуцией, и в народе еще и теперь много говорят о ней. Например, богословам задается такой вопрос: в церкви во время волшебных слов священника претворяется ли Христос в хлеб и вино с препуцией, или без нее? Богословский ответ: «нет». Должен ли набожный католик почитать или боготворить крайнюю плоть? Епископ Рокка, ризничий его святейшества, отвечает: «Как бывшую часть тела Христа, ее нужно боготворить». Из других особенно замечательных реликвий (возбуждавший в свое время большое почтение святой сюртук в Трире не относится еще к числу самых больших курьезов) остается упомянуть только о слезах Христа, которые он пролил над телом Лазаря. Они и теперь еще сохраняются в Вандоме. В Амьене и Пьер ле-Пютелье тоже находятся слезы, и подлинность их доказана с разрешения церковного начальства. К церковным реликвиям относится также бесчисленное множество чудотворных икон. В Германии пользуется известностью чудотворная икона в Кевелааре, на границе Голландии, куда стекаются ежегодно длинные вереницы богомольцев; они молятся перед нею, жертвуют и верят, что найдут облегчение в болезнях и в горе. Каждое излечение, которое сплошь и рядом может произойти у фанатиков, как у людей нервных, естественным образом, приписывается тотчас новому чуду святой девы Марии из Кевелаара. Народные карманы опустошаются здесь усердной продажей освященных свеч, венцов из роз и т. д., которые, конечно, расцениваются в десять раз выше нормальной стоимости.

Какие блестящие дела устраиваются за счет набожных католиков, показывает хитрая мысль, на которую напал один лейпцигский типограф во время последних выборов папы. Он предложил католической христовой пастве портрет свеже выпеченного наместника Христа, при чем для этой цели взял

изображение первого подвернувшегося под руку не то кардинала, не то святого с размалеванной иконы, на несколько недель отправился в Восточную Пруссию и Польшу, и продажей этих портретов заработал на покупку виллы, как сам в этом признался.

Особым почтением католик окружает скапулир (наплечник), тесно связанный с католической бухгалтерией отпущения грехов. Через его посредство маленький лоскут материи помогает извлекать из карманов верующих крупные денежные суммы. Скапулир—это, собственно, одежда, которую, по правилам ордена св. Бенедикта, носят монахи во время домашних работ поверх орденского платья. Он покрывает плечи, а концы висят спереди и сзади. Скапулир, одеваемый обычно только набожными людьми, в настоящее время большею частью состоит из маленьких, соединенных тесьмой, лоскутов материи, между которыми продевается голова, а спереди и сзади они опущены на голое тело под рубашкой. Больше всего скапулиры предлагаются причащающимся детям. О коричневых скапулирах кармелитов кармелитский патер Грасси, между прочим, расхваливая специальный товар своей собственной фирмы, сообщает следующее: «Члены ордена, братья-монахи и другие, питающие благоговение к скапулиру, избегают бесчисленных опасностей, благодаря особому заступничеству божьей матери. Броня оставалась целой, пули медленно падали на землю, не поранив, цепи разрывались, кинжалы гнулись, тюрьмы раскрывались, из пропастей удавалось спастись невредимыми, пожары тушились... Все это свидетельствует всему миру, с каким правом кармелитские скапулиры заслуживают наименование спасения в бедствиях, благодаря содействию святой девы Марии».

Мы, в сущности, не понимаем, почему немецкое высшее командование во время мировой войны не раздавало войскам кармелитских скапулиров, вместо стальных шлемов. Оно проявило в этом отношении большую близорукость, как и в других случаях. Ведь, существуют такие хорошие белые скапулиры пресвятой троицы, синие—непорочного зачатия, красные—скорби святого сердца Иисуса и черные—семи скорбей Марии. Конечно, не мешает все пять скапулиров на-

пялить один на другой, тогда можно получить свою долю во всех когда-либо полученных милостях и отпущениях грехов. Впрочем, духовный гардероб католической церкви имеет и другие парадные костюмы: например, «серафимский пояс», далее—«пояс святого Иосифа», официально утвержденный папой Пием IX в 1859 году, после предварительного освящения. Он сделан из шерстяного шнурка с 7-ю узлами, изображающими 7 скорбей и 7 радостей святого Иосифа. Какая же от него польза? «Семилетний ребенок, страдавший воспалением легких, от лечения которого отказались врачи, был записан в молитвенный союз (с членским взносом, что самое главное); была отпущена святая обедня (оплачивается также согласно тарифу), дано несколько капель воды Лурда, надет святой пояс Иосифа, и мальчик вскоре стал поправляться»...

У бенедиктинцев опять же есть свои бенедиктинские медали. С церковного одобрения, в 1857 году появилась реклама, предлагавшая помощь от вражеских напастей и колдовства: «Лечат животных от заразы, помогают от каменной болезни, от колотья в боку, от падучей болезни, от полнокровия, от кровохарканья, против преждевременных и запоздалых родов, против молнии, чертей и непогоды». В самом деле, какое универсальное средство! Ясно, что обладание таким чудотворным патентом породило мрачную зависть конкурентов. Иезуиты взялись за дело, когда скапуляры, святые пояса и чудотворные медали были уже изобретены. Они пустили в ход чрезвычайно удачную новинку, названную так по имени основателя ордена Игнатия Лойолы. В 1899 году вспыхнула эпидемия холеры в Бельгии и Голландии. На основании появившегося в 1867 году иезуитского анонса: «В тех квартирах, где хоть один человек пьет эту воду, эпидемия прекращается»,—разумеется, эту воду стали пить, как пиво. В одном Генте верующие потребовали, и только на основании этого объявления, свыше 100 тысяч бутылок этой воды.

Насколько прибыльны подобные предприятия, доказывается доныне сохранившимся богатством католических церквей. Духовное убожество наместников Христа обнаруживается-

ся в следующем сообщении Пьетро дель-Модегнано, папского протонотара, миланскому герцогу, датированной 14-м августа 1471 года: «Кардинал и папа употребили целый день на осмотр драгоценностей. Там было 54 серебряные чаши, наполненные жемчугами, стоимостью в 300.000 дукатов, один алмаз, стоимостью в 7.000 дукатов, драгоценные камни и украшения, стоимостью в миллион дукатов, ящики, в которых хранилось по 100, 80, 60 и 30 тысяч дукатов».

Но и в настоящее время духовное звание достаточно прибыльно. Газета «Рейнгольд Ньюспэпер» (от 6-го января 1907 года) дает список наследств духовных лиц Англии: двести тридцать тысяч духовных завещаний на сумму 5.638.073 фунтов, в среднем на одну особу—23.933 фунта. Десять завещаний превышали два миллиона золотых марок. К сожалению, в Германии нет такой же статистики «духовной нищеты».

Христианская церковь не только учит истине, получая в результате звонкую монету. Она проповедывает, кроме того, настоящую, истинную нравственность. И потому государственная мудрость, естественно, стремится укрепить в народе религию. Здесь вопрос не в том, заключает ли в себе «учение Христа», как учение Будды или Конфуция, некоторые высокие нравственные ценности, а в том, в состоянии ли и в праве ли церковь охранять народную нравственность. Оглянемся назад, на прошлое церкви. В нашем распоряжении имеется масса записей с вычислением размеров средневековых денежных штрафов за отдельные преступления. На основании этих цифр мы можем составить себе представление, как устанавливалась нравственная оценка преступлений в это доброе старое христианское время. В майнцском епископстве одному священнику обошлось в 16 гульденов штрафа посещение публичного дома, скотоложество—в 88 гульденов, а погребение отлученного от церкви покойника—в 240 гульденов. Выказать любовь к ближнему оказалось в три раза большим грехом, чем половое сношение с собакой.

За нарушение поста взыскивали в четыре раза больше, чем за самое большее прелюбодеяние. Вообще, за безнравственные поступки, как выяснил доктор Кеммерих, соглас-

по установленной церковной таксе, платили пустяки. Поп за безнравственное поведение у себя дома с девочкой платит безделицу, всего один гульден. Но кто, несмотря на отлучение, принимает причастие, должен заплатить три гульдена. Еще один факт: в 1786 году в Нюренберге, в Баварии, происходил судебный процесс, протокол которого сохранился. Это не исключительный процесс. Мы вкратце передаем документальные свидетельства. Молодая крестьянка, предполагая, что старая свекровь околдовала ее корову, обращается в соседний монастырь за помощью к так-называемому священнику-чудотворцу. Ее приводят к нему на квартиру. Крестьянка рассказывает патеру о своем горе. Согласно документам происходит следующая сцена:

Патер. Молодуха, а молодуха, тут кто-то другой виноват, не старая. Как ты думаешь?

Крестьянка. Я? Да, боже мой, кто же грешен?

Патер. Чистосердечно ли ты любишь своего мужа?

Крестьянка. О, да, от всего сердца.

Патер. Довольна ли ты им?

Крестьянка. Да.

Патер. Пойми меня хорошо. Совершает ли он ночью в постели все то, что тебе желательно, достаточно долго и часто?

Крестьянка. Но... (стыдясь), ваше высокопреподобие...

Патер. Только развязывай язык: от этого многое зависит. Итак?

Крестьянка. Да, ваше высокопреподобие.

Патер. Гм, гм... (хватает ее за руку). Знаешь, милая, я набрел, кажется, на другую мысль.

Крестьянка. Но, ваше высокопреподобие, ради бога, не стану же я считать себя ведьмой?

Патер. Нет, не то. Но, расстегни-ка свой корсаж.

Крестьянка. Ваше высокопреподобие, что вы задумали? Ведь, это стыдно.

Патер. Я не могу тебе помочь. Иначе я не нападу на след. Ну?

Крестьянка. Ради бога!

Патер. Видишь, опять более ясные признаки... (*В это*

время он водит рукой по полной груди, тискает ее и, наконец, начинает сосать).

Крестьянка. Но, ваше высокопреподобие, что же это такое? О, боже, если кто это увидит!

Патер. Держись, глупая! (*Продолжает сосать.*).

Крестьянка. Что же теперь выясняется?

Патер. (*Со страстью.*) Да, матушка, я почти ощущаю, что колдовство в твоем теле. Но я еще не знаю, исходит ли оно от твоей старой или от твоего мужа; чтобы это узнать, ты сейчас должна лечь.

Крестьянка. Да, что вы хотите со мной делать?

Патер. Ты это увидишь. Ты беременная, неправда ли?

Крестьянка. Да, ваше высокопреподобие.

Патер. Теперь слушай. Ребенок околдован. Этот милый ублюдок доставит тебе немало радости и будет гореть на костре, если я тебе не помогу. Но корова не даст молока, если не оказать помощи, а поэтому повинуйся и ложись.

Крестьянка. Ну, если ваше высокопреподобие приказывает...

Кончилось тем, что высокопреподобный патер по-скотски насытился женщиной. Кроме того, он посоветовал ей зайти в сарай с дубиной: она там встретит колдунью, которую должна убить, кровью убитой должна смочить вымя коровы. Крестьянка послушалась и убила свою собственную свекровь. Против этого скота-патера Бенно, виновника убийства, суд отважился выступить только после долгого колебания. В наказание он получил—домашний арест в монастыре.

Каковы современные нравы христианской церкви? Экс-иезуит граф Гогенсбрех, по поводу безбрачия духовных, говорит следующее: «Правда, теперь значительно лучше в Германии: безбрачное духовенство в общем стало благороднее, в сравнении со священниками в других странах. Однако, нужно сказать, что и теперь вынужденное безбрачие приносит большой вред для нравственности, и не зачем ездить в южно-американские республики, чтобы видеть и осязать эти вредные последствия. Мой прежний пост запрещает мне подробней касаться этого вопроса, но интересен тот факт, что среди католического духовенства в католических мона-

стырях получают огласку только немногие скандалы». Система замалчивания действует превосходно. Бывший иезуит, по понятной скромности, не хочет высказаться, но пусть это не лишит возможности поднять завесу, хотя бы и в маловажных случаях. Известно, что студенты острят, называя Леонинум, духовную семинарию в Бонне,—«Онанинум», и это более смешно, чем грустно. Но что скажет общественная мораль по поводу следующего случая, который совершенно случайно подвернулся нам среди массы других документов. Против Гульбрансона, художника журнала «Симплициссимус»,—дело в земском суде, по поводу оскорбления, нанесенного им баварскому епископу Г. Защитник Гульбрансона, адвокат Гейзель, в своей речи просил присоединить к делу доказательства не более, не менее, как восьми тяжелых преступлений против нравственности, со стороны духовных лиц, совершонных в последние месяцы, и все они имеют непосредственное отношение к суду. В том числе был проповедник Гер, в Цюффенгаузене, который требовал от девочек, приходящих на исповедь, чтобы они поднимали юбки; некоторым он сам приподнимал юбки и сажал их задом к себе на колени, как маленьких детей, заставляя при этом наклонять голову к полу, так что девочки поняли, что он хочет смотреть под юбки. Девочек заставили молчать под страхом адских мучений и угрожая исправительным домом. Несмотря на единодушные показания, против проповедника Гера ничего не было предпринято. Был также священник и школьный инспектор Адис из Долленгаузена; преступление—по статье 176 улож. о наказ., присужден—к устранению от должности на 6 месяцев и к заключению в монастырь. Священник Кольб из Ана-Бейрен брал к себе несколько раз на ночь проститутку. Капелан Гааг из Шеера обучал педерастии мальчиков, прислуживающих в церкви, и сам пользовался ими. Далее, проповедник и казначей Гефлингер из Алтейна—счастливый отец пятерых внебрачных детей. Затем капеллан Атигер в Гейфельдене—любовник учительницы, и т. д. Эти шесть представителей нравственности оказались известными всем негодяями, вместе с тем, такими горячими поборниками нравственности, что даже были про-

тивниками семейных бань. Церковная мораль, действительно, заключает в себе удивительные противоречия. Еще и теперь в монастырских школах девушкам запрещается принимать ванну без рубашки. Цитируем монастырские правила, до сих пор действующие в монастыре св. Клариссы в Мюнхене: «В 8 часов вечера все монахини должны лежать в постели, что контролируется настоятельницей. Она следит за ними и во время сна и ласково будит тех, которые неприлично лежат в постели. Если же это повторяется с какой-нибудь монахиней неоднократно, ее наказывают. Запрещено лежать в постели на спине, предписано спать на правом или левом боку. Употребление бумаги в уборной не разрешается»... Для умерщвления плотских вожделений употребляется большое наказание, состоящее из трехсот ударов плетью, и маленькое—из тридцати пяти ударов. Кроме того, на голое тело надевают колючие покаянные пояса. Большое наказание полагается в святую страстную пятницу, маленькое — каждые четырнадцать дней. Противоестественное умерщвление плоти и плотских вожделений, с одной стороны (аскетизм, как духовное завещание развращенности императорского Рима), а с другой стороны, как реакция против этой морали, усиление полового чувства, доходящее до того, что им полны все помыслы, представления, фантазия, вплоть до извращения, до садизма,—вот две крайности церковной нравственности, попеременно переходящие одна в другую. Чувственные наклонности сами по себе ни хороши, ни плохи, и дело не в том, чтобы их заглушить,—их надо заставить служить общечеловеческому благу, подчинить их руководству разума и воли, как все другие силы природы,—и в этом заключается первоначальная азбука нравственности. Христианская мораль, возникшая в пресыщенном упадочном римском мире, именно вследствие этого, стремится к противоположному, к искоренению вообще всех плотских влечений. Но этот эксперимент не удается, и тогда католическая нравственность со стихийной силой превращается в безнравственную погоню за половыми наслаждениями.

Что касается умерщвления плоти, то святые дают нам удивительные примеры, которые и теперь проводятся в на-

ждание нашей молодежи. Еще в раннем христианстве встречались мастера морить себя голодом в угоду богу. Святой Евсевий питался только размягченными бобами, святой Ельпидий ел только по субботам и воскресеньям, а святой Иоанн дошел до того, что питался только евхаристией, претворенным телом Христа, т.-е. одной тонкой облаткой в день. Святой Макарий, мучимый сладострастием, внушенным демоном, отдал свое тело на съедение комарам в пустыне и изуродовал себя до неузнаваемости. Святой Аммоний прижигал себе отдельные части тела при каждой плотской мысли; про него говорили, что он весь был покрыт ожогами. Из этого можно заключить, какой пылкой фантазией он обладал. Руководясь теми же побуждениями, другой святой садился голым телом на муравейник. Святой Ульрих, правда, умывал лицо, но купался только три раза в год, по праздничным дням. Было еще одно средство—оскоплять себя, что практивалось и в первые времена христианства; дошло до того, что собор в Никее должен был принять против этого решительные меры. Знаменитый церковный мыслитель Ориген собственноручно оскопил себя. Но самую интересную и, несомненно, самую утонченную пытку придумал основатель монашеского ордена Роберт из Альбрисселя. Он не только проповедывал в публичных домах среди проституток, чтобы сделать их набожными, но, следуя обычаям того времени, голый спал между двумя нагими монахинями, «чтобы испытать силу своего духа». Наконец, еще удивительней подвиги «столпников»—христианских добродетельных глупцов, почитавших святого Симеона своим учителем. Когда ничто не помогало этому отшельнику,—ни веревка, ни голод, ни оскопление,—он решил построить жилище на столбе и поселился на высоте восемнадцати футов. Один из его подражателей, Симеон младший, будто бы, 68 лет сиднем просидел на таком приятном возвышении. Замечательно, что все эти странные мечтатели нравственности теперь еще служат предметом чванства для католической церкви. Очень влиятельный иезуит Канизий, наш современник, не советует восхищаться красотой какого-либо предмета, потому, что это опасно для души. Святой Алоизий из

Гонзаги, недавно умерший, которого и теперь еще ставят католической молодежи в пример целомудрия,—существует много союзов его имени,—был настолько целомудрен, что не мог вынести присутствия собственной матери в спальне и даже стеснялся смотреть на свои голые ноги. Каким нечистоплотным парнем, в точном смысле этого слова, должно-быть, был образец христианской добродетели! Какое поучение выносит отсюда наша молодежь, которой, наверное, и не снятся «подобные мысли» при виде собственной матери? Здесь мы ясно видим оборотную сторону медали, а именно, как умерщвление плоти превращается в усиленное половое возбуждение, которое в самой грязной форме обнаруживается именно по отношению к церковным овечкам женского пола. Верующие должны платиться не только деньгами...

Чем был для католической науки уже много раз упомянутый Фома Аквинский, тем для католической нравственности был святой Альфонс де-Лигвори. Он и теперь еще считается столпом морали. Альфонс де-Лигвори пользуется не только всенародной славой святого высшей марки, но торжественно провозглашен папой Пием IX всего только в 1871 году учителем церкви (doctor ecclesiae). Папа повелел принять сочинения Лигвори и его проповеди как основу для «наставления», руководства и «пропаганды». Что же за человек этот святой авторитет морали? Генерал ордена редемптористов и епископ Регенсбурга издал жизнеописание святого Альфонса Лигвори. Да будет мне разрешено кое-что процитировать из этого далеко не еретического источника: «Глубочайший мрак окутывал его душу, не только не давая ему возможности видеть свою чистую совесть, но заставляя Лигвори чувствовать, что он погружен в бездну грехов и проступков. Временами страх его усиливался до такой степени, что возникало опасение, как бы он не лишился рассудка,—до того он был безутешен и угнетен. Могучие искушения и сомнения мучили его душу. Он чувствовал себя попеременно во власти суеты, гордыни или сомнений. Часто им овладевали могущественные порывы неверия. Не было ни одного порока, который не соблазнял бы его, даже чувственность и плотские вожделения овладевали им, хотя

он, увядший и полумертвый, скорее походил на труп, чем на человека». «Мне 88 лет,—жаловался он однажды,—но во мне еще не погас огонь юности»...

Этому Альфонсу сатана являлся, конечно, во всех возможных видах. Он сам признавался, что, будучи епископом, давал аудиенции женщинам только в присутствии своего слуги. К старой женщине, сидевшей на конце длинной скамьи, он, сидя на другом конце скамьи, повернулся спиной. При миропомазании он никогда не касался щек девушек, а только их покрывала. Что за испорченная фантазия у этого христианина, какой гнилой спинной мозг был у него! Этот святой бичевал себя так сильно, что кровь лилась, как из зарезанного теленка, и раз так поранил мускул бедра, что потом хромал. К тому же он носил покаянный пояс с острыми колючками. Ящик, наполненный бичами и орудиями пытки, всегда стоял под его кроватью. Он часто обедал, сидя на земле, окруженный собаками и кошками, с тяжелым камнем на шее. Этот старый беспутный сластолюбец,—другого выражения, более дипломатического у меня, к сожалению, нет в распоряжении,—наполнил своими сочинениями 42 толстых тома и теперь еще вполне признанных католических нравственных наставлений. Посмотрим, каковы они. Мы не обращаем здесь внимания—это завело бы нас слишком далеко—на его учение о пробабилизме (о нравственной вероятности), о формализме, одобряющем двусмысленности, изворотливость и ханжество. В виду того, что Альфонс Лигвори, как девять десятых католических моралистов, занимался развратом и грешил,—что чрезвычайно знаменательно,—мы касаемся здесь только половой нравственности Лигвори. Насколько неприлично и безнравственно направление мыслей Лигвори (книги его написаны по-латыни и предназначены только для священников, так что набожная публика никогда не могла знать, что таится в них), доказывают следующие выдержки из его учения, выхваченные наудачу из толстого самоучителя порнографии, носящего название христианской морали: «Супружеское сожительство в церкви, с духов-

ной точки зрения,—святотатство, за исключением того случая, когда супругам угрожает опасность невоздержанности, или когда они долгое время (от 10 до 20 дней) были заперты». «В чем грех соития с мертвой женой? Это, собственно, не соитие и не скотоложство, а рукоблудие, вызванное влечением к соитию». «Рассматривать грудь, руки и ноги женщины, если это не очень продолжительно, не большой грех. Мужчине, который в течение долгого времени рассматривает изображение голой женщины, я могу с трудом простить этот смертный грех, и только в том случае, если это происходило на очень короткое время и на большом расстоянии». «Должны ли жених и невеста радоваться по поводу будущего супружеского совокупления? Нет. Но жениху разрешается стремиться к будущим брачным наслаждениям». Больше двух страниц своего сочинения Лигвори посвящает только тому вопросу, какое положение тела разрешено во время супружеских сношений, и, после того как он до тонкости расследовал всевозможные положения, он приходит к заключению, что «даже еще более неприличное положение тел не составляет тяжелого греха». «Смертный ли это грех, если муж сует жене член в рот? Иезуит Санхец и другие утверждают, что нет. Правильнее было бы ответить утвердительно, так как теплота рта может вызвать опасность истечения семени. Но если муж совершает это действие слегка и с целью вызвать возбуждение для естественного соития, то многие это извиняют». «Должна ли изнасилованная девушка, чтобы избежать зачатия, удалить мужское семя. Некоторые дают утвердительный ответ. Правильнее будет дать ответ отрицательный, потому что, раз семя вошло в материнское лоно, оно должно спокойно остаться в нем, а удаляя его, женщина совершает грех против рода человеческого. Но я добавляю, что изнасилованная девушка должна так повернуться, чтобы прервать соитие, даже если при этом мужское семя потеряется». «Обязана ли женщина, выходящая замуж и обладающая узким влагалищем, дать себя оперировать, чтобы не заболеть и сделаться способной к исполнению супруже-

ских обязанностей? Одни говорят обязана, другие—нет, третьи решают утвердительно только в том случае, если операция не грозит ни смертью, ни тяжелой болезнью»...

Такой характер имеют все произведения Лигвори. Нечистоплотная фантазия самой худшей и грязной литературы бродячего торговца книгами не может быть грязнее. Теперь внимайте, девушки-работницы! «Обязан ли мужчина, обольстивший девушку обещанием жениться на ней, исполнить обещание? Многие отвечают весьма гадательно. Нет, потому, что различие их положения и состояния служит достаточным основанием для сомнения в искренности обещания. Если, несмотря на это, девушка не сомневается в обещании жениться, тем хуже для нее. Мужчина в этом случае не несет ответственности, если даже он клялся, потому что клятва обязывает только в случае ее совпадения с собственным намерением приносящего ее». Не для того, чтобы вполне исчерпать всю порнографию, но чтобы показать особенно удивительные штрихи из половой жизни, любимой темы католических нравственных поучений, прибавлю следующее: «Если у женщин разрез платья так велик, что видны груди, то это смертный грех. Если же разрез позволяет видеть только верхнюю часть груди, хотя бы довольно большую, то введение такой моды—большой грех; но подражание уже существующей моде не составляет греха, потому что вид, к которому привыкаешь, меньше возбуждает страсти». В самом деле, и теперь еще духовные лица понимают толк в таких глубокомысленных вопросах, как, например, величина декольте у дочерей набожных дворян-католиков при вывозе их на придворный бал. Иезуит Лемкуль, «Theologia moralis» которого в большом ходу у католических священников и исповедников, поучает: «Девочки, которые слегка касаются маленьких мальчиков, не совершают никакого смертного греха, потому, что в детском возрасте опасность возникновения нечистых вожделений ничтожна. Но они должны остерегаться от преднамеренного и долгого прикосновения к таким мальчикам, которые начинают уже обращать на это внимание. Щекотать у детей половые органы составляет уже смертный грех». Но более

всего замечательно своей отвратительной грязью церковная мораль в так-называемой маммилярной теории (mammilla—женская грудь). Этим специальным выражением католическая теология нового времени обозначает «мировую проблему»: разрешено ли хватать за груди монахинь? Вопрос этот,—надо полагать, что духовные не безгрешны в этом отношении,—в течение целых десятилетий вызывал горячие диспуты среди духовенства. В 1744 году иезуит Бенци отрицал грех «маммилярной практики». Доминиканцы, наоборот, возражали ему. Бенци защищался тем, что книгу его одобряют многие теологи иезуитского ордена. В ответ на это доминиканец Конци написал два сочинения против маммилярной теории (буквально theoria mammillaris) и, кроме того, передал об этом происшествии инквизиции. Бенци был отлучен от исповеди, но следующий папа восстановил его в правах. Против папского приговора, как утверждает Гогенбрех, иезуиты подняли в печати самую гнусную полемику.

Эта католическая теория и практика половой грязи осталась бы, в конце-концов, частным делом тех, кто проповедует во имя Христа, если бы она, благодаря *тайной исповеди*, не сделалась также вопросом и общественной морали. Гогенбрех говорит по поводу тайной исповеди следующее: «Немногие католики ограничиваются одной исповедью в год, как положено церковью. Большинство исповедуется семь-восемь раз в году. Миллионы исповедываются ежемесячно, еженедельно, ежедневно. Исповедальни католических церквей никогда не остаются пустыми, а в некоторых случаях они днем и ночью полны народу». Во время исповеди исповедующийся должен припомнить свои грехи, высказать их и раскаяться. В этом деле исповедующемуся помогает сочиненное священниками и в каждом католическом молитвеннике отпечатанное «Зеркало исповеди», т.-е. точный перечень всевозможных грехов. И теперь еще находится в употреблении «Зеркало» иезуита Эскобара, из которого мы приведем следующие места, касающиеся супругов (их достаточно для того, чтобы составить определенное заключение): «Я совершил соитие противоестественно либо тем, что употребил

неестественное место для выбрасывания семени, либо выпустил семя мимо. Я при соитии изменила положение тела, сильно рискуя убить семя. Я спала с мужем и думала о любовнике. Не обращая внимания на намерение супруги принять причастие, я накануне провел с нею ночь. Я совершил соитие в освященном месте». Из этих и подобных им моральных образчиков каждое духовное чадо может сделать любой выбор.

Особенно темные стороны католической морали обнаруживаются вследствие доступной соллицитации (соблазна на исповеди). Под этим словом подразумевается побуждение к разврату, которое получает на исповеди духовное чадо от исповедника. Одно существование и употребление этого технического специального выражения (соллицитация) достаточно доказывает, как исповедь употребляется для таких грязных целей. При совершившемся соблазне духовное чадо должно, собственно, в случае наказания за грех, донести епископу на развратного духовника. Но как католические попы считаются с этим приказом папы, доказывает данное им моральное официальное указание: «Духовное чадо соблазняет духовника на соитие. Он сопротивляется и ограничивается только (!) прикосновением. На него донести нельзя, потому, что он не возбуждает, а только уступает возбуждению духовного чада».

Какого рода благодеяния приносит и теперь еще это церковное культурное учреждение, показывает появившаяся несколько лет назад брошюра редактора ашаффенбургской газеты Матеса, озаглавленная: «Как исповедываются дети».

Эта обвинительная брошюра была, по доносу духовенства, конфискована, но затем опять разрешена, потому что Матес привел в своих показаниях достоверные факты. Он дает следующее изображение исповеди маленькой девочки у духовника какого-то ордена. Маленькая Берта исповедывается в первый раз. После опроса о нарушении каждой заповеди в отдельности духовник спрашивает ее о шестой: «Тебе случалось играть с мальчиками?»—«Да, часто».—«Прикасалась ли ты к ним?»—«Да».—«Они к тебе также?»—«Да».—«Конечно, чтоб сделать гадость?»— Но нет же, нет.

Мы гонялись друг за другом, играли в прятки и в другие игры».—«Не лги, я видел, как мальчики щупали тебя».— «Да нет же, нет».—«Сама себя ты щупала?»—«Да нет, не так, как вы опять думаете».—«Наверное, ты это делала, я знаю, что ты к себе притрогивалась».—«Но нет же, нет».— «Скажешь ты сейчас—да? Хочешь ты сейчас сказать: да? Ну, скоро ли? Что это значит?». При этом духовник сильно ударял по решетке исповедальни, отделяющей его от духовного чада... И уста девочки жалобно прошептали: «Да».— «Рукой, своей рукой?». Опять девочка молчала. Тогда его преподобие снова начал стучать, и ребенок тихо сказал. «Рукой». Его преподобие остался этим доволен. Так продолжалось в том же духе: «Скажи, с собакой ты тоже так возилась?». И так далее, и так далее. Если это не чудовищный садизм и не систематическое развращение детей, то человеческий язык должен вообще отказаться от способности что-нибудь объяснять.

«Народу нужна религия». Что понимать под религией? Если бы народу прививали учение китайца Конфуция, то с ним, по крайней мере, не были бы связаны такое массовое отупение и моральная зараза, как это происходит от «истинной веры» и правил нравственности организованного церковного христианства. А мы, ведь, живем в век дирижаблей, в союзе народов и даже, как красиво говорят, в век ребенка.

Спириты, адвентисты и апостолы светопреставления.

Америка—родина современного спиритизма.—Стучащий дух мистера Фокса.—Столоверчение.—Призрак во фланелевых панталонах и корсете.—Фотография духа и отпечатки ног духов.—Профессора университета с рогами.—Волшебный жезл.—Пророческие сны.—Лунатики на кровельном жолобе.—Что такое медиум?—Можно ли беседовать со своей покойной прабабушкой?—Искусство чтения мыслей.—Предчувствия, галлюцинации и ясновидение.—Распятая во имя Христа.—Американский экспорт сект.—Сексуализм святых.—Вера в светопреставление не умирает.

Чем больше современный человек освобождается от церковного духа и учения о духах, тем более торопится он перейти в объятия светского (нецерковного) мира призраков, где продувные дельцы вместо облачений и посохов носят фраки и пенснэ. В этом заключается единственное и не очень существенное различие между верой в чертей и демонов и спиритическим безумием XIX и XX столетий. Сплоченная масса так-называемых «образованных», правда, теперь больше не бегает за чертями и чертенятами, архангелами и ангелами вокруг проповеднического кресла, зато теперь они заговорили о медиумах, теософах, видениях и беседах с духами давно умерших прабабушек. Гениальный драматург Шекспир сказал: «Много есть на свете такого, что не снилось нашим мудрецам». Этой фразой пользуются для оправдания спиритических бредней, для выгоды собственного кармана. Когда, благодаря научному прогрессу, благодаря телескопу и микроскопу, стала меркнуть религиозная церковная вера народов, из «нового света», из американского континента, из страны холодных, практических деловых людей были занесены в последнее время—и это знаменательно для процесса развития—в Европу современные

духи, привидения и призраки. Первый духовидец, который стал известен в средине прошлого столетия, Эндрью Джексон Дэвис—сын спившегося сапожника. Его философия духа, изложенная в шести толстых томах, основана на собственных «видениях» и «явлениях» (материализации). Число его приверженцев в Америке насчитывается десятками тысяч. Кто начинает перелистывать эту спиритическую дребедень, наталкивается на каждой странице на грубое искажение науки. Влиянию духовидца Дэвиса на публику способствовало то обстоятельство, что он, как сын сапожника, хорошо понимал человеческую нужду и социальные бедствия и, хотя на свой лад, обещал помощь. Но Дэвис—только ничтожный пионер. Как только в 1845 году вышла его первая книга о призраках, в Америке начали являться призраки. Возникла опасность массового умственного заболевания человечества. Европа обо всем этом тогда еще ничего не знала, за исключением очень тесного круга людей со взвинченными нервами, число которых можно сосчитать по пальцам. Вот характерный случай. В маленькой деревне Идесвилль (Северная Америка) некто был разбужен стуком, между тем как никого у дверей не было. Вскоре после этого по лицу дочери этого человека прошлась холодная рука, отчего девочка проснулась с пронзительным криком. Проповедник излюбленной тогда секты методистов, мистер Фокс, переехал в этот дом. Разумеется, теперь только начался настоящий стук.

Стучащий дух вел нескончаемые разговоры с таким знаменитым специалистом и знатоком небесных дел, каким представил себя ему правоверный глава методистов. Посредством выстукивания, дух сообщил, что он—купец, живший раньше в этом доме и зверски убитый. Действительно, позже будто бы нашли в погребе этого дома нижнюю челюсть и несколько волос, хотя окончательно нельзя было установить их происхождение от человека; с такою же вероятностью могла бы здесь увековечиться кость теленка, мягкие части которой давно пошли в пищу. Когда знаменитый Фокс выехал из этого дома, он, конечно, забрал с собою и стучащего духа, который, между прочим, оказался

для него весьма прибыльным делом. Происходило постоянное постукивание в различных домах, где он поселялся, главным образом, в столах, вокруг которых садились многочисленные посетители. Потом и столы пришли в движение; они начали «вертеться». Губная гармоника, висевшая в комнате, начала сама собой играть.

В конце-концов,—где падаль, там водятся коршуны... и конкуренты,—все это начало совершаться без участия Фокса. Современный *спиритизм* возник и катился, подобно эпидемии гриппа, по всему культурному миру. Характер американских сект в высшей степени способствовал этому движению. Издавна в Америке старые фанатики обоего пола обыкновенно собирались вокруг библии и евангелия, в противоположность европейским церковным пронырам, свято веря во все, что написано в библии. В Германии новый американский спиритический промысел натолкнулся на остатки старой духовной культуры, на так-называемых «пневматологов», последователей шведского философа «духа» и ясновидца Сведенборга; пневматологические кружки состояли большей частью из так-называемой академической интеллигенции, которая верила в «оккультные» (таинственные, сверхчувственные) явления сомнамбулизма, лунатизма и ясновидения. Столоверчение, в сравнении с этими бледными и старыми фокусами духа, было новинкой и, как более осязательное, производило значительно большее впечатление на толпу. Америка понимает толк и в подобных делах. Вполне понятно, что с этого времени немецкие спириты повели дело совершенно иначе. К тому же, американский спиритизм, благодаря своему основателю Фоксу, опять проникся религиозностью и стал проповедывать толпе, что все духи могут сделаться блаженными.

Вечные загробные мучения, согласно христианскому учению и верованиям религиозных людей, уже давно перестали согласовываться с гуманными взглядами эпохи естественных наук. Спиритическое направление пошло, таким образом, навстречу новым моральным потребностям народа. Уже давно почти ни один протестанский проповедник не решается больше проповедывать, из боязни потерять свою

паству, настоящий вечный ад с огнем и сковородкой, особенно среди более развитого слоя населения. Он умалчивает об этом, хотя тем очевидней проявляет себя положительным противником библии. Спиритизм утверждает, что все духи, злые и чистые, хоть раз должны странствовать. Есть люди, которые не могут жить без авторитета, без веры в «откровение». Библия была для них раньше тем, чем теперь стал стучащий комод. С течением времени спиритизм выработал целую систему. Прежде всего, спириты создали спиритическую азбуку: один удар означает А, два удара—Б и т. д. Начали различать речь и письма медиумов: медиумами считаются лица, которые имеют общение с духами и возвещают их появление. Медиум должен приходить в «транс», в экстаз, действительный или притворный, одним словом, в ненормальное состояние духа. Существуют некоторые излюбленные и особенно ходкие технические приспособления для сношения с духом, например, «планшета»: это столик на трехножках; одна из них снабжена карандашом и может писать, если положить листок бумаги под стол. Бывает, что воспроизводятся даже фотографии духов. Удалось запечатлеть на светочувствительной пластинке некоторых граждан, будто бы явившихся с того света.

Каким способом это удавалось, показал домашний обыск, произведенный в 1873 году парижской полицией у знаменитого фотографа духов Бугеля. У него нашли в кладовой куклы, завернутые в саваны, и множество наклеенных на картоны голов известных лиц, вырезанных из фотографий. Это, конечно, не помешало толпе впоследствии набрасываться на фотографии духов с благоговейным трепетом. От фотографирования духов, бросавших свои лучи на светочувствительную пластинку, до открытого странствования призраков, до «материализации» (воплощения)—только один шаг. Самым знаменитым духом был Катекинг, которого великий медиум Флоренс Кук, дрессировал на свободе и возил с собой, и который всегда утверждал, что он—дух придворной дамы королевы Анны. Катекинг странствовал между зрителями, пока медиум Кук лежал в состоянии транса, естественно, в темном месте. Дух был несколько

раз позорно обличен: на одном спиритическом сеансе, в то время, когда дух показался во фланелевых панталонах и корсете, несколько смелых мужчин задержали его, и это оказался сам медиум Флоренс Кук. Факты не поколебали веры в духов. Спириты и приверженцы медиумов появились с тех пор в еще большем количестве. Начали даже,—это последнее приобретение спиритизма,—получать оттиски рук и ног от духов покойных прабабушек и, что самое главное, продавать их за большие деньги. Так происходило все это до самых последних дней. В каком положении находится в настоящее время этот массовый дурман, может судить каждый, знакомый с жизнью большого города.

Самая большая ответственность за это безумие ложится на тех ученых, которые в свое время без достойной критики отнеслись к шарлатанству и дошли даже до того, что дали научные наименования всем этим разновидностям шарлатанства. В этом отношении печальную роль сыграл профессор астрономии и физики в Лейпциге Фридрих Цельнер (ум. в 1882 г.). Он стал жертвой американца Слэда, который особенно хорошо умел подсовывать письма духов в закрытые книги и аспидные доски; достаточно было только положить туда карандаш или грифель. И Слэд тоже был изобличен. как обманщик: зоолог профессор Ланкестер, на сеансе в Лондоне в 1876 году, выхватил у него одну из досок и увидел, что она была исписана значительно раньше, чем были вообще цитированы слова духа. «Оккультивное» явление оказалось простым фокусом, состоявшим в своевременной подмене доски. Слэда присудили, по английскому закону против проходимцев, к трем месяцам тюремного заключения. Но это пошло ему только в прок: теперь только он сделался настоящим мучеником и, одновременно, европейской знаменитостью. Слэд с тех пор разглагольствовал и производил опыты по всему свету, перед тысячной толпой зрителей, и каждый раз за очень высокую входную плату. А ученый, который попался на удочку его фокуснических проделок, остался профессором Цельнером в Лейпциге, хотя и был отчислен от профессуры три года спустя после осуждения Слэда. Основательно, как настоящий немецкий

профессор, Цельнер построил на слэдовских фокусах целую философию и основал учение о «четырех протяженностях интеллигентной сущности», которое должно было объяснить все, что демонстрировал Слэд. То, что он вместе с Слэдом пережил из «другого мира», он описал в своем «научном сочинении», названном специалистами спиритизма самым ценным трудом, какой только вообще можно дать в этой области. О самом главном, т.-е. о побочных манипуляциях, производимых Слэдом при опытах, которые отклоняли внимание наблюдателя, Цельнер упоминает только в двух строках, в то время как на многих страницах он глубоко возмущается теми, кто не верит в чудеса его любимца. Из всех опытов Цельнера—Слэда самым главным был фокус с запечатанным узлом двух концов шнурка, который Слэд умел развязать, потому что этот опыт лучше всего, по мнению Цельнера, доказывал существование четырех протяженностей духа. Цельнер не утверждал, что Слэд тотчас умеет развязать узел. Он должен признаться, что этот опыт большею частью сначала не удавался, до четвертого или пятого опыта и с новым шнурком. Куда девались старые, негодные шнурки,—а это и есть самое главное «побочное обстоятельство»,—об этом Цельнер не говорит ни слова.

Насколько упомянутый нами нашумевший дух Катекинга был похож на живого, доказывается заявлением серьезно относящегося к делу спирита Крукса: он щупал пульс духа, исследовал его дыхание, отрезал локон и убедился, что волосы у него на голове действительно растут. Раз он даже поцеловал его после ясно выраженного разрешения. При этом Крукс пришел к убеждению, как сам он в том признался, что дух—женщина, и такая же телесная, как медиум Флоренса. Позже другие присутствующие говорили, что имели возможность ощущать сквозь тонкую ткань теплоту тела. Во всяком случае, ясно, что этот знаменитейший из материализованных духов, дух медиума Флоренса Кука, лежащего в состоянии транса всегда в темном месте, отделенного от зрителей тонкой драпировкой, мог быть только грубым шантажом, при чем Флоренс сам играл роль духа. Но в этой комедии маленький Флоренс должен был

по временам уступать место другому, обладающему большей телесной красотой. В смысле так-называемых «физических манифестаций», в роде слэдовских, фокусы Эвзации Паладино, бедной итальянской крестьянки, были более значительны. Она умела, не дотрагиваясь, приводить в движение чашу от весов для писем. В ее присутствии во время сеансов самостоятельно поднималась портьера позади публики. Маленький столик прохаживался прыжками по комнате; бутылка, стоящая на нем, поднималась вверх невидимой рукой. При этом положение рук и ног Паладино проверялось присутствующими, клавшими на них свои руки. Английское научное общество физических изысканий в 1895 году экстренно пригласило Эвзацию в Англию, где в Кембридже было произведено двадцать сеансов. И в данном случае, конечно, «все от начала до конца оказалось обманом», хотя и здесь, так же как и в случае со Слэдом, попался на удочку муж науки, французский астроном Фламмарион. Немецкий ученый д-р Моль очень хорошо объяснил, каким образом Эвзация увернулась от контроля присутствующих. На заседании ее левая рука лежала в правой руке соседа слева; ее правая рука, лежавшая под столом на ее коленях, крепко была сжата левой рукой правого соседа. Ловким маневром отвлекая внимание, медиум соединяла вместе крепко сжимавшие ее руки своих соседей; вначале они только касались ее руки, потом она клала руки соседей одну на другую, а свою руки ловко и быстро вынимала, так что оба ее соседа, державшие раньше ее руки, думали, что продолжают их держать все время. Вообще, это фокус, который может быть воспроизведен в каждом посредственном варьетэ. Если спиритические представления Флоренса, Слэда и Эвзации составляли событие в спиритическом мире, в свое время вызывали крайнее удивление и вызвали в свет многотомную литературу по этому предмету, и если, с другой стороны, все эти великие спиритические события были изобличены и оказались самым жалким и грубым обманом, то можно приблизительно представить себе, что предлагается публике в менее знаменитых сеансах и в тех случаях, когда присутствующие так же

неспособны разобраться в проделках медиума, как не могут проследить ловкости странствующего фокусника из варьетэ. К тому же здесь происходит на каждом шагу более грубый обман, чем в тех трех «знаменитых» случаях. Здесь, естественно, захватывается обширная область воображения, пробуждается религиозная вера, обманчивые видения—одним словом, происходит в буквальном смысле затмение мозга.

Чтобы понять «оккультные» (таинственно-сверхчувственные) явления, в тех случаях, где нет простого обмана, всегда нужно заранее иметь в виду, до какой степени наши органы чувств способны обманываться в восприятиях впечатления. Каждый может в любое время произвести так называемый «оптический обман»: например, нашему глазу белый предмет кажется больше темного одной с ним величины, худощавый, стройный молодой человек кажется всегда выше толстого, коренастого человека того же самого роста. В ясную ночь светлая часть полумесяца кажется всегда больше, чем вторая темная половина. Обману чувств легче всего поддаются, хотя мы к ним питаем такое доверие, что, желая кого-нибудь убедить в несомненности факта, говорим: «Это ясно чувствуется». Ощущение давления и холода испытывается долго после того, как давление прекратилось. На этом основан очень простой фокус каждого обыкновенного фокусника: он кладет монету на руку и придавливает ее, после чего предлагает закрыть руку; после этого монеты в руке не оказывается. Фокусник еще раньше, чем закрыл руку, взял монету обратно. Ощущение давления продолжается, и нам все кажется, что монета у нас в руке. Такие ошибки в наблюдениях в большом масштабе встречаются в сказках о морских змеях, кометах, словом, во многих описаниях чудесных явлений природы.

Другой существенный момент, содействующий росту «оккультных» явлений, которые при ближайшем рассмотрении вовсе не оккультны, состоит в непроизвольных движениях, совершаемых человеком; эти движения могут быть вызваны душевными волнениями и сильным сосредоточением внимания. Люди дрожат помимо воли от нетерпения или страха. Во время экзаменов голос экзаменующегося дро-

жит. На этом основана вся тайна *волшебной палочки*, которая и теперь еще составляет прибыльное дело для владеющего ей. Прежде с ее помощью пытались даже откапывать металлы под землей, например, золото, которое где-нибудь закопали грабители, с ее помощью отискивали даже воров или убийц. Когда во Франции 200 лет назад появилась волшебная палочка, первым ее делом было отыскание вора, который был казнен; как потом оказалось, произошла, по-видимому, страшная судебная ошибка: человек был осужден невинно. В настоящее время при помощи волшебной палочки ищут только воду и источники под землей. Искатель воды—это в большинстве случаев человек, который уже сотни раз посредством ивовой ветки искал воду; он по опыту приблизительно быстро и верно определяет местность, где находится вода; он в некотором роде «чувствует», где под землей находится источник. Представление о воде вызывает у него всегда в том месте, где он чувствует присутствие воды, непроизвольное движение, при чем его руки судорожно сжимают палку, которая опускается на землю. Но насколько мало оккультна эта палка, и как мало общего у нее с «магнетизмом», показывает тот простой факт, что если бы эта самая палка не попала в руки человека, а была бы привязана к тачке и ее повезли бы по полю, она осталась бы в этом случае абсолютно спокойной; палка бы не согнулась, если бы даже вблизи находился прекраснейший источник. В спиритических сеансах кажущееся движение столика объясняется непроизвольными движениями сидящих вокруг него и держащих на нем руки с определенным ожиданием и представлением, что столик должен двинуться. Главная суть в том, что присутствующие концентрируют силу своего воображения и все свое внимание на мысли о движении, и что непроизвольные дрожательные движения рук не совпадают.

На этом самом свойстве основано всегда вызывающее тревожные чувства *чтение мыслей*, открытое в 1875 году американцем Брауном. Разумеется, отсюда нужно исключить те обыкновенные фокусы, где почти всегда два партнера, предварительно сговариваясь между собою, подают друг-дру-

гу условные знаки. Только путем движений головой, незаметно наклоняя ее влево или вправо, назад или вперед, можно получить целых четыре сигнала; если проделывать глазами те же движения, получится еще четыре сигнала, притом имеются еще руки, с помощью которых можно подавать бесчисленное множество сигналов ручной азбуки. При настоящем чтении мыслей, не с помощью фокусов, нужно наловчиться в распознавании непроизвольных человеческих движений. Кто сильно задумается над каким-нибудь словом, должен его непроизвольно произнесть. Чем живее человек, тем яснее звучит слово. Дети при чтении обыкновенно шевелят губами. В зале, где производятся опыты, ставятся большие вогнутые зеркала, которые усиливают каждый звук, даже самый незаметный, и эти зеркала показали, что даже взрослые, думая о чем-нибудь, непременно должны делать кое-какие непроизвольные, хотя очень незаметные движения ртом, которые, резонируясь зеркалом до высоты шопота, могут быть услышаны. Вместе с тем, опыты с чтением мыслей ведут в обширную область сна и сновидений, внушения и гипноза.

Во время сна всякая духовная и телесная деятельность обыкновенно понижена, в зависимости, конечно, от характера глубокого или легкого сна. Понижена не только деятельность мышц, но также внимание, и вообще ослабевает реакция на всевозможные раздражения. Однако, сознательная жизнь до известной степени продолжается и во сне, и тем больше, чем легче сон. Такое особенное сознательное состояние во время сна называется *сновидением*. Каждому человеку что-нибудь снится: многие видят сны каждую ночь. Что снилось, забывается и дремлет в подсознании. Но если случайно происходит какое-нибудь событие, которое имеет какое-либо сходство с одним из многих тысяч сновидений, давно вами забытых, этот сон опять вспоминается, он выплывает из вашего подсознания, и некультурный человек придает ему пророческую силу.

Надо заметить при этом, что можно тысячу раз видеть сны, и, если только позднейшие события не имеют никакого отношения ни к одному из ваших снов, они и не вспомнятся.

Обыкновенно человек переживает сны недеятельно, пассивно. Но яркие сны могут, несомненно, вызвать движения. Дети и молодые люди часто говорят во сне под впечатлением раздражающего их сновидения. Доходит до того, что человек во сне видит себя в определенном положении и, вследствие сознания своего положения, делает соответственные движения в действительности. Так, например, у взрослых почти исключительно в случаях ранения мозга или тяжелого нервного расстройства, развивается *лунатизм*. Большая уверенность, с какой лунатик бродит, не должна казаться удивительной, хотя ангелы его не оберегают. Само собой разумеется, что каждый может вполне уверенно ходить по чердачному желобу, если он находится на земле; бодрствующий человек не отважится ходить по крыше только потому, что его будет пугать сознание высоты. У спящего лунатика отсутствует именно это сознание высоты. Лунатик видит себя во всех возможных положениях, только не на гребне крыши или на платяном шкапу. Отсюда его уверенность. Однако, бывали случаи, когда лунатики имели несчастие падать. Старые басни обыкновенно связывают лунатизм с полнолунием. В действительности, влияние лунной ночи на лунатиков можно объяснить тем, что резкий лунный свет раздражает зрительные нервы спящего, потому что наши веки не вполне непроницаемы для света. Раздражение зрительного нерва вызывает очень яркие сновидения, дающие повод к лунатизму.

Во время естественного сна, как мы выше заметили, внимание и реакция на раздражения очень ограничены. Но бывают случаи, когда сон можно вызвать искусственно; в этом случае говорят о гипнозе, в связи с *внушением*. Можно кому-нибудь «внушить» сон, т.-е. искусственно его вызвать. Даже пример действует снотворно. Каждому известны случаи, когда стоит только одному зевнуть на научном докладе, и в ту же минуту начинают зевать сотни других. Люди с сильной волей могут по своему произволу вызвать сон у людей со слабой волей. Внимание при гипнотическом сне точно также, как при естественном, несколько ограничено. но разница в том, что по отношению к гипнотизеру оно

остается в полной силе. Наоборот, в виду того, что другие раздражения, кроме тех, которые исходят от гипнотизера, на гипнотизируемого не действуют и не отвлекают его внимания в сторону, внимание его с особенной остротой концентрируется на гипнотизере. Он слышит и видит в нем то, чего другой, находящийся в бодрствующем состоянии, совсем бы не заметил. Если гипнотизер при представлении о каком-нибудь предмете делает, положим, непроизвольные движения губами, то они остаются почти незаметными для всех остальных присутствующих, но гипнотизируемый, медиум, в состоянии их заметить вследствие односторонне направленного внимания. И в этом вся тайна чтения мыслей. О каком-нибудь человеческом магнетизме или других подобных понятиях, здесь не может быть и речи.

Только в последнее десятилетие начали основательно исследовать внушение и его значение. Внимание каждого человека можно рассматривать с двух сторон: с внешней, непроизвольной, со стороны впечатления на органы чувств, или с внутренней—посредством мышления, сознания. Примитивный человек и ребенок отдаются только внешним впечатлениям, приковывающим их внимание. Ребенок плачет, например, до тех пор, пока не устанет или пока не получит нового впечатления извне, которое привлекает его внимание к чему-нибудь другому, хотя бы к предложенному ему куску шоколада. Чем меньше человек способен произвольно сосредоточивать свое внимание на чем-нибудь, тем больше он поддается внешним впечатлениям и представлениям, а также импульсам, от него не зависящим, но исходящим от чего-нибудь постороннего. И тогда именно он способен подчиниться внушению. Непроизвольное сосредоточение внимания, таким образом, может быть вызвано другим человеком или явлениями природы. Ниагарский водопад в Америке с его низвергающимся потоком воды действует на женщин так сильно, что, по единодушным показаниям посетителей, их приходится насильно удерживать, чтобы они не прыгнули вниз. Любовь, уважение, страх могут значительно усилить склонность к внушению, исходящему от другого человека. Давно известно, что можно у себя самого концентрированием

внимания—здесь говорится о самовнушении—или другими внешними влияниями вызвать не только неясные представления, но зрительные и звуковые образы (галлюцинации). По мнению знаменитого исследователя оккультизма датчанина Лемана, образы, видимые духовными очами, яснее в тех галлюцинациях, которые вызываются посторонними внушениями или самовнушением, но отнюдь не в случаях грубого обмана. Если человек верит в духов и ожидает их появления к определенному моменту, то, благодаря вере и силе воображения, он в данный момент действительно видит призрак духа. Сибирский шаман, проделывающий дикие движения танца, постоянно видит души людей и животных в своем возбужденном состоянии. Верящие, что шаманы одержимы духами, замечают часто синий дым, исходящий будто бы от него. Это считается знаком, что дух его оставил. Откровенно говоря, подобные явления происходят и на спиритических сеансах. Люди только тогда видят духов, когда сознательно или бессознательно внушили себе, что духи должны находиться в комнате. В средние прошлого века нервные люди или страдающие падучей болезнью считались «одержимыми бесом». Многие средневековые писатели прямо утверждали, что при изгнании чертей видели их выходящими из одержимых. И потому на всех картинах, изображающих изгнание чертей, нарисованы убегающие чертенята. В настоящее время лечение «одержимых» перешло из рук священников к психиатрам, к специалистам по душевным болезням. Но почему они не видят убегающих чертей при лечении бедных больных? Здесь один ответ: их не видят потому, что их нет. Кто верит и ждет их появления, может увидеть их только в своем воображении. В галлюцинациях можно видеть и слышать не только лица и звуки, но даже зрелища и воспоминания. Несчастная судьба ведьм со всеми сопутствующими ужасами объясняется, прежде всего, тем, что набожные писатели и христианские проповедники внушали народу веру в существование ведьм. Известно даже, что внушение может идти дальше, может заставить совершать ряд поступков. Это происходит почти ежедневно, хотя и не всегда в такой наглядной форме, как при произвольном внуше-

ник. Идет, например, кто-нибудь по льду; мы, следуя вплотную позади его и внимательно его наблюдая, замечаем, что он поскользнулся и чуть не упал; мы невольно подражаем ему в его движениях, хотя под нашими ногами и нет льда. Если мать, проходя в сопровождении своего ребенка по грязной улице, поднимает платье, то ребенок тоже поднимает свое коротенькое платьице. Хороший врач может внушением добиться даже органического изменения в человеческом теле. Происшествие, о котором рассказывает известный врач князь Гогенлоэ, служит для этого великолепной иллюстрацией. Один крестьянин пожаловался ему на паралич языка. Гогенлоэ, желая измерить температуру под парализованным органом, положил ему под язык термометр. Крестьянин вообразил, что инструмент вложен для операции языка. Когда доктор вынул термометр, крестьянин упал на колени и вскрикнул громким голосом: «Слава богу, я опять здоров, я могу опять говорить». Все это могло происходить не один десяток раз в каких-нибудь местах чудес, как в Лурдо или Кевелааре, и было приписано «чуду святой девы». Конечно, достижение органических изменений посредством внушения все еще очень ограничено: кто, например, с одной ногой приезжает в Кевелаар, не получит там второй ноги, как бы сильно он ни верил в могущество святой девы. Посредством внушения, т.-е. произвольного фиксирования внимания, можно скорее всего вызвать сон, т.-е. упомянутый гипноз, причем безразлично, происходит ли он от гипнотизирования другим лицом или от самогипноза. Самогипноз, конечно, играл большую роль в процессах ведьм при так-называемом maleficium taciturnitatis, «заколдованном молчании». Часто случалось, что ведьма оставалась нечувствительной к самым мучительным пыткам; из желания освободиться от них, невыносимо мучаясь, объятая ужасом, ведьма погружалась в сон, ничего общего не имеющий с обыкновенным обмороком: она могла отвечать на заданные вопросы, но не испытывала никакой боли. Состояние транса спиритических медиумов — тоже самогипноз, самостоятельно вызванный сон, т.-е. исключение всех внешних раздражений и полное сосредоточение внимания на ожидаемом от медиума явлении. Но нуж-

но подробно распространяться о том, что при подобных условиях возникновения представлений могут появиться галлюцинации, т.-е. ясно очерченные зрительные образы, и в особенности образы духов. Самовнушение медиума передается, как постороннее внушение, присутствующим, и они также начинают видеть в галлюцинациях то, что было только предметом фантазии и односторонне фиксированной силы воображения медиума. Всевозможного рода россказни медиума о мертвых и т. д., основаны только на простом чтении мыслей, если нет, конечно, грубого обмана. Присутствующие знают многое об умерших, думают о них, мысли их обычно, помимо воли, проявляются в движениях губ, и медиум в состоянии слышать этот шопот. Сила влияния внушения уже давно признается в народе, хотя без ясного понимания. Например, часто употребляются слова: «ядовитая речь» или «ядовитая книга». Внушением можно по-настоящему отравить всего человека. Настоящие яды, как опиум из мака, атропин из белены, гашиш из индийской конопли, по своему сильному действию на нервную систему сходны с внушением. Недаром жрица Аполлона сидела над горячими парами, а католический священник размахивает своим кадилом с приторным и одуряющим запахом. Задача изучения нервной системы еще более осложняется наследственными или приобретенными нервными заболеваниями, например, истерией,— болезнью, причина которой еще неясна. Однако, известно, каким сильным припадкам экстаза подвержен организм настоящего истерика. Мировая война породила бесконечное количество этих достойных сожаления существ на вечную память «культурному миру». Наблюдаются самые дикие и странные положения тела, часто сопряженные с большой тратой сил. Можно видеть больных, стоящих на головах и руках, держащих в горизонтальном положении свое тело в воздухе в течение нескольких минут, наподобие насекомых. Понятно, что в средние века, как иногда и в настоящее время, подобные припадки рождали ребяческую веру в злых духов, которые будто бы вселялись в этих больных. Только при знакомстве со свойствами внушения, настоятельно требующем дальнейшего развития, все эти *предчувствия, пред-*

видения и *ясновидения* найдут себе объяснение, хотя не все с одинаковой ясностью. Если даже исключить 90 процентов всех людских россказней, которые не проверены и считаются вымышленными бабьими сказками, то все-таки остается над чем призадуматься и исследователю. В этом смысле интересно сообщение красавицы Елены фон-Раковиц, по поводу ее отношений к Фердинанду Лассалю, очень любимому, но оклеветанному первому вождю немецких рабочих. Елена рассказывает, что она на балу, вступая со своим родственником в зал, не оглядывая зал, одним только «чувством страха и блаженства» каждый раз знала, находится ее возлюбленный здесь или его нет. Далее, она говорит: «Но сопровождающий меня Гольтгоф, не зная еще об этом моем чувстве, отвечает мне с сердитой и насмешливой улыбкой: «Только, бога-ради, дитя, не затевайте этой нервной мистической истории; если вы хотите полагаться на предчувствия, то я вас тотчас отвезу домой». Тогда я вздрогнула,— необъяснимое чувство было во мне,—и невольно я сказала вполголоса и с дрожью: «Вот он идет». Гольтгоф оглянулся, почти досадуя, что я права, и удивленный моим состоянием, сказал: «Действительно, вы правы, вот он идет»... От предчувствия галлюцинации отличаются тем, что основаны на ощущениях органов чувств—зрения и слуха. В этом их преимущество перед предчувствием. Чаще всего происходят галлюцинации зрения, и из них девять десятых всех случаев попадает на видения мужчин. От иллюзии галлюцинации опять-таки отличаются тем, что первые появляются без сильных внешних чувственных раздражений. Типическую форму галлюцинации приводит мальчик, описывая себя самого: «Я услышал звуки в коридоре, и, как только посмотрел туда, увидел человека в темном платье, стоящего перед дверьми. Я очень испугался и бросился в другую комнату, где мой отец, искавший меня, нашел меня лежащим на полу. У человека, которого я видел, были длинные волосы. Мне было тогда 11 лет. Я находился в очень нервном состоянии, но намеревался приготовить школьную работу. Образ этого человека, который мне явился, мучил меня во время работы. Я его знал, и незадолго перед тем видел его лежащим мерт-

вым в гробу». От галлюцинаций к «предвидению» и «ясновидению» опять только один шаг. Большею частью предвидят и предчувствуют смерть и пожар. Эти явления всегда происходили и предсказывались раньше пророками. В настоящее время особенным пророческим даром, будто бы, отличаются пастухи люнебургской равнины. Сколько сотен тысяч пророчеств и ясновидений не оправдывалось, и только немногие имеют кое-что за себя,—об этом среди верующих речи нет. Можно положительно согласиться с мнением датского профессора Лемана, который следующим образом объясняет неясные случаи проверенных предсказаний и ясновидения: «Так как в этих случаях нельзя найти естественной причины, если не допустить предварительных сведений галлюцинирующего о предстоящей смерти данного лица, то надо предположить неизвестную причину, именно телепатию (действие на расстоянии) между умершим и галлюцинирующим». Итак, чтение мыслей на далекое расстояние! Леман далее продолжает: «Все же возможно, что при таком важном событии, как смерть человека, проявляются вдруг такие силы, интенсивность (внутренняя сила) которых не дает возможности делать произвольные наблюдения для составления представления о передаче мыслей». И далее продолжает: «Если астроном предсказывает, что затмение луны наступит в определенный день в году, то он основывается на знании законов движения и на знании местоположения мирового тела в пространстве в данную минуту; тогда он может заключить, какое положение это тело примет в другое время. С подобной аналогией надо подойти к ясновидению; это значит, что надо узнать у ясновидящего, известно ли ему в настоящий момент о состоянии всего мира, а из этого вообще заключить, что может произойти в определенном месте в определенное время в будущем. Спиритизм, очевидно, не дает нам этих сведений, потому что спириты не приписывают духам умерших всеведения. Нельзя допустить, что ясновидящий получил от благосклонного духа телепатические указания. Поэтому приписывать человеку дар ясновидения—настоящая бессмыслица».

Массовая глупость в католицизме, как деспотическая систе-

ма, доходящая до глубокого презрения к человеку, играет ту же роль, какую самовнушение, доходящее до абсурда, играет в сектантском протестантизме. Горе разумной мысли! Чтобы она распространилась, всегда требуется много времени, но когда безумие бьет в глаза и противоречит разуму и опыту, оно в большинстве случаев воспринимается фанатически.

Секта отличается от церкви большей честностью; в этом нет сомнения. Сектантские христианские антимилитаристы в Англии предпочитают тюрьму поступкам, противоречащим их убеждениям. Американские квакеры, по христианскому принципу очень добродетельны. Сектанты заставляют делать посредством внушения то, к чему церковь и христианское государство принуждает насильно, часто употребляя террористические меры в силу собственной власти. В виду того, что церковь обладает слишком большим количеством печатных предписаний, ей постоянно приходится делать уступки рассудку и здравому человеческому смыслу,—иначе большинство ее членов взбунтуется. Чем слабее господствующая церковь, тем меньше «настоящие христиане», истинные исследователи библии, правильные последователи веры считаются с толпой новообращенных христиан или скептиков (сомневающихся). Если господствующая церковь совершенно распадается, то остается пестрая толпа фанатических сект. Протестантизм не мог развить такой рафинированной деспотической системы, какую создал католицизм; он передал свою организацию неустойчивой силе классового государства, с которым связал свою судьбу во время кризиса капиталистического государства; и поэтому протестантизм способствовал беспримерному умножению сект, между тем как католицизм в тот же период времени почти не был затронут сектантством. Среди большого числа безумий, связанных с жизнью сект, упоминаются вообще только бьющие в глаза факты, произвольно взятые из новейшей истории. К ним относятся факты из жизни «святой» Маргариты, имевшие место около ста лет назад. На своей родине, в Вильденбухе, «святая Грета», вооруженная всевозможными орудиями, в 1823 году начала воевать против сатаны, а также про-

пагандировать свои религиозные фантазии в окрестностях. Она объявила: «Чтобы Христос победил, должна течь кровь, никто не должен отказываться пролить свою кровь за Христа». В ее доме, где собиралось большое число почитателей ее веры, произошли отвратительные события. «Этим много тысяч душ спасется»,—сказала она сначала всем, ударяя себя в грудь и лоб. Затем святая ударила долотом по голове своего брата Каспара так сильно, что он чуть не упал в обморок. Ему не пришло даже в голову защищаться, а святая все время повторяла: «Видите, как из головы Каспара выходят рога чорта». На поставленный ею вопрос присутствующим, хотят ли они умереть за бедные души, прозвучало единодушное «да». Раньше всех должна была умереть сестра святой Елизавета. Она сначала ударила себя деревянным колупом по голове, затем легла поперек кровати и потребовала, чтобы пророчица ее убила. Это было немедленно исполнено после того, как святая торжественно обещала воскресить ее на третий день. Не произнеся ни одного звука, жертва секты дала себе размозжить голову железным клином и испустила дух от смертельного удара со словами: «Я отдаю свою жизнь за Христа». Еще ужаснее была смерть самой святой. Ее приятельница Киндиг после сильных ударов по голове и груди должна была бритвой сделать ей один кругообразный разрез на шее и один крестообразный на груди, затем она должна была распять святую. Для этой цели «святая Грета» легла на кусок дерева и дала себе вбивать гвозди в ноги, руки, локтевые суставы и в обе груди. Во время распятия она молила: «Боже, укрепи свою длань. Мне так невыразимо хорошо! Будь ты только силен, чтобы Христос победил». Когда она была уже распята, она потребовала вбить ей гвоздь в сердце или размозжить череп. Киндиг попробовала это сделать ножом, но он согнулся. Тогда святая пожелала, чтобы ее черепная крышка была раздроблена, что и было немедленно исполнено присутствующими...

Нечто подобное произошло незадолго перед тем в одной деревне в Австрии, где крестьяне повиновались фанатическому проповеднику Пешелю. Там жребий для распятия пал

на 17—18-летнюю девушку. Она убедительно просила предоставить ей испытать муки Христа. Но когда ей разрезали голову до мозга, она начала стонать; после этого ее окончательно убили. Эти сектанты были арестованы в то время, как они, молясь, ожидали воскресения, подобно Христу. Все эти события были записаны современником Г. С. Мейером большей частью на основании судебных протоколов.

Мечтательный дух новейшего времени получил совершенно неожиданный толчок к развитию в очаге возникновения сект—в Америке. Там нищета люмпен-пролетариата, выходцев из Европы, встретилась со строгим пуританством, непоколебимой верой в библию фермеров, давно переселившихся из Англии, со всевозможными иными религиозными воззрениями, которые Восток, буддизм и ламаизм, переносили в Америку. Здесь, в Америке, с одной стороны, грубо властвовал гигант-капитал с человеческими рабочими машинами, а с другой стороны, в свободной республике фермеров не было гнета государственной религии. И, таким образом, Америка начала вывозить в Европу секты вместе с хлопчатой бумагой и автомобилями. Все американские, главным образом, христианские, секты имеют им только свойственный характер: они очень хилиастичны, т.-е., мечтают о времени первобытного христианства, о приходе обещанного библией тысячелетнего царства. Может-быть, эта быстрая перемена местности, происшедшая от переселения европейских жителей казарм непосредственно в уединенные американские прерии или в ущелья лесистых гор, и воспитала пророков и визионеров (духовидцев). Одновременно из Америки в Европу шла волна современного спиритизма.

Из возникших в последнее время сект в Америке, самая сильная—*адвентисты*. Начало этой секте положил Вильям Миллер из штата Нью-Йорка. На рождество 1831 г. он вдруг заявил о божественном небесном знамении и решительно утверждал, что конец света наступит в марте 1843 г. Вокруг него вскоре сгруппировались целые легионы верующих, в особенности из штатов Нью-Йорка, Массачусетс и Мэн. Как адвентисты, т.-е. верующие в близкий конец мира (по-латыни adventus значит «пришествие»), они все оста-

вили и готовились к страшному суду, долженствующему наступить в марте 1843 года. Господь-бог дал им, очевидно, пережить этот месяц; но перед подобными препятствиями, как известно, верующие не отступают. Движение только приняло большие размеры. Утешали себя тем, что Миллер ошибся в сроке, и перенесли страшный суд на 22-е ноября 1844 г. Этот новый срок высчитали не по библии, а по еврейскому календарю. Но и 22-е ноября 1844 г. господь-бог, как известно, опять пропустил. Все это казалось несущественным. Адвентистское движение так сильно овладело настроением масс, что некоторые заболели неизлечимой душевной болезнью, отказывались от пищи, потому что воображали себя уже на небе. Ошибки в различных сроках страшного суда способствовали тому, что адвентисты впоследствии разделились на большое число подсект. В одной Америке перед последней войной насчитывалось свыше 65 тысяч этих своеобразных святых, а европейская конференция перед войной считала в одной общине 7.700 душ. Между тем, число адвентистских сект под всевозможными названиями, к которым относятся также и строгие последователи библии, в Германии, вероятно, удесятерилось, если не больше.

Существует еще одна американская секта—*баптисты*. Их осенила относительно разумная мысль перекрещенцев позднейшего средневекового периода, заключающаяся в том, что только взрослый человек имеет право осуществить свое желание принять или не принять христианство. Баптисты до войны имели многочисленные богатые и хорошо оборудованные общины, которые сохранили у себя некоторые коммунистические воспоминания из времен первоначального христианства и проводят эти религиозные идеи в жизнь. Особенное внимание привлекли к себе *мормоны* с озера Утах, главным образом, из-за многоженства, о котором циркулировали ужасные слухи. Кто только некоторым образом знаком с христианским коммунизмом первого столетия или с позднейшими еретическими движениями, знает,—и нет ничего в этом удивительного,—что каждая коммунистическая община должна была решать вопросы о личном хозяйстве, а также о переустройстве формы брака. Все христианские

коммунистические мечтатели средних веков более или менее расшатывали неподвижную форму принудительного брака, прибегая или к половому воздержанию, или к общности жен. Мормоны, должно-быть, более других сект на первом плане своего учения ставили многоженство, и потому должны были казаться особенно интересными просвещенной толпе города Берлина. Этому способствовал уголовный розыск. Постоянно сообщалось о высылке мормонов из Берлина, Дрездена, Лейпцига и т. д., где, будто бы, мужчины с озера Утах тащат честных белокурых немецких девушек в гарем своих пророков. Так плохо, должно-быть, не было, хотя не следует умалчивать о том, что некоторым мещанским девушкам, скучающим и жаждущим «кое-что» пережить, казалась очень заманчивой перспектива очутиться в американском гареме патриарха; с другой стороны, нельзя отрицать, что вообще сознательные или бессознательные половые эротические побуждения проявлялись во всех сектантских движениях. «Чувствовать себя невестой Христа» было и в мещанском лютеранстве чем-то, наполнявшим сладостной дрожью старых дев.

Есть даже такие исследователи, которые объясняют и доказывают, что без этого скрытого сексуализма (половое чувство) масс не может обойтись никакая из существующих сект нового времени. Поразительным примером служат «кенигсбергские святоши» первого десятилетия XIX столетия. Два духовных лица: архидиакон Эбель из Старогородской церкви и проповедник Дистель из Горбургской церкви, объявили себя пророками. Последователи набирались почти исключительно из общества феодалов—графини, баронессы, вдовы тайных советников, офицеры, был даже один еврейский профессор. Эбель самого себя торжественно назвал (поражались его глубокомыслием) «сыном человеческим». Находясь во главе своего царства, он имел трех жен: графиню Г.—«эмблему света», молодую дворянку—«эмблема мрака», наконец, собственную возлюбленную супругу—«эмблема объятия». Взаимная исповедь легла в основу отношений членов этого небесного царства. «Исповедь состояла,—рассказывает посвященный в это профессор Закс,—в описании гре-

хов полового характера». Если исповедь оказывалась неважной, т.-е. не очень пикантной, то это объяснялось христианским равнодушием, приверженностью к диаволу и т. д., и ложилось большим пятном на исповедывающегося, а потому все старались хоть из-под земли добыть себе грехов для исповеди. Далее употреблялся «серафимский поцелуй», который заключался в том, что мужчина и женщина очень нежно обнимались и касались друг-друга кончиками языков. Высшая степень христианского очищения достигалась на святых собраниях; главная процедура состояла в том, что женщины должны были обнажать перед пророком какую-нибудь часть тела, которая обыкновенно не показывается мужчинам. Сам святой Эбель приуготовил себе особенно тяжелый способ служения богу. Для лечения кожной болезни он посетил восточно-прусский морской курорт Теркитен. Практикующий там врач, который впоследствии был свидетелем на суде, застал его в женском отделении. Полуобнаженная дама выбежала навстречу и умоляла доктора не входить, так как святого будут мыть и купать. В самой «святой» ванне врачу представилось прелестное зрелище: десять или двенадцать голых женщин стояли по пояс в воде и с большим рвением «помогали» святому; чувство стыда они отвергали с негодованием. Во всяком случае, эта история секты кенигсбергского святоши не делает чести интеллигентности Эбеля, основывающего свой гарем таким библейски-дешевым способом. Но что сказать,—спрашивает здесь доктор Кеммерих,—о глупости или, если даже хотите, о безнравственности тех женщин, которые с готовностью отдавались пророку? А все-таки, насколько святой может импонировать, доказывается историей Иды Г., молодой, красивой и будто бы высоко образованной вдовы, которая продолжала почитать этого милого Эбеля, сына человеческого, долго спустя после того, как его осудил кенигсбергский суд; она пожертвовала ради него положением, состоянием, семьей и ухаживала за ним до конца его жизни (1861 г.). И при этом она не опустилась до обыкновенной любовницы: она верила, что в качестве «невесты Христа», в качестве слу-

жительницы божественно-вдохновенной любви, она имеет большие заслуги перед небом и людьми...

Даже в целомудренной Англии встречаются подобные случаи, может-быть, именно потому, что она целомудренна. Там был известный Генри Джон Прайнс, пророк одной настолько же ревностной, насколько противозаконной и бестолковой общины. Однажды он объявил, что «божественной силой возьмет молодую женщину себе в жены, возьмет он ее не со страхом и стыдом, в тайном месте и при закрытых дверях, а открыто, при свете дня и в присутствии всех святых обоего пола». И это свершилось. В основанном им «месте любви» он лишил невинности на общем собрании красивую девушку, по имени мисс Патерсон. Результат был таков, что, несмотря на угрозы государственной власти, последователи его еще теснее сгруппировались вокруг пылкого святого. И это—специфическое свойство всякой секты, а также всех спиритических шарлатанов: чем больше их разоблачают в обмане или в других проделках, тем сильнее их влияние.

Нехристианские сектанты, поклонники маздеизма, имели до войны во всех больших городах Германии собственные дома. Их пророком, о котором от времени до времени ходили слухи незадолго до войны, был доктор Ганиш; он утверждал, что ему 800 лет, и что он достиг возраста каменного дуба, благодаря вегетарианской пищи и песку, которым чистит желудок. Добрый человек попросту подогрел старое учение Заратустры для своих плутней и приобрел, благодаря ему, блестящее состояние. В конце-концов, обнаружилось, что это был типограф из саксонских Рудных гор, который тридцать лет назад переселился в Америку. Несмотря на это разоблачение, можно быть уверенным, что маздеистское движение еще и теперь имеет своих последователей. Жена сапожника Улюбрихт, из деревни близ Дрездена, хитрая и ловкая особа, основала в 1887 году секту на коммунистических началах, требовавшую полового воздержания и для состоящих в браке. Она выдавала себя за «посланницу Христа», на которую часто находило боже-

ственное вдохновение. В религиозном экстазе, она отдавала общине приказы доверить ей доходы и имущество. Некоторые действительно пожертвовали ей до 30 тысяч марок; но у одного возникло подозрение (замечательно, что как-раз это оказался крестьянин, понявший, куда плывут деньги), и он подал на нее в суд. Суд засадил ее в тюрьму на два года. По выходе из заключения она была приведена домой приверженцами с триумфом. Может-быть, и теперь еще существует эта секта...

Прежде всего, с наступлением *светопреставления* все основатели сект всегда устраивали свои личные дела и даже теперь еще продолжают извлекать большие доходы. Когда в 1912 году появилась комета Галлея, все приготовились в этот день к страшному суду. В Годесберге на Рейне образовалась секта, к которой принадлежал один профессор университета; сектанты страстно ждали дня, когда козлища отделятся от овец. Однажды владелица виллы возле Бонна хотела даже предстать перед судом, как особенно чистая христова невеста. Она пошла в ванную комнату и налила три литра соляной кислоты. Конечно, она получила такие сильные ожоги, что через три дня умерла в клинике в Бонне. Комментарии к этим случаям сектантского фанатизма излишни и могут только ослабить факты. Вся разгадка заключается в том, что на глупости религиозной людской массы всегда можно основывать самые выгодные дела. Кто найдет в любой книжной лавке какую-нибудь старую книжку, где говорится о будущем светопреставлении,—при чем всегда высказывается желание потопить Англию,—кто обманывает народную массу, уверяя ее, что находится в приятельских отношениях с господом-богом, кто доставляет старой деве библейские книги вместо мужчин,—тот еще и теперь всегда найдет себе пропитание. Может-быть, в настоящее время даже больше, чем прежде!

IV

КНИГА О СЕКТАНТАХ

СОДЕРЖАНИЕ:

Секты в прошлом и настоящем.

Социальное разложение и сектантство. — Средневековая городская культура. — Исступление и самобичеватели. — Гуситы. — Церковное правосудие—правосудие мести.

Социальное разложение и сектантство.

Крушение, которое перенесло мировое хозяйство вследствие четырехлетнего массового истребления так-называемых «цивилизованных» народов, сопровождалось развалом и духовных надстроек того же общества, хотя, конечно, влияние этого развала выступало не так наглядно и ощущалось менее болезненно, чем рост цен на хлеб, рахитизм городских детей, безработица, с одной стороны, и нищенская оплата труда—с другой. Тем не менее, крушение духовных ценностей налицо. Если ноябрь 1918 года покончил с «порядком и спокойствием», разрушил старый политический и экономический строй (по крайней мере, поскольку это касается Германии и бывшей Австрии), то он же возмутил «порядок и спокойствие» церковного строя вплоть до самого фундамента. Противоречия так-называемого миросозерцания, которое до сих пор более или менее терпеливо мирилось с духовным расслоением общества, выступили неожиданно наружу и обрушились друг на друга, оглушая слух и рассудок.

Теперь, после всех революционных бурь, трудно поверить, что Матфей Эрцбергер, как представитель южно-германского католицизма, утверждал, будто германская революция, развеяв в прах дюжины две коронок и скипетров, не потревожит единого волоса на голове какого-либо немецкого епископа и не причинит бедствия ни одному пастырскому жезлу.

Как и многие из заявлений старательного агента немецкой мелкой буржуазии, и это утверждение оказалось весьма поверхностным. Носившее систематический характер движение социалистически организованных рабочих масс, бывшее по существу не то, чтобы антирелигиозным, но внерелигиозным, свободным от религии и направленным против прежней государственной церковности и штампованного миросозерцания, приняло столь могучие размеры, что все церкви принуждены были обратиться к специальным мерам защиты и пропаганды; так, протестантская церковь открыла для своего духовенства ораторские курсы по борьбе с безбожием. Мало того: неорганизованное оппозиционное движение индиферентных еще в политическом и в духовном отношении народных слоев,—движение, которое в полной мере остается еще во власти религиозного чувства, разрослось в такой мере и вылилось в столь причудливые и порой уродливые формы сектантских движений, объединенных общим лозунгом: «Долой церковь, которая так позорно предала нас во время войны»!—что присяжные пастыри могут лишь простирать в отчаянии руки к разбегающимся стадам своих овец.

Настоящая работа возникла под свежим впечатлением массового собрания сектантов, созванного в промышленной местности под Дрезденом с рабочим населением, вполне сознательным в политическом отношении. Только благодаря бдительной и сознательной энергии рабочих предполагаемое фанатиками уловление душ было вконец испорчено, хотя энергия эта и была сопряжена с полной терпимостью. Переговоры с руководящими товарищами общества пролетарских свободных мыслителей укрепили убеждение в необходимости не менее энергичной борьбы с растущей эпидемией сект, чем с реакционной официальной церковностью, и борьба эта, необходимая с политико-социалистической точки зрения, должна итти путем исследования и разъяснения.

Главной политической и культурной задачей новой эпохи человечества,—эпохи, выплавившейся из крушения и разрухи мировой войны,—является освобождение рабочего класса. Конвульсивные судороги мечущейся на смертном ложе церковности не могут не служить ему препятствием на пути

к окончательному достижению цели. Прошедший школу марксизма рабочий должен смотреть на них так же, как смотрит он на обнищание пролетариата, невероятно возросшее в условиях современной социальной нужды, т.-е. ни в коем случае не считая, что оно является толчком к истинному и победному революционному развитию, но рассматривая его не более, как причину слепого авантюризма и вследствие этого, как тормоз на пути к социальной революции. Если он, в качестве революционного коммуниста, стремится к самой ожесточенной борьбе с этим экономическим обнищанием, которое низводит рабочих до положения люмпен-пролетариата и не старается, по примерам Вейтлинга и Бланки, придавать ему значения положительного фактора, то с той же непреклонностью должен он бороться и с духовным обнищанием, выражающимся уходом в секты, даже тогда, когда он знает, что имеет дело с оппозицией против церкви. Такая оппозиция, такое бунтарство, возглавляемое недомыслием, никогда не принесет ему никакой пользы на его тернистом пути к свету и свободе.

«Почти два миллиона лучших сынов нашего народа погибли геройской смертью среди ужасов мировой войны. Тысячи других, вернувшихся на родину, преждевременно сошли в могилу, изнуренные страданиями и недостаточным питанием. В нашем отечестве нет ни одной почти семьи, где не раздавался бы жуткий вопрос: «Где теперь наши дорогие усопшие, увидимся ли мы с ними?»

Господин окружной советник архитектуры А. Д. Гейнрих начинает этими словами свое весьма неутешительное для народных масс «Слово утешения к страждущим» под крикливым подзаголовком: «Мертвые живут». Спекулируя столь омерзительным образом на ужасном наследстве мировой бойни, которую в течение четырех лет поддерживали господствующие классы всех стран под защитой того же массового недомыслия, на почве которого загорелись ныне болотные огни ветхозаветного фанатизма и мистицизма—этот окружной советник архитектуры является автором в самом завидном положении, ибо состряпанная им чепуха расхватывается в десятках тысяч экземпляров хорошо оплачиваю-

щей ее публикой. Нет сомнения, что он мог бы без труда удвоить выгоды этой блестящей аферы, если бы ввел в свою книжку на 100 процентов бессмыслицы больше: число покупателей подобных произведений находится в прямой пропорции с тупоумием содержания.

Со своим «Словом утешения для страждущих» или «Кратким общедоступным введением в область оккультизма», как он иначе называет плод своих трудов, сей господин Гейнрих является лишь одним из десятков. Этот окружной советник архитектуры, которому приходится только удивляться, почему он не пристроил своих духов и привидений хотя бы к столь возвышенной практической деятельности, как выделывание кирпичей или цемента, что дало бы ему, по крайней мере, возможность хорошо зарабатывать в области своей специальности, является сам по себе типичным продуктом нашего времени. Только поэтому ему и оказана честь быть здесь упомянутым. Из приведенных выше вступительных фраз его введения следует с горестной ясностью, что движения, подобные современным библейским и небиблейским сектам, подъявшим перед тысячами верующих фанатиков знамя признанной за принцип бессмыслицы и тупости, могут вырасти лишь на разложившейся почве потрясенного катастрофой общества, будь эта катастрофа войной, как ныне, или чумой и холерой, как это бывало раньше.

Средневековая городская культура.

Не только со времени расцвета величия Германии существовали и существуют секты. Исторически они возникали всегда и повсюду, когда целые слои и классы населения впадали в отчаяние, обнищав вследствие экономических переворотов, политического гнета, тяжкой зависимости от господствующих классов, и нередко на долгие годы накладывали свой отпечаток на всю эпоху. В эпоху немецкого средневековья около 1000 г. господствовавшее до тех пор земельное крестьянское хозяйство сменилось повсюду так-называемым городским хозяйством. До этого времени только

представители духовенства владели тайнами ремесел, получив их как бы в личную наследственную аренду от старой римской культуры, выродившимися наследниками которой они являлись. Умение строить каменные дома, ткать сукна, писать книги переходило от учителей-церковников к ученикам-крестьянам. Начавшие появляться светские ремесленники не могли больше оставаться в разбросанных усадьбах, где им невозможно было найти покупателей на продукты своего труда, они должны были совместно селиться в определенных местах, чтобы привлечь покупателей со всего округа. В большинстве случаев немецкие города возникали на местах прежних поселений римских колонистов на Рейне; со своими регулярными ярмарками и замкнутым цеховым устройством они представляют наиболее типичную картину средневековой культуры. Тогда-то в XI, XII, XIII вв. и свершился величайший перелом, происходивший медленно, но непрерывно, глубоко захвативший и перевернувший все житейские отношения населения Западной Европы, та социальная революция, которая изменила все прежние жизненные возможности всех слоев населения, многих побудила к перемене прежних занятий, многих принудила уйти с родной земли, многих обрекла на голод и необеспеченность существования. Не каждому новоиспеченному ремесленнику удавалось сразу пристроиться в городе. Старые же ремесленники, уже осевшие в городах, справедливо видели в каждом вновь прибывшем лишнего конкурента, по мере возможности, обставляли ему жизнь всякими трудностями, особенно если он ничего не имел и, следовательно, не мог защищаться, т.-е. поступали совершенно так же, как до последнего времени привыкли поступать ранее осовавшиеся в Америке жители ее по отношению к свежему потоку европейских переселенцев, стараясь наилучшим способом использовать, выжать, подчинить и обесправить новичков. С другой стороны, тонкие сукна, искусно сработанные сундуки, блестящее оружие,—все, что выставляли горожане на продажу, возбуждало теперь жадность господ, рыцарей, баронов, владельцев замков. Чтобы завладеть всеми этими прекрасными вещами, они должны были еще суровее по-

работить своих крестьян, еще беспощаднее грабить их, дабы иметь возможность оплатить их трудом все вновь появившиеся соблазны. Одни из бедняков выдерживали этот усиленный нажим. Другим становившееся систематическим угнетение показалось воистину невыносимым, и они бежали без всяких средств к существованию, чтобы скрыться в том самом городе, который, являлся в сущности косвенной причиной их несчастья, и где им предстояло пробиться поденщиной. Часто это удавалось; не менее часто прежний владелец силой возвращал своего крепостного, и охоты на рабов древних времен возрождены были христианским средневековьем со всей жестокостью преследования и мести.

Только познакомившись с этими хозяйственными страданиями, с этой стремительной перестановкой шкурных вопросов миллионов и миллионов населения, можно дать себе отчет, каким образом недовольство, стремление к лучшей доле и усталость от земного существования выливались в форму нередко самых элементарных народных движений. Когда бунтует желудок, бунтует и голова. Когда кишки урчат — сердца ропщут. Между тем, вся духовная жизнь отливалась тогда в формы религии, и именно в формы официального христианства. Согласно всему строю средневекового миросозерцания, наука являлась служанкой богословия; никакие научные построения немыслимы были вне религии; никакое художественное творчество—вне церковных стен. Всякий, кто писал, проповедывал, рисовал, занимался политикой,—должен был проделывать это под знаком религии, ибо в ином виде никакая мысль не была бы вообще доступна голове средневекового человека. Само собой разумеется, те же формы принимало и социальное недовольство этого времени,—великого времени длительного созидательного экономического процесса. В те же религиозные формы вылились столкновения, связанные с процессом перехода от чистого деревенского к смешанному городскому хозяйству. Именно поэтому-то средневековье и явилось эпохой возникновения сект. Отметим: наиболее склонен был восставать против официального христианства, т.-е. на религиозный лад вос-

ставать против своего положения,—элемент, наиболее угнетенный в социальном отношении, тогдашний пролетариат, малокровные поденщики городов и порабощенные крепостные деревень. Образование сект и всякий так или иначе организованный уход от официальной церкви являлись протестом против угнетения, бесправия и голодания.

Исступление и самобичеватели.

Вопреки всем преследованиям, средневековые секты продолжали появляться все снова и снова. Как указывают хроники, около 1000 г. в дальних округах Германии достигла почти невероятного распространения секта «исступленных». Богослужения, продолжавшиеся днем и ночью, непрестанные посты, молитвы, обедни и псалмопения,—все эти религиозные проявления, посредством которых бедняки пытались найти выход из своей нужды, при громадной затрате нервной силы, являлись причиной массового возбуждения, заражавшего целые церковные округа. Фанатики ставили себе в сладостный долг ношение власяницы и презрительное пренебрежение к плоти. Некоторые из знаменитейших женщин-святых того времени прославились тем, что омывались только после долгих промежутков времени или вообще совсем не мылись.

Говоря о войне, надо различать причину и ход военных действий; говоря о взрыве, надо различать запас пороха и воспламенившую искру. Точно так же для многих сект средневековья нужно установить то катастрофическое явление, которое непосредственно вызвало, наконец, к революционному состоянию долго созревавшее сектантское движение. В 1349—1350 гг. чума свирепствовала в Европе с такой яростью, что унесла с собой в круглых цифрах 25 милл. человек, т.-е. от четверти до трети всех европейцев того времени. «Черная смерть», завезенная, может быть, на Запад караванами из Восточной Азии и перенесенная венецианскими кораблями в Сицилию, проявлялась раньше всего высокой температурой, лихорадкой и страшным упадком сил, так что конец наступал обычно уже на третий день; своими

симптомами болезнь напоминала сибирскую язву и голодный тиф. Это ужасающее бедствие вызвало одно из наиболее фанатичных религиозных движений, какие знает история,— секту «самобичевателей» (флагеллантов). Этим движением были захвачены целые села и провинции во Франции и в Германии. Как все почти секты, включая и современные, «самобичеватели» утверждали, что небо оставляет их в бедствии без помощи по повелению самого господа (как видно, подобное утверждение является достаточно старой штукой, которая все же не теряет своего действия на массы). В данном случае ангел с неба собственноручно передал иерусалимскому патриарху письменный указ об этом господа бога. Наиболее употребительным орудием этих своеобразных святых являлась короткая палка с тремя петлями на конце, крестообразно прикреплявшими к рукоятке острые шипы. С этими орудиями самоистязания кающиеся странствовали из села в село, из провинции в провинцию, распевая на монотонный лад:

За Иисуса, напоенного желчью,
Идем мы на поклонение ко кресту.

Каждый раз по окончании этой строфы они бросались на землю с крестообразно распростертыми руками, оставаясь лежать так в течение времени, необходимого для прочтения пяти «Отче наш», дико вскакивали, устремив в небо лихорадочно горящие глаза, и начинали до крови бить себя своими бичами по груди. Полуобнаженные женщины, которые проявляли при этом бичевании особую восторженность (конечно, подкладкой этого вызывающего тошноту благочестивого действия являлись темные силы мазохизма, т.-е. сладострастного полового возбуждения от страданий и боли). Благочестивое смирение этих флагеллантов не мешало им, однако, наподобие саранчи, дочиста грабить деревни, через которые они проходили. По этим-то следам их путешествий и можно установить истинный социальный характер данного движения, нашедшего для своего выражения эти ужасные религиозные формы.

Гуситы.

Не только экономический гнет,—гнет национальный также вызывал сектантские движения; особенно выявилось это позднее, когда вследствие прогресса техники сношения стали легче, и население, говорящее на одном языке, начало сознавать свое национальное единство. Огромное движение гуситов является случаем, когда люди в течение целых лет вели самую жестокую из разражавшихся когда бы то ни было религиозных войн. Уже благодаря своим серебряным рудникам Богемия была богатейшей областью средневековой Германской империи. Однако, обладателями ее богатств, ее лучших земель и горных недр, монополизировавшими промыслы, и раньше всего горнопромышленность, явились пришлецы—немцы, которые при распределении имущества взяли верх над коренным славянским населением—чехами, в культурном отношении стоявшими значительно ниже их. Сознание общего порабощения и общности интересов пробуждалось в славянских угнетенных массах медленно, но вместе с ним пробуждалось и ожесточение против немецкой господствующей касты, бессердечно злоупотреблявшей своим правом экономически сильнейших. И в данном случае также ненависть угнетенных и их стремление к конечному освобождению от нужды и хозяйственных притеснений приняли форму ужасающего по фанатичности сектантского движения. Поводом к нему явился приговор над вождем чехов Гусом, осужденным в Констанце. Иоганн из Гусинца, прозванный Гусом, профессор богословия в Праге, провозглашал, с одной стороны, самое крайнее отрицание культа мощей и святынь, с другой—возвращение к древне-христианскому идеалу бедности (в чем и выражается с полной ясностью социальная сторона движения). Зверское убийство его господствующим классом, который прибег при этом к услугам императорской власти, послужило сигналом к повсеместному восстанию простого народа по всей Богемии. Религиозные требования гуситов сводились к причастию под обоими видами (т.-е. вином и хлебом), как учил по евангелию сам Христос, вопреки обряду католической церкви, по которому

вином причащается только священник. Можно ли поверить в действительности, как этому учит обычно среднее образование, что из-за таких улыбку вызывающих детских побрякушек гуситы с яростью фанатиков шли с косами и цепами в руках на тяжеловооруженные рыцарские отряды императора, и что только во имя этих религиозных причуд поля средней Германии были залиты кровью? Ах, нет, даже и люди средневековья не были глупы в той мере, каким бы высокообразованным не выставлял себя, с высоты своего величия, при столь наивной исторической концепции, современный буржуазный профессор! Как совершенно справедливо указывает Каутский, религиозная программа сектантов служила для них только знаменем, под которым встречались соперники в области экономических интересов — не больше и не меньше.

Церковное правосудие—правосудие мести.

Само собой понятно, что официальное христианство огнем и мечом преследовало всех этих сектантов, весь этот средневековый воинствующий пролетариат, который осмеливался восставать против его кармана, окропленного святой водой и охраняемого церковными заклинаниями. Чему бы ни учил Иисус, любовь к ближнему никогда не была сильной стороной ни попов, ни их приверженцев. Пощада никогда не давалась еретикам, по крайней мере, поскольку она исходила от зверски-жестоких церковных учреждений, касалось ли это секты вальденцев и альбигойцев, так-называемых «лионских бедняков», или «сырников» Северной Голландии, как их называли по их знамени, на котором, как символ бедности, был изображен сырник, патаренов в Италии, «ветошников» или «перекрещенцев» в Северной Германии или какой бы то ни было другой секты. Отец французской революции Вольтер установил, что святейшая инквизиция истребила большее количество человеческих жизней за время своей деятельности против еретиков, чем все войны, разразившиеся за этот же период времени.

Церковные круги выказали при этих преследованиях

еретиков и сектантов всю возможную для людей кровавую набожность и отвратительное ханжество. Папскому легату, которому поручена была борьба с альбигойцами, принадлежит великолепное изречение, исторически достоверное: «Бейте, убивайте под ряд: господь разберет своих». Раб господень полагал, что никто не должен спастись от кровавой бани, если налицо была хоть тень подозрения в принадлежности к секте; если же среди убитых оказались бы неповинные, всеблагой господь мог сам уже вознаградить их на небесах... При резне фрисландских штедингеров высшее духовенство собралось на холме, откуда оно могло любоваться зрелищем бойни под защитой фаланги тяжеловооруженных рыцарей. Благочестивые и богато разукрашенные господа распевали тогда в укромном уголке прекрасную предсмертную песню бестрашно сражавшихся с ордами Аттилы первых немецких монахов-проповедников «Media in vita». Это весьма походило на то, как если бы штабные господа во время призыва к атаке на Эне пели бы где-нибудь в Шарлевиле, наслаждаясь шампанским и женщинами: «Тебе мы приносим наши жизни в жертву, о черное с красным и белым знамя».

И как расправлялись тогда с сектантами! Конечно, люди средневековья имели нервы, непохожие на наши; конечно, понятие гуманности нашего времени оставалось им еще чуждым. И все же нельзя объяснять только грубостью военных нравов кровавые зверства, обращенные против сект. Неменьшую роль играла здесь сексуально-извращенная фантазия духовенства. Вследствие установленного безбрачия, оно привыкло удовлетворять половые потребности обходным путем; неограниченное же право вязать и решать и неограниченное право господина, предоставленное наместнику Христа, сводило человеческие страдания до роли забавного зрелища и известного демонически-занятного спектакля для его служителей. Чтобы представить себе характер этих преследований, надо хоть немного проникнуть воображением в эпоху крестьянских войн, которые являлись, ведь, не только экономическим восстанием под знаменем Башмака, но служили одновременно и выражением религиозного фанатизма.

Эрфуртская городская хроника рисует мелкое, сравнительно, событие—может-быть, одно из многих тысяч—имевшее место после битвы при Франкенхауфене, несчастной для мюнстерских крестьян: «Ландграф Филипп и герцог Георг отдали священника (сектантского) и каплана на расправу женам захваченных мужиков. Женщины должны были забить их кнутами до-смерти, чтобы спасти от смерти своих мужей. И женщины били их до тех пор, пока не превратили их головы в шинкованную капусту и пока кнуты не склеились от их мозгов». Пойманные крестьяне были отпущены только после этой ужасающей кровавой сцены, которую милостиво созерцали князья, втравившие в нее пришедших в отчаяние за судьбу своих мужей женщин. Хроника приводит близкий к этому пример истязательства во Франконии: в Вейдорфе приковали железной цепью к дереву крестьянина по имени Якова Рорбаха, а под ним разложили костер, так что он, как дословно гласит хроника, «медленно поджариваясь живьем, под барабаны и флейты отплясывал вокруг дерева свой ужасный смертный танец». И самое ужасное—дети с плеч солдат смотрели на это зрелище, пока не прозвучал последний хриплый вопль, и обугленное тело не рухнуло на землю.

Официальное христианство преследовало объединившийся в секты пролетариат не только огнем и мечом. Не забывало оно и другого оружия, удобного, когда имело дело с темными и запуганными его могуществом людьми,—клеветы и морального очернения. Мало было снести взбунтовавшуюся голову; мало было вырвать раскаленными щипцами язык у фанатика истины; мало колесовать изможденное голоданием тело сектанта-пролетария,—следовало очернить также и честное имя этих несчастных; следовало вычеркнуть последние следы их деятельности в самом воспоминании будущих поколений. Эта высоко-христианская манера приняла особенно импозантные формы официально-исторической лжи (лжи, которую по сегодняшний день невозможно вытравить из школьной книжной премудрости буржуазных, и в особенности духовных профессоров, хорошо выдрессированных для защиты определенных классовых интересов)—в истории перекрещенцев, несчастных бедняков-фанатиков, выставляемых совре-

менным гимназистам какими-то неронами сладострастия или разрушителями-террористами. Как ужасно, например, что в городе перекрещенцев Мюнстере их король Иоанн Лейденский вместе со своим наместником бургомистром Книппердоллингом собственноручно рубили головы осужденным! При этом умалчивается, однако, что этот самый город Мюнстер, в котором перекрещенцы господствовали с исключительным миролюбием, был совершенно незаконно осажден епископом Францем и что его жители были безжалостно обречены осаждающими на голодную смерть. Как рассказывает хроника, они принуждены были питаться кошками, собаками, мышами, крысами, ели траву и солому, делали хлеб из моха, размачивали для еды кожу и старые башмаки; дети и старики мерли от этих страшных лишений один за другим. Забывается также, что враги пускали в ход все уловки предательства и шпионажа, чтобы приблизиться к осажденным, так что только строжайшая военная дисциплина могла спасти положение,—как прекрасно умеют выражаться наши реакционеры, когда это касается их дел. Но то, что «король» и его наместник брали на себя работу палача, об этом умалчивается. Ну, благочестивый епископ, стоявший перед городом, мог, конечно, сметреть, как сжигали, колесовали или удавливали кого-либо из осужденных им на смерть, но самому привести свой приговор в исполнение было для него недостаточно чистой работой. Унижаясь до «бесчестного» и постыдного ремесла палача, оба руководителя перекрещенцев хотели выразить этим раньше всего свое отвращение к смертной казни. «Король» взял на себя самую низкую, самую грязную работу, ибо этого требовало свойственное этим фанатикам пролетарское чувство единства и братства. То, что вменялось ему как жестокость, было в действительности полной противоположностью ей,—было воистину христианским отвращением ко всякому кровопролитию. Или дальше: перекрещенцы, якобы, устраивали систематически распутные оргии, в половом отношении жили по-скотски, ввели многоженство. Что же говорит историческая правда? Постановление мюнстерского городского суда подводило под наказание даже простое заигрывание с незамужней девушкой. Что же

касается вызвавшего столько толков многоженства и омерзительных оргий нероноподобного портного Иоганна Бокельзона, дело обстояло так: перекрещенцы предоставили богатым гражданам Мюнстера свободный выход из города. Как люди состоятельные, граждане эти не имели особых причин быть недовольными старыми церковными порядками и с идеями перекрещенцев не имели ничего общего. При уходе эта «партия порядка» не взяла с собой женщин, оставив, главным образом, женскую прислугу, что в сущности являлось с их стороны дьявольской жестокостью. Пропитание оставшихся тяжело легко на плечи перекрещенцев. Между тем, среди перекрещенцев было много неженатых. Это были, главным образом, бедняки, постоянные жители города, подмастерья, которые не могли еще основать собственного очага, а также пришлецы из империи, охотно воспринимавшие религиозные идеи секты именно потому, что не были связаны семейными узами и легко могли примкнуть к движению. Кроме того, перекрещенцы привлекли в свои ряды многих из епископских ландскнехтов, и эти друзья из солдат были чаще всего холостыми. Таким образом, в осажденном и переносившем тяжкие лишения городе создалось совершенно невозможное для общественной нравственности положение: на тысячу неженатых мужчин-перекрещенцев приходилось несколько тысяч безмужних женщин, при чем все они были заперты на тесном пространстве средневекового города. Совершенно естественно, что узы моральной дисциплины должны были ослабеть. Тогда-то перекрещенцы и установили особый порядок для женщин, не имевших мужей; весь смысл нововведения и заключался в стремлении предотвратить опасности создавшегося положения. Согласно новому постановлению, не имевшие мужей женщины должны были объединяться в хозяйственные группы, возглавляемые мужчиной. Последнему вменялось в обязанность заботиться о женщинах в хозяйственном отношении, но под страхом строгой кары воспрещалось вступать со своими подзащитными в супружество или просто любовные связи. Этому не противоречит и то, что перекрещенцы ввели сии аскетически-нравственные «гаремные порядки» со ссыл-

кой на многоженство ветхозаветных патриархов: и слабой, и сильной стороной средневековых сект являлись постоянные попытки ввести хотя бы простые следствия тяжелых хозяйственных условий,—условий голода и войны,—в рамки священного писания.

Конец «Нового Иерусалима» в Мюнстере совершенно соответствовал тому испытанному методу, при помощи которого светские и церковные власти того времени приводили к молчанию бунтовщиков, восставших против угодного господу мирового распорядка. Мюнстер пал вследствие измены. Последняя сражавшаяся кучка перекрещенцев, «бившаяся с верной смертью перед глазами» на рыночной площади, сложила оружие только после обещания свободного выхода из города. Когда они сделали это, епископские солдаты набросились на безоружных и истребили их до последнего человека. Уже на первый день штурма укреплений было убито пять с половиной сот сектантов. Бойня продолжалась целых 4 дня. Король Иоанн Лейденский и его наместник Книппердоллинг попали в руки победителей живыми. Для них были выкованы особые железные ошейники, в течение месяца их возили по стране, как зверей в клетке. Смертный приговор должен был быть приведен в исполнение в самом Мюнстере. Их так долго пытали раскаленными щипцами, что, по словам очевидца, ротозеи не могли больше вынести отвратительного запаха горящего человеческого мяса. Во время истязания короля Книппердоллинг не вынес ожидания ужасов, через которые должен был пройти, и сделал отчаянное покушение на самоубийство, попытавшись перервать себе горло ошейником, приковывавшим его к столбу. Когда его мучители увидели это, они опять поставили его на ноги, широко раздвинули ему челюсти и воткнули между зубами толстую палку, при помощи которой снова крепко прикрутили к столбу в висячем положении, так что несчастный не мог сделать больше ни малейшего движения. Наконец, омерзительная «иллюминация» удовлетворила любовавшихся. В качестве завершения христианской программы, мученикам вырвали язык из горла и нанесли, наконец, смертельный удар. Тела их были помещены в клетку, выста-

вленную на пользу и поучение всех любопытствующих на крыше ратуши. Там она находилась до самого недавнего времени.

Таков был конец перекрещенцев. Ужасы, совершенные при этом, превзошли все, что могли бы сделать эти сектанты, даже если бы правдой было то, что приписывают им буржуазные историки. Христианская наука ухитрилась, однако, поставить клеймо величайшей порочности на том, что в действительности было проявлением строжайшей нравственности,—той нравственности, до которой никогда не подымалось духовенство. Секты конца средневековья разделяют в этом отношении судьбу борцов на баррикадах 1871 г., которых тысячами укладывал на парижских мостовых боровшийся с коммунарами генерал-живодер Галифэ и которых буржуазная история величает динамитчиками и кровожадными мегерами. И разве в современной Германии не те же рабочие «применяют террор» против столь миролюбиво настроенной буржуазии, которая со своей стороны всего на все подло убила из-за угла Либкнехта, Эйснера, Гарейса, Эрцбергера, Ратенау и сотни других «свиней революции»?! Эй, кто это смеется над этим?

Секты нового времени.

Русское, слишком русское.—Бегуны.—Нетовщики и хлысты.—Скопцы.— Америка — страна новых религиозных форм. — Пуритане и их град божий.—Квакеры или секта „трясущихся". — Баптисты и методисты.— Гибель мира адвентистов. — Мормоны на Соленом озере. — Серьезные исследователи библии. — Современный сектантский хаос.

Русское, слишком русское.

Страна, оставшаяся за пределами европейского культурного развития; страна, лежавшая в стороне от большой дороги новых технических, политических, культурных идей, до самого последнего времени, до самой революции большевиков, по условиям своего хозяйственного строя застрявшая в совершенно средневековой феодальной системе управления; страна, экономические отношения которой лишь совершенно поверхностно задевала сверх-капиталистическая горячка отдельных либеральствующих царских министров, в роде Витте, политика которых весьма смахивала на известный культурный снобизм, — Россия, именно в силу этих условий, должна была оставаться также и типичной страной сект. Она, действительно, оставалась ею и тогда, когда в крупных городах европейского Запада уже невозможно было вызвать массы на улицу распеванием псалмов и проповеднической болтовней, когда массы эти давно уже отвыкли пользоваться в своей борьбе за свет оглушающими и сбивающими с толку фанфарами религии. Современная декларация прав человека, согласно первому же параграфу которой религия является частным делом каждого (этот основной закон был признан повсеместно даже в дореволюцион-

ной вильгельмовской Пруссии, типичном государстве всякого начальства), оставалась так же чужда царской России, как средневековью. Цезаро-папизм Романовых, который делал абсолютного самодержца столь же абсолютной главой русского православия, был типичным русским явлением. Средневековый революционер должен был восставать против церкви и против религиозных властей, если он вообще отваживался на восстание; порабощенный русский крестьянин, за два поколения до этого еще бесправный крепостной какого-нибудь магната, прикованный к месту, где родился, беспомощно предоставленный в жертву всем прихотям и стяжательным замыслам своего владыки, бунтовал против государственной официальной церкви, если вообще он осмеливался пикнуть. Русский мужик был склонен к сектантству и религиозному фанатизму и тогда еще, когда его пролетарские собратья в остальной Европе, и немецкий горнорабочий, и французский рабочий транспорта, и английский моряк и сицилийский малоземельный крестьянин уже смотрели на них, лишь как на весьма мало целесообразное и малообещающее применение революционной энергии.

Характерно далее, что сектантские движения охватывали только париев нации, бедных крестьян наиболее отдаленных и наиболее бедных путями сообщений губерний, где средневековый феодализм чувствовался всего суровее. Западные области необъятной царской империи, более затронутые путями сообщения и культурой, были одновременно беднее всего сектами. Нечего и говорить о центрах быстро растущей современной промышленности, как бывший Петербург, Москва, Варшава, Лодзь, где промышленный пролетариат уже обратился к помощи систематической экономической борьбы за заработную плату путем демонстраций и забастовок. Европеец, стоящий в стороне от религиозных движений и приступивший к изучению ужасающей мистики русских христианских сект, хватается в отчаянии за голову и спрашивает себя, возможно ли вообще что-либо подобное в наш век электрических путей сообщения и телеграфных проволок, как живой связи между странами?

Бегуны.

Во второй половине предыдущего века больше всего заставила говорить о себе секта бегунов. Они объявили, что в России место царя занял антихрист. Чтобы избежать подчинения антихристу, бегуны отправлялись в бесконечное странствование без денег, без имущества, без средств к существованию, не имея ни дома, ни приюта. В этом-то и проявляется экономическая и пролетарская подкладка всего движения: бегуны—беднейшие из бедных; их феодальный господин всегда мог согнать их из тех или иных побуждений с земли или сделать их жизнь столь ужасной, что они предпочитали побираться от места до места, чем терпеть его кнут. Религиозная идеология их странствований, которые, якобы, должны спасти их от необходимости подчиняться власти антихриста,—не что иное, как благочестивый самообман темных, невежественных людей, более напоминающих вьючных животных. Ужасна форма погребения этих «бегунов». Тяжело заболевшего душат его товарищи по секте,—душат, чтобы спасти его душу. Убийство происходит следующим образом: больной омывает тело и облекается в белые одежды. Его переводят в избу кого-нибудь из сочувствующих и кладут в угол под иконы. Тут его и убивают, причем один из сектантов кладет ему на лицо подушку и садится на нее. Как установил на основании собственных наблюдений статский советник русского министерства юстиции Левенштим, процедура эта носит в народе название «красной смерти», ибо и рубашка палача, и подушка должны быть красны, как кровь. Воистину ужасающая процедура! И все же ее возможно объяснить, если попытаться обратиться к экономической и революционной подкладке всех сектантских движений и попытаться рассмотреть их, как отжитые, потерявшие уже целесообразность формы экономико-революционной самопомощи. Не только у русских бегунов старый, слабый или больной человек освобождается от своих страданий посредством убийства. Убийство отца, который от дряхлости не может больше сопровождать кочующее племя, являлось у многих пастушеских народов древ-

ности благородной прерогативой старшего сына. Правда, в противоположность беспочвенным в своем благочестии мужикам, люди каменного века ничего не говорили при этом о душе, которую они, якобы, спасают; они просто знали, что человечнее мгновенно прикончить старика чем оставлять его в грозном одиночестве на съедение пещерным медведям. Не объясняет ли этот материалистически-человечный мотив и «красную смерть» бегунов? Быстрый, насильственный переход больного в долгожданный «лучший мир» казался им, может быть, гуманнее путешествия под палками жандармов в ужасные русские карцеры или в рудники Сибири.

Пополнявшийся текущими наблюдениями материал по истории секты бегунов был собран незадолго до конца прошлого века. Не думаю, поэтому, что все эти ужасы можно в полной мере отнести к прошлому. Последняя в России большая народная перепись 1897 года еще рассматривалась сектантами, как тяжкий грех против господа; они ссылались при этом на многие библейские изречения, как, напр., на 24 главу 2-й книги пророка Самуила,—ссылались по праву того же тупоумия и сумбура, с каким католическая церковь призывала свидетельство той же библии в доказательство непогрешимости папы, или американские адвентисты предсказывали различные светопредставления, к сожалению, всегда остававшиеся без последствий. Никакая книга не вносила в мозги столько смятения, сколько эта книга, которая не имеет даже достоинства оригинальности, составлена из совершенно разнородных элементов, кишит противоречиями на каждом шагу и является сама по себе документом разноречивого религиозного мудрствования высокостоявшего в интеллектуальном отношении посреднического народа—евреев. Привести при помощи библии какое бы то ни было «доказательство» величайшей нелепости, так же легко, как легко с помощью той же библии «доказать» полную противоположность этой нелепости. Так, в Харьковской губернии крестьянская семья Ковалевых вняла убеждениям «странствующей» монахини Виталии и решила лишить себя жизни, чтобы избежать переписи и спастись, таким образом, от греха. После этого решения старик Ковалев, по прика-

занию благочестивой Виталии, вырыл под своими дворовыми постройками могилу и замуровал в нее 23-го декабря 1897 года шестерых и 27-го декабря еще шестерых человек своих ближайших родственников. Два месяца спустя он похоронил в находившейся неподалеку песчаной могиле еще четверых человек, подпавших под то же влияние. Все были погребены живыми. Как установил суд, приговоренные к ужасной смерти люди спокойно укладывались в общую могилу один возле другого и читали молитвы, пока комья земли глухо стучали над их головой. 27-го февраля 1898 г. последняя группа несчастных Ковалевых сошла, наконец, в могилу под домом. Здесь была старуха-мать, его сын, его жена с двумя маленькими детьми на руках и несколько монахинь из секты. Ковалев стремился и сам умереть с ними, но его заставили остаться снаружи, чтобы замуровать отверстие. Только благодаря этому и оказалось возможным восстановить позднее на суде эти ужасы религиозных извращений.

Нетовщики и хлысты.

Как все почти современные секты, и русские секты находятся почти всегда под воздействием какой-либо единичной личности, которая совершенно неожиданно всплывает на поверхность, чтобы также быстро раствориться в массе, отблистав, подобно метеору (такова судьба большей части пророков). Так, члены секты «нетовщиков», которая учредила в 1827 году в средней России настоящую кровавую баню, являются последователями одного единственного, фантастического, духовно недоразвитого крестьянского парня, «пророка» Юшкина. 60 человек, между которыми были целые семьи, решились умереть, просто повинуясь его приказу, просто потому, что он «доказал» их религиозному легковерию, что весь мир развращен и приведен диаволом к погибели,—подумать только, как это ново и сенсационно! Мужчины переходили из дома в дом и убивали друг у друга женщин и детей; сам же святой пророк находился в овине и выполнял работу главного палача: непосредственно после убийства своих собственных жен и детей убийцы приходили к

нему, добровольно склоняли голову на плаху и, не моргнув, принимали от него смертельный удар. Конечно, главную роль в этой наводящей ужас трагедии играли инстинкты садизма и мазохизма, которые, в конце концов, происходят от одного и того же корня.

Почти для всех кровавых сект характерен садизм, т.-е. жестокость, вытекающая из эротических побуждений, нередко окрашенных религиозным экстазом. Уже средневековые флагелланты, с такой страстностью стремившиеся пережить свирепствовавшую чуму, действовали под влиянием этого полового извращения. Сам по себе сексуальный момент не может явиться причиной возникновения религиозно-революционного движения, но может послужить последним толчком к его выявлению.

Скопцы.

Опаснейшей русской сектой нового времени являются скопцы, хотя бы уже потому, что секта эта продолжает расти в численности и в настоящее время. Если название «скопец», как можно предположить, происходит от греческого корня, оно значит то же, что «обрезанец». Скопцы кастрируют себя в своем безумии или, может быть, в своей религиозной честности и фанатической ревности к истине. Дело в том, что никакое библейское понятие не является более спутанным и нелепым, чем христианский церковный догмат о первородном грехе. Миллионы считающих себя осужденными людей при всей своей доброй воле не могут понять, что миллиарды людей уже умерших, еще живущих и еще нееродившихся потому обретаются в каком-то завещанном им состоянии греха, что Адам взял однажды от Евы яблоко, сознательно вкусил его и тем самым впал в грех. По меньшей мере непонятно, почему всезнающий и всеправедный господь, который з н а л, в е д ь, з а р а н е е, что Адам окажется таким негодным греховодником и слопает запрещенный плод, дал ему повод к такому бесчинству, сотворив яблоню. Уж ежели пускаться вообще в такие богословские мудрствования, богу следовало бы просто-напросто оставить яблоню несотворен-

ной. Бог создал Адама, который его об этом не просил, и в деле этом оставался совершенно не при чем. Почему же он, при всем своем всемогуществе, сотворил его с этим греховным предрасположением, вследствие которого бедняга и промахнулся таким манером. Разве всемогущий господь, который помимо всего прочего, должен быть справедливым, не должен был бы, в силу именно этих своих качеств, вылепить из глины такого Адама, который не имел бы склонности ко греху и был бы образцом патентованной добродетели. Люди с некоторой способностью рассуждать, не исключая и русских скопцов, не понимают этой невероятно проблематической истории с яблоком. В своем религиозном замешательстве мыслящие в круге библейских представлений, русские сектанты, естественно, наткнулись на близкую к этому идею о том, что подлинным первородным грехом явилось половое общение Адама и Евы. Так как из библии можно вычитать все, что угодно, стоит лишь извлечь из нее что-либо из непонятных вещей, находящихся налицо, и начать их «истолковывать», то скопцы в дальнейшем развитии своей идеи выискали, вычитали в библии, что Христос сам проклял греховное общение полов и проповедывал кастрацию. Да и не только это, но и то, что он сам оскопился, как и все апостолы. Судя по достоверным источникам, кастрация, которую скопцы объявляли необходимой для спасения души, производилась ими первоначально посредством отжигания мошонки при помощи раскаленного железа. Операция эта была не только крайне болезненной, но становилась прямо опасной для жизни, когда ее выполняли несведущие в медицине люди. Впоследствии ее стали производить при помощи ножа или вилки, после чего семенной канатик туго перевязывался ниткой. Оскоплявшиеся солдаты и матросы, имевшие, повидимому, еще менее нежные нервы, пускали в ход попросту топор, и до недавнего времени находившиеся в тюрьмах сектанты этим же манером спасали свои подверженные опасности души, употребляя в дело осколок разбитого стакана.

Этой простой кастрацией скопцы достигали, однако, по их учению, только первой степени «очищения». На пути к спасению души они оставались еще только нижними чинами.

Унтер-офицер или даже майор дела спасения, действительный фанатик скопчества, идет еще дальше и обрезает себе пенис: скопцы вынесли из опыта совершенно правильное, с медицинской стороны, наблюдение, что простая кастарация не вполне еще уничтожает первородный грех полового влечения, особенно если она произведена в зрелом уже возрасте. Посредством дальнейшей кастрации бедные фанатики достигают «второго очищения», или так-называемой «царской печати», обходясь и при этой ужасной процедуре ножом или топором. После этой операции необходимо воспрепятствовать заращению мочеиспускательного канала, что могло бы привести к непосредственной мучительной смерти. Для этого достигшие уже полного очищения носят в открывшемся, таким образом, отверстии живота оловянный или свинцовый клинышек с головкой, которая мешает этому примитивному приспособлению проскользнуть во внутрь тела.

Не только мужчины калечат себя таким образом: скопятся также и женщины. Обычно им или вытравливают или срезают и срубают сосцы. Почти так же часты случаи удаления срамных губ вместе с клитором; небезынтересно при этом, что, по многократным медицинским утверждениям, эта операция ни в коей мере не препятствует ни зачатию, ни беременности. По достоверным сведениям, почерпнутым из актов русского суда, зверская процедура кастрирования происходит внутри секты следующим образом:

«Новичок, вступающий в секту, прежде всего, не знает, что именно ожидает его. При первом общем богослужении ему осторожно объявляют, что всего, торжественно обещанного и выполненного им до сих пор, еще недостаточно для спасения души, для которого необходимо сохранение полной девственной чистоты, возможное только при оскоплении. Противодействие сломано уговорами и благочестивыми убеждениями. Новичок соглашается и освобождается от одежд, чтобы принять огненное крещение. Одна за другой падают одежды, в то время как община стережет жадными глазами каждое его движение. Спасение для него уже невозможно. Судьба новообращенного уже решена. Его привязывают обнаженным ко кресту, веревка за веревкой обвиваются вокруг

его членов, пока он не потеряет возможности сделать малейшее движение. Тогда выступает главный жрец с острым ножом мясника: быстрый удар, безумный крик ужаса,—и община богаче новым членом. Недели и месяцы проводит потом жертва на ложе страданий; многих освобождает милосердная смерть. Нередко, однако, новичок начинает противиться зверскому намерению. Тогда ему силой набрасывают мешок на голову, и община опьяняется дикими воплями жертвы».— «Очистившиеся» хотят лицезреть кровь...

Религиозное безумие—воистину ужасная глава в истории человечества. И все же надо признать, что все сектантские крайности превзойдены скопческим «методом спасения». Друг человечества еще ниже опустит голову, услышав, что еще незадолго до войны число русских скопцов определялось, в круглых цифрах, в 40 тысяч. Можно получить представление о пугающем разрастании этой секты, если обратиться к показаниям русского суда 1866 года, согласно которым в этом только году полиция удостоверила 5.444 чл. секты. Приведенное выше общее число в 40.000 покажется скорее преуменьшенным, чем преувеличенным, если принять во внимание, что скопческое движение, по понятным причинам, строжайшим образом преследовалось судом и вело поэтому преимущественно подпольное существование, и что колоссальное русское государство недавнего прошлого вовсе не являлось настолько организованным в судебном отношении целым, чтобы око закона могло зорко и неподкупно бодрствовать над его бесконечными равнинами. Дело в том, далее, что связь со скопцами была прослежена вплоть до непосредственной близости к царским кругам: несмотря на безразличие к вопросу морали дамочек и господчиков голубых кровей— а, может-быть, именно в с л е д с т в и е этого безразличия—они были всегда склонны ко всевозможным религиозным абсурдам (сравни распутинскую историю). Таким образом, несколько лет тому назад, незадолго до войны, в Кронштадтском канале был найден труп прапорщика Билякова, который поддерживал самые интимные отношения с придворными кругами и который, как это, несомненно, показал результат осмотра трупа, погиб вследствие операции оскопления.

Надо прибавить, что труднее всего установить экономическую и пролетарскую основу и первопричину сектантских движений, когда дело идет об этих изуверских русских сектах, возникших и развивающихся в стране с отсталым производством, с устарелой системой управления, с угнетенным пролетариатом, с государственной церковью, объединяющейся, прежде всего, с государством, с помещиками и со знатью. Социальные симптомы происхождения заглушаются в данном случае резким и пронзительным голосом религиозного безумия; они тем более исчезают из кругозора, чем ужаснее поражают взгляд исключительные ужасы массового сумасшествия. Если остается еще ясной связь между социальной революцией и лишенными отечества «бегунами», для которых «красная смерть» и является последним выводом из существования люмпен-пролетариата, то нить эта почти теряется в обширном лабиринте понятий полулюдей - полуживотных, когда она должна провести нас от недостаточно ясно выраженного экономического восстания к жалкой жертве «огненного крещения» скопцов. Является ли тут известной целью противопоставить в примитивной форме кровавому режиму повелителя всех русских отказ от зачатия и деторождения? Имеет ли последний конец «нетовщиков» что-либо общее с той формой самопомощи, к которой прибегают заключенные современной галеры, именуемой исправительным домом, когда они обращаются к голодовке, чтобы наказать своих тюремщиков? На эти вопросы нельзя ответить сразу и заявить, что это является само собой понятным; и все же, после зрелого обсуждения на них приходится ответить утвердительно. Сведения об этом можно было бы почерпнуть из статистики религиозных сект при новом советском строе. Только в будущем, после 20 или 30 лет его существования, и после столь же длительного существования действительного духовного и экономического раскрепощения крестьянства,—того раскрепощения, которое в царской России, наперекор всем указам Романовых, оставалось лишь на бумаге. К сожалению, мы еще не имеем этой статистики. Вместо этого возможно, может быть, уже теперь поставить следующий вопрос: могли удержаться бы в России все эти скопческие изуверства,

если бы страна уже обладала в течение ста лет современным хозяйственным строем, демократическим устройством, свободным и полным отделением церкви от государства? На этот вопрос нетрудно, конечно, ответить отрицательно, т.-е. подтвердить, таким образом, несомненную связь между политической и социальной революцией, с одной стороны, и распространением изуверских сект—с другой. Ведь, и русский скопец является революционером на свой лад, хотя бы современный революционер-пролетарий страны с развитой индустрией и видел в этом помешавшемся на религии мужике лишь жалкого сотоварища по баррикаде, на которой отвоевываются права человека.

Америка—страна новых форм религии.

Вторым величайшим очагом возникновения сект нового времени является Америка, хотя надо отметить, что американское сектантское движение влияет на религиозную жизнь европейского континента в ином направлении и гораздо сильнее, чем русское. В России еретический бунт восстает против определенного религиозного объединения — русской православной церкви, существующей в продолжение более чем полутора тысяч лет, как в пределах России, так и в половине Азии. В ее наивном любовании пышностью и блеском, в культе икон, в ее монастырском строительстве легко установить целый ряд византийских, азиатских, татарских элементов. Она не только продолжает влечь их за собой, как старое наследство, но даже выдвигает все эти чуждые, уродливые, неприемлемые для современного европейского понимания вещи, как свою основу, и русское сектантское движение остается все время замкнутым в рамках того же религиозного миропонимания, в обстановке которого оно возникло, хотя бы оно и шло на приступ отдельных воззрений и проявлений официальной религии. В противоположность России, Америка—страна покровительства протестантизму, не подвергшемуся засушающему влиянию лютеранства или цвинглианства, т.-е. именно тому религиозному миросозерцанию, которое наиболее типично для европейской буржуа-

зии эпохи капитализма. В Европе новое учение свободы, едва провозглашенное Лютером, было порабощено князьями и высшей церковной бюрократией уже в силу требований государственных интересов маленьких княжеств, вследствие чего и возникла хромающая на обе ноги и фарисейская по существу лютеранско-евангелическая церковь. Шайка служителей и лакеев этой церкви била себя в грудь и возглашала: «О нет, мы не таковы, как римские обскуранты», а в действительности являлась ничуть не менее суеверной, папистской, духовно-порабощенной, чем они. Нынешние Соединенные Штаты в продолжение трехсот лет являлись убежищем для тех европейских бунтовщиков из буржуазии, которые не хотели подчиниться династической реакции времени Реформации и времени, непосредственно следовавшему за ней. Вместе со своими идеями политической независимости перенесли они в новые страны на берегах Огайо и Миссури также и идеалы религиозной свободы, характерные для эпохи Ульриха фон-Гуттена и Фомы Мюнцера. Идеи эти жили в груди каждого немецкого, английского, голландского бюргера, если только розга местного князька не угрожала ему; только государственный и церковный абсолютизм, на сотню лет сменивший бурю и натиск годов Реформации, уничтожил в старой Европе следы этих апокрифических дерзновений.

Пуритане и их град божий.

Английская реакция в лице английской государственной церкви с особенным ожесточением боролась в XVI веке с английскими пуританами, которые называли себя также более понятным именем «несоглашенцев». Первые из этих бунтарей строгих нравов высадились в Северной Америке на скалистых берегах Массачузетса 11-го декабря 1620 года, прибыв туда на маленьком судне Мей Флоуэр из Голландии; в последней они нашли, правда, убежище, но жизнерадостная родина Рубенса и Ван-Дейка встретила их только чисто платоническим сочувствием. Точку зрения пуритан по отношению к государственной церкви выразил с полной ясностью их проповедник при отъезде в Лейден: «Я не могу

достаточно оплакивать судьбу реформистской церкви, которая в религиозном отношении подошла ко грани и не желает итти дальше, чем пошли деятели Реформации. Лютер и Кальвин были в свое время великими и лучезарными светочами, но всех замыслов господних они не проникли». Воистину, счастье для пуритан, что они не могли еще быть марксистами: они лишились бы, конечно, своего душевного мира. Если бы они дерзнули действительно «проникнуть во все замыслы господни», они увидели бы, с какой дьявольской бесцеремонностью те самые князьки и та новая государственная бюрократия, религиозно-политическими комиссионерами которых были и Лютер, и Кальвин, и остальные деятели Реформации, перепрыгнули через этих достойных людей божьих. Реформация пошла как-раз настолько далеко, насколько этого требовали политические и экономические интересы победивших в революции господствующих классов, князей и властителей. Сам Лютер не понял этой исторически поставленной ему задачи—не понял ни на практике, ни в теории, когда обдумывал в Виттенберге итоги и конечные результаты своего дела. Он проник в замыслы господни как-раз настолько, насколько мог двигаться, пока не наткнулся на трижды освященные и неприкосновенные цивильные листы своих святейших покровителей.

Что же представляли собой эти изгнанные и поставленные вне закона пуритане? Что представляла собой, с исторической и социологической точки зрения, первая секта в Америке,—секта, которая оказала огромное влияние на все развитие американской культуры в религиозном отношении? Пуритане были английскими революционерами времени Реформации, которые остались недовольны и ходом, и результатами ее, как это бывает при всех революциях и реформациях. Они приняли освободительные лозунги (звучавшие, может-быть, в момент произнесения совершенно искренно) за чистую монету и были жестоко разочарованы, когда принялись подводить счеты. Как указывают историки этой послереформационной эпохи, их было «около сотни простых мужчин и женщин с севера Англии». Нам легче будет понять характер этой первой американской секты, если мы

назовем сто простых людей сотней угнетенных пролетариев. Английские крупные помещики, «короли шерсти», «высший класс» положили в свой карман выигрыш, полученный от Реформации. Бедняки, нуждающаяся и платящая подати масса, отошли с пустыми руками. Кое-кто из них по своей дерзости принял это к сведению—и выселился с родины под знаменем пуританства.

В Америке эти пролетарии основали свой «град божий». Знаток религиозной жизни в Америке Вильгельм Моллер рассказывает о первых годах переселенцев. Поселившись в жалких дощатых хижинах, страдая от ужасного холода и недостаточного питания, приступили они в середине зимы к борьбе с дикой чащей и с ее враждебными обитателями. После 10 лет колония насчитывала 300 душ. Она росла непрерывно; обозы вновь прибывающих пуритан подходили постоянно; при усилении секты к ней начали примыкать отдельные элементы, утратившие связь с родиной вследствие личного несчастия или порвавшие с ней из принципиальных соображений. Важнее всего то, что дух, оживотворяющий этот «град божий» и составлявший его основу и суть, был духом пролетарским в том общем смысле, в каком можно употреблять этот термин относительно времени, не имевшего индустрии машин.

Сколько же времени длился этот революционный пролетарский идеализм?—«Ах, как скоро, скоро, скоро красота бежит от взора», гласит солдатская песенка. Лишенные отечества переселенцы, так же мало боявшиеся борьбы с медведями, как и борьбы с попами епископальной церкви, превратились в хорошо откормленных фермеров, в ремесленников с делом на всех парах, в купцов, прошедших огонь и воду и медные трубы. Доллары катились и животы округлялись. «Град божий» мог кряхтеть и стонать, он был распростерт на Прокрустовом ложе буржуазного эгоизма и стремления к наживе; дух его отлетел... Те же самые сектанты, вышедшие когда-то из пролетарских слоев, из эгоистических соображений запрещали теперь селиться с ними беднякам, англиканского вероисповедания. Они преследовали денежными штрафами и высылкой членов секты «крестящихся», проле-

тарских потомков тоже пролетарского движения «перекрещенцев» времен отошедшего средневековья. Многие из квакеров подвергнуты были бичеванию, во многих случаях их со всеми подлежащими приемами средневековой феодальной юстиции осуждали на сожжение и на колесование. В «божьем граде» деятельно работала под пуританским влиянием направленная против ведьм инквизиции, и костры пылали в «свободной Америке» не менее ярко, чем в Европе с ее государственной церковью. Только с 1688 по 1693 г. в Массачузетсе по обвинению в ведовстве было заточено, подвергнуто пыткам и осуждено весьма значительное число людей обоего пола и состояния, наполовину состоявших из невинных девушек и достойных женщин и мужчин добродетельной жизни. Мюллер, в общем расположенный к сектантским движениям пишет об этом: «Фантазия (т.-е. вера в ведовство и борьба с ним), почти совершенно разрушившая пуританское миросозерцание, вырвалась из уз и опьянела в оргиях ужасающего стремления преследовать».

Квакеры или секта „трясущихся".

Среди осевших сект Америки не только пуритане являются типами бунтарей, для которых религиозные верования послужили только вывеской и которые отказались от них, как от чего-то совершенно несущественного, когда перешли в экономическом и политическом отношениях к иным условиям жизни и когда пуховик буржуазной обстановки заставил их забыть о прежней пролетарской нужде. Точно так же обстояли дела и с другими ранними сектами Америки—и прежде всего с сектой квакеров. Основателем этой секты был Джордж Фокс, сын прядильщика, скромный башмачник в Ноттингэме. Как говорит он сам, проповедывать «простосердым и беднякам» начал он в 1740 г., и действительно, слушателей и учеников, которых он «будил к бесконечной любви господней», он находил прежде всего в среде обнищавшего пролетариата. И как будил он их! Истощенные, изнуренные от лишений люди чисто физически не в состоянии были сопротивляться страшному возбуждению, когда

он набрасывался на них с своей барабанной атакой, с угрозами адских мучений и с обещаниями небесной награды; они впадали в эпилептические припадки и в ту потрясающую дрожь, которую вынесло из «свинцовой бани» столько жертв мировой войны. Именно поэтому и начали называть этих бедных пролетариев-эпилептиков «квакерами»—«дрожащими». Только гораздо позднее, когда квакеры стали уже открытой силой, к ним примкнули люди из господствующих классов—ученый Барклай и государственный человек Вильям Пенн. Основные моменты пролетарской и революционной идеологии этого курьезного религиозного объединения сказываются наиболее ясно в их уклонении от присяги и от воинской повинности. Уклоняясь от присяги, они отказываются уподобляться «адвокатам», которые, всегда оставаясь в условиях капиталистического общества в выигрыше, служат перед судом только обеспечению прибыли и собственности и дают показания не наиболее честные, но наиболее выгодные; отказываясь от воинской повинности, они уклоняются от несения обязанностей, которые, с их точки зрения, всегда служат интересам господствующих только классов. Так было. Теперь же о квакерах можно спокойно говорить, как о людях, которые в общем давно уже примирились с этим—ах, столь презренным!—миром наживы, и заключили с ним договор на обоюдный дружеский нейтралитет. Было бы интересно установить, действительно ли каждый квакер отказывается приносить присягу перед американским судом и действительно ли никто из них не находился среди американских войск на верденском фронте? По всей вероятности, на эти вопросы пришлось бы ответить отрицательно. Нельзя оспаривать, конечно, что многие из квакеров и по сие время чувствуют себя обязанными традициям своего движения, некогда выросшего из пролетарской самопомощи, что многие из них в одном пальце имеют больше гуманности, чем состоящий на пенсии служитель государственной церкви во всем теле. Того, что́ сделали квакеры для голодающей Европы после мировой войны, недостаточно, конечно, чтобы накормить хоть малую часть голодающих детей наших больших городов и вернуть

здоровье рахитичным подросткам школьного возраста, но всякий должен признать за ними доброе желание, и добровольную помощь свою они сумели организовать быстро и обойтись при этом без помощи различных комитетов и без княжеского покровительства.

Баптисты и методисты.

Преимущественное влияние на религиозную жизнь Америки последнего времени получили две более молодые «свободные церкви»—баптисты и методисты. С одной стороны, это объясняется тем, что по программе своей они были значительно рационалистичнее всех остальных христианских сект; с другой—секты эти легче могли занять главенствующую позицию в силу того, что отнюдь не являлись задрапированными на религиозный манер объединениями европейских бунтарей, как остальные, перечисленные выше. Возникнув для этого слишком поздно, не имея уже связи с социальной революцией эпохи Реформации, они являлись прежде всего буржуазными учреждениями, лишенными революционного характера, и не хотели быть ничем бо́льшим, как только новой формой религиозного объединения в новом, экономически и культурно, обществе, в которое начинали складываться тогда теперешние Соединенные Штаты. Американец, ставший представителем буржуазии, не мог удовлетвориться религиозной системой своего европейского отечества. Если он и перенес с собой язык, технику, науку старой Европы, экономически и политически Америка была и осталась великой страной третьего сословия, буржуазии, медленно пробуждавшейся во всех европейских странах. В силу этого и сложился ее буржуазно-демократический облик. Эпохи феодализма и абсолютизма, общей для всех европейских стран, Америка не знала совсем. Несмотря на Реформацию, официальные церкви—римско-католическая в полной мере и протестантские в несколько меньшей степени,— оставались в Европе средством к утверждению и господству над массами медленно изживающих себя старых политических форм к окончательному низвержению которых послужило сигналом взятие в Париже Бастилии в конце XVIII в.

С самого начала своего существования буржуазная Америка нуждается в такой же доброй буржуазной религии. В этом и заключается весь секрет фактической монополии, которую завоевали себе баптисты и методисты. Возникнув позднее пуритан и квакеров, когда новая промышленность и торговля уже окрепли, они являются выражением буржуазного американского христианства. Не имея религиозной программы социально и политически бунтующей пролетарской группы, ни баптисты, ни методисты не любят называть себя сектой, как с известной гордостью делают это до сих пор пуритане и квакеры, из какого-то темного воспоминания об изжитом уже ныне классовом обособлении. Вюрстер, профессор теологии в Тюбингене, говорил своим студентам: «Господа, никогда не говорите о методистах как о секте; вы увидите, в противоположность вашему мнению, что они скоро станут церковью общенародного типа».

Суть религиозного миросозерцания баптистов заключается в отрицании крещения детей. С полным основанием ссылаясь на новый завет, они крестят только взрослого и только тогда, когда он «придет ко христу». Воистину, это подлинное буржуазно-демократическое воззрение, которое находится в полном соответствии с политическими и общекультурными представлениями, господствующими среди американской буржуазии. В крещении малолетних нашла свое выражение сущность примитивного религиозного феодализма и абсолютизма, если здесь можно употребить эти термины. Как в феодальном государстве или в условиях абсолютистского государственного строя «старого режима», люди без какого бы то ни было участия со своей стороны и не будучи об этом спрошены заранее бывали разнесены по совершенно определенным рубрикам подданных, точно так же и таким же абсолютистским манером старые церкви штампуют детей на христианский лад, не спрашивая, даст ли созревший человек свое сознательное согласие на этот навязанный ему церковный штемпель. С этой точки зрения, крещение взрослых—не что иное, как своеобразно поставленный вопрос о правах личности в религиозном отношении; в нем заключается целый мир политических и демократических пред-

ставлений буржуазного американца, который счастливой судьбой избавлен был от русских бар, от прусских господ, от привилегий дворянства, от разделения сословий, от местных немецких князьков с их министрами двора и т. д. и т. д.

Это стремление к равенству, одинаково свойственное религиозному миросозерцанию баптистов и государственному миросозерцанию буржуазии, обеспечило баптистам их преимущественное значение. Буржуазия, политически возглавляющая общественное мнение, является также носителем общераспространенных представлений о небесах и об аде. В конце 1915 года в Соединенных Штатах насчитывалось 52.410 баптистских общин, которые обладали почти шестью миллионами членов и двумя готовыми к бою корпусами собственных проповедников. К ним надо прибавить сочувствующих баптизму, которые не принимали имени баптистов, но разделяли их учение и имели такое же церковное устройство. Надо добавить, что при исчислении приняты во внимание только действительные члены общин без детей и без остальных членов семьи, так что общее число баптистов в Америке надо оценить круглым счетом в 28—30 миллионов. Этому соответствует вычисление проф. д-ра Варнека, который определяет общее число баптистов на свете за 33 миллиона. Вспомнив, что официальная лютеранская церковь насчитывает во всяком случае не более 40 миллионов приверженцев, можно с полным правом говорить о баптизме, как об одной из «официальных» религиозных систем буржуазной Америки. Около ста лет назад баптизм проник в Германию через Гамбург, куда Америка отправляет в течение десятилетий не только хлопок и убоину, но и своих проповедников покаяния. Свое преимущественное распространение баптизм нашел, главным образом, в Северной Германии, в Ольденбурге, в Шлезвиге. В Саксонии баптисты уже во время мировой войны имели 11 капелл с 24 общинами, и темп их распространения не замедляется. Отметим тут же близких баптистам меннонитов, которые также ввели крещение взрослых, но производят его, в противоположность баптистам, без полного погружения в воду.

Поведение всех этих благочестивых господ во время войны (а они даже гордятся им) показывает лучше всего, что у этих сект не осталось уже больше ничего революционного или древнехристианского и что их религиозная программа является не чем иным, как лучше пригнанной к требованиям современного демократического вкуса маркой протестантской церковности.

Баптисты поступали в полном соответствии с прошедшим через надлежащую обработку государственной религии протестантским или католическим христом, который впутался со своим учением в ужасную бойню, затеянную и проведенную определенным сортом людей. Вильгельм Гогенцоллерн не мог найти более пылких рекрутов, более надежных проводников, сопровождавших необозримые караваны рабов Людендорфа из Лилля или Цертрика к рейнским индустриальным центрам. По их собственным данным, они распространили «для поддержания духа солдат» 190.000 «Добрых Товарищей» (их миссионерский журнал для солдат), 124.550 новых заветов, около 18.000 евангелий, 570.000 брошюрок и листовок. «Баптисты умеют распространять не только листовки, но способны и «на молодецкую атаку», (дословно!) пишет весьма близкий к ним Оскар Бютнер, которому некий директор миссии посвящает переполненное христианскими фразами предисловие книги «Свободные церкви в Германии». «Около 8.000 баптистов отправилось на поле битвы, и тот, кто дает себе труд проследить «Известия» за военные месяцы, найдет в них сведения не только о тех сынах баптизма, которые остались на поле чести, но и о тех, которые были почтены за свою отвагу Железным Крестом. И число последних велико. В марте 1915 г. их было 126». Далее, этот раб господень Бютнер повествует, как он присутствовал 1-го ноября 1915 года на посвященном отечеству молитвенном собрании баптистов общины в Берлине и как, в заключение, 400 или 500 человек встали и под благочестивый аккомпанемент гармониума запели песню, являющуюся подобием псалма, переложенного на ритм казармы; в своем неподражаемом смешении отвратительной кровожадности и шовинистической лжи с мироточивыми христиан-

скими фразами она в передаче Бютнера гласит дословно следующее:

«Клич прошумел как удар грома, как звон меча и как шум валов: с Рейна и с берегов Мемеля угрожают нашему отечеству. В этом виновен нечестивый народ: он положил всему начало убийством короля. Теперь наш долг, наш долг требовать искуплениия: благородный народ не защищает убийцу, убийцу.

Русский притворяется миролюбивым и думает, что ему поверят, и потихоньку вооружается у себя, и втихомолку мобилизуется против нас. Мы называем это позорным предательством; это требует немецкого ответа. Кто нас преследует насмешкой, насмешкой и издевательством, того мы разобьем,—нам поможет, нам поможет господь.

Француз, наш старый враг, поистине, ошибается, полагая, что у нас нет уже больше той мощи, которая так часто приводила нас к победе. Еще нельзя ослепить немецкий дух лестью и подкупом. Мы радостно пойдем на бой, на бой, на смерть, мы не боимся,—нам поможет, нам поможет господь.

И Англия проявляет алчность, а может быть, и бледную зависть. Она завидует нам и нашему положению и больше не думает о праве и долге. Может быть, у нее и больше несколькими корабликами, но мы радостно встанем на защиту. Если бы и весь мир, весь мир стал бы нам грозить, мы примем эту угрозу,—нам поможет, нам поможет господь.

Высокочтимый, как князь миролюбия, наш император долго сдерживался. Теперь же он явится всему миру, как герой войны. С господом и со своим храбрым воинством, встанет он за честь своего государства. Взывайте же к избавителю, к избавителю от несчастий, мы взываем вместе с вами—нам поможет, нам поможет господь».

Конечно, эта штука уже как литературное произведение является преступлением. Тот, кто фабрикует подобные вирши да еще дает их распевать, заслуживает, как стихокропатель, полицейского надзора, который воспрепятствовал бы ему извращать немецкую лирику и немецкий язык. Лучше всего, однако, то, что, за исключением этих благочестивейших из благочестивых, секты, еще недавно возглавлявшие

столь исступленные индейские военные пляски, теперь по окончании того взаимного истребления, которое они сами столь восхваляли, идут перед забывчим и некритикующим пролетариатом на попятный. Они проливают перед вдовами и сиротами войны фарисейские слезы по поводу пришедшей нужды и внушают этим несчастнейшим из несчастных, что утешить и наградить их за все их страдания может только тот же самый бог, который несколько ранее служил для них столь надежным шефом германского генерального штаба. По отношению к народу секты эти ничем не отличаются, таким образом, от чисто церковных форм грабительства и обмана. Баптист под инициалами И. С. Л. был прав, когда писал 5-го марта 1915 г. в одной газете: «Мы представляем собой замкнутую молитвенную общину, на которую наш император может положиться». Вряд ли нужно приводить после этого дальнейшие доказательства опасности, которую несут эти секты,—опасности для здорового развития общества и для окончательного освобождения с трудом возрождающегося народа.

Не менее буржуазны и консервативны по отношению к государству и методисты. Они не столько выделяются им именно присущим взглядом на библию и христианство, сколько особенным методом упражнений в христианском поведении. Истинное благочестие является в их глазах особой формой трудно изучаемого искусства, которым можно овладеть лишь путем специальных умений и приемов. Не напрасно называли их поэтому насмешливо «методистами», учеными и квалифицированными работниками виноградника господня. Как и отец баптизма Роджер Вильямс, их основатель Джон Веслей, пастор английской епископальной церкви, отнюдь не являлся каким-нибудь социально взбунтовавшимся пролетарием. Это объясняет всю дальнейшую практику методизма, в 1750 году нашедшую себе приложение среди студентов Оксфорда в эпоху, когда Европа находилась не в состоянии революции, но накануне последней. Это патентованное христианство пришлось практическим американцам как по мерке. В свои религиозные упражнения методисты ввели разделение труда, систему до-

говоров и фабричное производство. Их полу-автоматическое благочестие совершенно соответствовало системе производства в Америке, возникающий капитализм которой не терпел ни благочестивой ремесленной традиции, ни вызывающих идолопоклонство пережитков более или менее славного феодального прошлого. Методизм, как и небоскребы, мог привиться только в Америке; методизм чуть ли не сделался американской религией. В 1913 г. число его приверженцев доходило до 35 миллионов; в одной лишь маленькой Саксонии их было более 12 тысяч. С течением времени возник целый ряд непосредственно примыкающих к методистам сектантских групп, как «Немецкое библейское общество» или «Юношеский христианский союз». Все они дудят в ту же дудку, что и методисты, считают друг друга «братьями» и «сестрами», говорят друг другу «ты», и все напоминают друг друга одной и той же манерой небесной рекламы более чем американского стиля. Владельцы типографий побледнели бы от зависти, услыхав о колоссальных размерах издания брошюрок, содержание которых можно было бы сравнить с мочегонным для религиозных чувств. 29.000 немецких методистов ежемесячно разносят по домам 600.555 «христианских листков». Один из их песенников под названием «Радостная весть» выдержал до сих пор 140 изданий в 439.000 экземпляров. И какие глубокомысленные, проникнутые настроением песни!

Я—методист.
Знаете ли вы, что это за человек?
Он отвращается от греха
И воистину предается господу.
Таков истинный методист,
Совершенный в любви к господу.

Методисты «совершенны» не только в любви к господу: еще большего совершенства достигли они в рекламе своего учения, не уступающей лучшим американским образцам. Надо знать, что так-называемая «Армия Спасения», основанная их проповедником «генералом» Бутсом, является лишь филиальным отделением этой колоссальной большой секты,

получившим с течением времени известную самостоятельность. Со 21.000 своих офицеров и 25 тысячами музыкантов—такова приблизительная численность германского филиала—армия эта воистину в состоянии достаточно оглушительно бить в барабаны во славу божию. Всякий, не утерявший способности мыслить объективно, сумеет оценить, чего стоят в действительности практические достижения этой «Армии Спасения» в деле помощи человечеству. Достижения эти только подчеркивают язвы, являющиеся следствием нашего столь благословляемого капиталистического строя, и вовсе не служат сами по себе доказательством доброкачественности идеологии движения. В своих достойных уважения, хотя и не вполне бескорыстных, заботах о безработных, пьяницах и проститутках «Армия Спасения» достигла бы тех же результатов и без помощи своих скамей для покаяния.

Методисты и особенно их ближайшие германские родственники и отпрыски, «общинники», держат себя относительно всей массы пестрых христианских вероучений фактически нейтрально. В этом движении есть даже эйзенахское направление, строго церковное по характеру. Основная сущность методизма—не что иное, как особый вид религиозной практики и упражнения в вере. Сущность эта настолько проникнута американизмом, что не только свободомыслящий, но и просто верующий европеец (и, может-быть, именно этот последний в первую очередь) отступит с трепетом перед поразительной смесью дешовой трактирной акробатики, крикливого рекламирования христа и наиболее низменной христианской атлетики. К этим же сектам неотъемлемо принадлежит и так-называемый «Проповедник духовного воскресения». Люди, совершенно невозможные в религиозном отношении, являются для практики методистов наиболее подходящими и желанными. Таков достопочтенный В. А. Сендэй, в прошлом профессиональный игрок в мяч; главным трюком его было вызвать перед неготовой еще к покаянию публикой дьявола в его собственной персоне, дабы пополнить таким образом «скамьи покаяния». Судя по газетным сведениям, в исполнение этих обязанностей недавно вступил

также знаменитый призовой боксер, ныне отплывший в Африку, дабы пустить против негритянских мальчишек силу своих испытанных в состязаниях с Карпентье легких и своих христиански-натренированных мускулов. Вот пара цветков из таких проповедей в Возрождении: «Когда человека одолевают вши, мягкая щетка не годится, и в ход надо пустить грубый частый гребень. Так и на грешника не влияют доказательства любви и благости господней, но только тяжкие испытания и наказания», говорил проповедник Возрождения Сэмуэль Джойс перед десятитысячной толпой в Цинциннати». Или же: «Я буду сражаться с вещами, которые губят как мужчину, так и женщину. Я буду бороться, пока ад не замерзнет. Тогда я надену коньки и буду продолжать сражаться» («Евангелист» Билль. Сендэй в Декатуре, в Иллинойсе). Как видно, сам Зейферт Оскар на саксонской ярмарке не сумел бы превзойти отталкивающей банальности этих перлов небесной рекламы. Последствия соответствовали характеру действия. Судороги покаяния, вспышки тяжелой истерии, обмороки—непременные проявления невежественной, соответствующе обработанной толпы. После подобной рычанию или визгу речи проповедника, после общей молитвы и песнопений под оглушительные звуки литавр, после аллилуйя, провозглашаемой обращенными по команде, предрасположенные натуры проявляют стремление к обращению,—люди спокойные со слезами умиления, страстные со взрывами дикого отчаяния, нередко впадая в бессознательное состояние. За нервным потрясением следует обычно состояние экстаза и ликующей уверенности—то, что методисты называют «духовным возрождением». Всякий, кто имел случай присутствовать при подобном обморачивании массы во имя распятого Назарянина, не мог не почувствовать тошноты от издевательства над человеческой психикой и сознательно-беспощадной прививки слушателям гипнотического яда. Американский доктор Даунпорт указывает, что в 1882 и 1903 году наибольшее распространение родовой кровавой мести и зверского суда Линча наблюдалось именно в тех областях Кентукки, которые в начале прошлого века были особенно подчинены влиянию методистов евангелического

толка и насчитывали толпы обращенных. Уже этого факта достаточно, чтобы доказать, что способы обращения методистов имеют весьма мало общего с победой христианского мышления. В целях того же возможного воздействия на массу методисты и родственные им по духу религиозные группы использовали для кафедры и для скамей покаяния область спиритизма и современных учений о духах, которая до того времени служила лишь для светской забавы кругов, по существу своему оставшихся вне религии.

При появлении своем методисты застали невыгодное для религии положение. Разрушительная атака трех великих философов начала нового времени, Декарта, Спинозы и Канта, телескоп Галилея, Кеплера и Ньютона, математические выкладки Лапласа, наконец, едкая ирония Вольтера (мы берем немногие лишь знаменитые имена) на время совершенно уничтожили в сознании интеллигентной Европы существование христианского неба и христианского ада вместе с их обитателями, с воспевающими аллилуйю ангелочками с курительными свечками в руках и чертенятами с их хвостиками и рожками. Религиозные революции так же сопровождаются, однако, периодом реакции, как политические; в этом заключается диалектический закон истории. Период просвещения, эпоха нашей великой классической поэзии сделала церковную веру чуждой обществу; следующий за ним период романтизма вновь привил обществу веру в призраков и духов. Политическое время романтиков, время Новалиса, Тика, Кернера, Эйхендорфа совпадает с эпохой Меттерниха и «Священного Союза» венценосных деспотов Европы под главенством русского кровавого царя, вокруг которого они группировались. Реакция эта, руководимая сначала вышеперечисленными поэтами, впоследствии—Арнимом, Брентано, Э. Т. А. Гофманом (большинство романтиков были по происхождению пруссаками: южная Германия и романский мир меньше поддались этому направлению), выразилась отчасти в религиозной мечтательности и даже в неясном тяготении к католицизму; идеологические руководители этого периода отступления и внешним образом запечатлели свой внутренний возврат к старым верованиям

признанием папы. Известна симпатия ко всему католическому безумного Фридриха Вильгельма IV Прусского; лучшим деянием его правления явилась достройка Кельнского собора, прерванная за недостатком средств во время Тридцатилетней войны. На-ряду с романтическими кругами, настроенными вполне церковно, оставался ряд людей, стоявших на почве уже завоеванной наукой свободной мысли. Они пытались обосновать светской наукой наклонность этой реакционной эпохи к мистицизму и духовидению; конечно, попытки эти должны были остаться неудачными, но сделаны они были. Писатель Юстинус Кернер поднялся до высоты изысканий, уже вполне чуждых религии, хотя и ошибочных по существу. Это распространившееся учение о духах оставалось, однако, и впоследствии совершенно обособленным от церковно-догматической веры в чудеса. Главой и учителем этого направления был признан исключительно одаренный фантаст Сведенборг, писавший за сто лет перед этим. Прежде чем стать ясновидцем (он имел и потрясающие видения; так, он, будто бы, видел пожар Стокгольма за два дня до получения известия о нем), Сведенборг, по собственному признанию, страдал онанизмом, духовно и физически разрушившим его еще в полном расцвете мужской силы. Сны его были переполнены образами женщин, с которыми он вступал в отношения диких оргий. Впоследствии эти онанистические галлюцинации стали являться Сведенборгу даже днем: обнаженные женские тела преследовали его ежечасно,—преследовали за письменном столом и в почтовой карете. Нетрудно понять, как сложилась дальше его глубоко постыдная жизнь. Сексуальное заболевание разрушило и тело, и разум. Он призывал бога на помощь, чтобы тот заклял этот источник сладких страданий, грозивших отнять у него последнюю силу; он начал проклинать, начал молиться. Попытаясь найти какой-нибудь выход и спастись от своего извращения, Сведенборг снова обратился к религии, как тысячи людей делали это и до него, и после него; и не к чести, но к стыду и посрамлению служит церкви это возвращение к ней табетиков и плешивых, которые прибегают к ее стопам только после того, как червяк забрался

уже к ним в мозг и суставы. Во всяком случае, в начале своем и по своему существу ясновидение, учение о духах и духовидение Сведенборга отнюдь не имели церковного и религиозного характера, но являлись скорее противоположностью церковному направлению. Поэтому к кружку последователей Сведенборга примкнули верующие, духовные воззрения которых сложились под влиянием романтического периода, но которые согласно с духом времени не хотели обратиться к религии. Так шло в течение нескольких десятков лет почти вплоть до нашего времени. Новое учение о духах было достоянием немногочисленного и обособленного круга ученых и художников; народным массам оно оставалось чуждым и просто неизвестным.

Но и американским библейским святым и тертым евангелистам методизма оставалось только в срочном порядке изменить положение вещей. Испытанные, семь раз процеженные мастера небесных реклам инстинктивно поняли все преимущество для их покаянной пропаганды, в том случае, если бы им удалось припрячь к своему христианскому шутовскому возку пару-другую профессоров, этих абсолютно нерелигиозных духов, вернее сказать, пугал религии. Если бы удалось показать пораженным массам, как можно сноситься и переписываться с небом и адом, о которых кричат во всю мочь, до хрипоты зовущие к покаянию проповедники! Если бы одному из таких архангелов и в самом деле пришло в голову потянуть кого-нибудь из массы за усы или наступить ему на мозоль! Какое великолепное будущее открылось бы для огорода методистического душеспасения...

В Гейдесвиле, в графстве Ване, неспроста «застукало» внезапно в доме методистского проповедника Фокса, жившего в нем с женой и тремя дочерьми. Потом говорили, что еще года за полтора до фоксовского въезда в доме «стукало». В таких случаях всегда находятся хитрецы, уверяющие других, что они-де это все давным-давно знали. Как бы то ни было, но стук был действительно услышан только при Фоксе, просветленном методизмом. Сначала это происходило беспорядочно, потом бесчинство стало организованным. Стуки, желаемой силы и в потребном количестве, раздавались по

воле детей. Глубоко верующая методистка, признающая, согласно своему учению, посмертное духовное существование человека, госпожа Фокс спросила таинственного «стукателя», дух ли он. В ответ раздался ясный стук. Таким путем обрели возможность объясняться с духом. В то же время в мире техники заставил говорить о себе аппарат Морзе, в котором электрический ток, различными по силе ударами клавиш, передает по желанию всю азбуку. В ангелочков со свечками и чертенят с хвостиком закорючкой в то время электричества и пара уже, конечно, не верили. Зато на сцену явились технически изъясняющиеся духи, своего рода инженеры-спецы потустороннего мира. Успех не заставил себя ждать. Вскоре фоксовский дух заявил по системе Морзе, стуками различной силы, что он—бессмертная душа некогда убитого в этом доме зеленщика. А когда через несколько недель в погребе дома нашли клок волос и пару костей, могущих с одинаковым успехом принадлежать как издохшей извозчичьей кляче, так и обработанной на котлеты свинье,—фоксовского духа признали безусловно. Вел он себя послушно, умно и скромно.

Семья Фокс переехала из Гейдесвиля в Рочестер. Дух живо запоковал чемоданы и не заставил себя ждать. Но Гейдесвиль—деревня, а Рочестер—прекрасный большой город с тысячами бездельников. У них было достаточно времени. чтобы изучать в гостиной частных методистов все эти страсти. В гостиной у Фокса садились вокруг стола, чинно положив руки поверх его, как и полагается чувству мистического благоговения. Чего же удивляться, что мало-по-малу «одухотворялся» стол, ножки, доска! А так как никем не предусмотрено, чтобы дух шумел только за дверьми или в печных трубах, то он был так любезен, что без долгих просьб «манифестировал» свое присутствие. Сделал он это посредством стуков стола, самой ближайшей и удобной для присутствующих мебели. Стуки были изобретены, мертвые заговорили, четвертое измерение послало своих гонцов на эту скучную землю!

По вопросу о спиритизме была пролита масса чернил, больше всего его приверженцами. Было ошибкой со стороны науки

обиженно уклониться, когда знатоки привиденческого дела прожужжали ей уши о неверно понятой шекспировской фразе и о вещах между небом и адом, о которых и не снится ученым мудрецам, и с презрением упрекали науку в доктринерстве. Только из-за такой ошибки могло случиться, что это новое верование—эта прекрасная разнородная смесь американской шантанной акробатики, современной техники и средневекового культа дьявола—заразило целые слои общества. Американские секты, и прежде всего методисты, сделали все возможное, чтобы способствовать этому массовому психозу. Они всегда так громко и так уверенно говорили о небе и аде и о всех подробностях так-называемой «потусторонности», что успех их был обеспечен! Но из всех их истерических воплей вовсе не следовало, что методисты могли, хотя бы даже приблизительно, проделывать все те штуки, о которых они кричали. Был ли, пока не изобрели спиритизм, хотя бы один из этих «организаторов-проповедников», заглянувший или давший другому возможность заглянуть в эту «по ту сторону»? Но вот, благодаря спиритизму, стало, наконец, возможным ощутимо пожать руку выходцу с того света. Стало возможным послушать собственные рассказы обитателей лучшего мира о том, как они живут в небесном блаженстве, распевая аллилуйя за чашкой кофе или стаканом вина. Эндрью Джексон, сын горького пьяницы, первый привел спиритизм в религиозную систему. Достойные сожаления дети алкоголиков всегда играют особую роль в истории человеческой глупости и преступлений. От этого американского эпилептика—Эндрью Джексона до немецкой «литературы ужасов» советника уездного строительного комитета А. Д. Генрика идет прямой путь, ведущий сквозь лабиринт хорошо рассчитанного жульничества или тупоумно-святого самообмана.

Само собой разумеется, что методисты со своим весьма гибким потусторонним суеверием являлись желанными помощниками каждой правительственной дворянской власти, преследующей только свою цель,—хотя мелкое чиновничество, весьма снисходительное (из чувства товарищества) к государственной официальной церкви, и поглядывало косо

на эти лойяльные секты,—зато недаром такой знающий свои цели, трезвый и грубый передовой боец за современный строй казармы и смирительного дома, как Отто Бисмарк, заключил братский союз с методистами и их немецким филиалом—«общинной церковью».

Один из их проповедников Э. Рименшнейдер откровенно признается: «Когда нас очень притесняли низшие прусские чиновники, мы обращались к Бисмарку, и он всегда приостанавливал преследование». Творец закона о социалистах, подделыватель эмской депеши, человек, решавший судьбы народов железом и кровью, идол всех палачей и индустриальных божков от Эссена до Катовиц,—знал, почему он это делал! Эти люди с устремленными в небо глазами были идеальнейшими подданными для трехклассовой прусской системы. Им не было дела до того, что господствующие рыцари индустрии кроят ремни из шкуры пролетариата, раз им приветливо улыбается царствие небесное! В смысле помощи правительству в политическом угнетении и беззастенчивом грабеже «жалкой, платящей налоги черни» методистские проповедники, со своими яростными приверженцами, достигали гораздо больших результатов, чем официальные проповедники, собирающие вокруг себя верующих только в половину или на $^{2}/_{5}$. Угодно примеры? В день рождения кайзера в 1915 году главный орган методистов—«Евангелист» разрешился следующим заявлением: «Разве не должны мы сегодня теснее сплотиться около него, обожаемого народом и так оклеветанного врагами монарха, с благодарностью пожать ему руку и заверить его, что никакие злые клеветы наших противников не запятнают героического облика мудрого, благоверного и мощного владыки, стоящего всей душой за благо своего народа и желающего вместе с ним победить или погибнуть? Да, мы знаем, что много рук простерты к богу в беспрестанной мольбе за него, дабы он не изнемог под небывалым бременем наших дней, но с божьей помощью повел наш тяжело-испытуемый народ к славному будущему. Итак, да здравствует кайзер!». Вызывает отвращение, что здесь, словно с официального церковного амвона, претендуют на помощь господа бога в широко задуманном

грабеже плодородной земли в Курляндии, рудников в Бриэ и гаваней на Фландрском побережье. Именно так понимают эти люди «блистательное будущее Германии». Методисты—первые основатели сект новейшей сущности. Все способы обращения, которыми теперь, как дубинами и кузнечными молотами, обделывают массу, исходят по-настоящему от них.

Во-первых, они напустили на людские души ротационные машины, которые в порядке очереди, по заказу различных сект, подражающих методистам, выплевывают целые горы даровых брошюрок. Это методисты изобрели то христианское плакатное искусство, которое лучше боевых заглавий кинолент вовлекает массу в методистские сборища.

Американский деловой принцип: «масса должна оправдать», и «рекламируй так долго и так громко, чтобы люди либо сошли с ума, либо купили»,—у методистов возведен в апостольский принцип. Они нашли себе новое забавное призвание—всехристианнейших мастеров рекламы.

Отец методистов Веслей хвастает тем, что проповедует 2—3 раза в день, а в воскресенье—даже 4—5 раз. Он побил рекорд в 40.000 проповедей и 225.000 миллионов верст, правда, с помощью лошади, пройденных по пути уловления душ. Чем не великолепная математика «божественного» усердия? Во всяком случае, последователи Веслея во всех странах, методисты и не-методисты, стараются изо всей силы подражать этому идеальному чернорабочему душеспасения.

Гибель мира адвентистов.

Методисты, выдумавшие, с пропагандистской целью, религиозную стукотню и создавшие себе этим великолепный аттракцион, нашли подражателей. Это были адвентисты, тоже выходцы из Америки. Они ввели, как последнюю новость на поле человеческой глупости, сумасбродную идею о предстоящей в ближайшем будущем гибели мира. Правильней: ввели вновь. Земля должна была па самом деле погибнуть в марте 1843 года, как пророчили адвентисты. Древнее христианство было, кстати сказать, построено на безусловном верованиии римского пролетариата в ближайший

конец всех вещей, в исполненное славы возвращение христа и в установление «тысячелетнего царства». Это фантастическое движение названо в истории культуры хилиазмом (от «chilios»—тысяча). Спустя триста лет, приблизительно, после смерти основателей христианства—Иисуса и Павла, эта религия была сделана Константином «Великим» государственной религией и превратилась в орудие господства богатых классов. И тогда-то и начали, исподволь и систематически, подавляться и забываться эти хилиастические мечты. Позже, через все средневековье, сумасбродная хилиастическая идея конца мира в ближайший определенный срок не раз становилась в оппозицию к официальной религии. Так было после большой чумы в 1259 году, когда пострадала вся средняя Европа и особенно ужасно—Италия. Тогда окончательным сроком гибели был назначен 1260 год. При чем, по библии составили следующий мудрый расчет: в первой главе нового завета насчитывается, как известно, 42 поколения от Авраама до Иисуса. Каждому поколению определили по 30 лет жизни, умножили 30 на 42, по числу поколений, и начали счет лет со дня рождения Иисуса. Так и получился 1260 год, когда христос, согласно завету, должен был явиться в день страшного суда. Этот расчет так же прост, как и убедителен. Таким образом, нью-иоркские адвентисты ни в коем случае не были оригинальны, когда в середине прошлого столетия они подняли панику по поводу гибели мира и свели с ума часть человечества. История их возникновения следующая. В штате Нью-Иорк некий Вилльям Миллер (род. в 1772 г., умер в 1849 г.) возвестил однажды явление господа с небеси. Конец мира должен был наступить, как сказано, в марте 1843 г. Чем более безумна идея, тем больше появляется верующих в нее; на родине Миллера и в соседних штатах Мэн и Массачузетс вокруг пророка быстро сгруппировались толпы приверженцев. Они назвались адвентистами, т.-е. верующими в пришествие христа. Вскоре движение вылилось в более, чем сумасшедшие формы. Оно стало общественно-опасным. Десятки адвентистов забросили свои дела, продавали домашний скарб, обрекли семьи на нищету и только молились и проповеды-

вали. Ясно, что для них все стало земной тщетой, если оставалось всего несколько месяцев до великого события. Правда, март 1843 года преблагополучно прошел, земля не погибла, и христос с небеси не явился. Но адвентисты были умнее, и главное, терпеливее, ожидая конца этой земной колоды, ни за что не соглашавшейся сгореть. Они нашлись моментально. Оказалось, что они ошиблись в дате, и надо было советоваться с еврейским календарем, а не с христианским, как они сделали вначале. И библейская мудрость, наверное, выложит, как на ладони, точный день страшного суда. Таким путем был установлен окончательный срок: 22-го ноября 1844 года.

Последователи миллеровской секты начали после этого целыми гроссами впадать в неизлечимое помешательство. Отсрочка конца мира продолжила религиозные конвульсии, которые и здоровым нервам были не под силу. Эти несчастные люди воображали себя уже почти-что на небе и отказывались даже от еды, потому что желали принимать только пищу ангелов... Так прошло и 22-го ноября 1844 г., и опять-таки ничего не случилось.

Было бы огромной ошибкой предполагать, что наступил конец «миллеромании»: упорство, овладевающее умами, слишком велико. Адвентисты ничуть не смутились явным непослушанием нашей планеты. Они остались адвентистами и, как таковые, размножались с быстротой кроликов. Секта только разбилась на несколько подсект, число которых зависело от каждого нового предельного срока гибели мира. Таким образом, этот опасный вздор божьей милостью счастливо просуществовал до наших дней. Перед войной в Америке было 150.000 таких апостолов гибели мира, а в 1901 г. на всеевропейской конференции адвентисты с гордостью насчитывали всего 7.700 штук душ.

Мормоны на Соленом озере.

Безумной идеей близкого конца этого презренного мира и начала мессианской эпохи, под владычеством вновь явившегося христа, проникнута еще одна интереснейшая и своеобраз-

нейшая форма нео-американского духовного сумасбродства—мормонизм, или «святые судного дня». Последнее наименование указывает, как нельзя лучше, на хилиастически-адвентистский характер этой секты. Поводом к ее возникновению послужила история, еще более глупая и безумная, чем внезапное ясновидение великолепного мистера Миллера, сведшего адвентистов с ума. По верованию мормонов, господин Иосиф Смит, до тех пор никому неведомый столп церкви, откопал на холме возле города Пальмиры в штате Нью-Йорк две медных доски. Само собой, что к этой странной сокровищнице он пришел по прямому приказанию ангела, некоторым образом небесного посыльного, которого господь бог (смотри о средневековых флагеллантах) рассылает в таких случаях так охотно и по чрезвычайно дешовой цене. На досках была таинственная надпись: кто знает, какому китайцу или турку вздумалось увековечить свое имя? Впрочем, какой толк в досках с иероглифами, если никто не может расшифровать их? Однако, господь бог (в лице возлюбленного богом Иосифа Смита) не потерялся. Смит копал дальше в поте лица своего и открыл небесные очки в дополнение к доскам и надписям. Он надел эти очки и без труда сумел прочесть руны христианской Валгаллы. Перевод с божьего языка на язык Рокфеллера и Моргана продолжался ровно три года. Результатом явилась «книга мормонов», представляющая собой программу и организационный устав новой секты, которая тем временем уже образовалась в большем числе вокруг медных досок. Новое мормонское верование было тарабарщиной, составленной из всевозможных религий. «Святые судного дня» позаимствовали от иудейства теократический патриархальный авторитет своего главы, от буддизма—учение о разных мирах, от ислама—многоженство и воздержание от спиртных напитков, от католицизма—непогрешимость своего вождя, от протестантизма—свободу совести. В общем они пытались восстановить древнее христианство также и путем устройства грубо-коммунистической женской общины, которую вводили с этой целью. Эта община, по крайней мере в теории, ни в коем случае не должна была бы отвечать глубоко-человеческим потреб-

ностям «святых», а скорее удовлетворять традициям римских катакомб, в которых первые христиане жили на началах потребительского коммунизма. Эти начала до некоторой степени упраздняли единичные (индивидуальные) связи или значительно ослабляли их.

Вождь мормонов—«пророк» возглавляет корпорацию избранных «апостолов». Этим благочестивым инстанциям верующие подчиняются безусловно и беспрекословно во всех духовных и светских делах. Было ясно, что такая организация, с ее полигамией и организацией ее приверженцев под руководством антигосударственной и законодательной воли, должна была привести мормонов к конфликту с американской организацией и господствующей властью. Ни одно буржуазное государство, и даже никакая коммунистическая общественность не потерпит, чтобы собравшаяся где-то кучка людей заявляла, что государственные законы о браке для них просто-напросто не имеют никакого значения. Возникшие и укрепившиеся в общине Сенека в штате Нью-Иорк и распространившиеся оттуда в Огио и Иллинойсе, они, из-за своего длительного ослушания, были, в конце-концов, высланы властями из штата. Полные веры в своего бога, они решительно направились на дальний Запад и остановились в Скалистых горах, на большом Соленом озере, среди страшно бедной природы. Там в сороковых годах прошлого столетия, под начальством наследника Смита Брайама Юнга, они основали поселение. В 1850 г. этот поселок был признан штатами, как территория Утах, 45 лет спустя вошедшая, как штат, в союз Сев.-Американских Соединенных Штатов. И в этом месте, возросшие к нашему времени до четверти миллиона, праведники дожидаются райского блаженства, под владычеством возвратившегося мессии. Мормоны при этом нисколько не полагались на притягательную силу своих медных досок. Они проводили вербовку в свою секту, особенно среди женщин, всеми средствами коммерческой рутины. По крайней мере, еще до войны в газетах больших городов Германии появлялись полицейские предупреждения о деятельности мормонских посланцев. По сведениям полиции, обязанной знать обо всем, эти посланцы, разъезжая, заманивали

прислуг, безработных конторщиц, воспитанниц детских приютов. Все эти жертвы направлялись в гостеприимные гаремы мормонских пророков и апостолов. Между прочим, за последнее время мормоны сообщили американскому правительству, что ими своевременно выдвинут непосредственный юнец божий, который просветил апостольский совет в Утахе и заставил его отменить многоженство, по крайней мере, публично. Втайне же оно существует далее без помех, верное своим прежним приятным принципам.

Серьезные исследователи библии.

Новейшие сектантское движение—это «серьезные исследователи библии». Хотя эта секта имеет менее испорченную репутацию, чем другие, но она все же является только подновлением адвентизма, благодаря своему хилиазму и вере в гибель мира. Кричащая реклама, миллионное издание брошюрок обращены ими в отвратительную навозную кучу для выращивания своих безумных идей, вопиющая социальная нужда, наследие мировой войны,—все помогло им привлечь к себе, пожалуй, большее число приверженцев, чем все другие, перенесенные из Америки в Германию, секты. Это движение обнаружилось в Германии, собственно говоря, только в половине войны. Поэтому не существует еще достоверного статистического материала о распространении этого движения. Но когда видишь, что эти «исследователи библии» своими кричащими рекламами собирают огромные толпы, что во всех больших округах Германии они натравливают на массу, неспособную критиковать, своих проповедников, с сумасшедшими, спекулирующими на людской глупости лозунгами, в роде—«когда погибнет земля» или «мертвые говорят», —тогда становится ясным, как трудно оценить размеры, которые начало принимать это гигантское бесчинство.

Основателем «интернационального союза серьезных исследователей библии», —таково его точное наименование,—является зажиточный купец, пастор Карл Таце Рёссель, ро-

дившийся в Питсбурге (Пенсильвания) в 1852 году. Рассчитывающие, как и он, на слепоту непросвещенных масс и потому имеющие поводы для профессиональной вражды немецкие антисемиты и националисты говорят, что он происходит от «избранного народа» Израиля. Сами же исследователи возвестили в своих сочинениях, что этот пастор Рёссель в расцвете своих лет тесно соприкасался с не совсем святыми торговыми делами. Кроме того, антисемиты утверждают, верно или нет, что еврейский банкирский дом Гирш в Нью-Иорке тратит миллионы долларов на грандиозную пропаганду «исследователей библии». И действительно, только мечтатель белокурой расы и сионистический пролаза могут понять причину, побуждающую современного банкира спекулировать на религии. Но остается фактом, что брошюры «исследователей библии», в роде таких, как «Пища мыслящего христианина» или «Скиния завета», издаются в количестве 1.500.000 экз. и переведены на 30 языков. Эти брошюрки распространяются либо даром, либо настолько ниже себестоимости, что вывод ясен сам собой: очень сильные капиталистические круги достаточно щедро опустошают свои бумажники в пользу этой секты.

В чем же сладостная тайна учения этих «исследователей библии», привлекающая к ним целыми толпами неспособный критиковать народ? Прежде всего то, что, по их убеждению или на основании серьезного исследования библии, земля погибнет в 1925 году. Этот срок у них окончательный. Впервые о нем возвестил в Германии (в Ведеде, вблизи Истмюнде) 28-го октября 1915 года берлинский исследователь библии Бухгольц. С этого года должно начаться новое тысячелетнее царство. Правда, раньше всего в Иерусалиме, где с этого момента будут праздновать только субботу и молиться Иегове. С этой целью, для начала, все стремящиеся к богу должны погибнуть душой и телом. Между тем, мертвецы человечества (так миллиардов 25—30) воскреснут и будут жить здесь на земле в полном райском блаженстве. Таким образом, 1925 год будет зловещим годом гибели мира. Святых братьев и сестер ничуть не смущает посрамление их непосредственных предше-

ственников и единомышленников—адвентистов, так отчаянно осрамившихся относительно окончательного срока светопреставления. Все же «исследователи библии», предвидя свой провал, уже сейчас начинают вывертываться, оттягивая и ослабляя свои пророчества. Последнее время на их собраниях можно услышать, что в библии говорится только о космосе, который должен погибнуть, и что космос означает мировую систему (политическую). Космос (греческое слово) имеет два значения—вселенная и мировой распорядок. И вот, на собраниях секты уже теперь начинают подготовлять к тому, что в 1925 году суждено погибнуть космосу во втором его значении, именно, мировому устройству. Подразумевать под этим можно, конечно, все, что угодно. Если политическая идея русских советов проникает в Европу, последователи библии закричат: «вот, видите, разве мы не предсказывали этого по библии?». Если Америка отдаст обнищавшую Германию под опеку и будет через вильсон-гардингский государственный союз диктовать законы разоружения, серьезные исследователи будут голосить то же самое. И если даже ничего не случится (касательно светопреставления) ни внутри, ни вне Иерусалима, то этот факт едва ли повредит «исследователям». Они точь в точь, как адвентисты, только немного ошибутся в сроке, а блеющее стадо приверженцев попросту утешится новым сроком. Впрочем, «исследователи библии» осрамились уже задолго до зловещего 1925 года: их «пророк» Рёссель в своем исследовании «писания» первоначально утверждал, что «час последней скорби» должен был начаться в 1874 г. и окончиться в 1914 году. Судя по этому, бойню под Верденом в 1916 году можно счесть за райскую благодать тысячелетнего царства. И только уже во время войны им взбрело в голову указать 1925 год.

Второй секрет «исследователей» заключается в божественности происхождения главного их творения, «исследования библии» пророка Рёссель. Это божье откровение было провозглашено без всяких посредников (впрочем, смотри медные доски мормонов) и заключалось в следующем: после смерти Рёсселя, его душеприказчики, «братья» Вудворт и Георг Г. Фишер составили из его наследства седьмой том «Изыска-

ний». Хотя оба жили в одном городе, но, само собой разумеется, работали врозь. Законченные обоими труды оказались буквально дословными. Эта убогая историйка имела уже не раз прелесть новизны. Еще при Птоломеях был произведен впервые семидесятью александрийскими учеными совершенно одинаковый перевод библии на греческий язык. Благочестивая легенда рассказывает и об этих старцах такую же штуку. Значит, «исследователи библии» не проявили оригинальности, претворив эту легенду из первобытно-христианской в американскую. Этим они дали господу богу возможность видоизменить свое чудо: 1.500 лет тому назад вдохновить на одно и то же 70, а теперь всего двух писателей, работающих «самостоятельно». При возникновении такого массового безумия, как «серьезные исследователи библии», весьма сомнительна возможность апеллировать к человеческому разуму этих мечтателей. Да и можно ли выступить против них во всеоружии логики и разума? Желающий занять хоть сколько-нибудь разумную и беспристрастную позицию в споре с ними обезоружен уже тем самым, что эти люди вовсе не желают и не в состоянии вести серьезную дискуссию и мыслят самым примитивным образом. «День», о котором говорит библия, толкуется ими буквально, как 24 часа, и рядом, в том же докладе, этот самый день означает 1.000 лет. Одна несообразность лепится к другой без складу и ладу. Если послушать в продолжение часа, даже не зная по-китайски, ученую лекцию мандарина с тремя шариками—и то станешь умней, чем после трехчасового назидания «серьезно исследующего библию бродячего проповедника». Все зависит только от количества сказанной чепухи. Чем больше, массивней и посредственней эта чепуха, тем больше число приверженцев. Вот раз навсегда установленный твердый закон всех этих религиозных явлений.

Современный сектантский хаос.

Даже при условии затраты труда всей своей жизни на изыскание обо всех этих заблуждениях ума и при современном мозговом самоистязании, никакой критик культуры не

сможет до конца разобраться в кривляющемся хаосе безумных американских сект.

Случайным примером этого странного и причудливого лабиринта религиозных верований могут служить стихи, найденные в методистской литературе. Методистам в сущности безразличны религиозные убеждения каждого из их приверженцев, лишь бы они были христианами. Методисты проповедуют только особую, американски-назойливую, акробатическую форму изъявления этого убеждения. Поэтому-то и отличился некий лирически-настроенный методист. Он написал стихи, в которых переименовал под ряд некоторые из новейших сект, т.-е. всех этих строгих «последователей» христа, могущих, по убеждению поэта, быть отличными методистами. После того, как стихотворец установил, что методистом может быть равно «пиэтист» и «баптист», в стихах сказано:

Да будет это вам известно:
Я—„саббатист“, „друг Храма“ честный,
И лютеранскою душой
Иду христовою тропой...
И пыл божественный неистов
Равно во мне и у „дарбистов“.
„Богохранители“ со мной,
И мне и им—в христе покой.
Я—„квиэтист“ и „секратист“,
Пред „православием“ я чист.
К тому ж, хоть я и „реформат“,
Мне „либерал“ по духу брат,
Я с „ирвингианцами“ иду,
И с „Горней церковью“ в ладу,
И „веселящихся“ семья
Мне так и близка, как и моя,
А „братчики“—мои друзья,
Мной не чуждалась никогда
Самих „католиков“ среда и т. п.

Ясно, что простое запоминание названий сект, близких методизму, требует особой мнемотехники. И это только половина или треть всех основанных в Америке сект, возник-

ших из протестантизма. Все они, бестолково крича и визжа, нахлынули на эту злополучную, платящую налоги массу. И эти три дюжины сект (помимо гроссов самых разнообразных программ, с самыми различными пророчествами) способны убить последний здравый смысл человека. И во всех случаях результатом является идиотски гримасничающая человеческая глупость. И это происходит в век Маркони и Эйнштейна, Анатоля Франса и Ленина!

Социальные бедствия и человеческая глупость.

Нищета эмигрантов. — Наследие эры Вильгельма. — Развал церкви. — Массовое внушение. — Исцеление молитвой.—Спиритизм. — Пророчества. — Обращение и нравственность.—Христианские сановники современности.—Благочестивая эротика.

Нищета эмигрантов.

«Нужда научает молиться», говорит пословица. Это совершенно правильно. Марксистскому методу изучения истории, объясняющему господствующие идеи экономическими условиями, народная мудрость дала кратчайшую, чеканнейшую и яснейшую формулировку. Для нежелающих считаться с социальными предпосылками совершенно непонятны сущность современных сект, их возникновение в Америке и переброска их оттуда, особенно после войны, на потрясенный, умирающий Запад.

Отец Каппа, руководившего самым лживым, самым убогим и самым безответственным и преступным во всех временах и народах восстанием, германский республиканец, сражавшийся на баррикадах в 1848 году, Фридрих Капп написал свою известную книгу—«История немецкой иммиграции в Америке». Изучая первоисточники, он в этой книге поднял уголок завесы, скрывающий до сего дня почти повсеместную ужаснейшую социальную нужду страны неограниченных возможностей.

Могущественные синдикаты и тресты дали колоссальные, едва ли способные к дальнейшему расширению, типично-американские формы нео-капитализму, гигантскому, как и сама страна и ее естественные богатства. Освобожденный от

всех традиций, сбросивший маску благочестия, ничем не стесненный нео-капитализм набросился на голодных, находящихся в физическом и моральном упадке, беднейших пролетариев старушки Европы. И, в самом деле, разве не были беднейшими из бедняков жители сел, замученные работой в горных шахтах? Они не могли прокормиться картофельной шелухой, как и те, у кого отвратительное хозяйничанье блудливых «их светлостей» или князей, как, например, в герцогствах Вюртенбергском и Баденском, увело последнюю тощую коровенку на уплату подушных,—это были как-раз те, которые мечтали найти за океаном новую, лучшую родину.

Основное ядро иммигрантов в Америке составляли южно-немецкие безземельные крестьяне, саксонские и шлезвигские ткачи, мастера игрушек, доголодавшиеся до чахотки, выгнанные на все четыре стороны из какого-нибудь польского или еврейского гетто, еврейские ремесленники, периодически затравливаемые царскими казаками, и отчаявшиеся люди из грязных углов разбухших столиц Европы: Лондона, Парижа, Берлина. С невероятной жаждой лучшего, достойного человека существования они отправились за океан. Но как их приняли и что их ожидало—пусть расскажет вышеупомянутый Капп. О бедствиях иммигрантов в конце XVIII и середине XIX века он пишет: «Нередко случалось, что суда вместимостью в 300—500 человек оказывались перегруженными вдвое и втрое. Один известный немецкий пастор сообщил в речи, сказанной в немецком обществе в 1788 году в Филадельфии, что из 900 человек одного только эмигрантского транспорта, погруженного в Голландии, 400 человек умерло в пути. В 1784 г. в Амстердаме на корабле с 1.230 пассажирами похоронили 315 человек (больше чем каждого четвертого), прежде чем судно было готово к отплытию. Совершенно обычным было, что капитан, сокращая дорожные расходы эмигрантских бюро, приказывал выдавать в пути половину или четверть порции. Один бедняк, укравший из кладовой кусок хлеба для голодающего ребенка, был забит плетьми до смерти и выброшен в море. Эмигрантские бюро, в большинстве случаев голландские, имели своих

агентов-вербовщиков для американского капитализма, работавших специально в Германии. Этих агентов недаром называли «продавцами душ». Стоило поддаться на их лживую удочку, как человек оказывался в их руках, словно теленок в руках мясника. Вся суть была в том, что бедняку эмигранту предоставлялся бесплатный проезд и питание. За это эмигрант должен был по переезде отработать путевые издержки. Само собой, что дорожные расходы, могущие случиться или уже выданные ему авансом, удесятерялись в размере по ту сторону океана. А до этого происходит среди эмигрантов еще худшее. Один из очевидцев рисует свое адское путешествие в страну золота следующим образом: «Во время морского пути на эмигрантском судне настает отчаяннейшая нужда, начинается вонь, ужас, рвота, лихорадка, дизентерия, головные боли, капель, запоры, нарывы, цынга, рак и т. п. Все несчастья происходят от несвежей круто посоленной пищи, особенно мяса, а также от дурной воды. Многие от этого умирают или остаются больными на всю жизнь. Вшей можно горстями сгребать с людей. Во время бури народ молится и жалобно взывает к богу. Скученных людей, больных и здоровых вперемежку, кидает друг на друга на их парах. Дети в возрасте от года до семи лет почти не выносили путешествия. Тогда их попросту бросали за борт в пищу акулам». Благополучно преодолевшие адское путешествие на другом берегу тотчас попадали в еще ужаснейший ад грубейшей эксплоатации. Не зная языка, они не могли прожить без «милости» нового «патрона», к которому их препровождали. Уже устроившиеся рабочие встречали их косыми взглядами за снижение заработной платы, и, таким образом, эмигранты становились безвольными объектами чудовищно-распространенного индустриального хищничества. По большей части переселенцев даже не отвозили туда, куда им хотелось (из боязни родственников, могущих оказать им помощь), а бросали совсем в другие порты, чтобы сделать из этих несчастных покорнейших рабов индустрии... И никаких золотых россыпей, ни блестящей сдельной платы, ни свободного гражданства, совсем, совсем ничего. Вместо этого еще в 1834 г. в Па-

терсоне Нью-Джерсей забастовало 1.000 детей в возрасте от 7 до 8 лет. Они не сочли слишком нескромным уменьшение рабочего дня с 13 до 11 часов. Такова была обетованная земля Америки для беднейшего пролетариата, составлявшего большую часть ново-американцев.

«Нужда научает молиться», по крайней мере, того, кто не признавал еще совершенно земной, абсолютно ничего общего с небом не имеющей зависимости между своим собственным печальным положением и разгульной жизнью шахтовладельцев немногих владельцев орудий производства, фабрикантов, шахтовладельцев, банкиров. Крайние формы эксплоатации и угнетения имели своим средством крайние формы религиозной деятельности, поскольку еще не появилось организованное классовое самосознание современных рабочих. Неспроста возникла секта «бичующихся» во время «черной смерти», обвеявшей своим чумным дыханием каждый дом в Средней Европе. Неспроста появились древне-христианские фантасты при Нероне и Калигуле, во времена страшной всеобщей нищеты в древнем Риме, когда раба можно было купить за три марки золотом. И уж, конечно, не зря и не случайно возникли в стране небоскребов капитализма, в Америке, небоскребы религии—секты современности, сплошь и рядом совершенно илиастические, жаждущие спасения и рая. Приверженцы этих сект ищут забвения от земного горя в религиозном экстазе,—своего рода опьянении человеческой души. В этом отношении секты эти были и есть, так же, как и водка, очень желанны капитализму в качестве отвлекающего и успокоивающего средства. Поэтому они не только допускались правящим классом, но и достаточно часто получали денежное подспорье.

Наследие эры Вильгельма.

Перед войной в Германии смотрели на сектантство скорее как на забавные эпизоды в области религии, чем как на массовые проявления не поддающейся точному определению социальной энергии. Методисты, баптисты, адвентисты,—все они произрастали, как некий редкостный цветок на камне, в каком-нибудь религиозном уголке. И даже трубные звуки

«армии спасения» терпели как чудачества пары-другой не совсем нормальных мозгов. В кустарной благотворительности этой армии не только находили удовольствие, но и подкрепляли никкелевой мелочью в ответ на громкий «боевой клич». Теперь, как всем известно, все это стало ощутительней, опасней. «Серьезно исследующих библию» человечков насчитывают теперь и у нас сотни тысяч, если не миллионы. «Нужда научает молиться»... Даже и у нас. Мы, немцы, особенно гордились своим школьным образованием. Наши патриоты говорят, что победу при Садовой одержал «прусский школьный учитель» и что, опираясь на него, можно требовать, чтобы мир обновлялся на «немецкий» манер. Не поддались ли мы и здесь тому безмерному самообольщению и не продолжаем ли и до сих пор оставаться жертвой той шумной мании величия, которая в военном, экономическом и политическом отношениях неудержимо направляла нас от Марны к Версалю, т.-е. привела к погибели.

Была ли эта прусско-немецкая народная школа на самом деле таким великолепным, освобождающим дух, учреждением? Та самая народная школа, превратившая школьного учителя в кули духовного школьного инспектора,—школа, научающая, правда, каждого считать и писать, но ограничивающаяся муштрой и внешней ловкостью ответов. Терпимо ли, чтобы дюжина пять скучнейших и бездарнейших убогих церковных песнопений считались сокровищем знания для наших школьников? Вся несостоятельность школы эпохи Гогенцоллернов до сих пор еще целиком не выявилась; по крайней мере, до наших дней этой несостоятельности не замечали. Теперь это же банкротство выявлено в просто ужасающих размерах, в современном сектантстве. Ведь, только совершенно лишенные способности к критике, совершенно темные широкие народные массы дают опору сектантству. Социал-демократия пыталась бороться с негодной вильгельмовской народной школой. Но все способы борьбы (кружки и институты самообразования, книги и передовая пресса) оказались совершенно недостаточными, так как денег не было ни гроша, кроме еженедельных партийных взносов в 1 талер. Успех, естественно, мог быть только весьма

скромным. И все же, социалистическое просвещение является почти единственной преградой, которую мы можем противопоставить трагикомическому религиозному вздору наших дней.

К сожалению, очень большая часть массы не попала в сферу просветительной работы социалистических организаций. Эта несчастная часть подверглась, без надежды на спасение, повидимому, воздействию идиотских воплей о светопредставлении тупоумнейшего библейского суеверия и безрассудной боязни привидений. Активные коммунисты, сознающие свою ответственность перед рабочим классом, не могут оставаться нейтральными, или, верней, апатичными и флегматичными, при существующем положении вещей. Ведь, и дальнейшие размышления дают только то печальное утешение, что сектантство является, в конце-концов, протестом доселе индиферентных масс против государственной церкви со всеми ее реакционно-политическими прямыми и побочными целями. Верно, что агония, предсмертная борьба буржуазного мира выявляется как в кризисе своего церковного мира и порядка, так и в существовании и сущности сект.

По праву и справедливости можно усомниться в том, что кратчайший и наиболее целесообразный путь к новой, свободной и критической установке самосознания масс ведет через фанатическое верование в букву библии, через гаремы мормонов, различные пророчества о гибели мира и мертвецов, повинующихся покаянным проповедникам.

Прежде всего, можно ли будет оппозиционные и настроенные против государственной церкви массы сектантов, когда в них, подобно их предшественникам, выдохнется фанатизм, и когда эти массы окончательно освободятся от веры в домовых и демонов,—можно ли будет довести их до более совершенной, т.-е. разумной (духовной) деятельности? Или же, судя по духовной беспомощности этой массы, она вернется, полная раскаяния, в лоно попов государственной церкви?

Вот два вопроса, ответ на которые должен быть скорее пессимистическим, чем наоборот.

Причины крушения вильгельмовской школьной системы следует во всяком случае искать в области духовно-культурных сил. Однажды разбуженные, выплеснутые на поверхность жизни, развиваясь дальше, они ведут от ужасающих современных социальных условий страны Людендорфов к наблюдаемому ныне катастрофическому духовному краху, который 10 лет назад считали бы абсурдным и невозможным, по меньшей мере у нас. Война показала нам рахитизм сынов большого города, голодные «хвосты» наших жен, массовое вымирание рабочих. И эта же война вызвала из библейского и четвертого измерения духов сект. Началось это в разгаре войны, одновременно с картофельными бунтами в городах.

Всякому, кто был в 1916 г. в горных рудниках, наверно, встречались выше линии Дрезден-Хемниц «лаврентианцы». Эти сектанты избрали себе пророком некоего цветочного фабриканта из Ольбернгау. Он быстро разбогател и одновременно наполовину сошел с ума. Это не мешало ему чувствовать себя прекрасно в роли мессии. Лаврентианцы, в большинстве своем женщины, мужья которых были на войне, построили себе на гребне саксонско-богемских гор Ковчег, в котором и происходили собрания. На них все должно было происходить и быть адамско-райским, особенно одежда мужчин и женщин. Очевидцы рассказывают, что эти люди были в полном смысле слова хилиастами. Они ожидали светопреставления во время каждого большого моления. Они приносили на собрания сухари, как запас для ожидаемого небесного путешествия. В своем выстроенном из тяжелых балок бараке они в экстазе дожидались большого облака, чтобы, согласно апокалипсису, совершить на нем свой длинный путь в царствие небесное. Если пророка не было с ними в то время,—это значило, что он уже на небе и готовит им квартиры. Чем сильнее становилась всеобщая нужда, созданная мировой бойней, тем многочисленнее становились, именно в Германии, различные фанатики. Как известно теперь, «серьезные исследователи библии» побили рекорд массового скопления несомненными сотнями тысяч насчитываемых ими «братцев» и «сестриц». Француз

Рише в нескольких строках составил ужаснейший социальный баланс мировой войны. Эти строки делают если не извинительным, то, по крайней мере, исторически понятным религиозно-библейское воспаление мозга, распространяющееся сейчас по нашей родине. «На земле всего 1.500 миллионов людей. Мировая война стоила жизни «всего только» 15 миллионам, т.-е. «всего» $^{1}/_{100}$ части человечества. 15 миллионов смертей равны 70 миллионам тяжелейшего траура, если принять в расчет, что каждого убитого оплачут 5 человек: отец, мать, жена и сын или друг... 15.000 слепых, 100.000 с одним глазом, 500.000 безруких, 500.000 хромых оставлены войной «в живых». Другие оглохли, третьи изуродованы. Еще иные подвержены эпилептическим припадкам, далее—у многих отняты обе руки. К тому же, мы нередко видим людей без рук и без ног, и вдобавок еще и слепых».

Надо выжечь в своем мозгу этот ужасный в своей точности военный баланс Рише. Надо помнить, что реальная заработная плата немецкого рабочего в настоящее время равна скудным грошам, что самые затхлые и темные подвалы отведены под пролетарские жилища; надо помнить, что в суровую зиму множество родителей посылают босых детей торговать спичками, иными словами, нищенствовать, потому, что заработка отца нехватает даже на картошку. Одно только произведенное на этих днях обследование детей школьным врачом в Гейдельберге показало 60% больных детей. Зимой 1920 года сотни тысяч немецких рабочих были выброшены на улицу без работы с нищенским «вспомоществованием» в кармане. А те самые предприниматели, то буржуазное общество, которое во славу святых барышей, бросило этих рабочих на улицу—позволяло всякому плуту из винного погребка и лирику из варьетэ обзывать этих несчастных лентяями. И выутюженные молодые люди и намазанные гусыни аплодировали этому от всего сердца, сидя за стаканом шампанского с папиросой в зубах. Опять-таки все это если и не изменяет, то поясняет новое немецкое сектантство: на почве социального болота только и могут вырасти болотные цветы общественного сознания.

Развал церкви.

Знаменитый человеконенавистник и тевтоман Чемберлэн, присяжный свидетель многочисленных пан-германских меццан, сказал однажды: «В том, что христос воскрешал мертвых, может сомневаться всякий, кому угодно. Но тем глубже должно запечатлеться животворное действие этого образа, потому что там, где проходил христос, люди верили, что видят воскрешенных мертвецов и больных, вставших со своего одра». И в самом деле, похоже, будто массовое внушение является смыслом и целью всей действительно процветающей религиозности. Если, как, например, в образованных, т.-е. имущих, кругах Германии укрепилась мысль, что главная задача религии—это удовлетворение известному настроению, то самая эта мысль уже является неизлечимым декадентством и показателем упадка церковности. На худой конец, никому, ведь, неизвестно, почему лучше удовлетворять своему настроению несколькими сотнями скверно срифмованных, скудных содержанием церковых псалмов, взамен Андреаса Грифиуса или ремесленника-поэта Готшеда, или плохо скомпанованной органной прелюдией деревенского музыканта, чем лирикой Гейне или технически законченной оперной музыкой? Заметный, быстро распространяющийся упадок религии в ее церковно-государственной форме выражается не только в установившемся, упомянутом взгляде на смысл религии. Ежедневно падающая посещаемость сделала церкви совершенно бесполезными и бессмысленными постройками в современном городе (особенно в виду жилищного кризиса). В протестантских городах церкви переполняются только раз в году, в страстную пятницу. Все остальное время они представляют собой теплое помещение для дюжины баб мужского и женского пола. Также и не массовый отход от церкви обывательских кругов, учащающийся в связи с получением окладных листов, знаменует собой внутренний развал церкви. Этот развал становится совершенно ясным, когда столкнешься с мнениями церковно-мыслящих людей о смысле религии, с взглядами, совершенно противоположными установившимся мнениям об «удовлетво-

рении настроению». Одна американская женская газета разослала по этому поводу очень интересную анкету. Среди ответов, по словам В. Мюллера, были следующие: жена сельского хозяина пишет, очевидно, вполне искренно: «Я—жена фермера и живу в мало населенной местности. Я хожу к службе в большой блокгауз, чтобы послушать честную, хоть и не всегда блестящую, проповедь, чтобы петь, чтобы надеть свои лучшие платья и посмотреть людей». Второй ответ гласит: «Меня в детстве воспитали в убеждении, что все порядочные люди посещают какую-нибудь церковь. Это отнимает всего 2—3 часа нашего воскресного времени и этим производишь впечатление несомненной воспитанности и принадлежности к лучшему обществу». Говорят, что женщины могут почти всегда, скорее путем тонкого инстинктивного восприятия, чем логическими выводами, постигнуть истину так верно, как это никогда не удается строжайшей последовательности мужского мышления. Это—две прекрасные религиозные души, к тому же, вероятно, типичные представительницы одинаково сильно распространенной во всех культурных странах церковности, и лучше и вернее их признаний ничто не может указать на развал церкви самой от себя.

Массовое внушение.

Этой официальной, все сильней разваливающейся в сознании даже обывательского мира, церкви противостоит теперь секта. Она пробует сдвинуть религиозность на те рельсы, с которых все преуспевшие религии, будь-то христианство, ислам или буддизм, начали свой путь в мир. Эти рельсы—массовое внушение: «блаженны верующие, яко тии спасутся». В конце-концов, народу должна стать приятной вера в возможность исцелиться, интимно поговорить с дорогим умершим,—вера, что в новой, хотя бы и мессианской эпохе люди доживут до конца эксплоатации и национальной вражды. Не беда, если все то, во что предложено уверовать, может и должно быть бессмысленным, абсолютно лишенным логики, полно противоречий и разнобоя. Все это должно быть только приятным, удовлетворяющим желания

и наполняющим жизнь чувством. Все остальное становится безразличным. Скорее даже наоборот: математический закон сектантства гласит, что чем больше слабоумия, тем больше у него приверженцев.

Исцеление молитвой.

Абсурдное по содержанию, доходящее до помешательства, массовое внушение является в руках сектантов цепями, сковывающими народ. Особенно ярко это выражено в современном сектантском движении, именующим себя «Христианское знание».

Некая мистрисс Мэри Вэкер Эдди, когда-то дочь бедного рыбака, теперь уже давно стала миллионершей. Родилась она в 1821 г. в одной деревне, в Нью-Гемпшайре. Она «открыла», что зла вообще не существует. Источником всякой силы в мире является дух, при чем материя, как мы ее понимаем, точно так же не существует. Такое «открытие»—это разжиженный в женской голове, но тот же самый «соллипсизм»—радикальная форма философского скептицизма, который стоит на той точке зрения, что нельзя доказать реальное существование внешнего мира, воспринимаемого органами человека. Мудрая мистрисс утверждает, что не только материя - вещество не существует, но и, естественно, не существует вместе с ней и всякое зло. А происходит оно просто от скверной, но несуществующей материи. Зубная боль, например, пройдет, стоит только вспомнить мистрисс Мэри, и что зубной боли, собственно говоря, нет, ибо она представляет собой какое-то совершенно негативное нечто. Всего вероятнее, конечно, что зубная боль отчаянно запротестует усиленным сверлением в нерве против такого странного, пренебрегающего логикой обращения с нею. Но вполне возможно, если только человек сумеет внушить себе, что боли нет, унять ее таким путем или, по крайности, облегчить отвлечение мыслей от боли. Развлечение—давно известное и испытанное домашнее средство. Невинным самовнушением, при наличии действительной веры, можно достигнуть кое-каких лечебных успехов. Конечно, только в этом

случае, когда дело идет о нервных заболеваниях. Почти половина заболеваний современного человечества возникает на нервной почве. Как видно, исцеление молитвой вовсе не является новинкой. Этот «метод» народная мудрость сохранила и до сего дня, так же, как сохраняло его христианство. В католицизме, например, на местах паломничеств в Лурде или Кевлааре, довольно часто проявляется целебная сила внушения при известного рода заболеваниях. Эти «чудеса» прямо угрожают народному здоровью: верующие совершенно отклоняют медицинскую помощь и готовы лечить одними молитвами сложные переломы костей или гнойные апендициты. А смерть несчастной жертвы ставится в вину ей же самой: у нее не было «достаточной веры». Но секта, как ни в чем не бывало, остается вполне устойчивой морально.

Однако, секта «богомолов» привлекла к себе далеко не всех дураков.

Спиритизм.

Второй тип излюбленного теперь сектанского внушения—это верование в возможность дружеской корреспонденции, с помощью духов, с потусторонним миром и его обитателями. Нетрудно понять, почему именно в наше время этот спиритический гипноз пустил крепкие корни в темной массе. Мировая бойня, огромное число убитых, сотни тысяч их вдов и сирот дают достаточное объяснение этому. Что касается самого спиритизма, то достаточно просмотреть труд уже упомянутого спирита советника Д. Генриха, чтобы понять всю мощь духов. Духи могут многое совершить, конечно, только для тех, кто в них верит. Прежде всего, стуки и движения стола, когда чувствительные люди садятся вокруг него и кладут на него руки, едва касаясь деревянной доски. Через несколько минут стол начинает приподниматься и стучать, при чем три стука значат «да», один стук—«нет». Далее дух выстукивает азбуку: один удар «а», два удара «б» и т. д. Но духи и жаждущие познаний люди устраиваются еще удобней. Они приспособляют карандаш и бумагу под столом, и дух пишет ножкой его, или обзаводятся скриптоскопом,

стрелка которого в руках медиума путешествует по доске от буквы к букве, согласно приказа духа. Еще лучше обнаруживают себя духи, когда медиум находится в «трансе», в сонном состоянии. Они пользуются мозгом и языком медиума так, будто пророчествуют им. Остается только спросить у медиума, как чувствует себя покойник, в хорошем самочувствии которого вы заинтересованы. Итак, мертвецы говорят, они даже пишут, более или менее грамотно, в зависимости от познаний медиума. Есть специалисты—пишущие медиумы, с которыми духи сообщаются прекрасным почерком. Другие, по приказанию: «аппарат!»—могут с помощью духов принести любой предмет с любого расстояния. «Раздвоение» состоит в том, что люди появляются одновременно в различных местах. «Дальновидением» спириты называют способность медиума в трансе или наяву описывать заранее различные, в большинстве ужасные события будущего. «Левитацией» называется тот момент, когда медиум в трансе возносится на воздух.

Но самый «чудесный» спиритический феномен, своего рода «гвоздь программы»—это «материализация», т.-е. воплощение духа. При «материализации» духи делаются видимыми и ощутимыми для участников сеанса. В этих случаях духи, по показаниям спиритов, сами говорят, что они одарены правильно развитым телом, что пульс их бьется, и кровь тепла. Материализованных духов можно фотографировать и снимать гипсовые оттиски с их рук и ног... Наука принуждена была сначала поверить в существование духов. Теперь для науки несомненно, что существеннейшее явление спиритизма, материализация, построена на чистейшем внушении, на сновидениях людей, спящих гипнотическим сном. Внушение передается от медиума присутствующим, и материализация производится ими самими. Лучшим доказательством этому явился опрос присутствующих на одном из спиритических сеансов. Тотчас по его окончании, всех допросили поодиночке о внешнем виде духа и получили самые разнообразные ответы. Один видел духа с бородой, другой — гладко выбритым, одному дух предстал во фраке, другому—в рубашке. И это считается одним из серьезных

«даров» спиритизма! Всем известно, что существуют шарлатанские «явления», и что они гораздо многочисленней «настоящих». Десятки раз изобличали спиритов в устройстве кладовых со всем потребным для появления духа реквизитом: «саванами», фальшивыми бородами и т. п. Особенно часто уличали фотографов, снимавших духов, в замечательной ловкости, с которой они соединяли две пластинки в одну. Обычно на одной из пластинок снят весьма плотный дух, т.-е. сам обманщик, а на другой—комната для сеансов. В Париже, незадолго до войны, накрыли целую фабрику таких духовных фотографий. Эта фабрика не стеснялась зарабатывать деньги путем рассылки своих снимков по всему миру. Знаменитый медиум Евстазия Палладино была разоблачена в тот момент, когда пыталась обмануть выбранных ею самой контролеров. Она сделала это так: два человека взяли ее руки в свои и держали у нее на коленях. В нужный момент она, по словам одного берлинского санитарного врача, с молниеносной быстротой, чисто-воровским приемом освободила свои руки из охватывавших их чужих и дала контролерам руки друг-друга. Это было сделано так ловко, что ученые ничего не заметили и продолжали думать, что держат руки Евстазии. Казалось бы, что с позором разоблаченный однажды медиум никогда и нигде уже не сможет выступать присяжным свидетелем, защищающим спиритизм. Но насколько спириты нетерпимы ко всем своим противникам, настолько же они снисходительны и полны всепрощения даже к неоспоримым спиритическим обманам. Случай с Анной Ротэ, знаменитым цветочным медиумом, подтверждает это. Анне Ротэ, переносившей на расстояние цветы, был вынесен по суду обвинительный приговор за обман. И вот, советник Д. Генрих, не отрицая этого обмана, все же выставляет эту Ротэ, как знаменитую заклинательницу духов и знатока своего дела. О ее обмане он выражается следующей любезной фразой, свидетельствующей, правда, о христианской любви к ближнему, но и вскрывающей все скудоумие спиритизма: «Разоблачение это не больше, как поимка медиума в тот момент, когда он прибегнул в открытом сеансе к воровским трюкам и ловкости пальцев. Прибегнул потому,

что медиумические способности его в это время бездействовали». Но кажется, что у Анны Ротэ эти способности никоим образом не установлены. Обманщица остается живым доказательством истинности спиритизма, а обман ее надо как-нибудь объяснить. Такая защита обманщицы спиритическим писателем, безусловно, очень добросердечна, но и очень характерна. Она как нельзя лучше вскрывает это верующее во что бы то ни стало, совершенно лишенное способности к критике «духовидение»...

Так же просто разъяснился позднее целый ряд оккультных феноменов, связанных со спиритизмом. Это не мешало, однако, спиритам каждый раз до разоблачения громко вопить: «Осанна!». Один медиум, купчиха Елена Смит, утверждала, что ее вдохновляет житель Марса. Совершенно непонятный сначала язык марсовского духа оказался, по экспертизе профессора Флорней, смесью немецкого с французским. Кроме того, Елена утверждала, что в предыдущем существовании была арабской принцессой, и в трансе безошибочно произнесла арабскую пословицу. Позднее установили, что она прочла эту пословицу в книге, написанной ее домашним врачом. Другой медиум произносил под гипнозом целые фразы на санскритском наречии—мертвом языке древних индусов. Совершенно случайно выяснилось потом, что эти фразы в виде надписей украшали стены рабочего кабинета одного профессора древних языков в Страссбурге, и этот медиум служил там горничной. Таким образом, остается не так уж много настоящих оккультных феноменов, в первую очередь, предчувствий, галлюцинаций и пророчеств, а также и нескольких действительно явившихся привидений. Да и то относительно всех этих явлений теперь твердо установлено, что причина их лежит в самом человеке. Сверхъестественные силы здесь не при чем. Ганс Фреймарк, известный исследователь спиритизма, говорит, что человеческая душа в причудливых и фантастических снах способна даже создавать новые языки. Или же, по мнению француза, графа Гаспарен, не менее известного антиспирита, те же сновидения души «производят в мозгу ток, проходящий по нервам и излучающийся из тела. Этот ток можно силой воли направлять раз-

личным образом». Далее Гаспарен говорит, что этот ток может действовать и на неодушевленные тела, может возбуждать внутренние движения в материи или передаваться от одного человека к другому, одаренному определенными особенностями. Во всяком случае, это еще очень неопределенная, очень шаткая комбинация, и громкие слова, в роде «животный магнетизм» или «биоэлектрические волны», не придают ей более устойчивости. Но при этом надо вспомнить, с должной скромностью, о тех каплях знания, которые нам, жалким людишкам, удалось почерпать до сих пор из бесконечного океана возможных знаний; надо вспомнить, что всего только 100 лет тому назад наука объясняла совершенно естественную и земную силу электричества не точнее и правильнее, чем теперь объясняет некоторые явления в почти-что еще не исследованной области психофизики. Всего вероятнее, что уже в ближайшее время найдется точное и ясное научное объяснение многому или даже и всему тому, что теперь благодушествует под псевдонаучным пиратским флагом теософии. Пятьдесят лет тому назад сочли бы помешанным всякого, кто сказал бы, что искра телеграфа дает возможность разговаривать двум людям, из которых один находился бы в Науэне, возле Берлина, а другой—в Сиднее, в Австралии. Теперь это для нас вещь повседневная. А в следующем пятидесятилетии будет таким же простым и ясным естественность того, что Сведенборг описал пожар большого города за два дня до того, как этот пожар случился...

Пророчества.

Последний тип новейшего массового внушения, взращиваемого сектами, — это люди, у которых отправная точка чувств и мыслей безоговорочно покоится на пророческой фразеологии библии. Не очень трудно доказать абсурдность и бессмысленность этого массового психоза, вся суть которого в том, что по библии можно чуть ли не математически предсказать будущее. Благочестивый профессор, д-р Ганс Руст, не принадлежит к числу «верхоглядов»—вольнодумцев и насмешников. Однако, в своей книге «Чудеса библии»

он указывает, что большинство библейских пророчеств уже потому далеки от истины, что никогда не были произнесены пророками. Просто-напросто позднейшие легенды о различных событиях были вставлены в библейский текст. По Русту все же остаются несомненными прорицания христа о своих страданиях, смерти и воскресении, о преследовании учеников, гибели Иерусалима и (наиболее для нас интересное) о светопреставлении. По крайней мере, Руст говорит следующее: «Эти пророчества, исключая последнее, еще предстоящее, бесспорно исполнились во всех подробностях. Психологически таинственного предвидения нельзя найти в этих предсказаниях. Жизнь и смерть Иисуса объясняются условиями того времени.

Тому, что судьба учеников соответствовала пророчествам, были ясные доказательства к концу деятельности Иисуса. И все великие зловещие пророки угрожали Иерусалиму гибелью — религиозно-нравственным наказанием за грехи Иуды». (Примеч. автора: теперь пророчествуют, что от Кельнского собора не останется камня на камне. Это совершенно правильно. Такая пора наступит, потому что такова судьба не только иерусалимского храма или кельнского собора, но и всякой человеческой постройки.) Все-таки о предсказанном конце мира Руст говорит, что это единственное в новом завете пророчество, которое не исполнилось. Но это не беда, так как день и час этого события был утаен даже от «самого сына божия» (Марк, XIII, 22), а для бога, как известно, тысяча лет все равно, что один день. Таким путем важнейшее и ценнейшее пророчество нового завета превратилось в «долгосрочный государственный займ». Едва ли что-нибудь может убийственней осудить содержащиеся в библейских пророчествах истины, чем это изыскание, поглотившее труд всей жизни этого христианского ученого. Стоит только сравнить трезвые выводы честного профессора теологии с оглушающим многоречием «серьезных исследователей» библии. Они упирают на некоторые нужные им места из библии, хотя можно было бы найти столько же, совершенно противоположных. Кроме того, «исследователи» попросту насилуют библейские слова, придавая им значение по своему вкусу. Например,

в пророчестве о конце света употреблено греческое слово космос. Самый посредственный филолог древне-греческого языка знает двойное значение слова космос. Космос означает «устройство», «порядок» или же (в связи с теистическим, а позднее пантеистическим мировоззрением греков) мировой порядок, мировая система и просто земной шар. Последний смысл общеупотребителен, и его придется принять в беспристрастном чтении этого места библии, потому что более близкого определения нет. «Каждый раз на этом месте», с позором попадались пророки светопреставления, и прежде всех—адвентисты. «Серьезным исследователям библии» неудобно, как сказано выше, веровать в ничем неприкрытый конец мира; поэтому они попросту диктаторски постановляют, насилуя научную филологию, что «космос» в знаменитом тексте значит не «земной шар», а всего только «мировое устройство», или «мировая система».

В вопросе о грядущей гибели мирового устройства каждому предоставлена полная свобода подразумевать под этим все, что угодно. Большинство подумает о гибели капиталистической системы. Но библия совсем не нужна, чтобы предсказать эту гибель: социалистическая литература давно уже научно доказала неизбежность гибели капитализма, и даже время и форму этой гибели. За «серьезными исследователями библии» остается, следовательно, только та заслуга, что они своей тупой верой в библию разжижают, делают кислым и загрязняют научный тезис, уже давно сделавшийся из социалистического вывода смыслом самосознания культурного человечества.

Беспримерно глупа попытка, сделанная «исследователями» украсть и изуродовать чудесную и чарующую силу основной мысли социализма.

Обращение и нравственность.

Хилиастическое убеждение «серьезных исследователей» в гибели этого (капиталистически-империалистического) мирового строя уже давно повлекло за собой другой вопрос: о распространении социализма, благодаря им и подобным им

фанатическим массам, темнота которых не поддавалась до сих пор никакому марксистскому просвещению. Как-раз «исследователи» изо всех сил стараются доказать, что они не только не враждебны современному рабочему движению, но, как-раз наоборот, они-де признали его и оценили, что в грядущие годы Иегова воспользуется услугами социалистических рабочих, чтобы в день страшного суда уничтожить эту приговоренную к гибели землю денежного мешка и войны. Есть даже социалисты, верящие такому шарлатанству. Это означает повторное низведение ими социализма от науки и утопии, к тому же еще, к одной из глупейших утопий.

Практически это был бы возврат рабочего движения, по крайней мере, на 80 лет назад. Однако, мы, социалисты, знаем, что не убеждения меняют мир, но что только измененный мир создает измененные убеждения. Не «исследователи» ускоряют рост социализма, а ошибочно понятый социализм вырос вместе с «исследователями» и другими новейшими хилиастами. Вообще говоря, известно, что не проповедь делает человека, а человек—проповедь.

Христианские сановники современности.

Нельзя не почувствовать всей трагикомедии «обращения» канцлера Бисмарка пиэтистами. С таким же точно успехом могли бы «обратить» «векового человека» и «серьезные исследователи», если бы он был еще жив. Но было бы абсурдом допустить, что он должен был бы стать после такого обращения борцом против капиталистически-империалистической системы, провозвестником лучшей свободной от войны и насилия эпохи человеческого общества, герольдом мессианского мирного царства. Обращение Бисмарка (пиэтистами, старо-лютеранами) причастные к этому делу круги описывают следующим образом. После бурно прожитой студенческой жизни Бисмарк вернулся в свои имения с осадком неудовлетворенности, внутренних противоречий и с чем-то в роде презрения к миру и людям. В этих имениях пиэтически настроенным друзьям удается заинтересовать бешеного юн-

кера» своей нравственной строгостью и искренностью религиозного убеждения. Две благородно-мыслящие, овеянные поэтической прелестью женские фигуры приблизились к нему. Их пленительное чистосердечие, их полное религиозности «я», способное на самые большие самопожертвования,— произвели на Бисмарка глубокое впечатление. Обоих внезапно уносит смерть. Под влиянием внутренней пустоты и незаменимой утраты он не может противостоять непреоборимому стремлению к вечному. Бисмарк признался одному другу, что известие о смертельной болезни последней из двух приятельниц, заставшее его на вокзале, вызвало у него пламенную, из глубины всего его существа, молитву—в первый раз, после долгого срока. И эта тесная связь с богом, обретенная в такую волнующую минуту, уже не оставляла Бисмарка до конца его дней». Политика железа и крови, которую вел Бисмарк в зрелом и старческом возрасте (значит, уже после обращения), могла быть, с точки зрения дворянства и буржуазии, правильной и успешной без страха и упрека. Но какая странная была эта «тесная связь с богом»! Уж, конечно, личность Бисмарка нисколько не была заражена христианскими мыслями. Для этого сорта религиозности, для самых благочестивейших сект весьма типично, что они сами оставляют себя в дураках, когда выясняется полное противоречие между истинно нравственными деяниями христианских фанатиков и их фразами и молитвами. Дело вовсе не в том, подают ли они милостыню или жертвуют на учреждение новой покаянной скамьи. Дело в том, зависят ли все все их важнейшие и решительнейшие жизненные действия от того религиозного и древне-христианского воззрения, которому они присягали.

Господину Бисмарку, как говорит суровый юмор всемирной истории, наследовал несчастный майор Ц. Д. Михаэлис, девяностодневный рейхсканцлер во время войны. Этот господин Михаэлис известен, как «позитивнейший» христианин. Он стал величиной в студенческих кругах, сплошь имеющих характер сект. Где бы ни устраивалось организационное собрание какого-нибудь «Союза решительного христианства», в него сейчас же записывали этого мелодраматиче-

ского филина. Но господин Михаэлис в качестве «позитивного христианина», «серьезного исследователя библии»,—человека, совершенно преданного назареянину, вызывает только смех. Всякому памятна его милитаристическая нелепость, обратившаяся в пословицу, когда он саботировал известную мирную резолюцию рейхстага своим «как я ее понимаю».

Именно кровожадное генеральство, неистовые пангерманцы и клептоманы тяжелой индустрии продвинули «позитивного христианина» на высшее место вильгельмовской бюрократии. Они знали, что именно такое «позитивное христианство», именно такое абсурдное сектантское благочестие в отношении этики не стоит выеденного яйца, как только дело дойдет до нее.

Благочестивая эротика.

Упомянутое по другому поводу обращение рейхсканцлера Бисмарка уводит нас еще и в другую область, о которой нельзя умолчать, когда занимаешься сущностью сект и их разнообразно-смешанным в одном потоке духовным содержанием. Это момент подсознательной или даже сознательной эротики.

Бисмарк пришел к пиэтизму под влиянием мыслей (не совсем мессианских) о двух подругах, благороднейших, полных самоотречения и почти не запятнанных ничем земным, для того, чтобы жить с ними в отвлеченном мире пиэтизма. Сомнительно, чтобы такая дружба могла существовать в этом мире. Относительно медиумов психиаторами установлено, что в большинстве случаев их медиумические способности находятся в теснейшей связи с половым возбуждением. Знаменитая Флоренца Кук, с которой химик Крукс производил свои опыты, могла цитировать известнейшего, даже сфотографированного духа, Кетти Кинг. И она потеряла свой дар после замужества. Парижский астроном Фламмарион, попавший в сети спиритов, также свидетельствует об этой связи: «В обычных сеансах люди прекрасно развлекаются. Сеансы, в большинстве случаев, происходят в темноте, и «пестрая цепь» (прим. перев.: мужчина и женщина, затем опять мужчина и т. д.) при этом обязательна для усиления

астральных излучений. Нечему и удивляться, если мужчины на несколько мгновений забывают истинную цель собрания и стараются по-своему использовать общество женщин. Они разъединяют одну цепь рук, чтобы сомкнуть другую. Дамы и барышни почти всегда охотно идут им навстречу и редко-редко которая-нибудь жалуется». Но все же, заведомо законным, явным порядком, эротика не причастна к таким святым вещам. Она выявляется в совсем других формах. Мужским медиумам духи часто являются в образе пленительных женщин, страшно мучающих их сексуально. Иногда медиумы безумно влюбляются в них, как, например, несчастный Геймер в свою «Бетти», и так ужасно мучаются создавшимся положением, что предаются половым эксцессам. Также и Сведенборг, Моисей наших спиритов, по собственному признанию, проделывал возмутительные вещи с духами, т.-е. галлюцинационными образами своей извращенной фантазии. Из всех эпидемий беснования эротические были всегда наиболее распространены. Почти все женские монастыри далекого и недавнего прошлого, могут рассказать об этом свою не совсем приличную историю. В 1624 и 1632 — 37 годах зараза беснования на сексуальной подкладке охватила монастырь урсулинок в Лудене, маленьком городке французского департамента Виенны. Демоны и духи начали являться фанатичкам-монахиням в совершенно неисчислимом количестве. В это время в содержимом благочестивыми сестрами монастырском пансионе, куда вся французская знать отдавала своих дочерей, находилась племянница знаменитого государственного мужа и финансового гения Ришелье. Урсулинки так ревностно предавались благочестивым предписанным уставом покаянным упражнениям, ежедневным бичеваниям по обнаженному телу, ночным бдениям и постам, что 16 монахинь, в том числе и игуменья, внезапно стали галлюцинировать. Между прочими духами по монастырю странствовал по ночам и дух умершего исповедника монастыря. Самое замечательное то, что все эти духи были страшные развратники и сокрушители сердец, и все метили на бедных, невинных монашек. Эта нечисть употребляла все усилия, чтобы совратить святых невест

христовых. Но бесноватые монахини всеми силами противились назойливости духов и любезностям четвертого измерения. Полураздетые выбегали они из своих келлий, карабкались даже на крыши, и всюду их преследовали сладострастные мертвецы. Некоторые наиболее дерзкие духи пытались через рот проникнуть в освященное нутро монахинь, другие выбирали для этой нечестивой цели более интимные места на нижней половине тела. Зачастую штук 6 привидений разом пытались найти доступ в девственное монашеское тело. Монахини Лудена кричали и визжали, делали (по словам современных писателей) безумные жесты и движения, высовывали языки, пока они не чернели и покрывались струпьями. Они двигали тазом, как в танце Саломеи, рвали на себе одежды, выгибали святой живот вперед так сильно, что образовывалась очень типичная поза, при которой голова, перегнутая назад, выглядывает между ног. У бесноватых появлялась белая пена на губах, они то лежали в столбняках, то судорожно, дико трясли головой. От монахинь эпидемия духов перешла на пансионерок. Девицы обругали непечатными словами священника, поспешно явившегося изгонять бесов со всем заклинательным реквизитом церкви: кадилом и кропильницей со святой водой. Прошло 9 лет, прежде чем нечестивые духи Лудена оставили, наконец, в покое святых урсулинок. Дело кончилось сожжением одного известного своей ненасытимостью в половом отношении священника, потому что больные указали на него, как на виновника беспокойства, причиненного им четвертым измерением.

Такой же случай массовой нимфомании разыгрался, впрочем, всего только с полвека назад в Пиренеях, в местности Лабуро. На этот раз это были не монахини, а жены бедных баскских рыбаков. Дьявольские духи внезапно возлюбили этих женщин, и они верили, что это чорт исполняет по ночам супружеские обязанности. Правительственные комиссары быстро расправились с этими несчастными. Сотни из них казнили после пыток и даже при самых ужасных мучениях большинство женщин показывало, что они испытывали «несказанные наслаждения». Ясно, до какой степени

доходит безумие массового внушения, рожденного сексуальными побуждениями.

В позднейшие времена религиозные движения возникали на вполне эротической подкладке, но в другом роде.

Какой-нибудь особо любвеобильный святой и просветитель во имя бога умело собирал вокруг себя женские объекты своей извращенности. Эти женщины во имя чистейшей христианской истины в большей или меньшей степени позволяли злоупотреблять собой, согласно желаниям святого.

В середине XVIII века появился некий бродяга и лентяй по призванию, по имени Иоганн-Павел-Филипп Розенфельд, происходящий из так-называемого «хорошего дома». Он напал на оригинальную (по крайней мере, для того времени) мысль—рекомендовать себя почтенной христианской клиэнтуре истинным мессией и сыном божьим. Он заявил, что владеет ключами от запертого рая, что желает завершить дело искупления и для этого должен сломать семь печатей, запечатывающих, как известно, откровение Иоанна. Это похвальное деяние он может совершить только при условии обладания семью девственницами. Среди его быстро размножающейся общины в Пренцлове (Бранденбург) ревностно разъискивают семерых избранных. По счастью, такого количества девственниц не нашлось, и мессианское совокупление было отложено. Тем временем жаждущего любви мессию посадили в сумасшедший дом, из которого, впрочем, его скоро выпустили, но не надолго. Число его приверженцев, «розенфельдианцев», за это время еще выросло, так как немножко сумасшествия еще прибавляет таким божьим сыновьям любви и почтения. Это правило одинаково имеет значение и теперь, как и в прежние времена. Одним из преданнейших поклонников Розенфельда был пастух Гумто из Мекленбург-Шверинга. По выходе из сумасшедшего дома мессия появился у него, открыл свое инкогнито, доселе скрываемое из страха нового заключения, и запел старую песню, что ему все еще нехватает семи отмыкающих печати девственниц, чтобы заключить дело искупления. Все изнемогающие в чистилище души будут отчаянно рыдать, если пастух не добудет ему,

божьему сыну, этих семи девственниц... Ну, как тут оставаться хладнокровным, если этим горемычным душам суждено проливать из-за тебя кровавые слезы. Пастух Гумто до конца проникся сознанием, что никто, как он, виновник отчаяния, царящего в чистилище. Он объявил, что готов отдать своих трех дочерей на великое дело спасения душ... Тут как-раз Розенфельда опять посадили в сумасшедший дом. Уже оттуда Розенфельд приказал супругам Гумто привести к нему старшую девочку, едва достигшую 15-ти лет. Поставщицей была Гумто-жена. Она, как следует, втолковала девочке полное послушание всем желаниям пророка, ибо, в противном случае, она, как одна из семи избранниц, попадет в «огонь вечный». С матерью и дочерью пришла такая же «розенфельдианская» чета, чтобы свидетельством о совершении искупительной жертвы придать ей больше святости.

Документы об этом случае гласят далее буквально следующее: «В сумерки эти четверо людей пришли в сумасшедший дом. Привратник направил их в особую комнату. Появился Розенфельд, извещенный об их присутствии. Он спросил девочку: «Хочет ли она стать невестой христовой». Она ответила: «Да». Он продолжал: «Тогда она должна делать все, что бы он ни потребовал от нее. Искренне ли она этого желает?» Когда ребенок и на это ответил утвердительно, он положил девочку на стоящую тут же кровать и совершил соитие с ней на глазах присутствующих, именно: собственной ее матери, Людемана (впоследствии ее зятя) и некой госпожи Науманн». Это было первое искупительное дело. Шесть недостающих девственниц мессия навербовал себе в Берлине, его последующем месте жительства. Гумто отдал ему еще двух младших дочерей, ткач Глянц из Визенталя—двух следующих, и двух последних дал один из приверженцев сына божьего некий Мейер. Семь растленных девочек должны были день и ночь работать на благочестивого сластолюбца, обращавшегося с ними очень жестоко. Но приверженцы мессии находили это совершенно естественным и согласным воле божьей. Только в 1780 г. Гумто подал на Розенфельда жалобу, ибо он не исполнил своих пророчеств. Прусская юстиция приговорила сына божья к сечению розгами и пожизненному заключению

в крепости. Пока-что его секта—«розенфельдианцы»—еще долгое время не распадалась и мечтала о своем пророке.

Нечто подобное, но на этот раз с безусловного согласия участвовавших женщин, случилось в XIX столетии у так-называемых «кёнигсбергских святош». Среди них, мужчин и женщин высшей аристократии, действовал пророк «сын человеческий». Так глубокомысленно называл себя архидиакон Эбель, безусловно одаренный в сексуальном отношении. Суть этого сектантства заключалась в их «молениях». Благочестивый обряд заставлял женщин обнажать некоторые части тела, обычно скрытые от мужских взоров, перед «сыном человеческим» и его святыми апостолами. Еще позднее, совсем недавно в Англии, образовалась секта вокруг некоего Генри Джемса Принца. На открытом молении в основанных им «городах любви» он с помощью божьей, по его словам, лишил невинности красивую девушку, мисс Патерсон.

Вышеприведенные, абсолютно бесспорные, исторически засвидетельствованные происшествия говорят о беспредельной и общеизвестной сектантской эротике. Само собой, нельзя утверждать, что все секты состоят в такой непосредственной и явной связи с Афродитой пеннорожденной. Нельзя отрицать, что приток именно женщин к этим странным явлениям человеческой глупости во многих случаях вызван дремлющей в подсознании эротикой. Несомненно, что половой инстинкт, могучий двигатель в жизни человека нашей капиталистической эпохи, не был известен в таких размерах прежней, некапиталистической эпохи. Ясно и то, что половое удовлетворение наступает, когда жаждущие мужчин женщины, под фирмой «христовой невесты», позволяют святым содроганиям потрясать их тела. Не только «Армия Спасения» показала некоторые вещи, боящиеся дневного света. У приверженцев различных сект тоже найдется, что затушевывать...

Впрочем, не стоит много распространяться. Все это и так хорошо известно.

Не только свободомыслящие, но и церковники воспринимают отталкивающую форму сектантских выступлений, как мучительный скандал, и самая обстоятельная критика бессмысленной сути современных сект, абсурдности исповедуе-

мых ими догматов—совершенно бесполезна. И насмешка, и доброе слово, и призыв к разуму и духу,—все это удары горохом о стену. Поэтому всякий, кому есть что сказать на эту весьма актуальную тему наших дней, считает себя обязанным сделать это, хотя бы в интересах современников, еще не охваченных религиозной заразой.

Если боги напрасно борятся против глупости обычной, то против массовой они тем более беззащитны. Можно утешаться той мыслью, что духовный прогресс завоевывается с тяжелым трудом. Прошло бесконечно много времени, прежде чем так-называемый цивилизованный мир понял, что антиподам вовсе не нужно стоять на голове оттого, что земля кругла. Костры инквизиции пылали много раз, прежде чем установились самые простые и естественные понятия о мире. Просветившийся рабочий класс особенно горько воспринимает трагедию сверхчеловеческого,—тот факт, что надстройка человеческого общества, идеология масс меняется или кажется меняющейся, гораздо медленнее, чем фундамент экономики, и что прогресс всеобщего знания сильно хромает, отстает от несущейся галопом политической и экономической истории. Огромные задачи на поле просвещения масс ожидают своего разрешения именно от этой культурной и неумолимо критикующей части рабочего класса. Она сама чувствует и выявляет это в бурном движении вверх, особенно сильно пережитое в последние годы их свободомыслящими организациями, на-ряду с партией, борющейся за конкретные политические или экономические достижения. Рабочий класс ведет борьбу с человеческой глупостью,—борьбу как за насущный хлеб, так и против политической автократии или индустриальной и аграрной эксплоатации,—этот рабочий класс должен теперь повести борьбу также и со светящимися гнилушками.

ОГЛАВЛЕНИЕ.

I. Книга о мире.

II. Книга о человеке.

III. Книга о попах.

IV. Книга о сектантах.
